

Т. Г. ИВАНОВА

«МАЛЫЕ» ОЧАГИ СЕВЕРНОРУССКОЙ
БЫЛИННОЙ ТРАДИЦИИ

Т. Г. ИВАНОВА

«МАЛЫЕ» ОЧАГИ
СЕВЕРНОРУССКОЙ
БЫЛИННОЙ
ТРАДИЦИИ

ИССЛЕДОВАНИЕ И ТЕКСТЫ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Т. Г. ИВАНОВА

**«МАЛЫЕ» ОЧАГИ
СЕВЕРНОРУССКОЙ
БЫЛИННОЙ ТРАДИЦИИ**

ИССЛЕДОВАНИЕ И ТЕКСТЫ

С.-ПЕТЕРБУРГ
2001

Рецензенты:

**доктор филологических наук С. Н. Азбелев
кандидат искусствоведения А. Ф. Некрылова**

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
согласно проекту № 01-04-16026д*

ISBN 5-86007-283-X

© Т. Г. Иванова, 2001
© «Дмитрий Буланин», 2001

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
<i>Глава 1.</i> БЫЛИННАЯ ТРАДИЦИЯ ПРИЛАДОЖЬЯ	16
<i>Глава 2.</i> ШЕНКУРСКО-ВАЖСКАЯ БЫЛИННАЯ ТРАДИЦИЯ	38
<i>Глава 3.</i> СЕВЕРОВИНСКАЯ БЫЛИННАЯ ТРАДИЦИЯ	69
<i>Глава 4.</i> ВОЛОГОДСКАЯ БЫЛИННАЯ ТРАДИЦИЯ	101
<i>Глава 5.</i> БЫЛИННАЯ ТРАДИЦИЯ В ПЕРМСКОМ И ВЯТСКОМ КРАЕ	153
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	190

ТЕКСТЫ

ПРИЛАДОЖЬЕ	195
ШЕНКУРСКО-ВАЖСКИЙ КРАЙ	212
СЕВЕРНАЯ ДВИНА	276
ВОЛОГОДСКИЙ КРАЙ	314
ПЕРМСКО-ВЯТСКИЙ КРАЙ	379

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>Г. В. Лобкова.</i> Черты стиля эпических напевов Русского Севера (образцы северодвинских, вологодских и приуральского напевов и комментарии к ним)	395
Список сокращений	454

ИССЛЕДОВАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Проблема регионального изучения былин, осознанная наукой со времени открытия мощнейших очагов русского песенного эпоса, до сих пор остается актуальной для отечественной фольклористики. Науке известны множество статей, посвященных былинной традиции Поволжья, Дона, Терека, Яика (река Урал), Алтая, Забайкалья, Восточной Сибири и других былинных регионов. Классическим научным трудом в области изучения севернорусских былинных регионов является монография А. М. Астаховой «Русский былинный эпос на Севере» (Петрозаводск, 1948), а также ее двухтомное собрание «Былины Севера» (М.; Л., 1938—1951), где рассмотрены и подробно охарактеризованы областные традиции Прионежья, Пинеги, Кулоя, Мезени, Печоры, Зимнего, Поморского и Карельского берегов Белого моря.

Предметом нашего исследования являются пять севернорусских местных традиций: Приладожье, Шенкурско-Важский край, Северная Двина, Вологодский и Пермско-Вятский регионы. Все названные районы отличает одна черта: записи былин здесь крайне малочисленны по сравнению с соседними севернорусскими регионами. Перечисленные территории, как правило, не привлекали внимание былинноведов. Единственная работа, где суммарно охарактеризованы указанные районы, — это статья В. Ф. Миллера «Наблюдения над географическим распространением былин» (1894 г.).¹ Однако с конца XIX в. в фольклористике накопились дополнительные источники по былинам названных территорий, которые необходимо заново переосмыслить. Выработались и новые методы в изучении региональных традиций. В связи с этим возникает необходимость свести в едином исследова-

тельском пространстве все сведения об эпической традиции указанных районов.

В соответствии с этим исследование делится на пять глав, которые строятся по единому плану. В каждой из глав дается краткая история заселения русскими людьми той или иной территории; далее следует экскурс в историю собирания былин в данном регионе; по мере необходимости дается текстологическая критика записанного и опубликованного материала; заключается каждая глава характеристикой былин, зафиксированных в рассматриваемом крае. Во второй части нашего издания даются былинные тексты каждого из регионов, публикуемые с учетом проведенной текстологической критики.

Наше исследование, помимо локальной характеристики перечисленных выше территорий, имеет в виду также некоторую сверхзадачу: подключиться к решению проблемы географического распространения былин. Эта проблема привлекает к себе внимание фольклористов на протяжении почти полутора столетий. Уже открыватели Олонецкого очага старин П. Н. Рыбников и А. Ф. Гильфердинг задавались вопросом, почему эпическая традиция сохранилась именно в этом регионе. Причину консервации былин в Заонежье видели в особой поэтической одаренности местных жителей (П. Н. Рыбников); в «свободе и глуши» края, оторванного от крупных промышленных центров (А. Ф. Гильфердинг); в неграмотности населения (А. Ф. Гильфердинг); в отсутствии здесь крепостного права (А. Ф. Гильфердинг, А. М. Астахова).

Довод об особой поэтической одаренности олончан, очевидно, не может быть принимаемым всерьез. Ссылки на глушь и оторванность Заонежья от промышленных центров также несостоятельны. Петрозаводск с самого начала его возникновения был крупным промышленным центром и к нему тянулись все обонежские погосты. Заонежане экономически были тесно связаны также с Петербургом. Этнографической литературе хорошо известно, что некоторые из сказителей неоднократно с обозами рыбы бывали в столице. Что касается неграмотности, то исследования показали, что грамотных крестьян в процентном отношении на Русском Севере было гораздо больше, чем в центральных районах, где песенный эпос не зарегистрирован. Отсутствие или наличие крепостного права также не может быть абсолютизирующим фактором: эпос к XIX в. сохранился не только на Русском Севере,

не знавшем крепостного права, но и в Поволжских губерниях, где была крепостническая форма хозяйствования.

В 1894 г. В. Ф. Миллер в названной выше статье «Наблюдения над географическим распространением былин» предложил так называемую «новгородскую теорию». Суть концепции ученого сводится к следующему: былины сохранились в тех регионах, которые подверглись новгородской колонизации; «низовская» (ростовская, верхневолжская, московская) колонизация былин с собой не несла. Эта точка зрения получила поддержку в обстоятельной монографии С. И. Дмитриевой.² Данную гипотезу полностью разделяют также С. Н. Азбелев, Б. А. Рыбаков, В. П. Аникин.³

При всей серьезности и аргументированности «новгородская теория» имеет свои уязвимые стороны. Во-первых, уж коли былины распространялись по Руси исключительно с новгородскими потоками переселенцев, то почему же тогда эпос не сохранился в самом Новгороде и в непосредственно близких от него регионах? Во-вторых, если сибирские былинные очаги еще можно связать с новгородской колонизацией (хотя это положение и может быть оспорено), то поволжские эпические регионы с середины XVI в. заселялись, без сомнения, выходцами из самых разных уголков Московской Руси. Это были служилые люди, составлявшие военные гарнизоны новых крепостей-городков, долженствующие укреплять власть Москвы во вновь отвоеванных землях. Сюда же от крепостной кабалы бежало население из центра страны. С конца XVII в. правительство стало селить здесь помещиков, которые целыми деревнями переводили на Волгу своих крепостных.⁴ О целенаправленном новгородском колонизационном потоке в XVI в., а тем более в XVII в. (Новгород к этому времени давно утратил свое могущество!) говорить не приходится. Казацкие же очаги былин (Дон, Яик, Терек) с еще большей очевидностью выпадают из «новгородской теории».

В последние годы «новгородская теория» неоднократно подвергалась сомнению. Так, против нее выступил в одной из своих статей Ю. А. Новиков,⁵ критически пересмотревший многие математические выкладки С. И. Дмитриевой и выдвинувший положение о неравномерности затухания эпоса в разных регионах. В 1990—1993 гг. на страницах журнала «Советская этнография» («Этнографическое обозрение») были опубликованы материалы полемики между М. И. Васильевым и С. И. Дмитриевой.⁶ М. И. Васильев также усомнил-

ся в новгородской концепции. Причиной консервации былин на Русском Севере исследователь полагает особый тип хозяйственной деятельности, присущий этому региону, а именно роль промыслов в жизни северян (рыбный, морской зверь). Эта идея не новая. Этнографическая литература имеет немало описаний промысловой избушки и старинщика, помогающего промысловикам коротать долгие вечера. Возможно, свое рациональное зерно в этой идее есть. Но опять-таки, чем же объяснить сохранность эпоса в чисто земледельческих и крепостнических по своему характеру Саратовской и Самарской губерниях?

Очевидно, что необходимо найти нечто общее, что объединяло бы все былинные регионы (и относительно рано освоенный русскими европейский Север, и поздно заселенную Сибирь; и не знавшие крепостного права районы, и крепостные деревни Поволжья; и земледельческие губернии, и промысловые территории; и крестьянские уезды, и казацкие станицы) — в противовес небылинным. Это общее мы видим в том, что все былинные регионы являются зонами этнического пограничья, то есть районами, где русские в XIX в. или в недавнем прошлом находились в непосредственном контакте с представителями других этносов. Небылинными же регионами — центральными губерниями России — к XIX в. уже на протяжении нескольких столетий были одноэтничными зонами, чисто русскими. Схожую идею высказывали Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий, обратившие внимание на то, что «былины чаще всего записывались на порубежьях XV—XVIII вв. Московского государства». «Похоже, — отмечали исследователи, — что на порубежьях создавались наиболее благоприятные условия для бытования эпической традиции, появление которой на каждом порубежье нельзя объяснить одним участием или влиянием новгородцев».⁷

Действительно, тезис о присутствии фактора этнического пограничья в вопросе о географическом распространении былин не требует особых доказательств. В Сибири (на Алтае, в Забайкалье, в Русском Устье), где зафиксированы эпические песни, русские в XIX в. жили в плотном окружении местного аборигенного населения. Гребенские казаки, поселившиеся на Тереке в XVI в., находились в постоянных контактах с горскими народами Кавказа. Русский Дон с юга ощущал дыхание татарского Крыма; к тому же сюда периодически заходили кочевые калмыки. Река Яик, ставшая колыбелью

уральских казаков, издавна была освоена все теми же восточными кочевыми народностями. Поволжье и по сей день — зона совместного проживания русских с мордвой, марийцами, татарами, чувашами. Печора, Мезень, Пинега — пограничье русских с коми; Заонежье — с карелами.

В связи с отмеченной закономерностью необходимо напомнить одно забытое высказывание П. Н. Рыбникова, брошенное им вскользь в «Заметке собирателя». Называя Повенецкий уезд бедным в отношении хороших сказителей, собиратель противопоставляет ему соседние территории Олонецкой губернии: «Если в других местностях Олонецкого края сохранилось столько остатков богатырского эпоса, то тому причиной поэтическая природа жителей и их поселения на окраине между Корелюю и Чудью, где они должны были поддерживать свою народность былевою памятью о славном киевском и новгородском прошедшем».⁸ Эта мысль П. Н. Рыбникова кажется нам весьма плодотворной. В свое время В. Ф. Миллер отнесся к названной идее П. Н. Рыбникова более чем скептически: «Близость к инородцам, будто бы побуждавшая русское население к сохранению памяти об эпической национальной старине, однако не вызвала таких же последствий во многих других губерниях, где русское население сталкивается с инородцами (Казанской, Оренбургской, Вятской и др.)».⁹ Однако мы полагаем, что именно обострение этнического самосознания переселенцев, входящих в контакт с местным (аборигенным) населением, является главной причиной более длительного (по сравнению с центром) сохранения былин в окраинных (порубежных) регионах.

Эпос, на наш взгляд, в эпоху устной культуры являлся одной из важнейших доминант в этническом самосознании человека. Принадлежность к тому или иному народу индивидуум, помимо всего прочего, определял своей исторической памятью (что я помню о своих предках), а память эта воплощалась в былевой песне, которая, кроме исторического заряда, несла в себе еще и эстетический. Именно поэтому былинам принадлежала особая роль в этническом самосознании человека (по сравнению, например, с историческими преданиями, в которых эстетическая функция значительно ослаблена).

Процесс распространения былин нам представляется следующим образом. Первоначальное ядро богатырских песен сформировалось в эпоху Киевской Руси на тех территориях, которые упоминаются в былинах: Киев («Во стольном во го-

роде во Киеве» происходят события большинства былин), Чернигов («Под Черниговым силушки черным-черно» и эту силу побивает Илья Муромец), Новгород («Во славном во Нове-граде» живут Василий Буслаевич и Садко). Киевско-Черниговский край на юге и Новгород на севере — это те земли, где в IX—X вв. происходил процесс консолидации славянских племен в единый древнерусский этнос.

Уже в XI в. границы Киевской Руси значительно отодвигаются на северо-восток: Муром с его финно-угорским племенем мурома, Ростов с летописной мерей, Суздаль. Эта территория, в значительной мере заселявшаяся новгородскими словенами, которые к этому времени, по нашему мнению, уже знали былевой эпос, в XI в. (и по-видимому, еще довольно длительное время) была для русских регионом этнического пограничья.¹⁰ Из Новгорода и Киева (политически Ростовские земли очень долго были связаны с Киевом) русские люди принесли с собой песенный эпос, который помогал переселенцам сохранять свое этническое «мы», отделять себя от местного (еще не христианского) населения. Важно подчеркнуть, что былинная традиция в этот период была в высшей степени динамичной системой. Новгородские (и киевские) переселенцы принесли в данный регион не *сложившийся*, а *складывающийся* эпос, предрасположенный к различного рода изменениям, трансформациям. Отсюда в тех былинах, которые мы знаем, Илья Муромец — родом из Мурома, а Алеша Попович — сын ростовского попа Леонтия. В выделении ростово-суздальского периода в жизни русского эпоса мы следуем за В. Ф. Миллером, Д. С. Лихачевым и В. П. Аникиным.¹¹

Владими́ро-Суздальская Русь оставила в былинной традиции весьма заметный след. Но в конце концов территория Ополья (Владимир, Суздаль, Ростов) была подвергнута полной ассимиляции со стороны наших предков, и завершение этого процесса явилось предпосылкой к отмиранию эпической традиции в данном регионе. С. И. Дмитриева в своей монографии, кажется, ставит под сомнение само существование ростово-суздальского периода в жизни эпоса. Во всяком случае исследовательница полагает, что уже в XIV—XV вв. (время интенсивной колонизации Русского Севера как новгородцами, так и ростово-суздальскими князьями) во Владимиро-Суздальских землях эпоса не существовало.¹² Нам представляется процесс отмирания эпоса в этом регионе более длительным: не будем забывать, что еще в XV в. эти земли подвергались постоян-

ным набегам со стороны Орды. Внутренние силы для возрождения после очередного набега народ черпал в том числе и в исторической памяти о своем великом прошлом. Ордынские нашествия — это тоже ситуации межэтнического пограничья, обострявшие национальное сознание наших предков. Поэтому на вопрос о том, несла ли «низовская» колонизация былинный эпос на Русский Север, мы отвечаем положительно. «Низовская» колонизация, шедшая одновременно с новгородской, как и последняя, способствовала распространению былевой традиции на Русском Севере.

Следующий после Владимиро-Суздальского княжества исторический центр русского народа — Москва. Сюда после трагических 1237—1238 гг., когда Батыем были сожжены города Владимиро-Суздальского княжества, бежало местное население. Без сомнения, во второй половине XIII в., когда во времена правления князя Даниила Александровича (сына Александра Невского) началось медленное выдвигание захолустного Московского княжества на первые роли в историческом процессе, Москва знала былинную традицию. Московский след в былинах можно найти, например, в упоминании в некоторых текстах об Илье Муромце «московских застав». Возникновение мощного пласта исторических песен XVI в. — «московских» по всем своим аксессуарам — нам представляется невозможным без их опоры на более раннюю эпическую традицию, восходящую к древнему Киеву. Интерес москвичей к эпическим песням, где пелось о Киеве, упоминались Ростов и Муром, обуславливался все тем же этническим самосознанием жителей города. Древнерусский город Москва строился на территории, задолго до русских заселенной финно-угорскими племенами. И придя в эти земли, русские свою «инакость», отличающую их от местных жителей, выражали в том числе и в песенном эпосе. Однако «московский» период жизни былинной традиции имеет, на наш взгляд, существенное отличие от «ростово-суздальского»: в Московское княжество второй половины XIII в. был занесен не *складывающийся*, а *сложившийся* эпос, во всяком случае — эпос, уже прошедший пик динамизма в своем развитии. Именно поэтому в былинах можно найти многочисленные косвенные свидетельства о московском быте XV—XVI вв., но нет ни одного героя, чья биография была бы связана народом с Москвой.

Таким образом, в своей территориальной экспансии русские на протяжении многих веков входили в контакты с дру-

гими народами. И каждый такой контакт неизбежно обострял национальное самосознание русских переселенцев, заставлял их сравнивать себя с представителями другого этноса и отстаивать свое собственное этническое «мы». Фактором же этого отстаивания, помимо всего прочего, являлся песенный эпос. По мере того, как вновь заселенная территория подвергалась полной ассимиляции со стороны русского народа, обостренность этнического самосознания у данной популяции ослабевала, что и становилось предпосылкой к затуханию былинной традиции в том или ином регионе.

Исходя из нашего понимания проблемы географического распространения былин мы и рассмотрим пять регионов, которые условно можно назвать «малыми» (по сравнению с соседними Заонежьем, Онего-Каргопольем, Пинегой, Кулоем, Мезенью, Печорой, Зимним, Поморским, Карельским и Терским берегами Белого моря) очагами былинной традиции. Именно поэтому вопрос об истории заселения того или иного края имеет столь большое значение для нашего исследования. Как покажет наш материал, наличие сугубо новгородского колонизационного потока в каком-либо регионе еще не предопределяет сохранение на данной территории в XIX в. значимой песенно-эпической традиции. И наоборот, решающее преобладание ростовской колонизации не является препятствием для существования в прошлом веке в одном из наших регионов достаточно развитой былинной традиции. В своем исследовании причины того, почему в Приладожье, Шенкурско-Важском крае, на Северной Двине, в Вологодском регионе и в Пермско-Вятских землях были зафиксированы единичные записи былин, мы будем искать в целом ряде субъективных и объективных факторов. Колонизационный аспект — всего лишь одна из составляющих в данной проблеме.

¹ Миллер В. Ф. Наблюдения над географическим распространением былин // Журнал министерства народного просвещения. 1894. № 5. С. 43—77. См. также: Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. Былины. М., 1897. [Т. 1]. С. 65—96.

² Дмитриева С. И. Географическое распространение русских былин по

материалам конца XIX — начала XX в. М., 1975. См. также: Дмитриева С. И. В. Ф. Миллер о географическом распространении былин и современное состояние проблемы // Русский фольклор: Эпические традиции. СПб., 1995. Т. 28. С. 45—61.

³ Азбелев С. Н. Былины: Новые книги // Русский фольклор. Л., 1977.

- Т. 17. С. 176—178; Рыбаков Б. А. Русский эпос и исторический нигилизм // Русская литература. 1985. № 1. С. 160; Аникин В. П. Об историческом изучении былин // Русская литература. 1984. № 1. С. 110.
- ⁴ Астахова А. М. Былинная традиция в Поволжье // Русская народная поэзия. Горький, 1961. С. 45 (Фольклористические записки Горьковского университета; № 1).
- ⁵ Новиков Ю. А. Точку ставить рано ... (О концепции новгородского происхождения русской былинной традиции) // Фольклор: Проблемы историзма. М., 1988. С. 19—41.
- ⁶ Васильев М. И. О причинах неравномерного географического распространения русских былин // Советская этнография. 1990. № 3. С. 78—83; Дмитриева С. И. Еще раз к вопросу о географическом распространении русских былин // Советская этнография. 1990. № 3. С. 83—94; Васильев М. И. О распространении былин на Русском Севере // Этнографическое обозрение. 1993. № 3. С. 97—109; Дмитриева С. И. Еще раз о судьбах русского эпоса // Этнографическое обозрение. 1993. № 3. С. 109—122.
- ⁷ Смирнов Ю. И., Смолицкий В. Г. Новгород и русская эпическая традиция // Новгородские былины / Изд. подготовили Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1978. С. 332.
- ⁸ Рыбников П. Н. Заметка собирателя // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / АН СССР. Карел. фил. Ин-т яз., лит. и истории. Петрозаводск, 1989. Т. 1. С. 50.
- ⁹ Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности: Былины. М., 1897. [Т. 1]. С. 72.
- ¹⁰ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 55—56.
- ¹¹ Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности: Былины М., 1897. [Т. 1]. С. 95; Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого. М.; Л., 1962. С. 108—115; Аникин В. П. Русский богатырский эпос: Пособие для учителя. М., 1964.
- ¹² Дмитриева С. И. Географическое распространение русских былин. С. 41—42.

Глава 1

БЫЛИННАЯ ТРАДИЦИЯ ПРИЛАДОЖЬЯ

Территория южного Приладожья издревле, еще в VII—VIII вв., имела важное значение в торговых и экономических связях народов, населявших Европу и Азию. Западноевропейцы по Балтийскому морю попадали в Финский залив, затем по Неве поднимались в Ладожское озеро и по Волхову шли в озеро Ильмень. Река Мста, впадающая в Ильмень, через систему волоков связывала Балтийский водный путь с Волгой, а значит и с Булгарией и Хазарским каганатом. Далее торговые пути вели в Среднюю Азию. Одновременно через Ладожское озеро проходил другой путь на Волгу: через реку Свирь в Онежское озеро, далее реками в Белое озеро, а оттуда реками и через систему волоков в Волгу.

Дославянским населением Приладожья были финно-угорские племена, ставшие субстратом для формирования летописной чуди, води, лопи, ижоры, веси, карел. В это время, как считают археологи, появилось селище в районе будущей крепости Ладога (ныне: Старая Ладога), вставшей в низовьях Волхова.

В IX в. сформировался знаменитый водный путь «из варяг в греки», который проходил через ту же Неву, Ладожское озеро, Волхов, Ильмень, а далее по реке Ловать через систему волоков в верховья Днепра и вниз по реке в Черное море. В IX же веке Ладога стала городом, население которого было ориентировано не на земледельческий образ жизни, а на ремесленное производство. Археологические данные бесспорно свидетельствуют, что в X в. славянский элемент здесь был преобладающим.

Ладога занимала важное место в историческом сознании наших предков. По некоторым летописным записям, легендарный Рюрик был призван править не в Новгород, а в Ладогу. С Ладогой связывают знаменитое летописное предание о смерти Олега, а один из холмов на ее территории и в XIX в.

назывался Олеговой могилой. Совершенно очевидно, что в это время Ладога занимала доминирующее положение на названном водном пути.

В X—XII вв. Ладога прочно входит в сферу влияния Новгорода. В документах она значится его «пригородом»; Новгород посылал сюда своего посадника. Ладога, как и Новгород, не имела своей княжеской династии, а управлялась вечевым собранием горожан. По летописям известно, что в 1114 г. здесь было начато строительство крепости. В XII в., как сообщают письменные источники, в городе было семь церквей, две из которых — Георгиевская и Успенская — сохранились до наших дней. Ладожане активно участвовали во всех значимых событиях Новгородской феодальной республики: в битве 1240 г. Александра Невского против шведов на Неве; в Ледовом побоище с ливонскими рыцарями-крестоносцами в 1242 г.; в сражении с тем же орденом около города Везенберг; в разгроме только что построенной шведами на берегу Ладожского озера при впадении в него реки Вуоксы крепости Кексгольм (будущая русская крепость Корела). Неоднократно город подвергался нападениям со стороны норвежцев (997 г.) и шведов (1164, 1313 г.).

До 1323 г., пока не была построена в истоках Невы крепость Орешек, Ладога была первым новгородским форпостом на пути из Западной Европы. Здесь хранились товары, здесь заморские купцы брали на свои корабли русских лоцманов для прохождения по сложным порожистым рекам.

На протяжении X—XIV вв. Ладога входила в состав Новгородской земли. Каких-либо следов ростовского влияния на этой территории не отмечено. В 1478 г. вместе с Новгородом город был присоединен к Москве, и с тех пор до XVII в. здесь находился московский наместник. Как следует из письменных источников, к 1500 г. южное Приладожье было уже довольно обжитым краем. К этому времени существовали большинство деревень на тракте Ладога — Орешек (Ахматова Гора, Селиверстово, Кипуя, Горгола, Колосарь и др.). В XVI—XVII вв. Ладога играла важную роль в обороне северных рубежей России, а в 1714 г., после отвоевания Петром I приневских земель, военный гарнизон был выведен из крепости и город потерял свое значение.¹

Важную роль в освоении северных земель играла и Свирь — естественный водный путь, связывающий Новгород с северо-восточными территориями. В Посвирье в начале второго ты-

сячелетия новой эры складывалось двуэтническое население: протопепсы и ильменские словене. Уже в X—XI вв. в районе будущего города Лодейное Поле существовало поселение, игравшее важную роль в торговых водных путях. Об этом свидетельствует найденный здесь в 1949 г. клад восточных и западно-европейских монет, относящихся к названному периоду. В это же время данная территория входит в Обонежский ряд Новгородской республики (Обонежский ряд: от Ладожского до Онежского озера; берега рек Олонки, Свири, Паши и Сяси). В 1478 г. регион был присоединен к крепущей Москве. В XVI в. территория нынешнего Лодейного Поля составляла Пиркиничский погост, объединявший около двухсот деревень. Рождение города Лодейное Поле связано с реформами Петра I. В 1703 г. по приказу царя здесь строится корабельная верфь, названная по имени уезда Олоонецкой. Выбор места определялся росшими здесь лесами, пригодными для судостроительства. К верфи были приписаны крестьяне из разных районов страны: из Пошехонья, Белоозера, Каргополя. Во времена Екатерины II верфь стала именоваться Лодейным Полем и стала центром уезда Олоонецкой губернии.²

Еще одним историческим центром Приладожья был город Олоонец, расположенный на реке Олонке, впадающей с востока в Ладожское озеро. Олоонецкий погост впервые был упомянут в числе населенных пунктов Обонежского ряда в Уставной грамоте князя Святослава Ольговича, отца знаменитого князя Игоря, героя «Слова о полку Игореве». В 1136 г. новгородцы на короткое время пригласили его на княжение; Устав же относится к 1137 г. Долгое время погост не занимал ключевых позиций в формировании Русского государства, и лишь в 1649 г. на его месте была построена крепость, служившая для защиты русских рубежей от шведов. При Петре I Олоонец оказался приписанным к Ингерманландской губернии, в 1727 г. — к Новгородской, а в 1773 г. стал главным городом Олоонецкой провинции, впрочем, уступив через несколько лет это звание Петрозаводску. С 1784 г. Олоонец — уездный город.³

Такова история центров региона, который мы назвали Приладожьем.

В первые века второго тысячелетия Ладога и река Свирь, как естественный путь, играли ключевую роль в продвижении новгородцев на территорию будущих мощнейших очагов

русского песенного эпоса: Заонежье; Восточное Прионежье (Каргополь и Кенозеро); побережье Белого моря (Терский, Карельский, Поморский, Зимний берега); Пинега; Кулой; Мезень; Печора. Следовательно, руководствуясь «новгородской теорией», фольклористы вправе были бы ожидать, что и само Приладожье к XIX в. сохранило эпическое богатство нашего народа. Однако этого не произошло. Былинные записи из данного региона — более чем скромны и по количеству, и по качеству. Естественно, возникает вопрос, почему Приладожье, в отличие от соседнего Прионежья, не сохранило песенного эпоса. Ответ, возможно, следует искать в одной из драматических страниц в истории Новгородских земель.

К XVI в. Новгородские земли, находившиеся уже в составе Московского государства, сохранили древнее деление на пятины. Самой большой была Обонежская пятина (106 тыс. кв. км). Ее границы следующие: западная — от Новгорода по реке Волхов до Ладожского озера; далее — территория вокруг Онежского озера, уходящая вплоть до Белого моря; с востока к этой пятине примыкало Подвинье; южной границей служила река Мста. Второй по величине была Водская пятина (80.6 тыс. кв. км). С востока граница шла по Волхову и далее вдоль Ладоги уходила вглубь Финляндии; западная граница определялась линией Новгород — Ям. Деревская пятина (35.7 тыс. кв. км) была расположена к востоку от озера Ильмень. С севера и востока граница определялась течением реки Мста; с запада — рекой Ловать; с юга — границами Смоленского и Тверского княжеств. Восточнее Деревской пятины находилась Бежецкая пятина (38.2 тыс. кв. км), граничившая с великим княжеством Московским. Шелонская пятина (31.8 тыс. кв. км) располагалась к западу от Ильменя. Соответственно границы ее с востока определялись рекой Ловатью, а с запада Псковскими землями; северо-западная граница лежала по уже названной выше линии Новгород — Ям.

Драматические события второй половины XVI в. (Ливонская война, разгром Новгорода Иваном Грозным в 1570 г., опричнина, мор, голод) и еще более трагические события эпохи Смутного времени (безвластие, тот же мор, голод, нашествие поляков и шведов, дальнейший тяжелый для России Столбовский мир) пагубным образом сказались в Новгородских землях, самым активным образом втянутых в тогдашние исторические процессы. Материалы писцовых книг по-

казывают, что в названный период наблюдается физическая убыль населения во всех Новгородских пятинах. Мы воспользуемся данными коллективной монографии «История русского крестьянства Северо-Запада России: Период феодализма» и приведем для наглядности в сокращенном виде данную там таблицу:⁴

Пятины	Процент населения в 1500 г.	Процент по отношению к 1500 г. в 1582 г.	Процент по отношению к 1500 г. в 1620 г.	Процент по отношению к 1500 г. в 1646 г.	Процент по отношению к 1500 г. в 1678 г.
Бежецкая	100%	30,5%	4,4%	15%	31,7%
Деревская	100%	9,2%	1,4%	14,5%	25,3%
Обонежская	100%	50,6%	35,4%	48,1%	112,7%
Водская	100%	21,9%	—	52,2%	109,2%
Шелонская	100%	10,8%	—	37,1%	73,3%

Как видим, цифры свидетельствуют о том, что во второй половине XVI—начале XVII вв. Новгородские земли в значительной степени обезлюдели. Это коснулось и центральных Бежецкой, Деревской и Шелонской пятин, и окраинных Водской и Обонежской. Однако Обонежская пятина, по-видимому, благодаря своей удаленности от эпицентра исторических событий, пострадала в гораздо меньшей степени, чем остальные пятины. Если в 1582 г. количество населения в Деревской пятине пало до 9,2% по сравнению с данными 1500 г., то в Обонежской пятине за этот же период население уменьшилось лишь вдвое (50,6%). Более того, если общее число жителей в Обонежье уменьшилось, то в отдельных его частях, напротив, увеличилось. Из разоренных земель люди бежали сюда, как в более благополучный регион. Соответственно и наметившаяся с середины XVII вв. тенденция к росту населения наиболее выпукло сказалась именно в Обонежских землях (112,7% по сравнению с 25,3% в Деревской пятине). Известно, что количественный рост населения в Обонежье с середины XVII в. не в последнюю очередь определялся массовым бегством сюда русского и карельского народа из земель, отошедших по Столбовскому миру (1617 г.) к Швеции (а это значительная часть бывшей Водской пятин — Иван-город, Копорье, Приневские земли, крепость Орешек, земли вплоть до реки Лава, впадающей в Ладожское озеро).

Не в этой ли трагической статистике следует искать одну из причин сохранения песенной эпической традиции в Обонежье и практически полное ее исчезновение в других Нов-

городских землях? На большей части бывшей Новгородской феодальной республики в лихие годы правления Ивана Грозного и в Смутное время произошло физическое уничтожение былинной традиции — вместе с физической гибелью людей и уходом их в другие, более благополучные местности. Это коснулось и Водской пятины (куда входило Приладожье), где в 1582 г. сохранился лишь 21,9% населения по отношению к 1500 г. Таким образом, столь разительную разницу в фольклорных традициях двух близлежащих регионов — Приладожья и Обонежья — по нашему мнению, следует искать в исторических событиях позднего средневековья.

* * *

Наука располагает отдельными косвенными свидетельствами того, что Приладожье некогда знало песенную эпическую поэзию. Об этом говорят записки Олеария, секретаря голштинского посольства, побывавшего в России в 1634 г. Проплыв морем до Риги, Олеарий далее сушей через Дерпт — Ревель — Нарву — Ям — Копорье добрался до Ниеншанца, шведской крепости на Неве. Далее по Неве он поднялся до Нотебурга (Орешек) и проехал сушей до реки Лава, по которой в то время проходила граница между Швецией и Россией. По Ладожскому озеру посольство вошло в устье Волхова и поднялось до Ладоги. «Здесь, — пишет Олеарий, — мы услышали первую русскую музыку, а именно в полдень 23-го с. м. (июля. — *Т. И.*), когда мы сидели за столом, явились двое русских с лютнею и скрипкою, чтобы позабавить господ [послов]. Они пели и играли про великого государя и царя Михаила Федоровича; заметив, что нам это понравилось, они дополнили увеселение танцами...»⁵

Этот фрагмент записок Олеария, на который в связи с нашей темой впервые обратил внимание В. Ф. Миллер в очерке «Наблюдения над географическим распространением былин», позволяет предположить, что в русском фольклоре существовали какие-то не дошедшие до нас песни о первом царе из династии Романовых. Надо полагать, что репертуар певцов, пришедших к иностранному гостю, включал в себя и другие исторические песни и, что более чем вероятно, — былины.

Былину ценили в Приладожье и в XIX в. П. Н. Рыбников в письме к И. И. Срезневскому от 2 апреля 1863 г. сооб-

щал о Т. Г. Рябинине следующее: «Когда Рябинин был помоложе (теперь ему семьдесят лет) и ходил на рыбные промыслы в Ладожское озеро, то в праздничный день рыболовы с других судов собирались обыкновенно слушать у него старины. Кто-нибудь брался исполнять его дело на его сойме, а сам Рябинин между тем пел и сказывал без умолку. „Если б ты к нам пошел, Трофим Григорьевич, — говаривали рыболовы, — мы бы за тебя работали и кормили в волю, лишь бы ты сказывал нам“». ⁶ Ладожская артель, в которую входил Т. Г. Рябинин, набиралась из жителей Заонежья, но большинство артелей, скорее всего, составляли ладожане. Артели друг с другом контактировали, и ладожане, без сомнения, могли оценить то духовное богатство, которым владели заонежане.

Тот же П. Н. Рыбников свидетельствует, что былину любили и в низовых слоях самого Петербурга, на территории, близкой к Приладожью: «Был еще, по словам Рябинина, какой-то петербургский трактирщик Кокотин, любитель старин, который читывал ему многие былины из рукописной тетрадки. Например, у этого Кокотина было записано, как Добрынюшке Никитинцу покрут понадобился и как Добрынюшка ездил в чужие земли за дорогими шелковыми материями. От него же Рябинин слышал, как Гальяк неверный Федор Иванов наезжал на славен Киев-град, грозил пожечь его и вызывал к себе поединщика». ⁷

Первые записи текстов былин в Приладожье были сделаны окружением П. Н. Рыбникова. В его сборнике опубликованы три былины из Лодейнопольского уезда Олонецкой губернии, то есть с юго-восточного побережья Ладожского озера: «Добрый русский (так! — Т. И.) богатырь Дюк Степанович побивает окаянного великана Шарка-великана», «Пагуба молодого детинушки Гусино Пленковича бусурманцем Шарком-великаном», «Дюк Степанович да Гусинко Пленкович во граде во Киеве богомольном» (Рыбников. 1-е изд. Ч. 1. № 51; Ч. 2. № 26; Ч. 2. № 25; Рыбников. 2-е изд. Т. 2. № 214—216; Рыбников. 3-е изд. Т. 3. № 213—215). ⁸ Одна из былин — о Дюке Степановиче и Шарке-великане — первоначально была напечатана в «Олонецких губернских ведомостях» (1860. 19 ноября, № 47). В примечаниях к былине редакция газеты писала: «Олонец<кий> губ<ернский> стат<истический> комитет передал в редакцию эту замечательную былину, записанную Ал. Андр. Шкалиным в Лодейнопольском уезде».

Публикация в «Олонецких губернских ведомостях», по-видимому, обратила на себя внимание П. Н. Рыбникова, который в это время уже готовил свое собрание к печати и находился в переписке с П. А. Бессоновым, редактором своего издания. Он испросил у А. А. Шкалина разрешения опубликовать «Дюка и Шарка-великана» в своем сборнике. 14 декабря 1860 г. собиратель писал П. А. Бессонову: «... высылаю былинку о Дюке и Шарке, записанную г. Шкалиным в Лодейнопольском уезде, где я еще не был. Г. Шкалин уступил ее для моего сборника».⁹ Вскоре в его руках оказались еще две былины в записи того же А. А. Шкалина. 4 марта 1861 г. он общал тому же адресату: «Две былины о Чуриле (Гусино Пленковиче), полученные от г. Шкалина..., предлагаю отнести к разряду побывальщин, т. е. таких былин, у которых стих разрушен».¹⁰ Эти же былины упомянуты и в письме П. Н. Рыбникова от 22 апреля.

Александр Андреевич Шкалин, как можно предположить, проживал в Лодейном Поле (или в самом Петрозаводске). По-видимому, он был сыном статского советника, председателя Палаты гражданского и уголовного суда в Петрозаводске Андрея Ильича Шкалина,¹¹ то есть человеком образованным, осознававшим значение «живой старины» для общей культуры русского народа.

Былинный материал из Лодейнопольского уезда явно не вписывался в классическую традицию русского эпоса. П. Н. Рыбников в письме к И. И. Срезневскому от 2 апреля 1863 г. дает следующую оценку былинам, записанным Шкалиным: «Из Вытегорского, Лодейнопольского и Повенецкого уезда я достал по три, по четыре былины, и притом записанные в Лодейном Поле г. Шкалиным носят на себе характер книжности и следы явных переделок; кого в этом винить, местность ли или записывателя, не могу решить, потому что не имел случая изучить лодейнопольских вариантов».¹² П. А. Бессонов, как редактор «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым» по поводу былины «Дюк Степанович и Шарк-великан» заметил: «По-видимому, былина заимствована из какой-нибудь рукописи; есть отчасти черты книжные».¹³ То же самое он мог бы сказать и о двух других записях А. А. Шкалина. Характеристика этого весьма своеобразного эпического материала будет дана нами ниже.

Вторая страница в истории собирания былин в Ладожском крае связана с именем А. Ф. Гильфердинга. В начале

сентября 1871 г. собиратель вернулся из своей двухмесячной поездки по Заонежью, где он услышал лучших олонецких певцов (Т. Г. Рябинин, И. А. Касьянов и др.) и записал от них три сотни былинных текстов. Но былинная поэзия не отпускала А. Ф. Гильфердинга и в Петербурге. 5 сентября в российской столице оказался и В. П. Щеголенок, крестьянин деревни Боярщина Кижской волости, с которым А. Ф. Гильфердингу довелось работать во время летней поездки. В течение пяти дней собиратель записал от него заново (или проверил по первоначальной летней записи) ряд старин.

Одновременно в эти же дни А. Ф. Гильфердинг познакомился с еще одним сказителем — Иваном Яковлевичем Гусевым из деревни Конец Усанской волости Новолодожского уезда Петербургской губернии (в 30 верстах от Ладоги, в 15 верстах от Ладожского канала). Очерк о И. Я. Гусеве «Певец былин в Петербургской губернии», напечатанный в октябрьском номере журнала «Русская старина», стал первой былинноведческой публикацией А. Ф. Гильфердинга. В издание «Онежских былин» 1873 г. этот материал не был помещен, но начиная с издания 1900 г. былины И. Я. Гусева печатаются в корпусе этого классического собрания русского эпоса.

Как можно судить из очерка, А. Ф. Гильфердинг узнал о И. Я. Гусеве от его сына, жившего в Петербурге в разносчиках. По приглашению сына сказитель приехал к А. Ф. Гильфердингу, и тот в течение двух дней, 12 и 13 сентября, записал от него былины «Илья Муромец и царице Кудрянице», «Василий Богуслаевич», «Алеша Попович и Ярюк богатырь» и историческую песню «Взятие Азова». По словам И. Я. Гусева, былины он перенял от своего отца, который умер, когда самому певцу было всего двенадцать лет. В 1871 г. И. Я. Гусеву было уже 88 лет. «К сожалению, — писал собиратель, — слишком преклонная старость Ивана Яковлева ослабила его память. Голос отказывается служить ему, так что он уже несколько лет перестал петь былины; он перезабыл большую часть того, что знал, с трудом мог пропеть некоторые отрывки, беспрестанно сбивался с песенного склада в простую передачу содержания былины. По его словам, он в прежние годы певал про Илью Муромца, Добрыню Никитича, Чурилу Пленковича, про какого-то Мирошку-богатыря, который победил Бабу-Ягу, про Анику-воина и т. д. Теперь удалось, и то с трудом, записать с его голоса четыре отрывка, здесь помещаемые».¹⁴

Такова краткая история собирания былин в Приладожском регионе.

* * *

Приладожская былинная традиция представлена в науке 6 текстами (6 сюжетами).

1. Былина «Илья Муромец и царице Кудриянице» (Гильф., III, № 320) представляет собой версию сюжета «Илья Муромец и Калин-царь». А. Ф. Гильфердинг определил этот текст как отрывок. Собиратель, по-видимому, был прав, указывая словом «отрывок» на неполноту той версии сюжета, которую представляет данный текст. Однако, если отвлечься от сравнения приладожского варианта с полноценными текстами из других регионов, то можно говорить о том, что местная былина являет собой довольно логичное, законченное изложение событий: Илья Муромец попадает в «окопы» (подкопы) и становится пленником татар; царице Кудриянице предлагает ему послужить татарам, но герой отказывается; Илью Муромца ведут казнить на болото Куликово, он хватает одного татарина за ноги и, действуя им как дубиной, побивает остальных врагов; голову одного из татар богатырь надевает на рогатину и идет с этой рогатиной к Идолищу поганому (надо полагать, это второе имя того же царища Кудрияница), Идолище пугается, просит оставить его «во живности», но Илья его убивает.

С. Н. Азбелев в основной версии сюжета «Илья Муромец и Калин-царь» выделяет следующие структурные мотивы: «1. Татарский царь с огромным войском движется на Русь, угрожая Киеву. 2. Наглые требования татар, передаваемые обычно их послом. 3. Переговоры с татарами. 4. Совет у Владимира. 5. Поездка одного или нескольких богатырей к татарам. 6. Илья едет в ставку богатырей, возглавляемых Самсоном, и упрасивает их выступить на защиту Киева. 7. Богатыри устанавливают свой боевой порядок перед битвой. 8. Илья начинает бой один (в некоторых вариантах — вместе с другими богатырями). 9. Попытка татар пленить Илью с помощью «подкопов», в которые Илья попадает. 10. Разговор Ильи (обычно уже связанного врагами) с татарским царем. Последний предлагает Илье почетную службу,

Илья с презрением отказывается. 11. Илья освобождается от пытающихся удержать его врагов и начинает один избивать их. 12. Он призывает в бой остальных богатырей. 13. Богатыри приходят на помощь Илье и совместно уничтожают вражеское войско. 14. Татарский царь или остатки его войска бегут с поля боя (в ряде вариантов при этом дают зарок никогда не воевать против Руси). 15. Торжество после победы и награждение участников боя». ¹⁵

Из этой многосоставной схемы в приладожском варианте реализуются эпизоды 9—11. Как мы покажем в других главах, в соседних региональных традициях, где песенный эпос был застигнут собирателями в период его угасания, сюжет о Калине-царе также трансформируется в краткую версию, где наличествуют лишь мотивы с подкопами и с дальнейшей победой Ильи Муромца над татарами. Данную версию, без сомнения, надо рассматривать как позднюю, характерную для периода затухания традиции.

Тем не менее в приладожском тексте отразилась довольно редкая формула — совет героя людям уйти с места его казни, так как казнь будет страшной:

Ай же вы, поганы татаревя,
У которого есть отец да мать?
У которого есть да молода жена?
У которого есть да малы детушки?

По наблюдениям Ю. А. Новикова, это типическое место встречается в печорских и зимнезолотицких вариантах «Соломана и Василия Окуловича», в печорских записях «Ильи Муромца и Соловья разбойника» и «Ильи и разбойников». ¹⁶

2. Сюжет «Василий Буслаевич и новгородцы» в Приладожском крае представлен довольно полноценным песенным текстом, в котором дается своеобразная версия данного произведения (Гильф., III, № 321). В Приладожье действие происходит не в киевско-новгородскую эпоху, а при царе Иване Васильевиче. На пиру у царя Василий Богуслаевич в ответ на вызов Ивана Васильевича берется бороться с его «силой войскою». В товарищи к себе он берет Поташеньку сутулагорбата и Ваську Белозерянина. Василий Богуслаевич заключает с царем Иваном Васильевичем договор о том, что если он окажется победителем, то ему владеть Новым-городом,

если же верх возьмет царская «сила войская», «так нет ни сыску, ни отыску». Далее действие в приладожском варианте развивается традиционно, согласно классической версии: мать героя, узнав о предстоящей битве, поит его пьяным и запирает дома; Поташенька и Васька Белозерянин бьются одни, пока девушка служанка не будит Василия Богуслаевича; герой вступает в бой, сталкивается со своим родным дядюшкой, пришедшим из Юрьева монастыря, побеждает всю «силу войскую» и остается «владеть да всим Новым-градом».

Данный вариант стал одним из аргументов в построениях С. К. Шамбинаго, который полагал, что былина «Василий и новгородцы» является песенным памфлетом, сложенным в XVI в. по поводу трагических событий 1570 г. в Новгороде, когда опричники под руководством самого Ивана Грозного убили несколько десятков тысяч жителей. За образом былинного Василия Буслаева исследователь видел реального Ивана Грозного. Дружина Василия, согласно его точке зрения, являла собой иносказательное наименование опричнины. Прототипом Старица Пиригримица С. К. Шамбинаго считал новгородского архиепископа Пимена, над которым беспощадно поглумился Иван IV. Бой же Василия Буслаевича с новгородцами прочитывался как картина разгрома Новгорода в 1570 г.

Относительно рассматриваемой нами былины-уникума из Новоладожского уезда С. К. Шамбинаго заметил следующее: «Старина, бесспорно, является полузабытым, испорченным отрывком. К основной песне она подходит кое-где слабыми воспоминаниями. Однако эта позднейшая порча могла явиться как результат или случайного домышления о настоящем значении Василья, или процесса эпического повторения, или попытки переделать песню на основании того, что редактору было известно, что Василий — двойник Грозного. Во всяком случае введение Василья Буслаева в царские хоромы Ивана Васильевича, представление его „владельцем“ Новгорода <...> показывают, что некоторым из передатчиков песни был понятен распущенный в ней смысл памфлета».¹⁷

Как бы не относиться к концепции С. К. Шамбинаго, очевидно, что приладожский вариант занимает особое место среди других записей этого сюжета. Мы полагаем, что эта былина отражает позднюю версию сюжета о Василии Буслаеве и новгородцах — версию, которая явно сопрягается с историческими песнями XVI в. Перед нами попытка древнюю по

своему происхождению былину вписать в эпическую картину времен Ивана Грозного.

3. Былина «Алеша Попович и Ярюк богатырь» представляет собой песенный отрывок (Гильф., III, № 319). Данный текст можно квалифицировать или как осколок неизвестного нам сюжета об Алеше Поповиче, или как былинно-новообразование. Содержание отрывка следующее: Алеша Попович грозитя отобрать у Ярюка-богатыря его жену; герои вступают в бой; Ярюк убивает Алешу Поповича. Текст заканчивается насмешливыми словами Ярюка-богатыря: «То-то Алёша на моей жене женат бывал!»

Мы склонны рассматривать данный текст как былинно-новообразование. Перед нами попытка создать новое произведение, исходя из запаса эпического знания. Былина-новация явно опирается на традиционный сюжет «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича». Имя молодого Ярюка сына Ивановича, по нашему мнению, также идет не из глубин былинной традиции, а придумано самим исполнителем.

Под новообразованиями мы понимаем произведения, которые являются очевидными осколками эпического знания, возникающими на основе распадающихся сюжетов. В дальнейшем нам еще не раз при анализе вологодского и пермского материала придется встречаться с былинами этого типа. В скобках заметим, что среди новообразований выделяется также особый пласт произведений, в которых преобладает индивидуальное начало (например, былины знаменитой беломорской сказительницы Марфы Крюковой). Отличие этих индивидуальных новаций от новообразований-угасаний заключается в том, что они в силу разных причин возникают в творчестве сказителей, прекрасно владеющих былинной традицией. В нашем материале, отметим, такого рода произведений не встречается.

4. Былина «Дюк Степанович и Шарк-великан» (Рыбников. 3-е изд. Т. 2, № 213) с трудом поддается точной квалификации. Содержание этого текста следующее: Шарк-великан грозит святой Руси; русский богатырь Дюк Степанович молится в храме, чтобы Бог дал ему силы одолеть Шарка-великана; герой выезжает навстречу врагу, дважды отклады-

вает битву с ним (явно испугавшись врага), на третий раз вступает в бой и побеждает.

Предположительно это произведение можно рассматривать как традиционный сюжет, сохранившийся в единственном варианте. В таком случае он представляет большой интерес в связи с тем, что здесь рисуется богатырский облик Дюка Степановича, героя, чьи подвиги неизвестны былинной традиции. Напомним, что в классической версии былины о Дюке этот персонаж выступает как привередливый гость из богатого Галича Волынского (Индии богатой), которому в Киеве не нравятся ни калачики, ни вина. Киевский «щап» Чурила в состязании с Дюком Степановичем в щегольстве терпит поражение. Приладожская былина вписывает имя Дюка Степановича в один ряд с другими персонажами русского эпоса, вступающими в битву с чудовищами: Добрыня и Змей, Алеша Попович и Тугарин, Илья Муромец и Идолище, Илья Муромец и Соловей разбойник, Дюк Степанович и Шарк-великан. В образе Шарка-великана, как и в традиционных противниках русских богатырей, прочитываются следы зооморфного персонажа: он непомерно велик, пышет жгучим огнем.

Данную приладожскую былинку позволительно также (что нам кажется более правдоподобным) квалифицировать как новообразование, созданное неизвестным нам сказителем, в целом владеющим былинной традицией, но склонным к индивидуальному творчеству и импровизации. Русская песенно-эпическая традиция знает сказителей такого плана, трансформирующих традиционные былинные образы и сюжеты. Такова, как говорилось выше, Марфа Крюкова. Примеры былин подобного рода известны и в XIX в.

Укажем на один из текстов — былинку «Про Илью Муромца и Тугарина», записанную Д. Соколовым в Сузунском заводе на Алтае и впервые опубликованную С. И. Гуляевым в 1854 г. в «Известиях Академии наук».¹⁸ Здесь князь Владимир призывает к себе богатырей и предлагает им решить, кто из них останется в Киеве и кто отправится на ворога «на Тугарина на Белевича». Богатыри решают отправить на битву с врагом Илью Муромца, но того дома не случилось, поэтому его жена Савишна (персонаж, не зафиксированный в других былинах) надевает платье богатырское, выезжает навстречу Тугарину и побеждает его рать.

То состояние былинной традиции, которое характеризуется рождением былин-новаций, как уже говорилось, следу-

ет считать признаком ее разложения. Поэтому и былину «Дюк Степанович и Шарк-великан», если мы ее квалифицируем как новообразование, мы рассматриваем как аргумент в пользу того, что в 1860-е годы былевая поэзия в Приладожье уже была на значительной стадии угасания.

Можно предположить, что рассматриваемая приладожская былина определенным образом связана с письменной традицией. Вопрос о письменном бытовании традиционных былин поставлен в монографии Ю. А. Новикова; он же анализирует устные тексты выгозерских сказителей Ф. Никитина и А. Батова, которые, по его мнению, восходят к рукописной традиции.¹⁹ Былина А. Батова «Колыван-богатырь» (Гильф., II, № 185) представляет собой необычную редакцию сюжета о тяге земной: Колыван-богатырь, Муромлян-богатырь и Самсон-богатырь хвастают, что каждый из них может повернуть землю; Бог посылает им сумку, которую они не могут поднять; и тогда голос с неба наставляет их:

Сильнии могучии богатырѹ,
Отстаньте прочь от таковыя сумкѹ,
Весь земныя груз в сумку слѹжен.
Впредки не похваляйтесь
Всѣю землѣю владѣтѹ,
Наблюдайте своѣ доброѣ,
Ездите по Русѣю,
Делайте защиту,
Сохраняйте Русѣю от нѣприятеля,
А хвастать по-пустому вного не знайте.

Очевидно, что стиль приведенного отрывка выдает письменный характер произведения.

Тот же стиль характерен и для рассматриваемой былины о Дюке и Шарке-великане:

На широком раздолье Шарк-великан похаживает,
На широко раздолье Шарк-великан посматривает,
Что не любо — мечем булатным раскрошивает,
Что не мило — ногам(и) железным(и) вытаптывает.
Огнем жгучиим Божий люд им подымается;
Ко святой Руси Шарк-великан широку дорожку прокладывает,
Жгучиим огнем уравнивает,
Людом христианским речки-озера запруживает,
Во дикие леса люд христианский русский разбегается.

Уже заглавие былины выдает ее письменные корни — «Добрый русский богатырь Дюк Степанович побивает ока-

янного великана Шарка-великана». Обратим внимание на то, что необычный эпитет приладожской былины «русский богатырь» находит полное соответствие в выгозерской былине А. Батова («Ездите по Русеи...»). Ю. А. Новиков полагает, что составителем рукописной редакции былины «Колыван-богатырь» «мог быть один из выгозерских книгочеев-старообрядцев, переработавший традиционный эпический сюжет в соответствии со своими религиозными и литературными вкусами».²⁰ Былину о Шарке также, вероятно, можно связать с письменной традицией старообрядцев.

Наконец, возможен третий путь в комментировании былины о Дюке Степановиче и Шарке-великане: ее можно квалифицировать как подделку, фальсификацию, написанную кем-то из представителей образованных слоев общества. Как известно, П. Н. Рыбников к собиранию фольклора подключал олонецкую интеллигенцию. Некоторые из помощников пытались его обмануть. «Много я роздал денег и семинаристам, и волостным, и сельским писарям, а от них получаю или мало, или дрянь, — жаловался он Д. А. Хомякову в письме от 3 ноября 1861 г. — На днях один писарь надул меня, приславши шесть старин, которые он от слова до слова списал у Кирши Данилова. Вообще можно положиться только на то, что записал сам или что записано на глазах».²¹ Былина же о Дюке Степановиче и Шарке-великане, равно как и другие песни, переданные собирателю А. А. Шкалиным, не была записана «на глазах» у П. Н. Рыбникова, поэтому у нас есть все основания сомневаться в ее подлинности. Правда, особо подчеркнем, что шкалинские былины в ноябре 1860 г., когда П. Н. Рыбников еще только разворачивал работу по изданию своего собрания, уже существовали. Поэтому вряд ли побудительной причиной для подделки, если эта фальсификация создана самим А. А. Шкалиным, было желание обмануть именно П. Н. Рыбникова. Скорее всего психологические посылы были какие-то иные.

За авторское письменное происхождение данной былины говорит необычное имя противника героя — Шарк-великан. Уже П. А. Бессонов предположил, что этот былинный герой своим прототипом имеет половецкого хана Шарукана.²² Вполне можно предположить, что имя Шарка-великана у неизвестного создателя рассматриваемой былины-фальсификации, действительно, родилось под влиянием образа исторического половецкого хана Шарукана (Шароканя), деда знаменитого

Кончака, известного по древнерусским летописям и «Слову о полку Игореве». Под 1068 г. в Новгородской первой летописи упоминается о пленении Шарукана князем Святославом Ярославичем; в 1107 г. Шарукан и Боняк потерпели поражение от русских князей на реке Хорола. В «Слове о полку Игореве» «готские красные девы ... поют время Бусово, лелеют месть Шароканю», то есть мечтают отомстить за пленение и поражение Шарокана, что половцам и удается, когда они разгромили войско Игоря Святославича, а самого князя взяли в плен.²³ В XIX в. в связи с многочисленными комментариями к «Слову о полку Игореве» имя этого половецкого хана уже прочно вошло в сознание образованных русских людей. В связи с этим вполне вероятно, что неизвестный сочинитель былины о Дюке Степановиче и Шарке-великане воспользовался данным именем.

Другие детали рассматриваемой былины также свидетельствуют о письменном (авторском) ее происхождении. Эпитет «окаянный» в заглавии заставляет вспомнить хорошо известного Святополка Окаянного, о котором в XIX в. много писалось в исследованиях по средневековой русской истории. Эпитет этот, как показывают словари языка былин разных регионов, народной фольклорной традиции неизвестен,²⁴ во всяком случае — он относится к числу редких.

Необычным в былине выглядит эпитет «гордый»: «Сам пешо иде к великану гордому» (ст. 81), «Таки горды речи вымолвливает» (ст. 85). Гордость, гордыня — один из грехов, осуждаемых православной литературой. В приладожской былине Дюк Степанович рисуется как глубоко верующий богатырь, несколько раз на протяжении былины обращающий свою смиренную молитву к Богу. Шарк-великан, соответственно, награждается противной христианскому сознанию чертой — гордостью. Эпитет этот также не зафиксирован в названных словарях былинного языка.

Таким образом, на разных уровнях в былине «Дюк Степанович и Шарк-великан» просматриваются черты авторского происхождения.

5. Былина «Гусино Пленкович и Шарк-великан» (Рыбников. 3-е изд. Т. 2, № 214) может рассматриваться с тех же позиций, что и предыдущий текст о Дюке Степановиче и Шарке-великане: то ли как традиционный сюжет, дошедший

до нас в единственном варианте; то ли как новообразование, исходящее из уст народного сказителя, владеющего былинной традицией и склонного к индивидуальному творчеству; то ли как фальсификация, созданная представителем образованных классов.

Содержание рассматриваемой былины следующее: русский богатырь Гусино Плёнкович сначала «содружился» с Шарком-великаном и советует, где тому достать коня богатырского (у князя новгородского), меч богатырский (в святом городе Киеве у князя Владимира); когда же Шарк-великан спрашивает о Марье Лебедь Белой, Гусино Плёнкович говорит о том, что ей помыслы бусурманина Шарка будут не по сердцу; после этого Шарк-великан хватает Гусино Плёнковича и забрасывает его за тридцать земель за частые звезды.

Как видим, это содержание полностью противоречит поэтике песенного эпоса. Мотив дружбы русского богатыря с иноверцем и врагом Русской земли отсутствует в народной традиции. К тому же русский эпос всегда нацелен на победу богатыря над врагом. Гибель былинных героев возможна только в сюжете «Камское побоище», где подобная концовка обусловлена неразумной похвалой богатырей перед силой небесной. Таким образом, в «Камском побоище» русские богатыри фактически гибнут не от вражеских рук, а от посланников Бога. Абсолютная невопианность былины «Гусино Плёнкович и Шарк-великан» в былинную традицию заставляет нас из трех возможных квалификаций данного текста (подлинная былина; былина-новация; былина-фальсификация) выбрать третью точку зрения.

А. Н. Веселовский назвал эту былинку «невероятной». Образ же Гусино Плёнковича исследователем рассматривался в одном ряду с Чурилой Плёнковичем.²⁵ Таким образом, подчеркивал А. Н. Веселовский, два традиционных соперника — Чурила и Дюк — в шкалинских былинах поочередно оказались сведены в поединок с одним и тем же противником; при этом Чурила, в классической былине уступивший в состязании Дюку, и в приладожском тексте оказывается слабее своего соперника: тот победил Шарка-великана, Чурила же оказался им побит. По поводу самого образа Шарка исследователь замечал следующее: «Шарк-великан по объяснению Бессонова <...>, искажение имени Шарукана, хана половецкого <...> Если так, то его враждебное столкновение с Сурожанином Чурилой было бы — заманчивым отзвуком из

седой дали, исторической нотой, удержавшейся в широкой гармонии эпоса».²⁶ Этим замечанием А. Н. Веселовский вписывает шкалинские былины в систему своих рассуждений городе Сурожье, принадлежавшем половцам, и о возможном происхождении Чурилы из этого города. Впрочем общий вывод фольклориста оказывается крайне скептическим по отношению к шкалинским текстам: «К сожалению, былины Шарке так сильно отзываются стилем лубка и как бы намеренной складкой, что на них трудно что-либо построить».²⁷

6. Былина «Дюк Степанович и Гусинко Пленкович» (Рыбников. 3-е изд. Т. 2, № 215) принадлежит к тому же типу текстов, что и предыдущие. Однако фабула ее, в отличие от первых двух текстов, во многом строится на подлинном былинном сюжете о Дюке Степановиче. Правда, в приладожском варианте происходит как бы отталкивание содержания от классической версии былины, коренное переакцентирование его мотивов.

Добрый молодец Дюк Степанович отправляется из красного града Волынца в Киев, причем цель его поездки — поклониться крестам христианским. В Киеве уже давно своим богатством похваляется Гусинко Пленкович. Некая царевна прекрасная (в традиционной версии этот образ в былине отсутствует) призывает к себе Дюка Степановича и побуждает его бросить вызов Гусинко Пленковичу. Дюк Степанович отказывается, говоря, что он приехал в Киев «не губить душу христианскую», а «для ради богомольствия». На следующее утро Дюк Степанович идет в церковь, желая там помолиться. Гусинко Пленкович является в богатой одежде, которая обращает на себя внимание всех присутствующих. Тогда Дюк Степанович стал тут «своим пугвицам поваживать», в результате чего в пуговицах зашипели змеи и запели птицы. Народ, понимая, что Дюк перещегоолял Гусинко Пленковича, задает ему вопрос о противнике: «Али ему жизнь горемычную тянути, Али смеретушку ему нещадную понести?» (ст. 97—98). После этого Никита Полица, слуга Дюка, направляется с Гусинко Пленковичем — забрасывает его в темную яму к ведьме киевской (явно книжный образ, навеянный лубочной литературой). Былина заканчивается увозом Дюком Степановичем прекрасной царевны, которую отец не захотел отдать замуж за героя.

Как видим, при внешнем сохранении основной сюжетной линии о состязании в щегольстве Дюка Степановича и Чурилы Пленковича, приладожский текст по сути дела предлагает нам абсолютно новую трактовку событий, идущую, как мы полагаем, от неизвестного автора-писателя.

* * *

Анализ приладожских былин позволяет сделать следующие выводы. Местная былинная традиция должна рассматриваться как прямой извод новгородского эпического очага. Никаких следов влияния ростовской колонизации в данном регионе не отмечено.

Мы предполагаем, что уже со второй половины XVI в. песенная эпическая традиция Приладожья, как и его метрополии (Новгорода), в силу трагических событий, прокатившихся по западным и центральным регионам России, была основательно подорвана, что и обусловило ее почти полное угасание к XIX в.

Приладожская традиция была застигнута собирателями явно в период ее глубокого затухания. Местные былины дают нам или поздние версии сюжетов («Илья Муромец и Калинцарь», «Василий Буслаевич и новгородцы»), или былины-новообразования («Алеша Попович и Ярюк богатырь»). Тексты, записанные (или сочиненные?) А. А. Шкалиным, следует, на наш взгляд, квалифицировать как авторские произведения, созданные по былинным мотивам представителем образованных классов. Поэтому данный материал должен быть выведен за пределы устной былинной традиции.

Таким образом, рассматриваемый регион представлен в науке только тремя аутентичными былинными текстами. Судя по этим записям, во второй половине XIX в. ладожане помнили таких традиционных героев русского песенного эпоса, как Алеша Попович, Илья Муромец, Василий Буслаевич, Поташенька сутул-горбат, Васька Белозерянин, Мамельфа Тимофеевна, царь Иван Васильевич Грозный. Из противников богатырей сохранялись имена царица Кудрияница (аналог Калина царя) и Идолица поганого. Данный именной ряд позволяет сделать осторожный вывод о том, что некогда в Приладожье, вероятно, существовала развитая былинная традиция. Однако к середине XIX столетия эта традиция уже потеряла свою актуальность.

- ¹ О Ладогe см.: *Рыдзевская Е. А.* Сведения о Старой Ладогe в древне-северной литературе // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1945. Вып. 11. С. 64; *Орлов С. Н.* Старая Ладога: Исторический очерк. Л., 1960; *Верштам Т. А.* Поморы: Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978. С. 20—26; *Селин А. А.* Дорога из Ладоги в Орешек // Староладожский сборник: Материалы I—V конференций «Северо-западная Русь в эпоху средневековья: междисциплинарные исследования». Старая Ладога, 1994—1998. СПб.; Старая Ладога, 1998. С. 28—41 и др.
- ² *Зайцев П. М.* Лодейное Поле: Историко-краеведческий очерк. Л., 1964; *Коляда М. И.* По Свири // Андреева Л. В., Коляда М. И., Кондратьева Е. В. По Ленинградской области: Посвирье, Бокситогорский и Волховский районы. Л., 1978. С. 53—114.
- ³ См.: *Егоров Ф. И.* Олонецкий историко-краеведческий очерк о городе и районе. Петрозаводск, 1959.
- ⁴ История крестьянства Северо-Запада России: Период феодализма / Отв. ред. А. И. Копанев и М. В. Свердлов. СПб., 1994. С. 90.
- ⁵ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. М., 1996. С. 43.
- ⁶ Письма П. Н. Рыбникова И. И. Срезневскому // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / Изд. подгот. А. П. Разумова, И. А. Разумова, Т. С. Курец. Петрозаводск, 1991. Т. 3. С. 256.
- ⁷ Там же. С. 256.
- ⁸ Список сокращений см. в конце нашего издания.
- ⁹ Извлечения из писем П. Н. Рыбникова по поводу издания его сборника // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / Изд. подгот. А. П. Разумова, И. А. Разумова, Т. С. Курец. Петрозаводск, 1991. Т. 3. С. 235.
- ¹⁰ Там же. С. 237.
- ¹¹ Памятная книжка Олонецкой губернии на 1856 год. Петрозаводск, 1856. С. 21; Памятная книжка Олонецкой губернии на 1860 год. Петрозаводск, 1860. С. 38.
- ¹² Письма П. Н. Рыбникова И. И. Срезневскому. С. 255.
- ¹³ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / Изд. подгот. А. П. Разумова, И. А. Разумова, Т. С. Курец. Петрозаводск, 1991. Т. 2. С. 567—568 (примечания).
- ¹⁴ *Гильфердинг А. Ф.* Певец былин в Петербургской губернии // Русская старина. 1871. Т. 4, № 10. С. 451—459; ср.: Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года / Подгот. текста и коммент. А. И. Никифорова и Г. С. Виноградова. М.; Л., 1951. Т. 3. С. 614.
- ¹⁵ *Азбелев С. Н.* Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982. С. 167—168.
- ¹⁶ *Новиков Ю. А.* Сказитель и былинная традиция. СПб., 2000. С. 89.
- ¹⁷ *Шамбинаго С. К.* Песни-памфлеты XVI века // Записки императорского Московского археологического института. М., 1913. Т. 28. С. 189.
- ¹⁸ См.: *Сидельников В.* Былины Сибири. Томск, 1968. № 6.
- ¹⁹ *Новиков Ю. А.* Сказитель и былинная традиция. С. 91—100.
- ²⁰ Там же. С. 98.
- ²¹ Извлечения из писем П. Н. Рыбникова по поводу издания его сборника // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Петрозаводск, 1991. Т. 3. С. 244—245.
- ²² *Бессонов П. А.* Заметка // Песни, собранные П. В. Киреевским. 2-е изд., без изменений. М., 1868. Вып. 4. Приложение. С. СХV.
- ²³ *Каган М. Д.* Шарукан (Шарокань) // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 5. С. 218—219.
- ²⁴ Словник былин Кириши Данилова // Фольклорная лексикография. Курск, 1994. Вып. 1. С. 22—47; *Докукина М. А.* Словник и частотный сло-

варь былинных текстов, записанных в Мезени // Фольклорная лексикография. Курск, 1995. Вып. 2. С. 33—45; Желудева Е. В. Словник и частотный словарь былин Русского Устья // Фольклорная лексикография. Курск, 1995. Вып. 4. С. 38—47.

²⁵ Веселовский А. Н. Южно-русские былины. СПб., 1881. С. 121 (Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности имп. АН; Т. 22, № 2).

²⁶ Там же. С. 122.

²⁷ Там же. С. 122—123.

Глава 2

ШЕНКУРСКО-ВАЖСКАЯ БЫЛИННАЯ ТРАДИЦИЯ

Река Вага является крупнейшим левым притоком Северной Двины. Центр Важского края — город Шенкурск, расположенный в среднем течении реки. Если мысленно представить себе карту Русского Севера с обозначенными на ней былинными очагами, то окажется, что Вага, как и Северная Двина, расположена между тремя мощными регионами: с запада — Заонежье и Кенозеро; с севера — Карельский, Терский и Зимний берега; с востока — Пинега, Кулой, Мезень, Печора. В каждом из названных регионов записаны сотни былин, на Ваге же, равно как и на Северной Двине, количество записей едва преодолевает цифру 10. Вага и Северная Двина как бы разделяют северо-западную и северо-восточную русские эпические традиции, образуя на былинной карте своеобразное «белое пятно».

Шенкурский край входил в обширную территорию, которая в древнерусских летописях называлась Заволочьем. Из центральных регионов Руси сюда вели два водно-волоковых пути: 1) озеро Ильмень — река Волхов — Ладожское озеро — Свирь — Онежское озеро — река Водла — волоки, ведущие на реку Вагу в бассейн Северной Двины (новгородская магистраль) 2) Волжско-Шекснинско-Сухонская система рек и волоков, выводящая в тот же бассейн Северной Двины (ростово-суздальская магистраль). В науке существует мнение, что именно второй путь обусловил название данной территории — Заволочье. Шенкурские земли были сердцевинной Заволочья. Весьма примечательно, что некоторые исследователи считают, что термин Заволочье в средневековых документах первоначально обозначал преимущественно территорию по р. Ваге, а затем распространился на все Подвинье и бассейн р. Онеги.¹

Согласно письменным и археологическим источникам, в дославянский период здесь, как и в среднем течении Север-

ной Двины, обитала заволочская чудь — финноязычное население. Древние русичи стали проникать сюда в X—первой половине XII в.

Пристальный анализ шенкурско-важского былинного очага заставляет нас подвергнуть сомнению некоторые положения, высказанные С. И. Дмитриевой, сторонницей новгородской гипотезы происхождения русской былинной традиции. Касаясь былинной традиции р. Вага, исследовательница констатировала, что былины здесь регистрировались в Шенкурском крае, но южнее в верхнем течении в «Вельском районе не сохранилось даже воспоминаний о былинах».² С. И. Дмитриева объясняла этот факт тем, что «первый район был заселен древними новгородцами, а второй в основном низовскими переселенцами».³

Однако данное утверждение не совсем корректно. Один былинный текст с верхнего течения Ваги фольклористике известен. Это полупрозаический пересказ сюжета об Илье Муромце и Калине царе, записанный А. А. Шустиковым в 1894 г. и опубликованный в «Живой старине».⁴ Мы этот текст рассматриваем в главе, посвященной вологодской былинной традиции. Как бы то ни было, Вельский район никак нельзя назвать регионом, где «не сохранились даже воспоминаний о былинах».

Во-вторых, может быть оспорено утверждение С. И. Дмитриевой о том, что Шенкурский край некогда входил в сферу исключительного влияния Новгорода. Исторические, антропологические и диалектологические данные противоречат этому мнению. Для С. И. Дмитриевой главным документом, на основании которого утверждается решающее влияние новгородской колонизации в Шенкурском крае, является упоминавшаяся в первой главе Уставная грамота 1137 г. князя Святослава Ольговича. Как явствует из этого документа, уже в первой трети XII столетия на Ваге («устье Ваг, у Пуйте», то есть у притока Ваги р. Пуя) существовали новгородские погосты. Новгородское присутствие в здешнем крае, таким образом, подтверждается документально. Да и чисто логически его трудно не допустить: слишком очевиден водный путь, связывающий Новгород с этими землями.

Однако новгородский колонизационный поток здесь вскоре был перекрыт Ростово-Суздальской колонизацией, о чем ничего не говорится в монографии С. И. Дмитриевой. Скрупулезный анализ древнерусских документов («Рядная ста-

росты Азики и его братии» 1315—1320 гг., «Список Двинских земель» XV в., «Духовная грамота Ивана III» 1504 г.) дал Т. А. Бернштам возможность выделить так называемую Ростовщину — земли Русского Севера, принадлежавшие ростово-суздальским князьям: Пинега, Кегрола, Чакола, Сура и другие селения на Пинеге; Тойма (скорее всего, Нижняя Тойма), Емецк, Моржова Гора, Ваймуга, Хавры Горы, Мехреньга, Киры Горы на Северной Двине; Емская Гора, Керчела, Шотогора, Корбольский Остров, Онтонова Перевара на Ваге.⁵

Т. А. Бернштам полагает, что Ростовщина складывалась из трех элементов: местное коренное население (чудь заволочская); пришлое нерусское население, вышедшее из верхневолжских районов; русское население Ростово-Суздальского княжества. Исследовательница отмечает, что в XII—XIII вв. на Севере сложились «отмечаемые летописью группы довольно независимого и относительно самостоятельного населения („двиняне“, „важане“, „пинежане“ и др.), тяготевшего к Ростову и настороженно относившегося к новгородцам».⁶

Антропологические данные подтверждают влияние ростовской колонизации на важские земли. М. В. Витов выделил три главных антропологических типа в севернорусских землях: ильменско-беломорский (ученый связывает его с новгородской колонизацией), онежский (связан с финно-угорским населением края, но распространен и среди русских) и верхневолжский. Последний тип характерен для регионов Верхней Волги. «В собственно поморской области, — пишет исследователь, — он как бы устремляется через Сухону и Юг — далее через Кокшеньгу и *верхнюю Вагу* на среднюю Двину и Пинегу (курсив наш. — Т. И.)».⁷

В свою очередь диалектологи указывают на связи районов Ваги и Северной Двины с говорами Верхней Волги. Так, В. Я. Дерягин и Л. П. Комягина отмечали: «Для характеристики двинских и важских диалектов как теперь, так и в прошлом важнейшими оказываются их связи с диалектами, по традиции именуемыми северо-восточными. В конечном счете это объясняется, видимо, тем, что русские пришли на Вагу и Двину в основном из района Верхнего Поволжья».⁸

Таким образом, мы склонны присоединиться к мнению тех исследователей, которые считали, что Шенкурско-Важский край с определенного времени входил в сферу влияния Ростово-Суздальского княжества. Поэтому и былинную тра-

дицию данного региона следует рассматривать как наследие и Новгорода, и Ростово-Суздальских земель.

* * *

Обратимся теперь к истории собирания былин на реке Вага. В 1813 г. Козьма Молчанов в своем «Описании Архангельской губернии» сообщал о Шенкурском уезде следующее: «В сем уезде храмовые только праздники празднуются крестьянами с особенным приготовлением, к коим варят пива, покупают горячее вино и водку; созывают гостей, веселятся с ними и с соседями, посещая один другого до 4 и до 5 дней; сверх того имеют достойное примечание обыкновение: всякой иногородец, проходя их селения во время праздника, угощается наравне с гостями, почему хлеб и харчевая ества со стола чрез целой день не сбирается. При сем пожилые люди поют старины, в коих выхваляются подвиги древних русских ироев, как-то: св.Владимира, Добрыни, атамана Сура и проч.; а молодые люди поют новомодные любовные песни, развращающие более их нравы, нежели исправляющие».⁹

Данное свидетельство весьма любопытно с нескольких точек зрения. Во-первых, это первое упоминание о бытовании былин в Шенкурском крае, более того, это вообще одно из первых упоминаний о былинах в русской фольклорной традиции. Во-вторых, здесь зафиксировано народное название данного жанра — «старины». Чрезвычайно важными являются сведения о вписанности былинных песен в обрядовую жизнь севернорусского крестьянина. Исполнение песенного эпоса, как следует из книги К. Молчанова, было обычным в рамках престольных праздников. И, наконец, здесь называются былинные персонажи, известные шенкурцам: князь Владимир, Добрыня, атаман Сура. Последний герой, возможно, имеет какое-то отношение к богатырю Суровцу-Суздальцу.

История собирания былин в Шенкурском крае по-своему уникальна в нашей фольклористике. Песенный эпос здесь был обнаружен очень рано — в 1840-е годы, и казалось бы, этот регион с указанного периода должен был стать объектом пристального внимания со стороны ученых. Однако в последующие годы в Шенкурске и близ него не было записано ни одной старины. Первая страница в истории собирания

местных былин стала и последней. На наш взгляд, здесь сработал чисто субъективный фактор: для Шенкурска, к сожалению, не нашлось собирателей-энтузиастов. Полагаем, что об этом факторе не должны забывать современные фольклористы, ибо наше знание о той или иной фольклорной традиции в значительной мере основано на том, фиксировались ли собирателями репертуар данного региона в XIX в. (в то время, когда он еще не подвергся сильному разрушению) или нет.

Несмотря на то, что все записи шенкурских былин были сделаны в один период и опубликованы практически в одном собрании П. В. Киреевского, — в истории собирания важского эпоса наличествует много сложных и не до конца ясных моментов.

В «Песнях, собранных П. В. Киреевским» запись шенкурских былин приписывается трем лицам: Н. П. Борисову, А. Харитонову и П. Ф. Кузмищеву. О всех троих науке известно немного. В статье А. И. Баландина раскрывается личность первого из собирателей — шенкурского учителя Никифора Павловича Борисова. Известно, что в апреле 1841 г. он вступил в переписку с редактором журнала «Москвитянин» М. П. Погодиным. Письма его сохранились (Российская государственная библиотека, ф. 231, Пог./II, к. 5, № 75) и в основной своей части процитированы А. И. Баландиным. 28 июня 1841 г. Н. П. Борисов, идя навстречу доброжелательной заинтересованности своего корреспондента, рассказывает о себе следующее: «Я родился в Астрахани от тамошнего купца Павла Борисова; воспитывался с 7-летнего возраста до 18-ти лет в тамошней семинарии; оттуда по желанию отца отправился в С. П<етер>бургский университет, где пробыл более трех лет и надеялся окончить курс, как вдруг должен был оставить университет, потому что отец мой, по несчастному случаю — пожару, истребившему каменный дом его и почти все имение, не могший долее содержать меня в Петербурге на своем иждивении, велел мне выйти из университета и поступить на службу <...>. В октябре месяце прошедшего года я определен был в Шенкурск учителем русского языка, истории всеобщей и русской и географии и с этих пор вот здесь пропадаю».¹⁰

Чтобы не «пропасть» в чужих для него шенкурских землях, Н. П. Борисов старался заполнить свой умственный досуг: он переводил с немецкого драму Шиллера «Вильгельм

Тель», собирал древнерусские рукописи, записывал произведения фольклора. Фольклорная тематика является одной из главных в его письмах к М. П. Погодину, которому он посылал свои записи. В четвертом номере «Москвитянина» за 1843 г. была опубликована сказка Н. П. Борисова «О горегоряnine, Даниле-дворяnine»,¹¹ а через несколько месяцев — старина «Илья и Соловей». Таким образом, это была одна из первых после издания «Древних российских стихотворений» публикаций русских былин. К заглавию былины в журнале была сделана сноска: «Сообщением этой сказки я обязан благосклонности моего здешнего знакомого И.А.Ядовина, который списал ее со слов крестьянина по просьбе моей. Н. Борисов».¹² Значит, данную былинку записал некий И. А. Ядовин; Н. П. Борисов же лишь переслал ее М. П. Погодину.

Сравнение автографа Н. П. Борисова (РГБ, ф. 125, п. 32, л. 63—68 об.) с публикацией в журнале «Москвитянин» свидетельствует, что былина печаталась строго по рукописи собирателя; были сохранены даже данные им в скобках разъяснения к диалектным словам. М. П. Погодин оставил также то жанровое определение произведения, которое дано у Н. П. Борисова — «народная сказка». Редакторская правка М. П. Погодина коснулась лишь пунктуации и разбивки текста на 6 частей. В примечаниях он писал: «Как долго сохраняется сказка в устах народа! эта представляет много наростов, принадлежащих разным временам и имеющих свою занимательность».

К ст.92, в котором упоминается город Кидиш, М. П. Погодин сделал следующее примечание: «Как нарочно я получил из города Семенова (Нижегор<одской> губернии) от мещанина Меледина известие с пиитическими преданиями о Кидеше».¹³ Как видим, М. П. Погодин идентифицировал шенкурский «Кидиш» как легендарный город Китеж.

К ст.190 редактором было сделано такое пояснение: «Шельшина значит необразованный, неотесанный, олух и пр. в этом роде» (ср., как прокомментировано это слово П. А. Бессоновым: «Шельшина — сельщина; в других песнях засельщина»).

Архивные материалы позволяют нам сделать некоторые наблюдения над текстологической стороной записей, связанных с именем Н. П. Борисова. Начало старины об Илье Муромце и Соловье разбойнике, отосланной М. П. Погодину 16 июня 1843 г., в автографе звучит следующим образом:

Во славном во городе во Муроме,
Во селе Карацáрове
Тут жил-был старик Иван Тимофеиць.
У них сын был Илья Муромецъ,
Он просил у родимова батюшки
Благословенья великова,
Навѣки нерушимова...

(РГБ, ф. 125, п. 32, л. 63).

За несколько месяцев до отсылки этой былины, 2 апреля, Н. П. Борисов в письме к тому же М. П. Погдину процитировал этот фрагмент несколько иначе:

Во славном городе во Муроме,
Во селе Карачарове
Жил-был старик Иван Тимофеич;
У него был сын Илья Муромец,
Он был на возрасте,
Как быть сокол на вóзлете;
Он просил у роднова батюшки
Благословенья великова,
Навеки нерушимова...¹⁴

Таким образом, совершенно очевидно, что перебеленные рукописи былин Н. П. Борисова, не были идентичны оригиналам. Собиратель, по-видимому, позволял себе некоторое редакторское вмешательство в сказительский текст.

Как известно, фольклорные материалы, сосредоточившиеся в руках М. П. Погодина, впоследствии оказались в собрании П. В. Киреевского. В старой серии «Песен» П. В. Киреевского с именем Н. П. Борисова связано три былины: Кир., I, с. 77—86 («Илья Муромец и Соловей разбойник», ранее напечатанная в «Москвитянине»); Кир., III, с. 52—56 («Дунай Иванович») и Кир., V, с. 8—14 («Василий Буслаевич»). Варианты эти будут охарактеризованы ниже.

Второй шенкурский собиратель — Александр Харитонов. С его именем в издании П. В. Киреевского связано 5 местных былин: Кир., II, с. 45—48 («Добрыня и Марина»); Кир., II, с. 67—69 («Алеша Попович и братья Сбродовичи»); Кир., III, с. 9—19 («Иван Гоудинович»); Кир., III, с. 81—84 («Сорок калик»); Кир., V, с. 3—8 («Василий Буслаев и новгородцы»). Ему же, как будет сказано в главе, посвященной северодвинской былинной традиции, принадлежит и ряд записей в низовьях Северной Двины.

А. И. Баландин назвал А. Харитонова «одним из самых ревностных собирателей 40-х годов XIX в.», коллекцию же былин, записанных А. Харитоновым в Шенкурском и Архангельском уездах, исследователь считает «одной из лучших в собрании П. В. Киреевского».¹⁵ А. И. Баландин же привел в своей статье отрывок из того письма Н. П. Борисова к М. П. Погодину, которое является на сегодняшний день единственным документом, проливающим какой-то свет на личность А. Харитонова: он был топографом, в начале 1840-х годов работал в Шенкурском уезде, собирал фольклор и копии со своих записей передавал Н. П. Борисову.

Библиографический указатель «Русский фольклор. 1800—1855» свидетельствует, что А. Харитонов в 1840-е годы довольно активно заявлял себя на фольклористическом поприще. В журнале «Отечественные записки» им была опубликована целая серия статей с материалами по верованиям и суевериям Шенкурского (и отчасти, Архангельского) края.¹⁶

Документы, введенные в научный оборот А. И. Баландиным, проливают дополнительный свет на фигуру А. Харитонова. Судя по всему, в глазах А. Харитонова Н. П. Борисов был более опытный и авторитетный, чем он сам, любитель живой старины. В письме к М. П. Погодину от 30 июня 1844 г. Н. П. Борисов приводит следующий отрывок из письма А. Харитонова к нему самому: «Посылаю вам три старинные сказки, по вашему поручению написанные без всяких перемен со слов крестьянина. Из них об Алеше Поповиче была напечатана в сборнике Сахарова и И. М. Снегирева; об Василье Буслаевиче — в „Новогоднике“ Кукольника (1839 г.) Сахаровым; о Дунае Ивановиче я нигде не читал, а равно и о Мамаевом побоище; не знаю, были ли они напечатаны где-нибудь. Последнюю я не успел кончить и потому не знаю, полезна ли она будет вам. Три первые сказки, надеюсь, удовлетворят вашему требованию».¹⁷

Данный фрагмент письма А. Харитонова к Н. П. Борисову весьма выразителен с точки зрения понимания объема фольклористических знаний по русскому былинному эпосу у рядового образованного человека сороковых годов прошлого столетия. Как видим, А. Харитонов не был знаком со сборником Кирши Данилова, вышедшем в 1804 г. и вторым изданием — в 1818 г. Его былинное знание опирается на сборники И. М. Снегирева (прозаические в сказочном духе пересказы былинных сюжетов) и И. П. Сахарова (скрытые

перепечатки былин Кирши Данилова). Надо полагать, что и названные сборники не были у А. Харитонова под рукой, иначе он не назвал бы сюжет о Дунае совершенно ему неизвестным. Ведь эта былина была введена в научный оборот еще первым изданием Кирши Данилова, а впоследствии была перепечатана И. П. Сахаровым. Обратим внимание на то, что в сборнике П. В. Киреевского ни один из вариантов данного сюжета с именем этого шенкурского собирателя не связан. Этот факт заставляет нас сделать осторожное предположение, что, возможно, былина о Дунае, атрибутированная в старой серии Н. П. Борисову (Кир., III, с. 52—56), и есть текст, записанный А. Харитоновым. Не исключено, что Н. П. Борисов, посылая М. П. Погодину фольклорные материалы, не разграничил свои собственные записи и записи А. Харитонова.

Названная в письме сказка о Василии Буслаеве — это, вероятно, былина «Василий Буслаев и новгородцы» (Кир., V, с. 3—8), содержание которой А. Харитонову было известно по публикации И. П. Сахарова (прозаический текст) в сборнике Н. Кукольника «Новогодник».¹⁸ Сказка об Алеше Поповиче может, на наш взгляд, квалифицироваться как прозаический пересказ былины об Алеше Поповиче и Тугарине, опубликованный в сборнике А. Н. Афанасьева (Аф., II, № 312). Наконец, сказка о Мамаевом побоище — это, без сомнения, прозаический текст из того же издания (об этих двух записях см. ниже).

В конце 1840-х годов А. Харитонов каким-то образом оказался связанным с В. И. Далем. На автографах собирателя с записями фольклора, находящихся в Российской государственной библиотеке в фонде П. В. Киреевского (РГБ, ф. 125, оп. 76, п. 24, 29, 30, 31; в папке 31 хранятся записи А. Харитонова, сделанные им в Архангельском уезде), сохранились фрагменты писем с обращением к некоему «Владимиру Ивановичу». Мы полагаем, что это В. И. Даль. В. И. Даль именно та фигура в истории русской фольклористики середины XIX в., через которую материалы А. Харитонова могли попасть, с одной стороны, в собрание П. В. Киреевского, с другой — в сборник А. Н. Афанасьева.

Автографы А. Харитонова представляют собой листы полного формата, бумага плотной фактуры, исписана с двух сторон. Если былина (или другое произведение народной поэзии) кончалась на середине страницы, то здесь же собиратель на-

чинал следующий текст. П. А. Бессонов, издатель старой серии П. В. Киреевского, листы собрания А. Харитонова разъединил и разложил их по сюжетным гнездам в папки, составляющие разные выпуски «Песен, собранных П. В. Киреевским» (именно поэтому автографы А. Харитонова находятся в четырех разных папках). Если на одном листе были конец и начало разных былин, то П. А. Бессонов помещал этот лист в какую-то одну папку; ненужная часть текста зачеркивалась. Затем эту часть текста (то есть начало или конец былины) он переписывал и подкладывал свою рукопись к рукописи А. Харитонова этой же былины. Таким образом, в старой серии П. В. Киреевского харитоновские былины печатались частично по автографам собирателя, частично же — по копиям П. А. Бессонова, не всегда точным.

Касаясь текстологической оценки записей А. Харитонова, можно предположить, что этот собиратель также при перебеливании своих материалов в той или иной степени редактировал фольклорные записи. Таково было общее положение фольклористики того времени. Относительно былин А. Харитонова можно заметить также, что они подвергались редактированию уже будучи в руках П. А. Бессонова.

Рукопись А. Харитонова с текстом былины «Василий Буслаев» в руки издателя попала в дефектном виде: начало ее было где-то утеряно (РГБ, ф. 125, п. 31, л. 9—12 об.). Сохранившийся текст начинался со строки «Бежат они добры молодцы ко Ваське Буслаеву» (ср.: Кир., V, с. 1—6, ст. 22—23). П. А. Бессонов, желая восполнить возникший пробел, добавил к этой шенкурской былине 19 стихов из былины того же сюжета в сборнике Кирши Данилова (КД, ст. 48—65). Эти 19 стихов П. А. Бессонов скопировал на отдельном листе и подложил к шенкурскому тексту (РГБ, ф. 125, п. 31, л. 8). Чтобы как-то связать две столь разных части былины — стихи из Кирши Данилова и шенкурский вариант — издателю пришлось сочинить два стиха: «Вылезают добры молодцы из избицы, Котельная Пригарина да Потанюшко Хроменький» (по старой серии Киреевского это стихи 20—21). Указанные стихи написаны рукой П. А. Бессонова на автографе А. Харитонова (РГБ, ф. 125, п. 31, л. 9). Так им был «воссоздан» полный текст старины.

Былинные записи А. Харитонова оказались не только в собрании П. В. Киреевского, но и в сборнике сказок А. Н. Афанасьева. В этом издании имеется прозаический текст «Про

Мамая безбожного» (Аф., II, № 317), который помечен как запись А. Харитонова. Без сомнения, это произведение является упомянутой в процитированном письме А. Харитонова к Н. П. Борису сказкой о Мамаевом побоище. Жанровая природа текста «Про Мамаю безбожную» весьма сложна; у этого произведения прочитывается некая письменная основа, поэтому мы не включаем его в комплекс шенкурских былин.

В афанасьевском собрании имеется также прозаический пересказ былинного сюжета «Алеша Попович и Тугарин» (Аф., II, № 312), в паспортных данных которого называется Шенкурский уезд, но без имени собирателя. Данный вариант, как нам кажется, можно приписать А. Харитонову. Это именно та сказка об Алеше Поповиче, которую собиратель упомянул в своем письме к Н. П. Борису рядом со сказкой о Мамаевом побоище. В издании А. Н. Афанасьева данные произведения оказались, видимо, либо благодаря цепочке А. Харитонов — Н. П. Борисов — М. П. Погодин — А. Н. Афанасьев, либо вследствие переписки А. Харитонова с В. И. Далем, который, как известно, часть скопившихся у него фольклорных материалов передал А. Н. Афанасьеву.

Две шенкурские былины в «Песнях, собранных П. В. Киреевским» приписаны П. Ф. Кузмищеву: Кир., I, с. 46—52 («Илья Муромец и нахвальщик») и Кир., II, с. 83—89 («Василий Казимирович»). Павел Федорович Кузмищев — лицо довольно заметное в истории русской науки о народной культуре. Он родился в 1798 г., закончил кадетский корпус. В 1825 г. стал помощником начальника Камчатки; в 1837 г. занял должность капитана порта в Астрахани, а в 1841 г. перешел на ту же должность в Архангельск. Скончался контр-адмирал П. Ф. Кузмищев в 1850 г.

Где бы ни служил П. Ф. Кузмищев, он всюду интересовался местным говором, результатом чего стали подготовленные им словарные подборки камчатского, астраханского и архангельского наречий.¹⁹ Лингвистические интересы отразились в переписке П. Ф. Кузмищева с В. И. Далем.²⁰ Здесь обсуждаются проблемы создания словаря малороссийского и белорусского наречий, словаря синонимов и другие лексикографические проблемы. Живя в Архангельске, он заинтересовался историей и культурой местного края. Разыскания П. Ф. Кузмищева отразились в ряде его публикаций в «Москвитяине», с редактором которого, М. П. Погодиным, он находился в переписке.²¹

В письмах П. Ф. Кузмищева к В. И. Далю неоднократно говорится и о фольклоре. Так, например, в одном из писем он высказывает верное суждение о значимости вариантов при издании народных сказок.²² Судя по всему, П. Ф. Кузмищев был в курсе дел по созданию собрания П. В. Киреевского, интересовался собиранием песен в Архангельском крае и находился в переписке с Н. П. Борисовым. Фольклорные записи, оказавшиеся в его руках, он пересылал М. П. Погодину и В. И. Далю. 5 декабря 1848 г. П. Ф. Кузмищев сообщал последнему: «Препровождаю вам еще черновую небольшую тетрадь архангельских песен. Нового и дельного вы тут найдете, кажется, немного. Если же выберете из них которые и прикажете списать для себя, тогда тетрадь прошу мне возвратить. Были в руках еще сто песен, собранных учителем Борис<овым> в Шенк<урском> уезде. Они назначались, кажется, для Географич<еского> Общества. Из них я избрал исторические, в роде известных, собранных Киршею Даниловым, и послал нынешнею осенью М. П. Погодину, а он передал их Киреевскому. Когда-то он издаст свое собрание разнородных русских песен?»²³

А. И. Баландин, проанализировав архивные материалы, доказывает, что названные выше былины «Илья Муромец и нахвальщик» и «Василий Казимирович», атрибутированные в «Песнях, собранных П. В. Киреевским» П. Ф. Кузмищеву, на самом деле принадлежат Н. П. Борисову. Это именно те исторические песни «в роде, собранных Киршею Даниловым», что упомянуты в процитированном письме П. Ф. Кузмищева к В. И. Далю. Тетрадка Н. П. Борисова была послана им 8 октября 1848 г. М. П. Погодину. Последний же передал ее в собрание П. В. Киреевского (речь идет о тетради, хранящейся в РГБ — ф. 125, оп. 76, п. 49, л. 143—166).

Основываясь на текстологическом анализе двух данных былин, мы считаем, что Н. П. Борисов получил эти записи от А. Харитоновна. Обращает на себя внимание тот факт, что указанные былины почти дословно совпадают с двумя харитоновскими старинами из собрания П. В. Киреевского. Текст Кир., I, с. 46—52 («Илья Муромец и нахвальщик»), приписанный в старой серии П. В. Киреевского П. Ф. Кузмищеву (по атрибуции А. И. Баландина — Н. П. Борисову), совпадает почти дословно с былинной Кир., IV, с. 6—12 (в издании «Песен» П. В. Киреевского текст помечен Архангельским уездом, запись А. Харитоновна). Текст Кир., II, с. 83—89

Как видим совпадение стихов А. Харитонова и Н. П. Борисова настолько разительное (ведь во всех не названных стихах строки совпали буква в букву!), а характер разноречий столь незначителен, что не приходится сомневаться в том, что перед нами две разные копии с одной и той же записи. Таков же характер разночтений и в былине «Василий Казимирович».

Кто же записал рассматриваемые две былины — Н. П. Борисов или А. Харитонов? Учитывая, что А. Харитонов передавал какие-то свои записи Н. П. Борисову, логично предположить, что и эти два текста также были записаны А. Харитоновым. Н. П. Борисов получил его копии, переписал их и послал П. Ф. Кузмищеву, благодаря которому былины в конце концов оказались в архиве П. В. Киреевского.²⁴

Автограф Н. П. Борисова с указанными двумя былинами (РГБ, ф. 125, оп. 76, п. 49, л. 143—166) представляет собой тетрадь, на обложке которой дано заглавие: «Исторические песни, служащие дополнением к древним Русским Стихотворениям. Собраны в Шенкурском уезде Архангельской губернии». Здесь имеется приписка П. В. Киреевского: «Адмиралом Кузьмищевым». Таким образом, заглавие стало читаться: «Исторические песни <...> Собраны в Шенкурском уезде Архангельской губернии адмиралом Кузьмищевым». В тетради помимо названных двух былин имеется еще 5 других песенных эпических произведений.

С этой тетради кем-то из окружения П. В. Киреевского четким красивым почерком была снята копия — также в форме тетради (п. 49, л. 126—140). На обложке этой копии есть карандашная помета: «Подлинник у Погодина». А. И. Баландин считает данную тетрадь оригиналом, а тетрадь, имеющую шифр п. 49, л. 143—166 — копией. Однако помета «Подлинник у Погодина» неоспоримо свидетельствует, что оригиналом была какая-то другая рукопись, каковой мы считаем п. 49, л. 126—140.

Тексты былин из тетради Н. П. Борисова потом копировались еще несколько раз. В п. 43 содержатся по две копии каждой из былин. Папка 43, по мнению исследователей,²⁵ является копией эпических произведений, присланных П. В. Киреевскому с разных концов России. Копии сделаны кружком П. В. Киреевского. Тексты разложены в четыре отдельные пачки, которые мыслились как четыре разных тома предпо-

лагаемого издания. Былины и исторические песни переписаны на листах бумаги полного формата, сложенных пополам. Между листами вложены копии этих же текстов, сделанные на листах в 1/4 обычного формата. Копии двух указанных шенкурских былин сделаны на следующих листах: «Илья Муромец и нахвальщик» — л. 836—840 об., 849—849 об. (копия на листах полного формата) и л. 841—848 (копия на листах в 1/4); «Василий Казимирович» — л. 918—921 об., 930—930 об. (копия на листах полного формата) и л. 922—929 (копия на листах в 1/4).

Последняя копия с рассматриваемых былин, присланных Н. П. Борисовым, была сделана уже в период подготовки П. А. Бессоновым собрания П. В. Киреевского к печати. Копия былины «Илья Муромец и нахвальщик» находится в п. 32, л. 42 об. — 46 («макет» I выпуска старой серии). Копия старины «Василий Казимирович» содержится в п. 24, л. 31—33 об. («макет» II выпуска). В издании «Песни, собранные П. В. Киреевским» былины печатались с этих копий.

Остается выяснить еще один вопрос. В старой серии П. В. Киреевского былина «Илья Муромец и нахвальщик» записи А. Харитонова отнесена к Архангельскому уезду (Кир., IV, с. 6—12). На автографах этого собирателя (п. 30, л. 8—12 об.) мы не обнаружили никаких помет, указывающих на какое-то региональное приурочение былины. Тем не менее мы считаем, что текст «Илья Муромец и нахвальщик» надо атрибутировать как шенкурский вариант сюжета. За шенкурское происхождение текста говорит то, что копия с него была передана А. Харитоновым Н. П. Борисову, собиравшему именно шенкурский фольклор. Другой былинный текст — «Василий Казимирович», судьба которого такая же, как и у былины о бое Ильи Муромца с нахвальщиком, — П. А. Бессоновым прямо отнесен к шенкурской традиции. Определение текста «Илья Муромец и нахвальщик» как былины Архангельского уезда, на наш взгляд, является ошибкой П. А. Бессонова.

Таким образом, по нашей атрибуции А. Харитонов в Шенкурско-Важском крае записал 8 былин; Н. П. Борисову принадлежат 2 текста; еще один текст был зафиксирован И. А. Ядовинным. П. Ф. Кузмищев же шенкурским собирателем не является.

После 1840-х годов записи былин в Шенкурском регионе не делались. В поле нашего зрения находится лишь един-

ственное косвенное указание на следы былинной традиции в местном крае, зафиксированное Э. Г. Бородиной, известной собирательницей советского времени. В материалах ее северной экспедиции 1937 г. есть следующая запись: «В Шенкурске живет Попова Мария Андреевна. Слышала от сказительницы Дарьи Ивановны (фамилии не помнит) в Спасо-Марецком с/с и в Торнянском с/с былины про Илью Муромца и Микулу Селяниновича. В 1915—1928 гг. У Поповой М. А. имеются личные записи. Адрес М. А. Поповой: г. Шенкурск, Северной обл. Библиотека» (Государственный литературный музей, Фольклорный архив, инв. 240, п. 34, л. 71). С М. А. Поповой Э. Г. Бородиной, кажется, встретиться так и не удалось, да и в самом Шенкурске фольклористка также не работала. Записи А. Харитонова и Н. П. Борисова, таким образом, остаются единственным документальным свидетельством о былинной традиции Шенкурского края.

* * *

Шенкурско-Важская былинная традиция предстает перед учеными в 11 текстах (11 сюжетов): «Добрыня и Василий Казимирович», «Добрыня и Маринка», «Илья Муромец и Соловей разбойник» в контаминации с «Ссорой Ильи Муромца с князем Владимиром», «Илья Муромец и нахвальщик», «Алеша Попович и Тугарин», «Алеша Попович и сестра Сбродовичей», «Дунай-сват», «Сорок калик», «Иван Гоудинович» и «Василий Буслаев и новгородцы» (2 варианта).

На первый взгляд, данное количество сюжетов не может свидетельствовать о сколько-нибудь развитой эпической традиции на Ваге. Здесь зарегистрировано менее 1/5 всех былинных сюжетов русского народа. Однако совершенно очевидно, что столь малое количество сюжетов — это не объективная картина состояния местной традиции в середине XIX в., а результат того, что Ваге не уделялось достаточного внимания со стороны фольклористов. В пользу того, что здешняя эпическая традиция была гораздо мощней, чем она представлена в фольклорных сборниках, говорит сам список былин этого региона. Здесь явное преобладание героических сюжетов типа «Илья Муромец и Соловей разбойник», «Добрыня и Василий Казимирович», «Алеша Попович и Тугарин» и т. д. Без сомнения, если бы фольклористические разыскания в Шенкурско-Важском крае в прошлом велись интенсивнее,

современные исследователи имели бы в своем распоряжении большее число сюжетов важских былин.

Обращает на себя внимание относительная краткость важных былин. Полноценно изложенный сюжет здесь укладывается в 108 стихов («Добрыня и Маринка»), 85 стихов («Алеша Попович и сестра братьев Сбродовичей»), 178 стихов («Добрыня и Василий Казимирович») и т. д. Самая длинная старина — «Иван Годинович» — состоит всего из 356 стихов. Краткость сближает шенкурскую эпическую традицию с Пинегой. В связи с этим возникает мысль, нет ли каких-либо параллелей, точек соприкосновения между важскими и пинежскими былинами. Ведь эти регионы соседствуют друг с другом. А водный путь Вага — Северная Двина — Пинега был известен русским людям издревле. Естественно было предположить наличие каких-то совпадений и сходжений в традициях названных территорий. Однако сопоставление былин на одни и те же сюжеты на Ваге и Пинеге дало отрицательные результаты: местные тексты принадлежат к разным редакциям и версиям. Впрочем, это не должно нас удивлять. Фольклористике хорошо известны факты, когда территориально близкие районы оказываются далекими с точки зрения характеристики устно-поэтических традиций. Так, исследователи отмечают существенные расхождения в эпических репертуарах Кулоя и Мезени.²⁶

Дадим краткую характеристику местных версий былинных сюжетов.

1—2. Сюжет «Илья Муромец и Соловей разбойник» в важско-шенкурской традиции представлен полноценным песенным текстом, являющим собой контаминацию названного сюжета с сюжетом «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром» (Кир., I, с. 77—86).

Сюжет о Соловье разбойнике в важской былине изложен достаточно традиционно: Илья Муромец просит у своего отца разрешения ехать посмотреть землю святорусскую, отец предупреждает его о Соловье разбойнике, но герой все-таки едет; герой побивает Соловья, освобождает Кидиш, благополучно проезжает мимо сыновей Соловья и его дочери Катюшеньки и приезжает в Киев; киевский князь поначалу не верит, что богатырь ехал по прямоезжей дороге, затем просит Соловья просвистеть, после чего Илья убивает Соловья. Редкой явля-

ется контаминация сюжета «Илья Муромец и Соловей разбойник» с былиной острой социальной направленности «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром». После убийства Соловья Илья Муромец остается на пиру у киевского князя, выпивает зелена вина, ломает скамьи дубовые, поприжимает всех гостей в большой угол, а затем и вовсе побивает их, не оставив на семена. Буйное поведение героя объясняется тем, что князь на приезде Илью не употчивал, высказав недоверие его подвигу.

В целом мы можем рассматривать данный вариант как позднюю версию былины. Общеизвестно, что контаминация разных сюжетов, наличествующая в нашем тексте, характерна для поздних стадий развития русского песенного эпоса. Обращает на себя внимание то, что об опасностях дороги, на которой засел Соловей разбойник, героя предупреждает не мать, а отец — явно поздняя интерпретация мотива «вещей матери». То же самое позднее «мужское» начало просматривается и в эпизоде с сыновьями Соловья разбойника: в более ранней версии этого мотива фигурируют дочери.

Важская былина обращает на себя внимание несколькими именами собственными и топонимами. Весьма симптоматично то, что в рассматриваемом тексте князь Владимир по имени не назван. Илья Муромец обращается к нему «Еще здравствуй, князь славной кѣивской, Славной кеивской да владимирской» (ст. 188—189) или «Еще ты, славной князь кѣивской да владимирской» (ст. 265). Соблазнительно за словом «владимирской» прочесть не испорченное от имени Владимир, а воспоминание о Владимиро-Суздальском княжестве, бывшем одной из метрополий для Шенкурско-Важского края. Однако, скорее всего, «владимирской» является производным от имени «Владимир».

Среди географических названий отметим следующие. Во-первых, это топонимы, явно связывающие былинный сюжет с рядом древних мифологических представлений: Дунай-река (ст. 27), Смородина-река (ст. 243). Во-вторых, выделяются наименования, заставляющие вспомнить о том, что шенкурская территория заселялась выходцами из Ростово-Суздальских земель. В первых же строках называется родина Ильи: «Во славном во городе во Муроме, Во селе Карацáрове». Впрочем, данный топоним — общий для всей русской традиции. Далее в шенкурском тексте герой после того, как пленил Соловья разбойника, приезжает к городу Кидишу и ос-

вобождает его от Литвы некрещеной. Как говорилось выше, М. П. Погодин идентифицировал Кидиш как Китеж. Мы же за названием Кидиш предположительно прочитываем древнюю Кидекшу, стоящую близ Суздаля, где в 1152 г. князем Юрием Долгоруким была поставлена поражающая своей суровой простотой церковь в честь первых русских святых Бориса и Глеба. Историки предполагают, что здесь же располагалась и княжеская резиденция.

Топоним «Кидиш» не является исключительным для рассматриваемого былинного текста. В еще одной записи (необычный сюжет о Суровце-богатыре из неназванного региона — Кир., III, Приложение, с. IX) говорится о городе Покидоше. А. Н. Веселовский высказывает осторожную гипотезу о том, что Покидош (и возможно, Кидиш) — это город, который «следует искать где-нибудь поблизости» Суздаля.²⁷

Наконец, в былине несколько раз названы «Сибирские украины» (ст. 100, 130, 166), куда едет Илья Муромец. Данный топоним, на наш взгляд, свидетельствует о том, что Шенкурско-Важский край, в свою очередь, оказался метрополией (точнее: одной из метрополий) для Пермской земли, о былинной традиции которой будет говориться в пятой главе (напомним, что Сибирью в документах позднего средневековья назывались территории как к востоку от Уральских гор, так и к западу от них в Прикамье). Во всяком случае «Сибирская Украина» явно была актуальной для сознания шенкурцев, раз она попала даже в былинную традицию.

Укажем на еще одну немаловажную деталь данной былины. В ст. 11 назван «Цернав кáрабль — яснав sóкол»: Илья Муромец хочет посмотреть земли святорусские, кружала государевы и Сокол-корабль. Упоминание Сокола-корабля дает нам возможность предположить, что некогда в Шенкурском крае была известна и былина на сюжет «Илья Муромец на Соколе-корабле». Как мы покажем ниже, эта былина в специфической функции святочно-рождественской коляды была очень популярна в вологодской традиции. Таким образом, просматриваются некие косвенные связи шенкурской былинной традиции с традицией Вологодского и Пермского краев.

3. Сюжет «Илья Муромец и нахвальщик» в Важско-Шенкурском крае зафиксирован в единственной записи (Кир., I, с. 46—52). Это полноценный песенный вариант, представляющий своеобразную версию. Действие происходит на заставе богатырской, на которой находятся Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Гришка боярский сын и Васька Долгополый. Добрыня наезжает на ископыт могучего богатыря Жидовина, приехавшего из Жидовской земли. Русские богатыри решают, кому ехать за нахвальщиком; Илья Муромец отвергает Ваську Долгополого, Гришку Боярского, Алешу Поповича, но доверяет дело Добрыне Никитичу. Добрыня едет навстречу Жидовину и терпит от него поражение. Тогда Илья Муромец сам выезжает на бой с нахвальщиком. Сначала Жидовин побеждает Илью Муромца и садится ему на груди белые, но после обращения Ильи с молитвой к апостолам, он обретает силу и убивает нахвальщика.

Как видим, шенкурская былина полностью игнорирует мотив «бой отца с сыном». Нахвальщик Жидовин, в отличие от других версий этого сюжета, не оказывается сыном или другим родственником Ильи Муромца. В данном варианте действие сосредоточено не на частной драме взаимоотношений русского богатыря и его сына, а на проблеме общегосударственного масштаба: защита Киева от вражеских посяганий. Конфликт, разрабатываемый в шенкурском варианте, придает бродячему сюжету подлинно героическое звучание и монументальность. Без сомнения, данную версию сюжета можно рассматривать как позднюю, возникшую на основе развития мотива «бой отца с сыном».

Исследователи уже давно обратили внимание на данную былинку, причем, как правило, рассматривали ее как самостоятельный сюжет, генетически восходящий к былинке «Илья Муромец и Сокольник». Образ Жидовина стал центром исследовательской мысли. А. Н. Веселовский искал за этим именем этнические основы. Жидовин, считал ученый, есть отражение былого противостояния Древней Руси и Хазарского каганата — мощного государства, простиравшегося от Дона до Паннонии (VII—начало XI в.). В VIII в. часть его населения приняла иудейство.²⁸ В согласии с эпическими законами это противостояние выразилось в создании образа вражеского богатыря Жидовина.

М. Е. Халанский нашел типологическую параллель Жидовину в образах Джидовина и девки Джидовки — персона-

жах юнацких песен южных славян. Эти герои — великаны-богатыри, проявляющие враждебность по отношению к юнкам — у сербов встречаются в сюжетах, аналогичных русским былинам «Добрыня и поленица», «Илья Муромец и Идолище», «Илья Муромец и Сокольник» (но в юнацких песнях противник Марко-королевича оказывается не его сыном, а заявляет свои права на отцовство). На южнославянской и румынской почве распространены также прозаические предания о джидах-великанах и их могилах и пещерах. М. Е. Халанский предлагает две возможных версии происхождения этого слова: от арабского «джин», «див» (великан, черт) или от греческого через древнесербскую форму «гиг» с тем же значением. Как бы то ни было, за образом русского Жидовина исследователь прочитывает не этническую (хазарскую) основу, а древнюю эпическую — общий для всех народов образ великанов, являющихся старшим поколением по отношению к нынешним людям. Образ Джидовина, полагает М. Е. Халанский, был перенят русскими от южных славян и включен в старый сюжет «Илья Муромец и Сокольник», в результате чего родился новый былинный сюжет — о Жидовине. Сложился этот сюжет у донских и запорожских казаков, а впоследствии оказался на севере России.²⁹

Шенкурская былина об Илье Муромце и Жидовине заняла особое место в истории русской фольклористики. Этот текст неоднократно перепечатывался в популярных изданиях, благодаря чему шенкурский вариант оказал ощутимое влияние на творчество сказителей из разных регионов. В справочнике Ю. А. Новикова «Былина и книга: Указатель зависимых от книги былинных текстов» называются следующие популярные издания, в которых перепечатывался в том или ином виде шенкурский вариант «Ильи Муромца и нахвальщика»: хрестоматия для приходских школ А. Оксенова «Народная поэзия: Былины. Песни. Духовные стихи» (СПб., 1898. № 38 и др. издания), где шенкурский текст представлен практически в неизменном виде; «Русские народные былины: Илья Муромец, крестьянский сын. По сборникам Кирши Данилова, Киреевского, Рыбникова и Гильфердинга / Сост. В. и Л. Р-н» (М., 1894), где шенкурский вариант также представлен в неприкосновенности; «Русские былины и сказания про богатырей древнекиевского периода: В новом общедоступном изложении / Изд. А. Каспари» (СПб., 1894); Галахов А. «Русская хрестоматия» (М., 1915. Т. 2 и др. из-

дания); «Сказ об Илье Муромце / Изд. Санкт-Петербургского комитета грамотности; Под ред. О.Ф.Миллера» (СПб., 1887), в котором дана компиляция из шенкурского текста и былины на этот же сюжет от Т. Г. Рябинина в записи А. Ф. Гильфердинга; «Русские былины в пересказе для детей О. Роговой (Шмидт-Москвитиной) / С одиннадцатью хромолитографиями по акварелям Н. Н. Каразина» (СПб., 1893); «Илья Муромец — набо́льший богатырь земли русской» (М.: Изд-во И. Д. Сытина, 1892), где дана сложная компиляция из нескольких былин (шенкурский текст; былина Кир., IV, с. 6; КД № 50; рябининский варинат из сборника А. Ф. Гильфердинга и др.); «Илья Муромец, крестьянский сын: По народным былинам / Рассказано В. Острогорским» (СПб., 1869), где былина о нахвальщике также представлена сводным текстом, основанном на нескольких подлинных записях (шенкурский текст; Кир., IV, с. 6; КД № 50; Кир., I, с. 52); сборник В. П. Авенариуса «Книга былин: Свод избранных образцов русской народной эпической поэзии» (М., 1893 и др. издания), предлагающая читателю также компиляцию (шенкурский текст; Кир., I, с. 6; КД № 50; рябининский текст в записи А. Ф. Гильфердинга).

Судя по указателю Ю. А. Новикова, многие сказители так или иначе испытали книжное влияние шенкурского варианта: А. Бажуков и Т. Кузьмин с Печоры; А. Егорова с Западной Сибири; П. Киберев с Восточной Сибири; Н. Кигачев с Восточного Прионежья; А. Крюкова и М. Крюкова с Зимнего берега Белого моря и др.³⁰

4. Сюжет «Добрыня и Василий Казимирович» (Кир., II, с. 83—89) в Шенкурском крае представлен вполне полноценным, хотя и несколько усеченным, песенным вариантом. Шенкурский вариант примыкает к версии, названной С. Н. Азбелевым основной. Схема ее, согласно С. Н. Азбелеву, такова:

«1. Василий Казимирович, Добрыня Никитич и Иван Дубрович по поручению Владимира везут дань неверному царю.

2. Царь предлагает богатырям состязания. Участвующий в них по поручению Василия Казимировича Добрыня обыгрывает царя в шахматы, затем побеждает его лучших стрелков из лука и, наконец, успешно побарывает многих татарских борцов.

3. Борьба переходит в бой русских богатырей со всей татарской силой, и они побивают войско вражеского царя.

4. Царь просит пощадить остатки его военной силы, отдает дань и обязуется впредь платить ее Владимиру». ³¹

В нашем тексте вместо Ивана Дубровича третьим богатырем оказывается Марко-паробок. Богатыри с самого начала едут к царю Батыю без дани, оставив ее в Киеве и захватив с собой только «лучишко дорожное»; впрочем, прибыв в Заоданскую землю, герои просят Батыя принять дани-пошлины. Состязания происходят в следующем порядке: шахматы; борьба; стрельба. Добрыня стреляет в дуб и расшибает его «в черенье во ножёвое», после чего богатыри уезжают в Киев. Как видим, выделенные С. Н. Азбелевым третий и четвертый эпизоды, в шенкурском варианте не находят развития.

Основная версия, к которой принадлежит шенкурская былина, может считаться ранней по сравнению с печорской версией этого же сюжета. На Печоре главным героем оказывается Василий Буслаев или Дунай; роль Добрыни здесь менее значительна. Богатыри здесь везут дань-пошлину на кораблях (отражение поморского быта), состязания же в шахматах, в стрельбе из лука и в борьбе мотивируются тем, что вражеский царь отказывается эту дань принять, требуя от богатырей службы. Однако внутри основной версии шенкурский вариант, без сомнения, должен рассматриваться как достаточной поздний, во всяком случае, свидетельствующий о начинающемся забвении сюжета.

5. Сюжет «Добрыня и Маринка» представлен полноценным песенным вариантом (Кир., II, с. 45—48), являющим собой весьма своеобразную версию, отличную от классического изложения сюжета. Во-первых, здесь прямо говорится о том, что Добрыня задумал жениться на Марине Игнатьевой (в большинстве вариантов герой просто собирается погулять на улочках на Маринкиных). Против женитьбы богатыря предупреждает не мать, а его большая сестра Катерина Никитишна. В шенкурском варианте полностью снимается мотив змеборства, который и в основной версии сюжета представлен в почти пародийном виде. Добрыня видит, что Маринка находится в любовной связи со Змеей лютой, но не стреляет в Змея. В трансформированном виде здесь предстает и мотив голубей: герой не стреляет в голубей, сидящих на

окошечке у Маринки, а сам превращается в сизого голубя, чтобы попасть к ней в дом и посвататься. Таким образом, этот персонаж в данном варианте оказывается наделенным несвойственной ему способностью к оборотничеству (ср. Волх Всеславьевич).

Основное действие шенкурской былины сосредоточивается вокруг единоборства двух героинь-колдуний — Маринки и Катерины Никитишны. После того, как Маринка превратила Добрыню в тура, Катерина Никитишна требует вернуть герою человеческий облик и грозит, в свою очередь, обернуть Маринку «сухой долгохвостой». Наказание колдуньи выразилось именно в этом насильственном превращении (ср. в классической версии: Добрыня «учит» героиню «наученьцем», то есть казнит Маринку, отрубая ей руки, ноги, губы и т. д.).

Хотя в шенкурском варианте в прямом, «обнаженном» виде представлены многие архаичные мотивы (героическое сватовство, оборотничество, единоборчество двух колдуний), мы все-таки рассматриваем данную версию как довольно позднюю. Перед нами пример вторичной архаизации сюжета, нередкий в фольклорной традиции. Следует также сказать, что сюжет о Добрыне и Маринке может быть представлен еще более поздней, чем шенкурская, версией. Так, в Онего-Каргопольском крае зафиксирована демифологизированная редакция: Маринка здесь лишена колдовских чар. Вместо обращения героя в тура она пытается расправиться с ним с помощью «подложной кровати», то есть в этой версии мы наблюдаем прямое, а не реверсированное развитие сюжета.³²

6. Сюжет «Алеша Попович и Тугарин» представлен прозаическим пересказом (Аф., II, № 312), тесно связанным с песенной былинной традицией. В шенкурской былине наличествуют поэтические тропы, характерные для песенного эпоса. Прозаический текст ткется из типических мест былинных песен: скорый рост Алеша Поповича (ср. Волх Всеславьевич); его опасные игры со сверстниками на улице (ср. Василий Буслаев); вход героя в белокаменные палаты; седлание коня и т. д. Былина начинается с приема параллелизма: «На небесах зародился млад-светел месяц, на земле-то у старого соборного у Леонтья-попа зародился сын — могучий богатырь». В другом фрагменте звучит отрицательный паралле-

лизм: «Не две горы вместе скатаются, то Тугарин с Алешей съезжались». Прозаический шенкурский пересказ сохранил и конкретику былинных имен. Так, отцом богатыря здесь, как и в песенных вариантах, называется соборный Леонтий-поп, прототипом которого сторонники «исторической школы» считают известного Ростовского епископа.

7. Сюжет «Алеша Попович и сестра братьев Сбродовичей» в шенкурско-важской традиции представлен полноценным песенным вариантом (Кир., II, с. 67—69). Действие здесь развивается традиционно и заканчивается просьбой Алеши Поповича отдать Наталью Збродовичну замуж за себя.

8. Сюжет «Дунай-сват» (Кир., III, с. 52—56) представлен песенным вариантом, в котором дается несколько усеченная редакция былины. Дунай вместе с Добрыней приезжает в Ляховинскую землю, сватает невесту князю Владимиру и сразу же получает согласие: «За Владимира можно девка давать: Хорошой жених, во славе во почести». Никакого боя за невесту в шенкурском тексте не происходит. Точно также король Ляховинский дает согласие и на замужество второй дочери, к которой сватается сам Дунай. Поэтому мотив встречи в чистом поле Дуная с богатыршей-поленицей и боя с нею здесь также отсутствует. Шенкурская былина оказывается не трехчастной, а двучастной: после эпизода со сватовством здесь сразу же рисуется картина состязания Дуная со своей женой в стрельбе и дается трагическая развязка. Этиологический мотив происхождения рек из крови погибших героев в местной традиции опущен. Как видим, в данном варианте также налицо следы начинающегося распада былинной традиции.

9. Сюжет «Иван Годинович» (Кир., III, с. 9—19) представлен полновесным песенным вариантом, в котором переплетаются черты ранней и поздней версий. Так, в отличие от явно поздних редакций Пинежского края и Терского берега Белого моря, где невеста оказывается верна главному герою и рада своему освобождению от ненавистного ей Идолица, в шенкурской былине разрабатывается исконный образ невесты-

предательницы. В образе Авдотьи Лебедь белой по шенкурскому тексту явственно прочитываются зооморфные черты невесты-колдуньи, принадлежащей чужому миру:

На головке у Авдотьи белы лебеди,
На левом плече у ней черны собыли,
На правом плече сидят ясны соколы,
На прошестях у Авдотьи сизы голуби,
На подножках у Авдотьи черны вороны.

С другой стороны, в шенкурском варианте Иван Годинович сватает себе невесту у короля в городе Черниговском (ср. то же самое в былине Кирши Данилова, в тексте из собрания Гуляева и др.), что сразу переводит мифологическое звучание былины в историческое.

10. Сюжет «Сорок калик» (Кир., III, с. 81—84) представляет собой песенный вариант. Это единственная из шенкурских былин, которая имеет более точное географическое приурочение — деревня Шихеринская. Былина была отослана А. Харитоновым В. И. Далю 29 августа 1848 г.

Шенкурский вариант разрабатывает традиционную версию былины. Однако сюжет здесь изложен не полностью: повествование заканчивается казнью оклеветанного княгиней Апраксией Михайлушки Касьянова. Последующая тяжелая болезнь княгини, чудесное спасение героя и исцеление им клеветницы в былине не изображается. Данный факт заставил П. А. Бессонова, знавшего полную версию сюжета по тексту из Сборника Кирши Данилова, в конце публикации сделать свое примечание: «Не кончено». Тем не менее надо отметить, что шенкурский текст выглядит вполне завершенным. Фабула здесь развивается по балладным законам, предпочитающим трагические развязки (ср. балладные развязки в былинах о Даниле Ловчанине и Сухмане). Светлое начало духовного стиха, утверждающее божественную справедливость по отношению к герою-праведнику, которым определяется развитие действия в полных вариантах сюжета о сорока каликах, в шенкурском тексте полностью отсутствует.

11. Сюжет «Василий Буслаев и новгородцы» в местном крае известен в двух вариантах (Кир., V, с. 3—8 — запись

А. Харитоновна; с. 9—14 — запись Н. П. Борисова), первый из которых, как указывалось выше — дефектный.

Оба варианта являют собой одну редакцию. Здесь один именной ряд. Главный герой в обоих текстах прозывается Васька. Товарищами Василия Буслаева в обоих текстах оказываются Котельная Пригарина и Потанюшко Хроменький. Только они смогли поднять предложенную главным героем чару с вином. В обоих записях имеются имена мужиков-новгородчан Николы Зиновьевича и Фомы Родионовича, собравших братчину Никольщину. Крестовый батюшка, которого опасается Васька, именуется Старчищем Игнатьищем, а мать главного героя — Амелфа Тимофеевна.

События в обоих текстах развиваются в одинаковой последовательности. Единственным существенным различием является лишь то, что в записи А. Харитоновна Котельная Пригарина и Потанюшко Хроменький вместе прибегают к Василию Буслаеву и выпивают предложенные им чары; в варианте же Н. П. Борисова рисуется две последовательных сцены прихода на пир каждого из героев в отдельности. В былинне А. Харитоновна более полно представлена речь мужиков-новгородчан, возмущающихся тем, что Васька не пришел на бой с Новгородом (8 строк против 2 в варианте Н. П. Борисова). В остальном же тексты совпадают местами чуть ли не дословно. Это свидетельствует о том, что в Шенкурском крае сложилась стабильная версия данного сюжета.

Ю. А. Новиков также отметил схожесть двух шенкурских вариантов: «Они явно родственны по происхождению».³³ Развивая мысль о постоянном обновлении языка былин, исследователь обратил внимание на то, что язык текста Н. П. Борисова более модернизирован, чем в тексте А. Харитоновна: лексемы архаического порядка здесь заменяются современными словами. Так, ст. 24 «Засмекали они собирать братовщины Никольщины» (запись А. Харитоновна) во втором варианте звучит как «Вздумали они сбирать братщины Никольщины» (ст. 104). Формула «Накурили они зелена вина» (ст. 26 в записи А. Харитоновна) заменена на стих «Наварили зелена вина» (ст. 106). Строка «Не о сте рублей, не о тысяче» (ст. 48 в записи А. Харитоновна) модернизировалась в стих «Не о ста рублях, не о тысяче» (ст. 124). Особый акцент Ю. А. Новиков делает на ст. 108 «Тял брата осью тележною» (запись А. Харитоновна), где звучит в форме прошедшего времени («тял») архаичный глагол «тети» (рубить, сечь). В ва-

рианте Н. П. Борисова соответствующее слово заменено более понятным глаголом «тяпнуть»: «Тут его тяп о белы груди осью тележною» (ст. 165). Таким образом, можно сделать вывод о том, что вариант А. Харитоновна был записан от сказителя старшего поколения, а старина Н. П. Борисова — от певца младшего поколения.

* * *

Краткая характеристика шенкурских записей былин позволяет сделать следующие выводы. В 1840-е годы местная былинная традиция была еще достаточно далека от затухания. В большинстве своем шенкурские былины представляют собой полноценные песенные тексты. Если бы на протяжении второй половины XIX в. собирательская ситуация сложилась более благоприятно для Шенкурского края, наука, без сомнения, имела бы из здешнего региона гораздо больше полноценных текстов, а эпический репертуар Шенкурских земель был бы представлен большим числом сюжетов.

Можно сделать вывод о том, что во многих случаях шенкурские былины являют собой явно поздние версии сюжетов. Таковы, например, местные былины «Илья Муромец и нахвальщик», «Илья Муромец и Соловей разбойник». Одновременно здесь зафиксированы и версии, которые можно характеризовать, как вторичную архаизацию классической редакции («Добрыня и Маринка»).

Обращает на себя внимание также то, что часть былин представлена вариантами, на которых уже сказались процессы затухания былинной традиции: прозаический текст «Алеша Попович и Тугарин», двучастная былина «Дунай-сват», усеченный вариант «Добрыни Никитича и Василия Казимировича».

Все это заставляет предположить, что 1840-е годы для важской традиции могут считаться началом затухания эпоса. В связи с этим необходимо напомнить о таком немаловажном для понимания судеб региональных традиций факторе, как «неравномерность развития» фольклорных традиций. «Даже в соседних районах, — пишет Ю. А. Новиков, — не всегда совпадали по времени периоды относительной стабилизации, постепенного накопления кризисных явлений и резкого спада, да и интенсивность этих процессов не всегда была одинаковой».³⁴ Так, например, на Пинеге в начале XX в.

А. Д. Григорьев застал уже затухающую традицию, в то время как рядом, на Мезени и Кулое, былины еще продолжали жить достаточно полнокровной жизнью. В Важском крае процессы отмирания былинной традиции проявили себя, по видимому, уже в сороковые годы прошлого столетия, то есть намного раньше, чем, скажем, на той же Пинеге или в Обонежье.

Сложно ответить на вопрос, почему шенкурская традиция угасла быстрее, чем другие севернорусские былинные очаги. Без сомнения, в этом процессе сыграл свою роль целый комплекс причин, которые еще требуют своего исследования. Назовем в качестве предположения одну из них. Вага — земледельческий район. Для важных крестьян не было характерным участие в морских промыслах. Морские же промыслы, где собирались жители разных районов Севера, играли важную роль в диффузии эпических репертуаров отдаленных друг от друга регионов, а следовательно, и в поддержании самой традиции. Шенкурская былинная традиция, оторванная от морских промыслов, была относительно замкнутой, развивалась в основном внутри себя и поэтому была обречена на более раннее затухание.

¹ *Васильев Ю. С.* Об историко-географическом понятии «Заволочье» // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 103—109.

² *Дмитриева С. И.* Географическое распространение былин: По материалам конца XIX — начала XX в. М., 1975. С. 50.

³ Там же.

⁴ *Шустиков А. А.* Сказания и сказки // Живая старина. 1895. Вып. 3—4. С. 426—427.

⁵ *Бернштам Т. А.* Роль верхневолжской колонизации в освоении Русского Севера (IX — XV вв.) // Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973. С. 5—29. См также карту, данную в монографии этой же исследовательницы «Поморы: Формирование группы и система хозяйства» (Л., 1978. С. 28), где обозначены зоны ростовского влияния в древнем Заволочье.

⁶ *Бернштам Т. А.* Поморы: Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978. С. 30.

⁷ *Витов М. В.* Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера // История СССР. 1964. № 6. С. 96.

⁸ *Дерягин В. Я., Комягина Л. П.* Из истории диалектных границ Северной России // Вопросы языкознания. 1968. № 6. С. 110.

⁹ *Молчанов К.* Описание Архангельской губернии, ее городов и достопримечательных мест со многими древними историческими известиями и замечаниями, к дополнению Российской истории служащими. СПб., 1813. С. 192.

¹⁰ *Баландин А. И.* К атрибуции «Песен» П. В. Киреевского (Записки Н. П. Борисова) // Фольклор: Издание эпоса. М., 1977. С. 244. См. о Н. П. Борисове также: *Грузин-*

- ский А. К истории собирания русских былин // Этнографическое обозрение. 1897. № 4. С. 131—132.
- ¹¹ Народная сказка о горе-горяине, Даниле дворянине // Москвитянин. 1843. № 4. С. 389—394. См. также еще одну публикацию сказки, записанной Н. П. Борисовым: Простонародная сказка о Бухтане Бухтановиче // Москвитянин. 1844. № 1. С. 122—124. Свидетельством того, что Н. П. Борисов занимался также собиранием диалектных слов, является следующая его публикация: *Борисов Н. П.* Несколько простонародных слов, употребляемых в Шенкурском уезде (Арханг<ельской> губ.) // Отечественные записки. 1844. Т. 32, № 2, Смесь. С. 82—90. См. также: *Борисов Н. П.* Свадебные обряды в Шенкурском уезде Архангельской губернии // Московские ведомости. 1852. № 22 апр., № 49.
- ¹² *Илья Муромец* (Народная сказка) // Москвитянин. 1843. № 11. С. 7.
- ¹³ Там же. С. 10. Легенда о Китеже опубликована: Китеж на Светлояр озере / Доставлено Мелединым // Москвитянин. 1843. № 12. С. 507.
- ¹⁴ Цитируем по статье: *Баландин А. И.* К атрибуции «Песен» П. В. Киреевского (Записи Н. П. Борисова). С. 252.
- ¹⁵ *Баландин А. И.* К атрибуции «Песен» П. В. Киреевского (Записи Н. П. Борисова). С. 253.
- ¹⁶ *Харитонов А.*: 1) Из записок шенкурца (Нравы, обычаи, поверья, суеверия) // Отечественные записки. 1847. Т. 54, № 10, Смесь. С. 148—156; 2) Из записок шенкурца (предание о братьях Весе и Пёрше) // Отечественные записки. 1848. Т. 56, № 2, Смесь. С. 170—174; 3) Очерк демонологии крестьян Шенкурского уезда // Отечественные записки. 1848. Т. 57, № 4, Смесь. С. 132—153; 4) Врачевание, забавы и поверья крестьян Архангельской губернии, уездов: Шенкурского и Архангельского // Отечественные записки. 1848. Т. 58, № 5, Смесь. С. 1—24; 5) Архангельские промышленники на Груманте (Шпицбергене) // Отечественные записки. 1849. Т. 66, Смесь. С. 282—298; 6) Мои шенкурские знакомцы (Их нравы, обычаи, поверья, суеверья и проч.) // Отечественные записки. 1850. Т. 69, № 3, Смесь. С. 10—20.
- ¹⁷ *Баландин А. И.* К атрибуции «Песен» П. В. Киреевского (Записи Н. П. Борисова). С. 254.
- ¹⁸ *Василий Буславич* (Русская народная сказка) // Новогодник: Собрание сочинений в прозе и стихах современных русских писателей, изданный Н. Кукольником. СПб., 1839. С. 276—291.
- ¹⁹ *Кузмищев П. Ф.*: 1) Собрание особенных или имеющих другое значение слов и некоторых выражений, употребляемых в Камчатке (многие из них принадлежат всей Сибири) // Москвитянин. 1842. № 3. С. 237—259; № 11. С. 246—254; 2) Собрание местных слов, имеющих особое значение и употребляемых в Астраханской губернии и на Каспийском поморье // Астраханские губернские ведомости. 1841. № 2. С. 5—7; № 3. С. 10—12; № 4. С. 14—16; № 6. С. 22—24; № 8. С. 31—33; № 12. С. 52—53; № 13. С. 55—57; № 14. С. 59—61; № 16. С. 71—73. — Перепечатано: Московские ведомости. Прибавление. 1841. № 12. С. 136—139; № 13. С. 151—152; 1842. № 21. С. 465—468; 3) Собрание особых поморских и речных слов, употребляемых на Восточном океане и Сибири // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. СПб., 1846. Т. 4. С. 320—330; 4) Дополнения к собранию беломорских слов // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. СПб., 1848. Т. 6. С. 505—515; 5) Собрание особенных слов употребляемых жителями Архангельской губернии и

- мореходами на Белом море и Северном океане // Архангельские губернские ведомости. Ч. неофиц. 1847. № 2. С. 23—26; № 3. С. 33—35; № 4. С. 50—53; № 5. С. 66—70; № 6. С. 81—84; № 8. С. 119—122; № 10. С. 147—152; № 15. С. 212—216; № 16. С. 228—231; № 17. С. 243—247; № 20. С. 311—314; № 22. С. 321—324; № 23. С. 337—340; № 24. С. 353—355; № 25. С. 370—372; № 28. С. 419—422; № 30. С. 439—442; № 31. С. 448—451; № 34. С. 471—472; № 35. С. 478—481; № 36. С. 486—489; № 39. С. 513—514; № 40. С. 521—524; № 41. С. 528—529; 1849. № 25. С. 187—191; № 26. С. 195—199; № 27. С. 204—207; № 28. С. 211—215.
- ²⁰ *Савва В. И. П. Ф. Кузмищев* — корреспондент В. И. Даля // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. Киев, 1908. Кн. 20, вып. 2. Отд. 5. С. 13—57. См. также некрологи П. Ф. Кузмищева: Контр-адмирал Павел Федорович Кузмищев // Морской сборник. 1850. Т. 4, № 11. С. 458—465; Письма к редактору «Москвитянина»: Из Архангельска // Москвитянин. 1851. № 11, Внутр. изв. С. 235—237.
- ²¹ *Кузмищев П. Ф.*: 1) Анекдоты о Ломоносове // Москвитянин. 1845. № 1. Отд. 6. С. 17—18. — Подпись: П.К.; 2) Разыскания в архивах об Архангельском порте // Москвитянин. 1849. № 7. Отд. 5. С. 99—101; 3) Поэт-самоучка [А. Ф. Нечаяев] // Москвитянин. 1849. № 10, Смесь. С. 29—31.
- ²² *Савва В. И. П. Ф. Кузмищев* — корреспондент В. И. Даля. С. 45.
- ²³ Там же. С. 54—55.
- ²⁴ *Баландин А. И.* К атрибуции «Песен» П. В. Киреевского. С. 260.
- ²⁵ *Соймонов А. Д.* Записи былин первой половины XIX века в собрании П. В. Киреевского (К истории собирания и изучения) // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1960. Т. 5. С. 376—378.
- ²⁶ *Новиков Ю. А.* Проблема варианта и региональных традиций в изучении русских былин // Русская литература. 1984. № 4. С. 88—89.
- ²⁷ *Веселовский А. Н.* Южнорусские былины. СПб., 1881. С. 76—77 (Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности имп. АН; Т. 22, № 2).
- ²⁸ *Веселовский А. Н.* Мелкие заметки к былинам // Журнал министерства народного просвещения. 1889. № 5. С. 32—46 (очерк XI).
- ²⁹ *Халанский М. Е.* Былины о Жидовине // Русский филологический вестник. 1890. Т. 23, № 1. С. 1—23.
- ³⁰ *Новиков Ю. А.* Былина и книга: Указатель зависимых от книги былинных текстов. Вильнюс, 1995. С. 112—119.
- ³¹ *Азбелев С. Н.* Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982. С. 77.
- ³² *Новиков Ю. А.* Сказитель и былинная традиция. СПб., 2000. С. 39.
- ³³ Там же. С. 83.
- ³⁴ *Новиков Ю. А.* Точку ставить рано ... (О концепции новгородского происхождения русской былинной традиции) // Фольклор: Проблемы историзма. М., 1988. С. 25.

Глава 3

СЕВЕРОВДВИНСКАЯ БЫЛИННАЯ ТРАДИЦИЯ

Северодвинская эпическая традиция, как и шенкурская, никогда не привлекала специального внимания ученых. Слишком малозначительной выглядит она на фоне сопредельных регионов, прославившихся как мощные былинные очаги. Этот регион, в силу своей «невписанности» в общую картину Русского Севера, ставит перед исследователями немало загадок.

Исходя из «новгородской теории» происхождения русского эпоса, можно было бы ожидать, что Северная Двина была одним из самых ярких очагов былинной традиции. Эта река очень рано стала известна славянам. Новгородцы по Волхову, Ладожскому озеру и Свири выходили в Онежское озеро, а там рекою Водлою поднимались в Кенозеро и через р. Кену шли на р. Онегу. С Онеги волоком путь вел на р. Емцу, впадающую в Северную Двину (параллельно на Двину путь лежал по реке Ваге). Таким образом, русские появились сначала в низовьях реки и лишь много позднее были заселены ее верховья. А. А. Шахматов и А. Н. Насонов считали, что низовья Северной Двины были освоены новгородцами уже в XI—XII вв. И хотя, согласно новейшим исследованиям Т. А. Бернштам, массовое продвижение славян на север началось не раньше XIII—начала XIV вв., нижнее течение Северной Двины, и по ее мнению, было одной из первых северных территорий, освоенных нашими предками.

Низовья Северной Двины, без сомнения, были связаны и с близлежащим Шенкурско-Важским краем, и с далеким Приладожьем. Все три названных былинных региона, рассматриваемые в нашей монографии, оказываются объединены одним водным путем.

Как свидетельствуют письменные источники, в низовьях реки (от морского побережья до района Орлец — Ступино) уже в середине XIV в. образовалась так называемая Двинская

земля с центрами в Матигорах и Ухтострове (район современных Холмогор). В сферу влияния Двинской земли входили поселения на Летнем берегу, а также погосты на Терском берегу Белого моря. В XIV—XV вв. здесь было уже несколько монастырей (Архангельский Михайловский, Николаевский Чухченемский и др.) и более десятка церквей.¹ А. А. Шахматов, перечисливший их в своем исследовании о двинских грамотах, делает вывод, что «многочисленность церквей в Двинском крае в XV в. свидетельствует о значительности его населения».²

Двинская земля долгое время для Русского Севера служила своеобразной метрополией. Именно отсюда шла дальнейшая экспансия славян на восток — на Зимний берег Белого моря, реки Пинегу, Кулой, Мезень, Печору. Отсюда же заселялись западные территории — Поморский, Карельский и Терский берега Белого моря. Логично предположить, что корни богатейших былинных традиций перечисленных регионов находятся на Северной Двине. Однако сама она по сравнению со своими восточными и западными соседями практически почти не оставила нам эпического богатства.

На сторонников новгородской гипотезы происхождения русских былин, казалось бы, работает одна из страниц истории заселения славянами Северной Двины: здесь, как и в Важско-Шенкурском крае, сказалось влияние Ростовского княжества. В середине XIV в. по рекам Емце, Мехреньге, Ваймуге (притоки Северной Двины) и по самой Двине на территории выше Холмогор до устья Пинеги образовался массив земель, связанных с ростовской (низовской, верхневолжской) колонизацией Русского Севера.³ Вполне возможно, что низовский колонизационный поток, якобы не несший с собой былин, перекрыл новгородскую струю и подавил собой эпическую традицию на Северной Двине. Такое умозаключение выглядит вполне правдоподобным. Именно контактами с рынками Ростово-Суздальской земли объясняет скудость северодвинской эпической традиции С. И. Дмитриева.⁴ Однако нам уже приходилось в связи с Важским регионом доказывать, что верхневолжская колонизация тоже несла с собой на Север эпическое знание, поэтому мы полагаем, что причины малого числа былинных записей на Северной Двине надо искать не в истории ее заселения, а в ряде других факторов, о которых будет сказано ниже.

Обозначим основные вехи в истории собирания былин на Северной Двине. Первая страница этой истории связана с именем Александра Харитонов, о котором говорилось в предыдущей главе. В «Песнях, собранных П. В. Киреевским» в четвертом выпуске опубликовано семь былин, записанных в 1840-е гг. и помеченных Архангельским уездом: текст, контаминирующий сюжеты «Исцеление Ильи Муромца» и «Илья Муромец и Соловей разбойник» (Кир., IV, с. 1—6), «Илья Муромец и Сокольник» (там же, с. 12—18), два варианта старины «Илья Муромец и Идолище» (там же, с. 18—21 и с. 22—38), «Илья Муромец и Калин-царь» (там же, с. 38—46), «Илья Муромец — Никита Заолешанин» (там же, с. 46—49). Седьмая из былин — «Илья Муромец и Жидовин» (там же, с. 6—12) — как мы показали в главе о Важско-Шенкурской традиции, принадлежит к региону реки Вага. Таким образом, наука располагает шестью харитоновскими записями из Архангельского уезда.

Тот факт, что А. Харитонов собирал фольклор также на реке Вага, заставил некоторых из фольклористов предположить, что в издании «Песни, собранные П. В. Киреевским» произошла ошибка и харитоновские записи, помеченные Архангельским уездом, следует отнести к шенкурскому репертуару. Так полагал А. В. Марков, к его мнению присоединился и Ю. А. Новиков.⁵

Тем не менее имеются неоспоримые архивные свидетельства того, что А. Харитонов работал не только в Шенкурске, но и в Архангельске. Записанные им былины, как уже говорилось, сохранились в фонде П. В. Киреевского в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Как мы уже указывали при анализе важского материала, А. Харитонов послал перебеленные тексты своих старин В. И. Далю, а тот передал их в собрание П. В. Киреевского. Листы бумаги с записанными на них эпическими песнями позднее были разрознены и разложены в разные папки собрания. В некоторых автографах А. Харитонова сохранились фрагменты писем собирателя к В. И. Далю. Эти-то отрывки и позволяют с уверенностью сказать, что записи были сделаны в Архангельском уезде. Так, после текста былины «Илья Муромец и Калин-царь», заканчивая свое письмо к В. И. Далю, А. Харитонов писал: «С чувством глубочайшего почтения и

совершенной преданности, имею честь остаться вечно благодарным Вам, Вашим, милостивейший государь Владимир Иванович, послушным и покорным слугою, А. Харитонов. 5 января 1849 г. Архангельск» (РГБ, ф. 125, п.30, л. 31 об.). Обратим внимание на то, что письмо помечено Архангельском, следовательно А. Харитонов после Шенкурска жил в губернском городе и, позволительно допустить, мог записывать фольклор в Архангельском уезде. Этот фрагмент письма дает нам также примерную дату записей А. Харитонova — по-видимому, это был 1848 год.

К тексту былины «Илья Муромец и Сокольник» собиратель сделал примечание о легенде, согласно которой окаменевшая фигура Ильи Муромца находится где-то в Киеве. При этом А. Харитонов добавил: «Крестьяне Шенкурского уезда о смерти его говорят то же самое» (РГБ, ф. 125, п. 30, л. 17 об.), то есть фольклорист явно противопоставил Шенкурский уезд какому-то другому, видимо, Архангельскому. И, наконец, самое последнее и решающее свидетельство. Былинный текст об Илье Муромце и Соловье-разбойнике А. Харитонов предварил следующим замечанием: «Думаю, что не лишне будет познакомить Вас, милостивейший государь Владимир Иванович, с этою сказкою в том виде, в каком она ходит между крестьянами здешнего Архангельского уезда. А. Х<аритонов>» (РГБ, ф. 125, п. 30, л. 4). Таким образом, принадлежность ряда харитоновских былин Архангельскому уезду вытекает из заметок самого собирателя.

Но помета «Архангельский уезд» в «старой серии» П. В. Киреевского требует дополнительных разъяснений. Старины А. Харитонova не имеют более точного регионального обозначения — волость, деревня. А между тем в середине XIX в. Архангельский уезд охватывал большую территорию: к нему относились, кроме нижнего течения Северной Двины, Зимний и Летний берега Белого моря.⁶ В связи с этим приходится решать вопрос: правомочно ли атрибутировать харитоновские тексты как северодвинские былины, не относятся ли они, скажем, к традиции Зимнего берега Белого моря?

Эпическая традиция Зимнего берега (практически двух сел: Нижней и Верхней Зимних Золотиц) хорошо изучена нашей наукой. Сборник А. В. Маркова «Беломорские былины» (М., 1901), двухтомное издание «Былины М. С. Крюковой» (М., 1939—1941. Т. 1—2) и собрание «Былины Печоры и Зимнего берега» (М.; Л., 1961) дают возможность получить

ясное и всестороннее представление о зимне-золотицких былинах. Их отличает большой объем текстов (от 150 до 500 строк; тексты М. С. Крюковой — до 1125 стихов); склонность к контаминации сюжетов; развитые пространственные монологи и диалоги героев; бытовизация эпических сюжетов. А. М. Астахова писала: «... золотицкое былинное творчество характеризуется введением новых добавочных эпизодов, которые и придают местным обработкам очень своеобразный вид <...> Главное <...> своеобразие золотицких записей обусловлено тем, что <...> в руках талантливых сказителей с сильным тяготением к импровизаторству былинные сюжеты <...> переосмысливались и переоформлялись».⁷

Харитоновские же тексты, напротив, кратки (от 75 до 235 строк), лишь один из них контаминирует в себе два сюжета («Исцеление Ильи Муромца» и «Илья Муромец и Соловей разбойник»). Былины строятся в основном на типических местах и формулах, бытовизации сюжетов нет. И, наконец, сопоставление каждой из старин А. Харитонова с соответствующими сюжетами зимне-золотицкой традиции обнаруживает полнейшее несовпадение редакций и версий.

В качестве примера приведем былинку, объединяющую сюжеты «Исцеление Ильи Муромца» и «Илья Муромец и Соловей разбойник» (Кир., IV, с. 1—6). На Зимнем берегу эти сюжеты встречаются в текстах А. В. Маркова (Марк. № 1, 68, 107), Крюковой (Крюк., I, № 1 и фольклорный архив Института русской литературы, к.72, п. 1, № 1) и в сборнике «Былины Печоры и Зимнего берега» (БПиЗб № 92, 121, 145, 161). Из перечисленных былин Зимнего берега тексты БПиЗб № 145 и 161 восходят к книжной традиции, на что указывается в комментариях к сборнику. Былины М. С. Крюковой в наших рассуждениях также в расчет не принимаются, так как в творчестве этой исполнительницы сильно сказывается индивидуальное начало.

Сопоставление остальных зимне-золотицких текстов с харитоновским вариантом обнаруживает несовпадение композиций былин. В старине А. Харитонова действие разворачивается следующим образом: исцеление богатыря; перенос им чана с пивом с повети; пленение Соловья разбойника; столкновение с его детьми; освобождение города Крякова от осады; приезд в Киев; недоверие князя к рассказу о поездке прямоезжей дорогой; свист Соловья и его гибель. Особенностью былины А. Харитонова является то, что город Кряков Илья

Муромец освобождает вместе с Соловьем разбойником, который на какое-то время становится союзником русского богатыря.

Варианты Зимнего берега строятся по-другому, причем в зимне-золотицкой традиции отмечается несколько версий сюжета. Текст Марк. № 1 (от А. М. Крюковой) разрабатывает версию о трех поездках Ильи Муромца: встреча с разбойниками; с девицей-обманщицей; с Соловьем разбойником. Былины Марк. № 68 и 107 описывают отъезд героя из дома, освобождение города Чернигова, пленение Соловья разбойника и столкновение с его детьми, пир у князя Владимира, хвастовство Ильей своим подвигом и недоверие бояр, свист Соловья, то есть здесь перед нами опять-таки предстает версия, отличная от харитоновской записи.

Наиболее близки к тексту А. Харитонova варианты БПиЗб № 92 и 121 (от П. С. Пахоловой и ее дочери П. В. Негадовой). Здесь также сюжет о Соловье разбойнике контаминируется с «Исцелением Ильи Муромца». Однако, как известно, эта контаминация традиционна и распространена повсеместно. Сама по себе она не может служить основанием для атрибуции текста А. Харитонova к зимне-золотицкой традиции. Сюжет «Исцеление Ильи Муромца» в рассматриваемых зимне-золотицких вариантах и в харитоновской былине разрабатывается по-разному. В текстах Зимнего берега большую роль играет мотив покупки и выращивания коня для богатыря; в харитоновской старине этого эпизода нет, зато есть редко встречающийся мотив переноса чана с пьяным пивом. Вторая часть старины — сюжет о Соловье разбойнике — в былинах П. С. Пахоловой и П. В. Негадовой также имеет набор мотивов, не совпадающих с композицией текста А. Харитонova: герой просит у родителей благословения ехать в Киев; отец предупреждает его о Соловье Рохматьевиче; седлание коня и т. д. В этой версии нет очень важного эпизода об освобождении Ильей Муромцем города Крякова (Чернигова) от врагов.

Таким образом, сопоставление харитоновского варианта «Исцеление Ильи Муромца и Соловей разбойник» с зимне-золотицкими текстами обнаруживает их неидентичность. Это позволяет сделать вывод, что запись А. Харитонova была сделана не на Зимнем берегу Белого моря.

Сравнение былины «Илья Муромец и Сокольник» (Жир., IV, с. 12—16) с зимнебережными текстами (Марк. № 4, 70,

98; Крюк., I, № 14; БПиЗб № 93) также заставляет исключить принадлежность харитоновского варианта к зимне-золотицкому региону.

Композиция былины «Илья Муромец и Сокольник», в которой реализуется версия о столкновении богатыря с сыном, в русском эпосе довольно стабильна: набор мотивов почти не варьируется, поэтому и зимне-золотицкие старины демонстрируют нам в основном ту же последовательность эпизодов, что и харитоновский вариант. Типические же места (*loci communes*) сопоставляемых текстов, напротив, значительно различаются. В старине А. Харитонова есть отдельные клише, которые отсутствуют во всех вариантах Зимнего берега. Например, следующее описание Сокольника:

Едет молодец на добром коне,
На правом плече везет ясна сокола,
На левом плече везет бела кречета,
У стремени прикована змея Горынская

(ст. 10—13).

Или мотив жалобы-молитвы Ильи Муромца небесам в момент, когда он оказался побежденным Сокольником:

Сколько я стоял за веру христианскую,
Еще боле я стоял за церковь божию;
Сколько я стоял за благочестивых вдов,
За тех благочестивых вдов, за безмужних жен, —
Благочестивыя жены, вдовы безмужния,
Оне были богомольныя,
День и ночь оне Богу молятся

(ст. 104—110).

Процитированные типические места из харитоновского варианта, повторяем, не отмечены ни в одном из текстов Зимнего берега. В свою очередь, в былинах, записанных в зимне-золотицком регионе, есть *loci communes*, которых нет в старине А. Харитонова. И наконец, сравнение параллельных типических мест, встречающихся в варианте А. Харитонова и в былинах Зимнего берега, свидетельствует об их полнейшем несовпадении. В качестве примера приведем мотив «Илья спрашивает Сокольника о его роде-племени».

Текст А. Харитонова:

Коего, молодец, города, которой земли,
Которой Сибирской украины,

Как молодца именем зовут,
Как молодца по отце чествуют?

(ст. 119—122).

Марк. № 4:

Ты ведь цьей же земли да цьёго города,
Ты цьёго жо отця, ездись, да цьей матушки?

(ст. 136—137).

Марк. № 70:

Как спросил у Подсокольника да про отечесво

(ст. 157).

БПиЗ6 № 93:

А уж ты ой еси, премладенькой Подсокольничок,
Ты скажи-ко мне да ты какого отца, матушки,
Ише хто у тя да есь да рódной батюшко?
А ише хто у тя же есь да рódна матушка?

(ст. 180—183)

Из приведенных примеров видно, что в зимне-золотицких текстах отражена формула о том, как Илья Муромец спрашивал сына об отце-матери Подсокольника. В харитоновской былине акцент помимо этого делается на вопрос, из какой земли приехал нахвальщик. Остальные параллельные формулы зимнебережных и харитоновского вариантов также не имеют общих точек соприкосновения.

Различаются в рассматриваемых старинах и именные ряды: Илья, Алеша Попович, тихий Дунай Иванович, Добрыня Никитич, Сокольник, баба Латыгорка, Амелфа Тимофеевна (харитоновский текст); Илья Муромец, Добрынюшка Никитиць, Олешенька Попович, Ванька енеральской сын, Ванюшко боярьской сын, Подсокольник, Маринка Кайдаловна, баба Латынгорка (зимне-золотицкие тексты).

Подобный анализ других старин А. Харитонова приводит нас к тому же выводу. Из шести харитоновских текстов лишь один — «Илья Муромец и Калин-царь» (Жир., IV, с. 38—46) — может быть заподозрен в причастности к традиции Зимнего берега. Действительно, композиция харитоновского варианта полностью совпадает с одним из зимне-золотицких текстов (Марк. № 3 — от А. М. Крюковой). В обеих былинах царь Батый (аналог Калина-царя) собирает силу-войско

на Киев; вызывает посла и посылает его с ярлыком скорописчатым к князю Владимиру; князь надевает черное платье и идет в город, где встречает Илью Муромца в образе калики и просит у него помощи; Илья и Владимир едут к Батыю с подарками, просят сроку на три года; Илья едет на Почай-реку, собирает богатырей и т. д. Композиционные совпадения, подчеркиваем, не вызывают сомнения.

Оба текста также демонстрируют нам один и тот же именной и топонимический ряд: Батый Батыевич (в зимне-золотицком тексте — Бадан Бадановиць), его сын Таракашко, князь Владимир, Апраксия, Илья Муромец (Илейко — в речи татар), Добрыня Никитич, Алеша Попович, Самсон Кольванович, угодник Николай, море Черное, Киев, Почай-река, поле Куликово.

Наконец, можно отметить определенные текстуальные совпадения в былине, записанной А. Харитоновым, и в варианте А. В. Маркова. Сходство наблюдается в обращении князя Владимира к Илье Муромцу с просьбой постоять за Киев (ст. 104—109 у Харитонова; ст. 106—111 у Маркова); в описании посла царя Батыя (ст. 33—35 у Харитонова; ст. 45—49 у Маркова).

Указанное сходство харитоновской былины и варианта А. М. Крюковой было отмечено уже А. М. Астаховой, которая причину данной близости видела в книжном происхождении старины зимне-золотицкой сказительницы. Исследовательница назвала и издание, по которому А. М. Крюкова познакомилась с харитоновской былинной о Батые, — это хрестоматия для приходских школ А. Оксенова «Народная поэзия: Былины. Песни. Духовные стихи» (на протяжении конца XIX—начала XX вв. книга переиздавалась несколько раз).⁸ Таким образом, близость харитоновского варианта «Ильи Муромца и Калина-царя» с одной из зимне-золотицких записей никак не может служить в данном случае аргументом в пользу приурочения былин А. Харитонова к традиции Зимнего берега. Текстологический анализ позволил нам отвергнуть данное предположение.

Архангельский уезд, как мы уже говорили, включал в себя и Летний берег Белого моря. Теоретически можно предположить, что интересующие нас шесть текстов происходят из этого региона. К сожалению, в данном случае текстологические сравнения записей нам не помогут: наука не располагает ни одним текстом с Летнего берега. Однако, по всей ве-

роятности, А. Харитонов записывал свои былины все же не здесь, а в самом Архангельске и многочисленных подгородных деревнях. Села Летнего берега (Яреньга, Пертоминск, Красная Гора, Сюзьма, Солза), входившие в Архангельский уезд, были достаточно труднодоступны. Собиратель наверняка отметил бы в письме к В. И. Далю тот факт, что былины были им записаны в экзотическом, с точки зрения рядового архангелогородца, районе Поморья.

Исходя из всего сказанного, мы относим старины А. Харитонова к традиции нижнего течения Северной Двины, как это впрочем, принято и другими исследователями.

Несколько слов надо сказать о принципах записи А. Харитоновым былин и об особенностях их публикации П. А. Бессоновым в сборнике «Песни, собранные П. В. Киреевским». В сохранившейся белой рукописи одной из былин — «Илья Муромец и Калин царь» (РГБ, ф. 125, п. 30, л. 29—31 об.) — в нескольких местах А. Харитоновым проставлены многоточия, которые означают пропуск нескольких строк, являющихся повторением того или иного эпизода. Так, подобное многоточие в рукописи имеется после ст. 62. Вероятно, здесь собирателем опущены следующие строки, рисующие неуважительный вход татарского посла в княжеские палаты в Киеве:

[Бросил] своего коня середь двора
Не привязана, не приказана,
[Шел] во гридни княженецкия,
Двери грудью на пяту [брал]

(стихи реконструированы
по аналогии со ст. 47—50).

Очевидно, что А. Харитонов, как и многие другие собиратели XIX в. (например, А. С. Пушкин, А. Ф. Гильфердинг), зачастую не записывал повторяющиеся типические места, а восстанавливал их при перебеливании полевой записи по аналогии с предыдущими эпизодами. В большинстве его записей в белых автографах текст былин восстановлен полностью, поэтому мы не можем указать, где именно собиратель пользовался таким способом фиксации. Однако в былине «Илья Муромец и Калин царь» А. Харитонов по каким-то причинам в белой рукописи, присланной им В. И. Далю, не восстановил весь текст старины. Поэтому П. А. Бессонов в своем издании функцию реконструкции пропущенных фрагментов взял на себя.

В приведенном примере после ст.62 он оставил текст таковым, как он дан в рукописи А. Харитонов, убрав при публикации многоточия. В другом же эпизоде — после ст.75, где также проставлено многоточие — на автографе собирателя издатель сделал помету для типографии: «Наборщик, набери здесь и вставь первые двенадцать стихов с начала песни» (РГБ, ф. 125, п. 30, л. 30). В издании старой серии П. В. Киреевского соответственно вставлен следующий фрагмент:

Подымался Батый-царь, сын Батыевичь,
Со своим сыном с Таракашком,
Со любимым зятем со Ёльюшком,
Собрал собака силы трех годов,
Силы трех годов и трех месяцев;
За сыном было силы сорок тысячей,
За зятем было силы сорок тысячей;
Одних было сорок царей, царевичей,
Сорок королей, королевичей.
Подошел собака под стольный Киев-град

(Кир., IV, с. 41, ст. 76—85;
реконструированы П. А. Бессоновым
по аналогии со ст. 3—12).

Имеется многоточие и после ст. 98. П. А. Бессонов здесь для типографии сделал следующую помету: «Наборщик, набери здесь и вставь первых 12 стихов, потом десять отчеркнутых выше» (л. 30). В издании «Песен» П. В. Киреевского восстановленный фрагмент выглядит следующим образом:

Подымался Батый-царь, сын Батыевичь,
Со своим сыном с Таракашком,
Со любимым зятем со Ёльюшком,
Собрал собака силы трех годов,
Силы трех годов и трех месяцев;
За сыном было сорок тысячей,
За зятем было силы сорок тысячей;
Одних было сорок царей, царевичей,
Сорок королей, королевичей.
Подошел собака под стольный Киев-град,
Просит Батый у нас трех сильных-могучих
богатырей:
Богатыря старого казака Илейку Муромца,
Другого богатыря Добрыню Никитича,
Третьего богатыря Алешу Поповича.
Похваляется: «Дашь не дашь, за боём возьму,
Сильных богатырей под мечь склоню,
Князя со княгинею в полон возьму,
Вожья церкви на дым спущу,

Чудны иконы по плáвь реки,
Добрых мблодцев полною станицами,
Красных девушек пленіцами,
Добрых коней табúнами»

(Кир., IV, ст. 109—130;
реконструированы П. А. Бессоновым
по аналогии со ст. 3—12 и 76—97).

Вероятно, П. А. Бессонов прав в данных своих конъектурах: в указанных фрагментах собирателем были пропущены именно те типические места, которые он велел набрать наборщикам. Однако у нас нет полной уверенности, что данные loci communes звучали при повторе абсолютно так же, как и при первом появлении в тексте былины. Поэтому мы, публикуя данную харитоновскую запись, отказались от вставок П. А. Бессонова.

Для П. А. Бессонова как редактора было свойственно также в отдельных случаях из одной строки путем введения приема подхвата делать два стиха. Так, в той же былине «Илья Муромец и Калин-царь» один из стихов А. Харитоновым был записан следующим образом: «Понатыканы в них копя мурзамецкия, сабли вострыя». П. А. Бессонов публикует:

Понатыканы в них копя мурзамецкия,
Копя мурзамецкия, сабли вострыя

(Кир., IV, с. 45, ст. 213—214).

Конец былины у А. Харитонова дан следующим образом:

Убирался Батый царь с большими убытками,
С малыми прибытками, со страмотою вечною,
На мелких судах, на пáвозках.

П. А. Бессонов публикует этот фрагмент в четыре стиха:

Убирался Батый царь с большими убытками,
С большими убытками, с малыми прибытками,
С малыми прибытками, со страмотою вечною
На мелких судах, на пáвозках.

(Кир., IV, с. 46, ст. 264—267).

Та же редакторская правка с использованием приема подхвата отмечается и в других былинах. Так, в былине о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром можно указать на следующие стихи:

ст. 11: Не опознал его Владимир
 стольный киевский

Не опознал его Владимир князь,
 Князь Владимир стольный киевский

ст. 13: Как тебя именем
 величать, отцем
 чествовать

Как тебя именем величать,
 Именем величать, отцем
 чествовать

ст. 20: Ужь ты батюшко,
 Владимир стольный
 киевский

Ужь ты батюшко, Владимир князь,
 Князь Владимир, стольный киевский

ст. 71: Правду сказывал
 Добрынюшка млад

Правду сказывал Добрынюшка,
 Добрынюшка Никитичь млад.

Как видим, П. А. Бессонов-редактор позволял себе довольно существенные вмешательства в текст харитоновских былин. Редакторская правка издателя сказалась также и на других элементах текстов. П. А. Бессонов разбивал прозаические записи на стихи (былина на сюжеты «Исцеление Ильи Муромца» и «Илья Муромец и Соловей разбойник»); обозначал абзацы в былинных текстах; дописывал сокращенные слова; вводил свои примечания.

Перейдем ко второму эпизоду в истории записи песенного эпоса на Северной Двине. После А. Харитонova былинная традиция этого региона на протяжении нескольких десятилетий не привлекала внимание собирателей. Лишь на рубеже XIX—XX столетий фольклористы еще раз задались вопросом о том, поются ли здесь старины. А. Д. Григорьев, побывавший на Поморском берегу Белого моря, Пинеге, Кулое и Мезени, во время своих экспедиций интересовался бытованием былин и в других регионах. Он отмечал, что по сведениям его собеседников, «в д. Березнике Двинском на берегу С. Двины ниже устья р. Ваги здесь, по словам тамошнего крестьянина, изредка поют старины про Илью Муромца».⁹ Называл собиратель и другие деревни Северной Двины — д. Травник ниже Си.¹⁰

Другой фольклорист, сыгравший видную роль в открытии былинной традиции в Архангельской губернии, А. В. Марков, во время своих экспедиций также собрал сведения о бытовании былин на Северной Двине. Правда, писал он не о нижнем течении реки, а о верхнем, которое, с нашей точки зрения, логичнее относить к Вологодскому региону (см. об этом в главе «Вологодская былинная традиция»): «... один крестьянин Сольвычегодского у. Вологодской губ. сообщил

мне, что в селе Верхней Тойме (на р. Двине) и в окрестных селениях былины еще поются стариками». ¹¹ В то же время собиратель подчеркивал: «Один крестьянин из Тотемского уезда, которому приходилось не раз проехать всю Двину, до Архангельска, говорил мне, что только однажды он слышал, как кто-то пел об Илье Муромце из села Карачарова; но сказки о богатырях и песни об Ермаке ему приходилось слышать нередко. Былин не поют и в устье Двины, напр., в деревне Исаковой Горе, через которую я проезжал; не знают их и на о. Мудьюге, лежащем в Двинской губе». ¹²

Несмотря на приведенное выше заявление А. В. Маркова об отсутствии былин в устье Северной Двины, в начале XX в. песенная эпическая традиция в здешнем крае окончательно еще не угасла. В 1915 г. молодые московские фольклористы Б. М. и Ю. М. Соколовы познакомились со студентом Строгановского промышленно-художественного училища архангелогородцем Борисом Викторовичем Шергиным, будущим видным русским писателем. Б. В. Шергин оказался знатоком фольклорной традиции своей родины. Братья Соколовы записали от него отдельные произведения устной народной поэзии, в том числе и старину «Катерина и Чурила / Алеша Попович» (Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 483, оп. 1, № 2975, л. 2—3 — полевая запись). В январе 1916 г. Б. В. Шергин в газете «Архангельск» ¹³ опубликовал четыре своих произведения (в самозаписи): былина «Катерина и Чурила / Алеша Попович», баллады «Мать князя Михайлы губит его жену» и «Василий и Снафида», духовный стих исторического содержания «Соловецкое разорение». Таким образом, шергиновский вариант былины «Катерины и Чурилы» оказался зафиксирован дважды — самим исполнителем и Б. М. и Ю. М. Соколовыми.

В том же 1915 г. отрывки песенно-эпических произведений Б. В. Шергина были записаны на фонограф (местонахождение валиков неизвестно). В РГАЛИ сохранилась нотная тетрадь с карандашными расшифровками старин юного архангелогородца, которую архивные работники атрибутировали как атограф Б. М. Соколова, но которая, скорее всего, является расшифровкой кого-либо из окружения собирателя. В тетради находятся 9 расшифровок — одна-две нотных строки с подтекстовкой в шесть-семь строк: «Василий и Снафида» (РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, № 3344, л. 1—1 об.); «О взятии Соловецкого монастыря» (там же, л. 2—2 об.); «Князь

Михайло» (л. 3—3 об.); «Про Олешу Поповиц'а» («Катерина и Чурила») (там же, л. 4—4 об.); «Древен гроб» (там же, л. 5); «Пустынный и пятница» (там же, л. 5 об.); «О двенадцати пятницах» (там же, л. 6); «Несть спасения в мире, несть» (там же, л. 6 об.); «Сон Богородицы» (там же, л. 7). Подтекстовка «Катерины и Чурилы» в данной нотной тетради — это третий (неполный) вариант названной шергиновской старины.

Весьма информативными для нашей темы оказываются юношеские очерки Б. В. Шергина. Фольклористика не имеет почти никаких сведений о северодвинских старинщиках. А. Харитонов не оставил нам имен и биографий своих исполнителей. Однако яркие очерки Б. В. Шергина живо рисуют обстановку, в которой пелись былины архангелогородцами. Первый из былинчиков, которого изображает Б. В. Шергин, — Пафнутий Осипович Анкудинов. Убежденным поборником старой веры, окруженным в своем доме древними иконами новгородского письма и сборниками духовных стихов, собственноручно переписанными, — таким виделся П. О. Анкудинов Б. В. Шергину в юности. Именно к нему юный архангелогородец прибегал, чтобы научиться петь по крюкам, послушать, как тот истово исполняет духовные стихи, самому подтянуть в старине: «— Ну, а теперь старину, что ли споем?

Я оживляюсь:

— Пафнутий Осипович, про Василья и Снафиду?

— Про Василья и Снафиду? Ладно... Да вить ты и так про Василья и Снафиду хорошо знаешь? Я вот, как тебе притти, про Илью пел, как бой у них с Добрыней был... Голос уж очинь у этой старины хорошей! Ровно ручей льется...»¹⁴

Позднее в рассказе «Пафнутий Анкудинов» герой Шергина предстает как сказитель, ценимый артелью, оторванной промыслом от дома: «Кончит былину богатырскую, запоет скоморошину... Шутит про себя:

— У меня уж не запирается рот. Сколько сплю, столько молчу. Смолоду сказками да песнями душу питаю.

Поморы слушают, как мед пьют.

Старик иное и зацеремонится:

— Стар стал, наговорился сказок. А смолоду — на полатях запою, под окнами хоровод заходит. Артели в море пойдут, мужики из-за меня плахами лупятся. За песни да за басни мне с восемнадцати годов имя было с отечеством. На

промысле никакой работы задеть не давали. Кушанье с поварни, дрова с топора — знай пой да говори... Вечером народ соберется, я засказываю. Мужиков людно сидит, торопиться некуда, кабаков нет. Вечера не хватит, ночи прихватим ... Далё — один по одному засыпать начнут. Я спрошу: „Спите, крещеные?“ — „Не спим, живем! Далё говори“».¹⁵

В архивных материалах фонда братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых в РГАЛИ сохранились некоторые заметки собирателей по поводу Б. В. Шергина и его учителей. В одной из рукописей Ю. М. Соколова (набросок к лекции перед концертом Б. В. Шергина) переданы слова Пафнутия Анкундинова: «Анкудинов рассказывал, что прежнее время в волостях-то много стариншыков было, старики-то сказ<ывали>, што в городе (то есть в Архангельске. — Т. И.) старины любили слушать, сходилась вся улица (уличана сходились) и, может быть, человек какой худой (глаз у него или што); против этого лихого человека стариншык вначале произносил об'эр'эг» (РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, № 2980, л. 4). Данное замечание весьма любопытно как одно из нечастых свидетельств того, что былина некогда имела магическую функцию.

Другой дорогой Б. В. Шергину человек — Наталья Петровна Бугаева — крестьянка из деревни Заостровье, подолгу жившая в семье Шергиных. «Мечтательница, песенница, она умела заронить в душу любовь к прошлому. Плоть от плоти, кровь от крови северняка, Наталья Петровна „держала“ в году 12 пятниц, учила молиться грозному Илье Громовнику. Свято верила в домовых хозяина и хозяйошку, в банного, в водяного хозяина. Рассказывала таинственные были о древних людях. Пела стихи, пела песни», — так описывал ее Б. В. Шергин в 1916 г.¹⁶ Была она и знатоком старин, прекрасно разбираясь, в какой манере надо петь то или иное эпическое произведение. Эта тема затронута в письме Б. В. Шергина к Ю. М. Соколову от 6 января 1916 г.: «Я припоминаю, что говаривала моя Наталья Петровна Бугаева о певцах и напевах. Привожу ее речи почти буквально, что припомню, — писал он. — „Наедут всеки странники да уббги на ярмангу ли, на богомолье. Поют, снуют. И про Оликсея человека Божья, и про Страшный суд, и про Лазаря. И всё-то на один голос да на едуну статью. Которы и старину настоящую споют, дак все, рбвно „Христа ради“ просят. Никакой разности нет... У нас эдак не водится. У нас коли про Илью петь — дак не круто, не в ростягу, не с подерьгой, а ровным голосом

держат; мало, мало, где в конце ли, в серёдке, голосом качать“. Веселые старины „нёбыли“ надо петь с „подёрьгой“, с „подбором“, „борзьясь“. Старины вроде „Снафиды“ Н. П. пела, когда „тоснуло на сердце“. Конечно, мелодия была печальной. Что касается стихов, то их поют непременно в „ростягу“, „вытягают“, „вдоят голосом“. Говорил еще кто-то — Наталья, или Пафнутий, или еще кто — что если поют несколько человек, то непременно петь надо в один голос, „всем голос равно держать, в сторону не заводить“. Пафнутий говорил, что петь „на разные голоса“, „с перехватами да с ахами, да с охами, да с руладами“, то один как баран блеёт, то все взрвут, — так петь прилично и принято только в ресторанах, в „киатрах“ да в никонианских церквах...».¹⁷ Из приведенной цитаты видно, что архангелогородцы в начале XX в. имели четкое и ясное представление о разных жанрах русского песенного эпоса: о духовных стихах, небылицах, балладах и былинах.

Былинное знание для архангелогородца Б. В. Шергина оставалось актуальным на протяжении всей его жизни. В 1924 г., уже перешагнув юношеский возраст, Б. В. Шергин выпустил в свет книгу старин «У Архангельского города, у корабельного пристанища». Среди прочих произведений (баллады «Мать, дочь и сыновья разбойники», «Мать и сыновья-корабельщики», «Князь, княгиня и старицы», «Василий и Снафида», «Мать князя Михайла губит его жену») здесь была опубликована былина-баллада «Князь Роман и княгиня Марья Юрьевна»; дана также нотная расшифровка первой строки старины. Сам Б. В. Шергин рассматривал свою книгу не как научную, а как художественную. «Если смолкают колыбельные песни, старухи позабыли сказки, а старики — старины, не можем ли мы перенять их исчезающее уменьье? — задает себе вопрос писатель. — Не в мертвой этнографической записи, а в художественной книге — с любовью и благоговением запечатлеть полновесный и скупой язык их, глубину и цельность настроений, однообразный ритм простых мелодий, наивные и строгие образы». Автор подчеркивал, что старины восприняты им «с детства от старших поколений в живой непосредственности настроений».¹⁸ Сборник «У Архангельского города» был иллюстрирован самим писателем. Герои рассматриваемой былины изображаются художником Б. В. Шергиным сидящими за столом на фоне условного архитектурного интерьера, ликами фигуры

обращены друг к другу; жесты их рук, весь колорит рисунка восходят к иконописной эстетике.

В 1969—1970 гг., когда Б. В. Шергин был уже глубоким стариком, несколько его эпических произведений было записано на магнитную ленту: «Сорок калик» (начало), «Кострюк» (прозаический пересказ с песенными вставками), «Василий и Снафида» (полный песенный текст), «Авдотья-Рязаночка» (пересказ с песенными вставками). В настоящее время эти фонозаписи, поступившие в Пушкинский Дом из таможни, хранятся в Фонограммархиве ИРЛИ (ФА, 1349, 1350). Таким образом, от Б. В. Шергина имеются записи двух полных вариантов «Катерины и Чурилы», отрывка из этой же былины, полный вариант былины-баллады «Князь Роман и Марья Юрьевна», начало былины «Сорок калик». Еще один отрывок — из былины «Бой Ильи Муромца с Добрыней» — приведен писателем в очерке о П. О. Анкудинове.

Все остальные свидетельства о бытовании былин в нижнем течении Северной Двины носят косвенный характер: это или упоминания о сказителях, с которыми собирателям не удалось встретиться, или записи прозаических нарративов на былевые сюжеты, которые правильнее характеризовать как сказки.

В записях Э. Г. Бородиной, касающихся экспедиции 1937 г., сказано: «Портнягина Ирина Васильевна из деревни Васильевской, в 65 км от Усть-Паденги. Ей было 98 лет. Умерла в 1917 году. Рассказывала, но не пела старины про Илью Муромца, Соловья разбойника и других богатырей» (ГЛМ, ФА, инв. 240, п. 34, л. 33).

Наука располагает также поздними прозаическими пересказами былин — текстами сказочными по своему характеру и, как правило, книжного происхождения. Это записи экспедиций 1951 и 1967 г. Московского государственного университета, сделанные под диктовку от руки: «Вольга и Микула» от Н. А. Михайлова из д. Константиново Красноборского р-на (МГУ, 1967, тетр. 10, № 171); контаминированный текст на сюжеты «Исцеление Ильи Муромца», «Илья Муромец и разбойники» и «Илья Муромец и Соловей разбойник» от того же исполнителя (МГУ, 1967, тетр. 10, № 155 и 156); контаминированный текст «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром» (версия с Никитой Залешанином) и «Илья Муромец и Калин царь» от того же исполнителя (МГУ, 1967, тетр. 10, № 157); «Исцеление Ильи

Муромца» от А. А. Михайлова из той же д. Константиново (МГУ, 1967, тетр. 10, № 209-а); контаминированный текст «Святогор и тяга земная», «Святогор и Илья Муромец» и «Илья Муромец и Соловей разбойник» от К. М. Сорванова из колхоза «Рассвет Севера» Холмогорского р-на (МГУ, 1951, п. 22, тетр. 28, № 2).

Такой же характер носит и запись Л. В. Федоровой и Н. Г. Мартюшовой, сделанная 25 июня 1963 г. в д. Гора Шатозерского сельского совета Виноградовского р-на от Медниковой Федоры Пахомовны (см.: Народное творчество Северной Двины: Старинные песни, прибаутки, детские песенки, считалки, байки, загадки, сказки, свадебные обряды / Сост. Л. В. Федорова. Архангельск, 1966. С.106) — прозаический пересказ с традиционной контаминацией сюжетов «Исцеление Ильи Муромца» и «Илья Муромец и Соловей разбойник». Эти материалы выводятся нами за рамки песенной былинной традиции Северной Двины и в нашем исследовании не рассматриваются.

Таким образом, фольклористика из северодвинского региона располагает записями 1840-х гг. (А. Харитонов) и 1915—1924 гг. (Б. В. Шергин), а также звуковым отрывком 1969—1970 гг. от того же Б. В. Шергина.

* * *

Былинный репертуар Северной Двины предстает в 10 сюжетах (12 текстах).

1—2. Сюжеты «Исцеление Ильи Муромца» и «Илья Муромец и Соловей разбойник» представляют собой контаминированный текст с разрушенной ритмической организацией стиха (Жир., IV, с. 1—6). В рукописи А. Харитонова текст записан прозой; разбит на строки П. А. Бессоновым. В изложении сюжета «Исцеление Ильи Муромца» обращает на себя внимание редкий мотив с переносим Ильей чана с пивом, сваренным для праздника, как надо полагать — для братчины. В сюжете о Соловье разбойнике необычной деталью является то, что Илья Муромец освобождает город Кряков с помощью своего протвника Соловья: «Говорит Илейко Соловью разбойнику: „Пособи мне-ка выручить Кряков из неволюшки“. Поехал Илья по праву руку, Соловей пошел по леву руку. Под

Кряковым добры молодцы силу выбили» (ср. в кулойских былинах, где также Соловей разбойник на время становится союзником богатыря — Григ., II, № 224, 248). Эта деталь, а также наличие в тексте контаминации заставляет нас рассматривать северодвинский вариант как позднюю версию былины, к тому же еще изложенную не слишком умелым певцом (полупрозой).

3. Былина «Илья Муромец и Калин-царь» представлена полноценным песенным вариантом (Кир., IV, с. 38—46), в котором разрабатывается полная версия этого сюжета, как она описана С. Н. Азбелевым (см. главу о былинной традиции в Приладожье). Как указывалось выше, былина записана А. Харитоновым с пропуском некоторых повторяющихся описаний.

Харитоновский вариант в конце XIX в. попал в хрестоматию А. Оксенова «Народная поэзия» (№ 139)¹⁹ и благодаря этому повлиял на устный репертуар других регионов. Указатель Ю. А. Новикова «Былина и книга» фиксирует отражение харитоновского варианта на двух прозаических текстах А. Бажукова с Печоры, на одном из текстов Н. Кигачева из Восточного Прионежья, на былинах Аграфены и Марфы Крюковой с Зимнего берега Белого моря.²⁰

4. Сюжет «Илья Муромец и Идолище» представлен двумя полноценными песенными вариантами (Кир., IV, с. 18—21 и Кир., IV, с. 22—38), каждый из которых реализует самостоятельную версию. В первой старине действие разворачивается в Киеве, который «обнасилничал» Идолище поганое. Узнав об этой беде от калики перехожего Сильного Иванища, Илья Муромец меняется с ним платьем, приходит в Киев в княжой терем, здесь происходит традиционный диалог с Идолищем, кто сколько ест и пьет, после чего Илья Муромец мечет в Идолище шляпу земли Греческой и тот улетает сквозь стены в чисто поле.

Во второй старине действие происходит у царя Константина Боголюбова и царицы Елены Александровны в Ерусалиме (замена традиционного для этой версии Царьграда). О приходе в город Одолица поганого Илья Муромец также узнает от калики перехожей по имени Данило Игнатъевич. По-

видимому, это имя в данный сюжет попало из былины о малолетнем богатыре Михайло Даниловиче. Если это так, то у нас есть возможность предположить, что и этот сюжет был некогда знаком северодвинцам. Далее события развиваются так же, как и в первой версии: Илья побивает Одолище той же шляпой «земле-грецкой».

5. Сюжет «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром» (Кир., IV, с. 46—49) представлен полноценным песенным текстом в версии «Илья Муромец — Никита Заолешанин». Илья Муромец неузнанным, назвавшись Никитой Заолешаниным, приходит на пир к князю Владимиру, тот сажает его не с боярами, а с детьми боярскими; Илья упрекает князя за то, что тот посадил его с «воронятами»; Владимир приказывает трем богатырям выкинуть Никиту из гридницы; с Ильей не могут справиться трое, шестеро, девять человек; Добрыня догадывается, кем на самом деле является Никита Заолешанин, говорит об этом князю Владимиру; Илья побивает всех богатырей, князь просит его выбрать любое место на пиру, но герой отказывается.

6. Былина «Илья Муромец и Сокольник» представлена полноценным песенным вариантом (Кир., IV, с. 12—18). В северодвинском тексте действие разворачивается согласно одной из распространенных версий. Мимо заставы киевских богатырей проезжает поленица преудалая, Илья Муромец решает, кому ехать досмотреть поленицу — Алеше Поповичу, Дунаю Ивановичу или Добрыне Никитичу; Добрыня едет за поленицей, видит его богатырские ухватки, пугается и возвращается на заставу богатырскую; тогда сам Илья едет к нахвальщику, вступает с ним в бой, сначала терпит поражение, но после молитвы, обращенной к Богу, обретает новые силы, расспрашивает побежденного противника о его имени, узнает, что тот является сыном бабы Латыгорки по имени Сокольник; узнав в Сокольнике своего сына, Илья отпускает его, тот едет сначала к матери, затем возвращается к шатру, где отдыхает Илья, мечет в того копьё, которое попадает в оберег на груди Ильи, после чего Илья убивает Сокольника.

Необходимо обратить внимание на то, что все харитоновские былины посвящены сюжетам об Илье Муромце. Как

можно предположить, собиратель задумал посредством своих записей создать поэтическую биографию названного богатыря, и состояние северодвинской песенно-эпической традиции в 1840-е гг. это ему позволило с успехом осуществить. Северодвинцы знали о чудесном исцелении Ильи Муромца, его первом подвиге — победе на Соловьем разбойником; здесь пелись старины о столкновениях героя с Калином (Батыем) царем и с Идолицем поганым; рассказывалось о его встрече с сыном Сокольников и о ссоре с князем Владимиром. Из цикла об Илье Муромце А. Харитоновым оказались незарегистрированными лишь сюжеты «Илья Муромец и разбойники», «Три поездки Ильи Муромца» и «Илья Муромец на Соколе-корабле».

Образ Ильи Муромца, по-видимому, был в высшей степени актуален для сознания северодвинцев. Один из исполнителей А. Харитонova поэтическую биографию богатыря заключил историей его смерти. В автографе былины «Илья Муромец и Сокольник» (РГБ, п. 125, п. 30, л. 17 об.) имеется следующая приписка собирателя: «В заключение скажу, что на вопрос мой, где умер Илья и вообще, что знают о его смерти, сказочник сказал: „Все богатыри получили смерть, А Илья богатырь окаменел!“ При этом он присовокупил, что в Киеве и теперь есть огромная окаменевшая фигура когда-то жившего Ильи-богатыря».

Не исключено, что все шесть харитоновских былины были записаны собирателем от одного и того же исполнителя. Во всяком случае они явно составляют одну микрорегиональную традицию. Обратим внимание на то, что все старины объединены именем «Илейко». «Не Илейко ли седун эким чудом потешается?» — спрашивает отец героя, не увидев на старом месте чана с пивом (былина об исцелении богатыря и о его бое с Соловьем разбойником). Эта же форма имени встречается в былине «Илья Муромец и Калин-царь» («Просит Батый <...> богатыря старого казака Илейку Муромца»), в обоих вариантах старины «Илья Муромец и Идолице» («По многу ли Илейка хлеба ест» или «Ужь ты гой еси Илейко сын Ивановичь») и в «Ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром» («Походит Илейко во княжой терем»).

Формула «Сибирская Украина», на которую мы обратили внимание в шенкурско-важском былинном материале, наблюдается и на Северной Двине (былина «Илья Муромец и Сокольник»). Двина, как и Вага, во второй половине XVI—

XVII вв. станет одной из метрополий при освоении Пермских (то есть Сибирских) земель, чем и объясняется актуальность образа Сибири для местных жителей.

У нас есть все основания полагать, что Северная Двина знала еще один сюжет об Илье Муромце — о Соколе-корабле. В новой серии сборника П. В. Киреевского со ссылкой на П. Ф. Кузмищева как запись из Архангельска приведена свадебная песня, начало которой звучит следующим образом:

Как по морю, морю, морю синему,
Что по синему морю, по Хвалынскому
Тут бежит выбегает тридцать черных кораблей.
Как один-то корабль наперед забегал,
Наперед забегал, что сокол залетал.
Нос-корма корабля позолоченные,
А бока взведены по-туриному,
Он хоботы мечет по-змеиному.
Хорошо была беседа изукрашена,
Изукрашена беседа красным золотом,
Околочена беседа рятым (sic!) бархатом,
Изунизана беседа скатным жемчугом.
Во беседушке сидел добр удалой молодец,
Добр удалой молодец (имя и отчество жениха)²¹...

Как видим, на протяжении данного фрагмента разворачивается картина, имеющая полную аналогию в былинном творчестве. Почти дословно с былиной совпадают первые два стиха; одинаково рисуется образ Сокола-корабля с его зооморфными чертами (ср. с текстами былины о Соколе-корабле, записанными в Вологодском регионе). В былинных текстах на корабле находятся «три церкви соборные», «три монастыря почестные», «три торговица немецкие», «три кабака государевы»; в свадебной песне — «беседушка», околоченная рытым бархатом. Текст свадебной песни в дальнейшем сосредоточивается на фигуре жениха, который приказывает бросить невод в сине море, вылавливает рыбы златоперые, которые не может никто оценить, кроме дома невесты. Песня в структуре свадебного обряда, по-видимому, была величальной. Как мы покажем ниже на материале Вологодского края, там былина о Соколе-корабле также окажется втянутой в обрядовую традицию, правда, не в свадебную, а в календарную. К тому же на Вологодчине процесс превращения былинной песни в обрядовую окажется незавершенным. Здесь тексты сохраняют свою эпическую природу, героями их останутся русские богатыри Илья Муромец, Добрыня Никитич и их

противник турецкий царь Салтан. В архангельском же тексте эти образы были замещены образом жениха, в результате чего текст полностью утратил эпическую природу и превратился в обрядовую песню. Тем не менее, повторяем еще раз, фиксация П. Ф. Кузмищевым данного текста позволяет предполагать, что некогда в Архангельске знали сюжет об Илье Муромце и Соколе-корабле.

7. Имя Добрыни Никитича по имеющимся северодвинским записям оказывается неактуальным для местных жителей. Достоверно известно лишь то, что здесь некогда бытовал сюжет «Бой Добрыни с Ильей Муромцем», который представлен стихотворным отрывком (газ. «Архангельск». 1916. 26 апр., № 91), описывающим начало седлания Ильей Муромцем коня — выезд его в чисто поле. Этот отрывок в равной мере можно считать творчеством П. О. Анкудинова и Б. В. Шергина. В очерке юного Б. В. Шергина сказитель П. О. Анкудинов изображен за работой: он шьет парус и сам для себя поет былинку. Данная картина — одно из немногих свидетельств о естественном, природном бытовании старин.

8. Былина «Катерина и Чурила» зафиксирована в трех вариантах от одного и того же исполнителя — Б. В. Шергина (РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, № 2975, л. 2—3 — запись Б. М. и Ю. М. Соколовых; газ. «Архангельск». 1916. 24 янв., № 19 — самозапись сказителя; РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, № 3344, л. 4—4 об. — неполный вариант, подтекстовка под нотами). Записи производились в 1915—1916 гг. Все три варианта представляют собой несколько усеченную редакцию былины, где впрочем, сюжет изложен полностью. Исполнитель сам в записи Б. М. Соколова свидетельствует о том, что в той версии, которую он слышал, были еще другие эпизоды: «Забыл, как там играют в шахматы. Она что-то говорит насчет кроваточки. Федосья услышала шум и прибежала: „Ты што Алеша делаешь?“» (РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, № 2975, л. 3).

Особенностью этих вариантов является то, что функцию Чурилы здесь выполняет Алеша Попович. Замена одного героя другим вызвана определенной близостью образов (ср. роль Алеши Поповича в былине о братьях Сбродовичах).

Архангелогородцы определяли эту старину как «веселая». В раннем очерке Б. В. Шергина «Недавнее прошлое» сказитель П. О. Анкудинов говорит: «... ежли весёла кака старина, там, к примеру, про Катерину Микулишну, как с прихехе в карты играла, дак уж товда с подбором, с прихватом играй (то есть, пой — *Т. И.*)».²² Симпатии северодвинских сказителей, как видим, на стороне обманутого мужа Ермила. В этом регионе образ Катерины не подымается до трагических высот русской женщины, отстаивающей свое право на свободу чувств.

Два полных шергиновских варианта отличаются друг от друга в некоторых деталях. Так, в самозаписи сказителя в первой строке определяется место действия — «В вольнем было в Новом-городе»; в записи братьев Соколовых имя Новгорода отсутствует. В 1916 г., публикуя свою самозапись в газете «Архангельск», Б. В. Шергин вспомнил фрагмент, который отсутствует в записи братьев Соколовых — с описанием красоты Олеша Поповича:

У Олеша очи, дак буди соколы,
 У Олеша брови, дак буди соболи,
 У Олеша лико, дак буди маков цвет,
 На Олеша шубоцька, дак сто рублей,
 Иша шляпочка на Олеша вить хороша-дорога,
 Иша тросточка у Олеша, дак чистого серебра.

Сравнение двух полных шергиновских вариантов показывает, что молодой архангелогородец достаточно уверенно в 1915—1916 гг. владел былинным стихом, свободно варьируя традиционные формулы. Например, по-разному в двух текстах описывается реакция женщин на красоту Алеша Поповича.

Запись Соколовых

ст. 5—8: На нёво девки глядят
 да в голенишше ссять;
 На его бабы глядеть —
 колесом вертять;
 А есть посмотрят на
 красу на молодецкую.

Самозапись Шергина

На его бабы глядят — дак
 косяки грешшат;
 На его девки глядят — дак
 кулаки грызут;
 А есть посмотрят на Олешу
 на Поповича.

Ср. также в нотной подтекстовке:

На јэво д'эфки гл'эд'ат да кулак'и грызут,
 На јэго бабы гл'эд'ят да кос'ак'и тр'эшат,
 А јэс'т' посмотр'ат' на красу на молодец'кууіу.

В записи Соколовых, приглашая Алешу к себе в гости, Катерина Микулишна говорит: «Во спальни во горницы кроватоцька стоит, Ишша кровать стоит постеля пухова»; в самозаписи сказителя эта строка имеет иной облик: «Во теплые во ложни кроватоцька стоит, Иша кровать стоит периноцька пуховая». Ту же свободную манеру владения формулами можно отметить и при описании торопливого одевания девки Федосьи, спешащей сообщить Ермилу Васильевичу о незваном госте в его доме, и в ее речах, обращенных к мужу Катерины. Таким образом, Б. В. Шергин вполне может быть охарактеризован как сказитель, владеющий эпическим мастерством.

9. Былина «Сорок калик» на Северной Двине представлена началом старины, записанным в певческом исполнении от Б. В. Шергина в 1969—1970 гг. (ИРЛИ, ФА, МФ, 1349.02). Здесь дан эпизод встречи князя Владимира с сорока каликами и исполнение ими Голубинога стиха, отчего леса к земле приклонилися, пыль до облака подымалася, а у Владимира от страха чуть душа с телом не рассталася.

10. Былина-баллада «Князь Роман и Марья Юрьевна» зафиксирована в единственном варианте — самозаписи Б. В. Шергина. Это полный текст с версией, в которой, по-видимому, по аналогии с сюжетом «Добрыня Никитич и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича», реализуется мотив «неузнанная жена на свадьбе своего мужа»: убежавшая от татар Марья Юрьевна возвращается домой в день, когда ее муж, долго искавший ее, решается жениться на другой; тогда героиня является на свадебный пир в скоморошьем платье и князь Роман узнает ее по золотому кольцу, брошенному в братынь.

* * *

Мы попытались собрать воедино все прямые и косвенные свидетельства о бытовании былин на Северной Двине. Наши сведения, довольно скудные, позволяют все же утверждать, что в низовьях реки еще в начале XX в. старины знали и ценили, а в середине XIX в. существовала, по-видимому, достаточно развитая эпическая традиция.

И действительно, было бы странно, если бы некогда на Северной Двине былины не были бы в почете. Ведь по своим природным, экономическим, социальным, бытовым и культурным условиям эта река ничем не отличается от других севернорусских районов, являющихся значимыми эпическими очагами. Здесь имелись глушь, отсутствие крепостного права, безграмотность (относительная), особая поэтическая восприимчивость местного крестьянства — все те факторы, которые, по мнению многих ученых, были причиной консервации былин на Русском Севере. Уже в XIX в. собиратели справедливо связывали сохранение эпической традиции с коллективными промыслами (рыбным, морского зверя), надолго отрывавшими северного крестьянина от дома и нередко по вечерам и в непогоду предоставлявшими ему длительный досуг. Вот тогда-то в промысловой избушке и становился главной фигурой в артели сказочник или старинщик. На промыслах встречались артели из разных районов Русского Севера, здесь сказители имели возможность послушать друг друга, оценить, перенять репертуар. Низовья Северной Двины являлись одним из тех регионов, экономическая жизнь которых была тесно связана с морскими промыслами. Напомним, например, что отец М. В. Ломоносова, куростронец, имел свои тони на Мурманском берегу Белого моря.²³ Таким образом, и с точки зрения промыслов Северная Двина имела все условия быть мощным былинным очагом.

Если признавать справедливой мысль о том, что эпос сохранился в окраинных регионах, где русским населенникам приходилось входить в контакт с иноэтническими группами, то и здесь Северная Двина ничем не выделяется на фоне других районов, оставивших нам в наследство былины. Двинские грамоты свидетельствуют, что в XV в. чудь жила в этом регионе рядом с русскими и еще не была ассимилирована.²⁴ П. С. Ефименко полагал, что русско-чудские контакты оставались актуальными вплоть до XVII в.,²⁵ когда произошла окончательная ассимиляция этого племени. Как видим, соприкосновение с иноэтнической культурой, которое, возможно, было причиной сохранения эпоса в других регионах, наличествовало и на Северной Двине.

Попытаемся объяснить бедность нашего знания о северодвинском эпическом репертуаре не только объективными причинами (то есть заложенными в самой здешней традиции), но и субъективными, находящимися вне особенностей этого региона.

Прежде всего обратим внимание на то, что русская эпическая традиция отнюдь не лежала на поверхности крестьянской культуры. Былина не являлась повседневным элементом севернорусского быта. Если песню знал практически любой крестьянин (крестьянка), то эпос был достоянием хотя и не единиц, но достаточно ограниченного круга лиц. Эпическое знание ценилось и уважалось. Песня могла возникнуть в любой момент, в любой обстановке; былина требовала особого настроения. Поэтому сторонний наблюдатель очень часто мог пройти мимо былинной традиции, не заметить ее. Подтверждением этой мысли служат многие страницы из истории русской фольклористики. В 1856—1857 гг. С. В. Максимов, талантливый знаток народной жизни, проехал почти весь Русский Север — Поморье, Печору, Мезень, Пинегу, нижнюю Северную Двину. В своей книге «Год на Севере»²⁶ он описал свадебные обряды, поверья, приметы местных жителей, но ни словом ни обмолвился о былинах. Значит, ему не довелось их слышать. Наверняка, если бы С. В. Максимо-ву пришлось столкнуться со старинщиком, то он по достоинству оценил бы значимость такой встречи и не упустил бы возможности в своей книге поделиться с читателем впечатлением о песенном эпосе.

Примечательна также история открытия былинной традиции на Печоре. В 1889 г. здесь побывал Ф. М. Истомина, услышал русские былины от коми-зырян, на следующий год специально поехал в этот регион, чтобы записать песенный эпос уже среди русского населения, но вернулся ни с чем.²⁷ Как видим, две печорские экспедиции (подчеркнем, последняя из них была целенаправленной) Ф. М. Истомина, человека далеко не случайного в фольклористике, не дали никаких результатов. Местная былинная традиция была открыта позднее — в 1901—1902 гг. Н. Е. Ончуковым. Видимо, в отличие от Ф. М. Истомина, он сумел завоевать доверие печорцев, и они поделились с ним своим эпическим знанием. Н. Е. Ончуков писал, что местная печорская интеллигенция ничего не знала о бытовании былин в здешнем крае.²⁸ Оказывается, можно было жить годами в таком мощном очаге, как Печора, и никак не соприкоснуться с этим пластом народной культуры.

Северная Двина, как это ни странно, оказалась обойденной вниманием со стороны фольклористов. Действительно, в 1857 г. здесь в низовьях реки побывал С. В. Максимов, в

1886 и 1893 г. — Ф. М. Истомина, но эти собиратели, как мы говорили, прошли мимо былинной традиции не только здесь, но и в других регионах. Архив Русского географического общества свидетельствует, что во второй половине XIX — начале XX вв. здесь работали местные этнографы-любители (А. К. Шешенин, П. Лысков, А. Ивановский, Штерн, Н. Грандильевский),²⁹ но и их материалы ничего не прибавляют к нашим сведениям о местной эпической традиции. В начале XX в. молодые фольклористы А. В. Марков, А. Д. Григорьев, Н. Е. Ончуков устремились в Поморье на Зимний, Карельский и Терский берега, на Пинегу, Кулой, Мезень, Печору. Северная Двина ни одного из них почему-то не привлекла. Экспедиции советского времени в 1920—1930-е годы сосредоточились также на Заонежье, Пинеге, Мезени, Печоре, Зимнем и Карельском берегах. Северная Двина опять оказалась вне сферы внимания фольклористов. 1950—1970-е годы, естественно, уже ничего не могли прибавить к нашим знаниям о местной эпической традиции. В связи со всем сказанным выше правомочно, как нам кажется, объяснять скудость научных представлений о северодвинской эпической традиции сугубо субъективными причинами — недостаточной собирательской работой.

Напомним, что на эпической карте Русского Севера Двина является не единственным «белым пятном». Например, наука не располагает ни одной записью с Летнего берега Белого моря; близлежащий же Зимний берег дал фольклористике массу первоклассных текстов. Сложно представить, что на Летнем берегу не было вообще никогда былин. Слишком тесно все районы Беломорья взаимодействовали между собой. Летний берег, кстати, когда-то входил в состав Двинской земли (равно как и погосты Терского берега, богатого на былевые песни). Эта территория наиболее рано была освоена русскими людьми. Здесь на Летнем берегу располагались первые поморские солеварни. Согласно карте Т. А. Бернштам,³⁰ такие села, как Солза, Нёнокса, Луда, Уна, появились в XIII—XV вв., а Сюзьма, Красная Гора, Пертоминск, Яреньга, Лопшеньга, Дураково, Летняя Золотица — в XVI—первой половине XVII вв. На Терском же берегу (былинная традиция которого хорошо известна науке), за исключением Умбы и Варзуги, русские села появились лишь во второй половине XVII в.; в это же время возникли такие известные в былинном отношении деревни Карельского берега, как Гридино,

Калгалакша, Поньгома. Если исходить из того, что былины проникли на Русский Север в XII—XIV вв. вместе с первыми колонизационными потоками новгородцев (или новгородцев и верхневолжцев), то логично предположить, что былинные очагами должны были стать здешние древнейшие славянские поселения (то есть деревни Летнего берега). По всей вероятности, так и было: эпос некогда бытовал и на Летнем берегу. К сожалению, наука не успела зафиксировать традицию Летнего берега. Столь же, хотя и в меньшей степени, не повезло и Северной Двине.

Итак, субъективный фактор — отсутствие внимания собирателей XIX—начала XX в. к региону Северной Двины — это главная причина, на наш взгляд, того, что эта река на эпической карте Русского Севера выглядит бледно. Однако существовала еще одна — объективная — причина. Этот район, без сомнения, принадлежит к тем территориям, где былинная традиция отмирала быстрее, чем на соседних Пинеге, Мезени, Печоре. Для низовьев Северной Двины причиной быстрого исчезновения былин было, вероятно, существование промышленного Архангельска, втягивающего соседние деревни в русло капиталистического развития. В верховьях реки — районе, земледельческом по своему характеру, — на интенсивность угасания эпической традиции влияла, как нам кажется, оторванность населения от рыбных и морских промыслов. Нельзя, думается, сбрасывать со счетов еще один фактор, ускорявший процессы разложения былинной традиции. Уже в XVIII—XIX вв. для Северной Двины перестало быть актуальным соседство с иноэтническими племенами — чудью. Обостренное чувство национального самосознания, заставлявшее помнить в былинах далекую историю своего народа, постепенно затухало в северодвинцах.

Вполне возможно, что уже во второй половине XIX в. степень угасания былинной традиции на Северной Двине была такой, как, например, на Пинеге в 1920-е годы (напомним, что А. М. Астахова отсюда привезла только с десятков текстов, в то время как А. Д. Григорьев в начале XX в. записал 176 былин и баллад). Пинежский пример наглядно демонстрирует, что для эпической традиции два-три десятилетия могут быть решающими. Может быть, для Северной Двины 1840-е годы, когда здесь работал А. Харитонов, первый фольклорист, были уже последним этапом жизни местных былин (аналогичным началу XX в. на Пинеге). К тому же времени,

когда фольклористика стала зрелой наукой, северодвинская эпическая традиция уже практически угасла.

- ¹ О заселении низовьев Северной Двины см.: *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951; *Бернштам Т. А.* Поморы: Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978.
- ² *Шахматов А. А.* Исследование о древних грамотах XV в. СПб., 1903. С. 44.
- ³ *Бернштам Т. А.* Поморы. С. 42.
- ⁴ *Дмитриева С. И.* Географическое распространение русских былин по материалам конца XIX—начала XX в. М., 1975. С. 53.
- ⁵ Беломорские былины, записанные А. В. Марковым. М., 1901. С. 5; *Новиков Ю. А.* Точку ставить рано... (О концепции новгородского происхождения былинной традиции) // *Фольклор: Проблемы историзма.* М., 1988. С. 31.
- ⁶ См. карту Архангельской губернии, изданную в 1844 г.
- ⁷ *Астахова А. М.* Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948. С. 361.
- ⁸ Книжное происхождение данной былины А. М. Крюковой подтверждает и Ю. А. Новиков. См.: *Новиков Ю. А.* Былина и книга: Указатель зависимых от книги былинных текстов. Вильнюс, 1995. С. 124.
- ⁹ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. СПб., 1904. Т.1. С. 15.
- ¹⁰ Там же. С. 148.
- ¹¹ Беломорские былины, записанные А. В. Марковым. М., 1901. С. 5.
- ¹² Там же. С. 5—6.
- ¹³ Архангельск. 1916. 17 янв., № 13; 22 янв., № 17; 24 янв., № 19.
- ¹⁴ *Б. Ш.* Недавнее прошлое: Пафнутий Осипович Анкудинов // Архангельск. 1916. 26 апр., № 91. — Авт.: Б. В. Шергин.
- ¹⁵ *Шергин Б. В.* Повести и рассказы. Л., 1984. С. 110—111.
- ¹⁶ *Б. Ш.* Недавнее прошлое: Наталья Петровна Бугаева // Архангельск. 1916. 7 и 8 июля, № 149 и 150. — Авт.: Б. В. Шергин.
- ¹⁷ См.: *Иванова Т. Г.* Письма Б. В. Шергина к Ю. М. Соколову // *Русская литература.* 1984. № 4. С. 161—162.
- ¹⁸ *Шергин Б. В.* У Архангельского города, у корабельного пристанища: Сб. старин. М.; Пг., 1924. С. 4, 6.
- ¹⁹ Народная поэзия: Былины. Песни. Духовные стихи. С введением и объяснительным словарем / Сост. А. Оксенов. — 2-е изд. — СПб., 1898. № 139.
- ²⁰ *Новиков Ю. А.* Былина и книга: Указатель зависимых от книги былинных текстов. Вильнюс, 1995. С. 120—124.
- ²¹ Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. М., 1911. Вып. 1: Песни обрядовые. С. 27. № 66.
- ²² *Б. Ш.* Недавнее прошлое: Пафнутий Осипович Анкудинов // Архангельск. 1916. 26 апр., № 91. — Авт.: Б. В. Шергин.
- ²³ *Морозов А. А.* Родина Ломоносова. Архангельск, 1975. С. 233—238.
- ²⁴ *Шахматов А. А.* Исследование о древних грамотах XV в. Ч.1—2. СПб., 1903. С. 47.
- ²⁵ *Ефименко П. С.* Заволоцкая чудь. Архангельск, 1869. С. 37—38.
- ²⁶ *Максимов С. В.* Год на Севере. СПб., 1859.
- ²⁷ Подробнее см.: *Иванова Т. Г.* Северодвинская былинная традиция // *Этнографическое обозрение.* 1994. № 4. С. 84—85.

²⁸ «Большой новостью мои открытия десятков былин на Печоре были для всей печорской бюрократической интеллигенции: учителям, священникам, чиновникам, между которыми есть целых два действительных члена Географического общества по отделению этнографии» (*Ончуков Н. Е.* Былинная поэзия на Печоре // Печорские былины / Записал Н. Е. Ончуков. СПб., 1904. С. XXVI).

²⁹ *Зеленин Д. К.* Описание рукописей Ученого архива императорского Русского географического общества. Пг., 1914. Вып. 1. № 48, 49, 50, 52, 54, 63, 64, 66.

³⁰ *Верштам Т. А.* Поморы. С. 40.

Глава 4

ВОЛОГОДСКАЯ БЫЛИННАЯ ТРАДИЦИЯ

По дореволюционному административному делению Вологодская губерния включала в себя огромную территорию, составляющую десять уездов: Вологодский, Грязовецкий, Кадниковский, Вельский, Тотемский, Устюжский, Никольский, Сольвычегодский, Яренский и Устьсысольский. Ее земли простирались с запада от границ с Новгородской губернией до Уральского хребта на востоке. Однако мы полагаем, что определение вологодской былинной традиции не должно зависеть от дореволюционных административных границ, которые, равно как и современные, не отражают историю заселения края.

С запада к Вологодской губернии примыкал древний Кириллово-Белозерский край, который когда-то составлял территорию соответствующих уездов Новгородской губернии. Мы рассматриваем этот регион как вологодский, так как история его освоения древнерусским этносом во многом аналогична истории Великого Устюга, другого культурного центра Вологодчины. Именно в этих двух микрорегионах, как мы увидим ниже, были сделаны наиболее существенные записи былин. К вологодской традиции мы присоединяем также записи в Вытегорском (юг Онежского озера — бывшая Олонецкая губерния) и Вельском (верховья реки Ваги — ныне Архангельская область) уездах.

Древнейшим культурным центром Вологодчины было Белое озеро, впервые упомянутое в письменных источниках под 862 г. По летописному преданию легендарный Синеус, брат Рюрика, сел князем в здешних местах. Как установили археологи, первоначально селение находилось на северном берегу озера Белого у нынешней деревни Киснемы. Затем в IX—X вв. город Белоозеро был перенесен на южный берег к месту истока реки Шексны из озера, а в середине XIV в. после произошедшего здесь мора он занял современ-

ную территорию — в семнадцати километрах западнее от Шексны.

Древнерусские летописи и археологические раскопки свидетельствуют, что в древности Белозерский край был заселен весью, племенем прибалтийско-финского происхождения. Еще в XVI в. значительная часть населения Белозерского края говорила на языке веси, будучи при этом уже двуязычной.¹ В X—первой половине XI вв. эти земли находились в сфере влияния Новгорода, собиравшего здесь дань, но уже в середине XI в. на эту территорию проникают колонизационные потоки из Ростово-Суздальского княжества. С этого времени Белозерский край стал регионом острого соперничества Новгорода и низовских княжеств. Известно, например, что в 1398 г. новгородцы разорили старое Белоозеро (то есть город, стоявший на Шексне).

Все современные исследователи сходятся на том, что со второй половины XI в. Белозерские земли оказываются политически и экономически прочно связанными с северо-восточной Русью, то есть с Ростово-Суздальским (позднее: Владимиро-Суздальским) княжеством. До 1238 г., когда во время татарского нашествия был убит ростовский князь Василько Константинович (внук Всеволода Большое Гнездо), Белозерский край находился в составе Владимиро-Суздальского княжества. Сюда от Батыевых войск бежала часть населения из разгромленных Владимирских земель; здесь переждал Батыев погром ростовский епископ Кирилл. После 1238 г. было образовано самостоятельное Белозерское княжество, первым князем которого стал Глеб Василькович, младший сын Василько Константиновича. При нем был основан Белозерский Свято-Троицкий монастырь, Белавинская пустынь на острове на Кубенском озере, а Белозерск окружен земляным валом.

В середине XIV в. Белозерское княжество становится предметом пристального внимания со стороны крепнущей Москвы. Неслучайно Феодосия, дочь Ивана Калиты, становится женой Федора Романовича Белозерского. Белозерские князья, как верные союзники Москвы, приняли участие в Куликовской битве 1380 г. Известно, что князь Федор Романович и его сын Иван погибли в этом сражении. По духовному завещанию Дмитрий Иванович Донской отписал земли погибшего Федора Романовича Белозерского своему сыну Андрею, но при этом земли Василия Романовича (брат Федо-

ра Романовича), разделенные на малые уделы, оставались во владении его сыновей. Впоследствии при Иване III вся территория бывшего Белозерского княжества влилась в Московское государство.

Московский период был очень важным в колонизации Белозерского края. Одним из способов проникновения московского влияния стало основание здесь монастырей, духовно и экономически связанных с Москвой. В 1397 г. Кириллом, монахом Симонова монастыря, представителем московского боярского рода, последователем Сергия Радонежского, ратовавшего за объединение русских земель, основывается Кириллово-Белозерский монастырь на Сиверском озере. Документы по приобретению монастырем земель свидетельствуют о тесных связях Кирилла с московскими князьями. В 1398 г. сподвижник Кирилла Ферапонт стал первоначальником Ферапонтова монастыря. На рубеже XIV—XV вв. возникает Воскресенский Череповецкий монастырь, в первой половине XV в. — Николаевский Ковженско-Курьезский, в 1450 г. — Нило-Сорская пустынь и др.²

Таким образом, исходя из истории заселения Белозерского региона, мы вправе поставить вопрос о том, что представленная здесь былинная традиция генетически должна быть связана с Ростовскими землями и, возможно, с Московскими. Новгородское влияние здесь было достаточно слабым, хотя мы его и не исключаем. Но во всяком случае возводить былинную традицию Кириллово-Белозерского края исключительно к Новгороду было бы неправильно.

К Кириллово-Белозерскому региону примыкает и территория нынешнего Коношского (Коношевского) района Архангельской области. Этот микрорегион образован взаимосвязанными водными путями, проходящими через озера Белое, Воже и Лаче. Две былинные записи из этого района мы также рассматриваем внутри вологодской былинной традиции.

Вторым крупным центром на территории Вологодского края был Великий Устюг. Историческая судьба этой территории очень похожа на судьбу Белоозера: изначальное неславянское население; проникновение новгородского элемента; дальнейшая основательная ростово-суздальская колонизация; присоединение к Московскому государству.

Коренным населением здешних земель были предки коми-пермяков. Начиная с XI в. в древнерусских летописях упоминается обширная область Перми Вычегодской и Перми

Великой. Известно, что Новгород с этой территории (бассейны рек Вычегды, Камы, Печоры) собирал дань. Новгородские ушкуйники совершали сюда набеги. Так, в 1157 г. они разграбили болгарский город Бряхимов в низовьях Камы. Однако постоянных новгородских поселений здесь не возникало.

Одновременно с Новгородом богатыми пушниной землями интересовались и Ростово-Суздальские князья. В 1178 г. Всеволод Большое Гнездо основывает в устье реки Юг город Гляден. Через четверть века, в 1212 г., рядом с ним появляется Устюг. Захватив земли на реках Юг, Вычегда, Сухона, ростовские князья овладели территорией, которая в древнерусских летописях называлась Пермь Вычегодская. Пермь Вычегодская привлекала внимание и волжских болгар. В 1218 и 1219 г. они совершают набег на Устюг; в ответ Ростовский князь Юрий Всеволодович с войсками проходит с Устюга в верховья Камы и спускается вниз по реке, заявляя права на эти территории, но впрочем, реально так и не получив их.

В середине XIV в. Пермь Вычегодская (то есть земли вокруг Великого Устюга), как и многие другие регионы, находящиеся во владениях ростовской ветви князей, переходит к крепнущему Московскому государству. В 1364 г. Дмитрий Донской отстранил от управления Устюгом ростовского князя Константина Васильевича (праправнука Всеволода Большое Гнездо) как не сумевшего помешать успешному походу новгородцев в Зауралье: «Взял у тово Ростов и Устюг и пермские места устюгские». Вскоре здесь на землях вычегодских коми-пермяков разворачивается миссионерская деятельность Стефана Храпа, получившего прозвище Пермского, уроженца Устюга, а в 1383 г. появляется вновь образованная Пермская епархия.³

Таким образом, и былинную традицию великоустюжского региона позволительно генетически связывать не с Новгородом, а с Ростовом и Москвой.

К Великоустюжскому микрорегиону мы присоединяем и единичную запись с верхнего течения Северной Двины — Верхнетойминского района. Исторические документы говорят о том, что низовья Северной Двины были освоены много ранее ее верховья. Колонизация нижнего течения шла, как говорилось выше, по пути из Новгорода — река Волхов — Ладожское озеро — Свирь — Онежское озеро — Водла — система волоков — бассейн реки Онега — волоки — река

Емца — низовья Северной Двины. Здесь мы вправе искать следы новгородской фольклорной традиции. Для верхнего же течения Северной Двины ближайшим экономическим и культурным центром, судя по всему, был Устюг — территория влияния Ростово-Суздальских князей.

Вологда же, напротив, входила в сферу влияния Новгорода. В Уставной грамоте 1137 г. князя Святослава Ольговича среди новгородских погостов был назван и погост Тошьма, расположенный на реке Тошне (Тошме), правом притоке р. Вологды (впоследствии — территория города). В 1147 г. монах Герасим пришел сюда из Киева и основал Троицкий монастырь, став затем первым чудотворцем вологодским. Впоследствии здесь вырос город Вологда, который новгородцы считали своим владением вплоть до присоединения в 1478 г. Новгорода к Москве. В районе самой Вологды былины не зафиксированы. Данный факт, впрочем, ни в коем случае нельзя истолковывать как аргумент в пользу того, что якобы новгородская колонизация не знала песенно-эпической традиции. Вологодский микрорегион, вероятно, просто принадлежит к тем очагам, где былинная традиция угасла очень рано (например, еще в конце XVIII в.) или же осталась вне внимания фольклористов XIX в.

В названной Уставной грамоте князя Святослава Ольговича среди новгородских владений был поименован и Вельский погост (верховья реки Ваги). Единичная запись былины отсюда, как будет сказано ниже, науке известна.

Таким образом, определенный нами выше Вологодский регион оказывается территорией, где в средневековье отложилось культурное влияние Новгорода и Ростова. Это и позволяет нам отграничить здешние земли от собственно новгородского былинного очага (существующего, впрочем, только гипотетически).

* * *

Первые записи былин в Вологодском крае были сделаны в 1803 г., хотя известны они стали только в 1890 г., когда Л. Н. Майков в журнале «Живая старина»⁴ опубликовал три эпических текста, извлеченных им из одной рукописной тетради. Как сообщал Л. Н. Майков, эта тетрадка поступила в императорскую Публичную библиотеку в 1890 г. из Вологодской губернии и содержала канты духовного содержания,

былины «Илья Муромец на Соколе-корабле» и «Добрыня Никитич и Маринка» и историческую песню «Князь Михайло Скопин». Рукопись была написана, как указывал Л. Н. Майков, одним почерком, довольно грамотно и помечена, как уже говорилось, 1803 г.

В отчете Публичной библиотеки за 1890 г. эта рукопись характеризуется несколько иначе: «Сборник песен и псалм. Скорописью нескольких почерков начала XIX века. В продолговатую 8-ю д<олю> л<иста>, 39 листов. Начинается рукопись псалмою: „Так дух наш восхищает“. На об. л. 2 — об. л. 7 помещена народная песня (Нач. По морю моря (sic; читай: морю) по синему, / По синему по Хвалунскому), в которой действующими лицами являются Илья Муромец и Добрыня Никитич. На лл. 21—25 об. находится песня о князе М. В. Скопине-Шуйском (Нач. Прикажи, сударь хозяин, Скопина про сказать / Скопина князя Михайла Васильевича). В начале рукописи заглавие «Псалмы. 1803-го, декабря 18-го дня)». ⁵ Как видим, здесь ничего не сказано о том, что рукопись поступила в библиотеку из Вологодской губернии. Подчеркивается также, что рукопись написана несколькими почерками. К сожалению, из этого описания, неясно, от кого поступила рукопись. Если признать справедливым свидетельство Л. Н. Майкова о вологодском происхождении рукописи (а у нас нет оснований не доверять его словам), то вероятным дарителем, возможно, был П. В. Подвысоцкий из Вологды, имя которого названо в «Отчете Публичной библиотеки». ⁶

Непосредственное обращение к сборнику позволяет его характеризовать несколько подробнее (шифр в Российской национальной библиотеке: О. XIV, № 17). Рукопись переплетена в Публичной библиотеке, на задней стороне твердого переплета имеется заверочная запись библиотекаря: «Тридцать девять листов (39 л.). От листа 40-го сохранился маленький обрывок. Библ<иотекар> И. Бычков». Очевидно, что рукопись поступила в значительно поврежденном виде. Судя по исконной (не хранительской) нумерации листов, в ней отсутствуют л. 1—7 (под цифрой 2, обозначающей л. 2, четко прочитывается цифра 8). Не исключено, что и в середине рукописи не хватает отдельных фрагментов.

Сборник, действительно, как и сказано в его описании, опубликованном в «Отчете Публичной библиотеки», написан несколькими почерками, и по-видимому, изначально представлял собой конволют: соединение в одну самодельную тет-

радку нескольких тетрадок, составленных из отдельных листов бумаги. На л. 1—16 отмечается четкий, каллиграфический почерк; чернила коричневые; по периметру каждой из страниц сделана рамочка теми же чернилами, что придает рукописи некоторую парадность. На л. 16 внизу витиевато выведено слово «Конец». Очевидно, что первоначально автор рукописи на этом месте считал ее законченной.

Состав названных шестнадцати листов — книжные песни религиозного характера («Так дух наш восхищает», «Сей день Господень радуется людие», «Да возрадуется днесь небо» и др.). Песни в большинстве случаев не разбиты на стихи. Каждое произведение имеет заглавие «Стих» с нумерацией по порядку. На л. 2 об. — 7 об. находится «7-й стих» — былина об Илье Муромце и Соколе-корабле. Текст былины, в отличие от христианских песнопений, разбит на стихи; каждая строка заканчивается буквами «В: Г: К: З», которые, без сомнения, расшифровываются как «Винограде, красно-зеленое». Таким образом, очевидно, что записанная былина функционировала в качестве святочного винограда.

На л. 16 об. нашего сборника, несмотря на слово «Конец», рукопись была продолжена, но уже другим почерком. Почерк старательный; писано теми же коричневатыми чернилами; рамочка, украшающая листы, отсутствует. Данный почерк отмечается до л. 31 об. Эта часть сборника продолжает нумерацию «Стихов» из первой части рукописи. Основной состав рукописи тот же: книжные песни религиозного характера. Песни также записаны без соблюдения стихотворных строк.

На л. 21—25 здесь записан «19-й стих» — историческая песня про Скопина-Шуйского («Прикажи, сударь-хозяин, Скопина про сказать»). Это фольклорное произведение разбито на стихи, а каждая строка заканчивается расшифрованными нами буквами «В: Г: К: З». На л. 28—28 об. приведен «24-й стих» — традиционное святочное винограде «Кидали-метали в три невода» с тем же припевом «Винограде, красно-зеленое», обозначенным буквами. На л. 29—29 об. — «26-й стих», представляющий из себя еще одну колядную песню («Ходили су робята по святым вечерам»).

На л. 31 об. дан «31-й стих» — былина о Добрыне и Маринке. На этот раз произведение записано без разбивки на стихи. Окончание былины (со стиха 35 от слов «дровеч мелкошечко») записано на л. 32 другим почерком (небрежный почерк, черные чернила). Далее рукопись до л. 34 заполнена

названным небрежным почерком. Это все те же книжные песни религиозного содержания.

Л. 35—37 исписаны уверенным мелким почерком с текстами, озаглавленными «Псалмы». На л. 38 опять находим небрежный почерк черными чернилами. Это первые 12 стихов того же текста былины о Добрыне и Маринке (без разбивки на стихи). Текст имеет некоторые разночтения по сравнению с записью на л. 31 об. Наконец, на л. 39—39 об. мы находим еще один почерк с записью песни «Я в пустыню удаляюсь».

Рассматриваемая тетрадка весьма примечательна. Это второй, после Кириши Данилова, известный ученым рукописный сборник, содержащий записи былин. Очевидно, что данный рукописный сборник составлялся образованными людьми (для начала XIX в. все записи сделаны довольно грамотно). По-видимому, некий общий круг (семейный? дружеский?) пытался составить тетрадку с песнями духовного содержания. При этом в понятие «религиозные песни» составителями включались и соответствующие вирши XVIII в., и фольклорные произведения, приуроченные к святочно-рождественскому периоду. Рискнем предположить, что книжные песни авторы сборника переписывали из какого-то другого рукописного источника и мелодий их не знали (именно поэтому песни записаны без соблюдения стихов). Названные же выше винограды, былина об Илье Муромце и Соколе-корабле и историческая песня о Скопине составителям сборника были хорошо знакомы изустно, может быть, ими самими пелись (поэтому эти тексты записаны с разбивкой на стихи и при них в зашифрованном, но понятном для самих авторов виде дан припев «Винограды, красно-зеленое»). Былина о Добрыне и Маринке, явно не входившая в цикл святочных произведений, составителям сборника была знакома гораздо меньше. Поэтому она также записана без разбивки на стихи.

Как бы то ни было, письменное бытование былин, без сомнения, надо рассматривать как свидетельство актуальности эпического знания для культурного сознания людей начала XIX в. Об этой актуальности говорит и то, что с данной рукописи, по-видимому, делалась какая-то копия: около многих произведений (в том числе и рядом с былинами) стоит помета «Писано» или «Переписано».

В. Ф. Миллер в главе «Наблюдения над географическим распределением былин» своих «Очерков» высказал сомнение

по поводу вологодского приурочения этих былин. Он полагал, что тот факт, что рукописная тетрадка происходила из Вологодской губернии, еще не доказывает, что сами записи отражают традицию именно этого региона. «Но записаны ли они в той же губернии — неизвестно», — писал исследователь.⁷

Мы думаем, что осторожность В. Ф. Миллера в данном вопросе вряд ли оправдана. «Илья Муромец на Соколе-корабле», как мы увидим ниже, может считаться типично вологодским сюжетом: нам известно четыре местных варианта, и три из них прочно вписаны в обрядовый контекст. Сообщение Л. Н. Майкова о том, что рукописная тетрадь с записями былин происходит из Вологодской губернии позволяет нам сделать некоторые предположения о более конкретной географической локализации этого материала. Очевидно, что тетрадь не может принадлежать Белозерской или Кирилловской традиции, так как эти территории до революции входили в состав Новгородской губернии. Все точно документированные записи былин-виноградья «Илья Муромец на Соколе-корабле», как мы показываем ниже, сделаны в регионе Великий Устюг — Сольвычегодск — Лальск. Поэтому и данную запись мы с большой долей вероятности относим к названному микрорегиону Вологодчины.

Л. Н. Майков в журнале «Живая старина» опубликовал две интересующие нас былины («Илья Муромец на Соколе-корабле» и «Добрыня и Маринка») довольно исправно. Самым крупным его текстологическим просчетом явилось то, что он не смог расшифровать значение букв «В: Г: К: З» и в своей публикации ни словом не обмолвился о данной особенности текстов. Целенаправленной правке в его публикации подверглась лишь орфография подлинника: имена собственные даны с большой буквы, слова «карабль», «двенатцать», «молотцы» и другие даются в нормативном виде. Остальные недочеты носят явно случайный характер: в былинке «Илья Муромец на Соколе-корабле» в ст. 18 вместо «ушей» напечатано «очей»; в былинке «Добрыня и Маринка» в ст. 19 пропущено начало «Захотелоя Добрыне».

Вторая страница в истории вологодского былиноведения связана с именем Павла Ивановича Савvaitова (1815—1895) — известного историка, этнографа, богослова. П. И. Савvaitов родился в Вологде в семье священника. Образование он получил в Вологодской духовной семинарии, затем закончил Пе-

тербургскую духовную академию (1833—1837). С 1837 по 1842 г. П. И. Савваитов был преподавателем в Вологодской семинарии, после чего в течение двадцати пяти лет до 1868 г. являлся профессором Петербургской духовной семинарии. Будучи в Петербурге, П. И. Савваитов своими трудами о провинциальных рукописных собраниях очень быстро завоевал себе авторитет в научных кругах. С 1858 г. он член Археографической комиссии, а в 1873 г. был избран членом-корреспондентом Академии Наук.⁸ Интерес к севернорусскому фольклору был характерен, по-видимому, для начального (вологодского) периода научной деятельности П. И. Савваитова. В 1841 г. после знакомства с известным историком и редактором журнала «Москвитянин» М. П. Погодиным, совершавшим поездку по бывшим Новгородским землям, молодой ученый опубликовал свою первую работу «Вологодские песни».⁹ Былинного материала здесь нет, однако именно в этой заметке собиратель свидетельствует, что в здешнем крае крестьяне знали слово «былина»: «Из всех слышанных мною рассказов самые занимательные и оригинальные нашел я в Вельском уезде. Здесь все они, без исключения, называются былинами и рассказываются нараспев».¹⁰ (На данное свидетельство обратил внимание еще Л. В. Домановский, первым введший в научный оборот былинный текст, о котором ниже идет речь). Из контекста савваитовской статьи остается неясным, определялся ли словом «былина» конкретный песенно-эпический жанр или же это слово применялось к любым песенным нарративам о старине. Тем не менее само свидетельство о бытовании слова «былина» в крестьянской среде весьма важно, так как подвергает сомнению известный тезис о том, что данное слово носит якобы искусственный характер и введено в науку И. П. Сахаровым, позаимствовавшим его из «Слова о полку Игореве».

«Вологодские песни» оказались одной из немногих фольклористических статей П. И. Савваитова: в дальнейшем ученый занимался древнерусскими рукописями. Однако среди бумаг П. И. Савваитова остались неопубликованные записи народной поэзии, привлечшие в свое время внимание Л. В. Домановского. В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки находится конволют, содержащий фольклорные записи (РНБ, Q.XVII, № 230). Отдельные блоки записей озаглавлены «Устюжские песни», «Песни народные», «Вологодские простонародные песни» и т. д. Записи сделаны

разными почерками (по крайней мере — три разных почерка). На отдельных листах стоят даты 1841, 1842, 1854 г., а также «Савваитов», что, по-видимому, и позволяет атрибутировать данный материал как савваитовский (записанный им самим и его окружением). Разрозненные рукописи, как можно полагать, были сброшюрованы в единый переплет в 1896 г. На последнем листе (л.76 об.) сделана заверочная архивная запись: «В этой рукописи семьдесят шесть (76) листов. Библиотекарь И. Бычков».

Один из блоков рукописи (л. 17—37 об.) озаглавлен «Сельские песни», на л.17 стоит дата 30 сентября 1841 г., а на л. 35 «Свадебные приговоры дружки в Кадниковском уезде». Эти пометы позволили Л. В. Домановскому имеющуюся среди записей былин о Василии и новгородцах, озаглавленную «Простонародная сказка», рассматривать как текст, записанный 30 сентября 1841 г. в Кадниковском уезде. Текст ее был опубликован Л. В. Домановским в 1957 г.¹¹

Следующий эпизод в истории собирания вологодских былин связан с именем П. Н. Рыбникова. 4 марта 1861 г. собиратель писал П. А. Бессонову: «Имею в виду приобрести сборник былин, записанный еще в прошлом столетии в Вологодской губернии, но пока идет переписка, а потому не хочу ничего говорить неверного».¹² Покупка, по-видимому, не состоялась. В письме от 22 апреля читаем: «О рукописном сборнике былин пока не получил ответа».¹³ Больше об этом сборнике ничего не известно.

Тем не менее в «Песнях, собранных П. Н. Рыбниковым» имеются тексты, которые мы относим к вологодской былинной традиции. Это «Добрыня и сила неверная» и «Добрыня и Смерть», помеченные Саминским приходом Вытегорского уезда, который, напомним еще раз, до революции входил в состав Олонецкого края, а в настоящее время относится к Вологодской области. Оба рыбниковских текста записаны в конце 1850-х гг. — самом начале 1860-х гг. (до 1862 г. — год выхода в свет 2-го тома «Песен» П. Н. Рыбникова, где опубликованы названные тексты) от неизвестного сказителя и получены П. Н. Рыбниковым от Н. В. Обручева.

Данные материалы свидетельствуют о том, что в середине XIX в. остатки былинной традиции существовали не только на северном и северо-восточном побережье Онежского озера (мощнейший былинный очаг Заонежья), но и на южном и юго-восточном берегу. Правда, собственно былиной среди рыб-

никовских материалов можно назвать лишь текст «Добрыня и сила неверная» (Рыбников. 1-е изд. Ч. 2. С. 33—36. № 8; Рыбников. 2-е изд. Т. 2. № 211; Рыбников. 3-е изд. Т. 2. № 210), который будет охарактеризован ниже. Текст же «Добрыня и Смерть» (Рыбников. 1-е изд. Ч. 2. С. 36—37. № 9; Рыбников. 2-е изд. Т. 2. № 212; Рыбников. 3-е изд. Т. 2. № 211) является былинной версией духовного стиха «Аника-воин и Смерть», где популярный эпический герой заменил собой традиционного Анику-воина. Добрыня, который в былинах предстает как мудрый дипломат, отличающийся своим «вежеством», здесь выглядит сначала безответственным бахвальщиком («Ай же ты, Смерть престрашная! Коль возьму я свою саблю преострую, Отсеку тебе голову буйную»), а затем абсолютно деморализованным перед лицом всемогущей Смерти человеком («Дай мне сроку на два года...», «Дай же ты сроку на один час...»). Подобная трансформация образа эпического героя позволяет нам вывести данный текст за пределы корпуса былин. Тем не менее песня «Добрыня и Смерть» свидетельствует о популярности былинных героев в вологодском фольклоре и является одним из доказательств, пусть и косвенных, бытования в XIX в. в данном регионе достаточно развитой былинной традиции.

Четвертый этап в собирании былин в Вологодском крае связан с именем Николая Егоровича Ордина (1849—?), корреспондента Русского географического общества. Н. Е. Ордин родился в Архангельске, гимназию закончил в Новгород-Северске, затем учился в Медико-хирургической академии в Петербурге, после окончания которой в 1876—1884 гг. служил врачом в Сольвычегодском земстве. Здесь-то он и собрал интересную коллекцию фольклорного материала. Часть из его записей, касающихся духовной жизни крестьянских детей, опубликована в книгах Е. А. Покровского «Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно России» (1884) и «Детские игры, преимущественно русские» (1887). Большое количество других его материалов хранится в Русском географическом обществе.¹⁴

В 1877 г. Н. Е. Ордин прислал в РГО рукопись «Разные песни и стихи, употребляемые в Сольвычегодском уезде Вологодской губ.» (ныне территория Архангельской области; шифр рукописи: РГО, ф. 7, оп. 1, № 46). Среди текстов имеется былина об Илье Муромце и Соколе-корабле (л. 1-3). На обороте титульного листа своей рукописи Н. Е. Ордин сделал

следующую запись: «Примечание. Песни и стихи, обозначенные знаком +, списаны с старинных тетрадок (рукописи), а остальные по слов народа. Н. Ордин». Интересующая нас былина помечена соответствующим знаком. Таким образом, мы имеем второе (после тетрадки 1803 г., на которую обратил внимание Л. Н. Майков) свидетельство о том, что в Вологодском крае былина «Илья Муромец на Соколе-корабле» бытовала в письменной традиции.

Старинная тетрадка, с которой списана былина, явно была создана не с научными фольклористическими целями. Перед нами, повторяем, своеобразный способ бытования определенного пласта песенной культуры. Помимо названной былины, из старинных тетрадок Н. Е. Ординым извлечены также историческая песня про Скопина с характерным для виноградий зачином «Прикажи, сударь-хозяин, Скопина сказать», вирши на манер стихов XVIII в. «Великий город Устюг», «Буря море подымает», «Всколебалосе море», традиционная колядка с припевом «Виноградье», небылица в той же функции колядной песни и другие произведения. Обратим внимание на то, что состав названных произведений существенно отличается от тетради 1803 г., с которой работал Л. Н. Майков: здесь нет песен религиозного характера (или же Н. Е. Ордин их не переписал). Определенный контекст колядных песен с большой долей вероятности позволяет нам предположить, что и интересующая нас ординская былина «Илья Муромец на Соколе-корабле» исполнялась в функции винограда и имела припев «Виноградье, красно-зеленое».

В свое время рукопись Н. Е. Ордина попала на отзыв П. И. Савваитову, который, как это ни странно, не сумел оценить важность былины об Илье Муромце на Соколе-корабле. 26 апреля 1878 г. П. И. Савваитов писал о материалах Н. Е. Ордина: «...песни, числом 11, из них одна из новых — довольно нескладное об Илье Муромце, кой пускает стрелу „самому султану в белу грудь“». ¹⁵ Сюжет об Илье Муромце на Соколе-корабле науке в то время был еще неизвестен и П. И. Савваитов явно допустил оплошность, не акцентировав внимание Этнографического отделения РГО на данной записи.

Приведенные факты с рукописью из Российской национальной библиотеки и со старинной тетрадкой, с которой был знаком Н. Е. Ордин, заставляют нас обратить особое внимание на письменную форму бытования песенно-эпиче-

ского фольклора в среде носителей устно-поэтической традиции. Вполне вероятно, что и рукописный сборник со ста былинами, о котором П. Н. Рыбников писал П. А. Бессонову, имел тот же характер. Таким образом, мы можем говорить о том, что письменная форма бытования былин была достаточно популярной на Вологодчине. Впрочем, в других регионах также отмечена эта черта. А. В. Марков, например, писал о том, что один из двоюродных братьев знаменитой Аграфены Крюковой (родом с Терского берега Белого моря) «так любил читать, что даже песни и старины пел по какой-то рукописной книжке».¹⁶ Известно, что в XX в. свои былины записывал П. И. Рябинин-Андреев. Вологодский материал дает дополнительные данные для уточнения наших знаний о разных формах бытования былин.

Следующая страница в вологодском былиноведении связана с именем инспектора народных училищ в Вытегорском, Пудожском и Каргопольском уездах Олонецкой губернии К. М. Петровым. Уроженец местного края, Константин Михайлович Петров, в молодости участвовал в Крымской войне, за что имел памятную медаль. Позднее он стал учителем русского языка в мужской гимназии Петрозаводска,¹⁷ а затем инспектором народных училищ. В конце 1860-х гг. — 1870-е гг. К. М. Петров был одним из самых деятельных членов Олонецкого губернского статистического комитета. В «Памятных книжках Олонецкой губернии» и в «Олонецком сборнике» напечатан целый ряд его материалов, имеющих отношение к истории местного края. Ему же принадлежат и библиографические указатели, касающиеся Олонецкой губернии.¹⁸

Став инспектором народных училищ, К. М. Петров в 1870-е — 1880-е гг. организовал среди подчиненных ему учителей фольклорно-собираТЕЛЬскую работу. Один из учителей, Константин Маклионов, служивший в Сойдинском училище, от крестьянина деревни Сойда Вытегорского уезда Дементия Тимофеева записал историческую песню «Осада Пскова» и былину, контаминирующую мотив «Отчего богатыри перевелись на святой Руси?» и сюжет «Илья Муромец и нахвальщик». Тем же К. Маклионовым было записано и прозаическое эпическое произведение о Гусе-богатыре, отчасти напоминающее сюжет о Рахте Рагнозерском.

Материалы К. Маклионова, наряду с другими записями из Заонежья, были присланы К. М. Петровым Л. Н. Майко-

ву, который их опубликовал в 1885 г. в «Русском филологическом вестнике». Для нас из названных текстов интересна былина «Илья Муромец и нахвальщик», которую Л. Н. Майков в своей публикации разделили на два отдельных текста, так как начало ее («Отчего богатыри перевелись на святой Руси?») явно не стыкуется с основным содержанием (как два отдельных произведения былина перепечатана в «Русских былинах старой и новой записи» Н. С. Тихонравова и В. С. Миллера (М., 1894. № 14, 70)). Мы однако, подчиняясь исполнительской воле, рассматриваем данные две части как единое произведение. Таким образом, в поле нашего зрения оказывается еще одна запись — из Вытегорского уезда.¹⁹

Дальнейший вклад в историю записи былин на Вологодчине внесла песенная экспедиция Русского географического общества, проведенная Ф. М. Истоминым и С. М. Ляпуновым, когда они в 1893 г. совершили поездку в Вологодскую, Вятскую и Костромскую губернии, результатом чего стало издание известного сборника «Песни русского народа».²⁰ Значение истоминско-ляпуновских материалов состоит в том, что это первые, и для местной традиции единственные, нотированные записи былин.

В деревне Раменская слободка Бережно-Слободской волости Тотемского уезда Вологодской губернии от крестьянина Александра Ивановича Безвытного, 67 лет, собиратели записали былинку «Илья Муромец и царь Куркас» (Ист.-Ляп., с. 39—41). В слободе Дымково около города Великий Устюг от каменщика Ивана Федоровича Говорова, 62 лет, было записано святочно-рождественское «малое виноградь» с былинным сюжетом о Соколе-корабле (Ист.-Ляп., с. 47—49). Следует отметить, что в великоустюжской записи от И. Ф. Говорова экспедиционеры шли по стопам одного из своих предшественников. В Предисловии Ф. М. Истомин говорит о том, что в 1892 г. на одном из заседаний Отделения этнографии Русского географического общества известный славист И. А. Шляпкин сообщил о своей поездке в Великий Устюг и о записи от мещанина И. Ф. Говорова былины-колядки «По морю, морю Хвалынскому» («Сокол-корабль»)²¹ Запись И. А. Шляпкина остается нам неизвестной, тем не менее данный факт свидетельствует о том, что в истории собирания былевого эпоса в Вологодском крае могут быть открыты новые, пока еще неизвестные нам, страницы.

Как уже говорилось, былина о Соколе-корабле в Великом Устюге исполнялась в функции виноградаря и пелась в период от Рождества до Крещения при обходе домов артелями колядовщиков с характерным припевом «Винограде, красно-зеленое мое». Сборник Ф. М. Истомина и С. М. Ляпунова дает нам и другие примеры того, как эпические песни оказываются втянутыми в календарный обрядовый цикл. Такова, например, историческая песня о выкупе патриарха Филарета из плена (Ист.-Ляп., с. 49—51) (записано в с. Боровское Востровской волости Великоустюжского уезда).

В 1895 г. в журнале «Живая старина» была опубликована еще одна былина, которую мы имеем право отнести к вологодской традиции, — полупрозаический пересказ сюжета «Илья Муромец и Калин-царь». Текст был записан Андреем Алексеевичем Шустиковым (1859—?) в с. Ширыханове Тавреньгской волости Вельского уезда Вологодской губернии (ныне Архангельская обл.). А. А. Шустиков принадлежит к той плеяде скромных краеведов-собирателей, которые, объединившись под эгидой центральных и местных научных обществ, внесли неопределимый вклад в развитие дореволюционной фольклористики. Он родился в деревне Хмелевской Нижнеслободской волости Кадниковского уезда Вологодской губернии в семье крестьянина. Всю жизнь А. А. Шустиков служил в Кадниковском уездном земстве, в Вологодском губернском земстве, а затем в Вологодской городской думе. С 1883 г. он начал печатать в «Вологодских губернских ведомостях» статьи фольклорно-этнографического характера, а позднее, когда возник журнал «Живая старина», — и в этом периодическом органе. За этнографические труды А. А. Шустиков был награжден серебряной медалью от Русского географического общества, членом-сотрудником которого он был. Сотрудничал он и с Этнографическим бюро князя Тенишева, писал также А. А. Шустиков и беллетристические произведения.²²

В 1894 г. дважды, в январе и осенью, А. А. Шустиков совершил поездку из Кадникова, где он жил, в Тавреньгскую волость Вельского уезда. Предания, записанные А. А. Шустиковым, утверждают, что первыми поселенцами Тавреньги были люди, сосланные сюда из Белозерска. По другой версии, первыми из того же Белозерска сюда пришли три князя, чтобы управлять чудью.²³ Известный архетип мотива о первопоселенцах в тавреньгских текстах проступает достаточ-

но явственно, но нам важно подчеркнуть, что народная историческая память связывает Тавреньгу с Белозерском, а значит, эти территории когда-то подверглись ростовской колонизации.

Здесь среди прочих селений А. А. Шустиков посетил Ширыханово (название группы деревень), где им и была записана былина «Илья Муромец и Калин-царь». Говор ширыхановцев собиратель характеризует следующим образом: «... смесь важского с олонецким: говорят они нараспев, как и ваганы, „дѣкают“ так же, как олоненцы».²⁴

Былина «Илья Муромец и Калин-царь» была записана А. А. Шустиковым от крестьянина Астафия Матушкина из д. Горы в Ширыханове. От него же собиратель услышал сказку «Маленький дитинушка, зелененькой», в которой явственно отразились черты былинной поэтики: на пиру у князя Владимира «маленький дитинушка» хвастает своим конем, после чего Владимир отправляет героя найти человека, который знает царские думы; по пути герой видит следы побоищ, в которых победил Иван русский богатырь; наезжает на шатер Ивана, вступает с ним в бой, после чего богатыри братаются; «маленький дитинушка» помогает Ивану высватать королеву, а у короля находит человека, который знает царские думы; приезжает к князю Владимиру и женится на его дочери.²⁵ Этот текст является дополнительным аргументом в пользу того, что в конце XIX в. былинная традиция все еще оставалась актуальной для Вельского края.

От того же А. Матушкина А. А. Шустиков записал также еще две сказки — «Федор-царевич» (СУС 707) (РГО, р. 109, оп. 1, № 190, л. 13—23) и «Мужик и черт» (СУС 560*) (там же, л. 25—36).

Конец прошлого столетия, без сомнения, был уже периодом угасания эпического знания на Вологодчине. Публикуя текст шустиковской былины, редакция журнала «Живая старина» сделала следующее замечание: «Следовало бы хорошенько поискать, нет ли где в Шаруханове (так! — Т. И.) и в других захолустьях Вельского у. и теперь еще настоящих былин и побывальщин? Может быть, они не только сказываются, но и поются сказителями».²⁶ В первом выпуске «Живой старины» за 1896 г. А. А. Шустиков отвечал редактору: «... что касается Вашего замечания ... относительно что следовало бы хорошенько поискать в Ширыханове, нет ли сказителей былин, то положительно могу сказать, что там их

нет. Едва ли во всем Вельском уезде найдется хоть один из таких „сказителей-певцов“.²⁷

Начало XX в. принесло новые записи былин из Вологодского края, но сделаны они были в Кирилловском и Белозерском уездах Новгородской губернии, поэтому исследователями никогда не рассматривались в рамках вологодских былин. О данных записях ученые, как правило, вспоминали тогда, когда надо было найти аргументы в пользу бытования былин на Новгородской земле.

Следует отметить, что Белозерский край входит в эпическую картину мира. Он и его жители упоминаются в былинах, записанных, например, на Пудогге («А дешёвы поцелуи в Белозерской стороне» — Гильф., I, № 60, ст. 187; былина на сюжет «Василий Игнатьевич и Батыга») или Кенозере («Только нашлося дружина хоробрая, Фома толстородивой, Да Костя Белозэрянин» — Гильф., III, № 259, ст. 14—16; былина на сюжет «Василий Буслаевич»). Данный факт может рассматриваться как косвенное доказательство бытования былин в Кириллово-Белозерском крае. Располагает наука и более существенными данными о местной эпической традиции.

Первым собирателем былин в Кириллово-Белозерском микрорегионе оказался Павел Сергеевич Шереметев (1871—?), представитель старинного боярского (позднее — графского) рода, сын Сергея Дмитриевича Шереметева (1844—1918), Московского губернского предводителя дворянства. П. С. Шереметев был членом Историко-родословного общества в Москве и написал ряд работ о своих предках.²⁸ Его перу принадлежит и ряд других трудов исторического характера.²⁹ П. С. Шереметев занимал активную общественную позицию. Он был предводителем дворянства в Звенигородском уезде, участвовал в работе местного земства,³⁰ интересовался развитием школьного дела в России.³¹

В конце декабря 1900 г. — самом начале января 1901 г. П. С. Шереметев вместе со своим другом графом Бобринским совершил поездку в Белозерский край. Эта поездка носила развлекательный характер. Главная ее цель была — охота; побочная — ознакомление с достопримечательностями Белозерья. П. С. Шереметев и его спутник побывали в Кириллово-Белозерском монастыре, где был похоронен целый ряд предков Шереметевых; осмотрели Ферапонтов монастырь и церкви местного края, интересовались старинными рукопи-

сями и иконами. Во время поездки сделал П. С. Шереметев и фольклорные записи (песни, сказки, описание свадебного обряда). Впечатления об этой поездке отразились в книге П. С. Шереметева, изданной им в 1902 г.³²

31 декабря 1900 г. в с.Петропавловское П. С. Шереметев от кузнеца Александра Ивановича Арапова, старика 70 лет, записал прозаический пересказ былины о Тюхмене Адехмантьевиче, которую сам исполнитель называл «баснью». Эта былина представляет собой контаминацию двух сюжетов — о Сухмане и о Даниле Ловчанине. По словам сказителя, «баснь» эта у него «на голоса не подымается», а перенял ее он от своего отца.³³ Знал А. И. Арапов и какой-то сюжет (по-видимому, также в прозе) об Илье Муромце, но сразу же предупредил собирателя: «так это с книги»,³⁴ поэтому П. С. Шереметев его и не записал. В материалах этого собирателя обращают на себя внимание некоторые сказительские комментарии о былинах. Так, в них, без сомнения, отразилась вера исполнителя в рассказываемое: «а что, я думаю, было да сколько правды, ни за что не выдумать».³⁵

Запись П. С. Шереметева сделана недостаточно профессионально, без соблюдения диалектных особенностей речи сказителя (на которые, впрочем, указано в примечаниях). Можно подозревать, что запись была не дословной и в печатном тексте многие фрагменты пересказаны самим собирателем (во всяком случае литературный налет чувствуется в стиле данного произведения), тем не менее былина о Тюхмене Адехмантьевиче чрезвычайно важна в истории собирания песенного эпоса на Вологодчине. Эта запись расширяет наше представление о былинном репертуаре местного края, пополняя его сразу двумя сюжетами.

В 1901 г. в Череповецком, Белозерском и Кирилловском уездах Новгородской губернии с фольклорно-экспедиционными целями побывала известная фольклористка Е. Э. Линева. Ее поездка была в высшей степени успешной: собирательница привезла десятки записей песенного фольклора, причем многие образцы были зафиксированы на фонограф. Однако былин среди ее материалов не было. Е. Э. Линева писала: «Былины в Новгор<одской> губ<ернии> почти исчезли, кроме редких, единичных случаев. Воспоминание о героическом новгородском эпосе, насколько мне пришлось наблюдать, стерто бесследно. Остатки его унесли новгородские выходцы, переселившиеся к северу».³⁶ Надо полагать, что с какими-то

отголосками былинной традиции Е. Э. Линева сталкивалась, но записать образцы былин собирательница не смогла.

Несмотря на неудачу Е. Э. Линевой, история записей былин в Кириллово-Белозерском крае на этом не обрывается. Буквально через несколько лет здешний былинный репертуар пополнится целым рядом сюжетов. Мы имеем в виду самую яркую страницу в истории собирания былин на Вологодчине — две экспедиции 1908 и 1909 г. в Белозерский и Кирилловский уезды Новгородской губернии студентов Московского университета братьев Бориса Матвеевича и Юрия Матвеевича Соколовых.

Этим экспедициям предшествовали следующие обстоятельства. Летние каникулы 1907 г. студенты Соколовы провели у родных под Рыбинском. Здесь им пришлось общаться с Катериной Шарашовой, кухаркой их бабушки, крестьянкой из деревни Терехово-Малахово Белозерского уезда. Оказалось, что она была неплохой песельницей и знатоком устной поэзии. Она-то и сообщила Соколовым, что в ее родных местах до сих пор поются былины. Былины из Белозерского края — «белого пятна» на «эпической карте» России — не могли не заинтересовать начинающих филологов. Так у них зародилась мысль об экспедиции в Новгородскую губернию.

Энтузиазм молодых ученых нашел отклик в Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Оно снабдило их необходимыми документами и деньгами для экспедиции 1908 г. Поездка 1909 г. финансировалась Московским археологическим обществом. Намерения братьев Соколовых совпали с планами самого МАО. В этот период Общество готовилось к очередному съезду, который должен был проходить в 1911 г. в Новгороде. В связи с этим особо актуальной стала новгородская тематика. Намечались археологические раскопки на территории губернии, обследование местных церквей, изучение иконописи, старинных рукописей. Обострился интерес и к новгородской «живой старине» — народной словесности.³⁷

При подготовке и в ходе экспедиций сформировались две основные задачи: запись всего репертуара устной поэзии местного края и специальные поиски следов песенно-эпической традиции. Вторая из задач, как говорится, витала в воздухе и, без сомнения, возникла под влиянием исследований В. Ф. Миллера, который в своих работах поставил вопрос о географическом распространении былин. Им, как уже неод-

нократно указывалось, была выдвинута гипотеза об особой роли новгородского колонизационного потока, занесшего песенную эпическую традицию в разные регионы Русского Севера. Ростовская же (низовская) колонизация, по мысли Вс. Миллера, былин в здешний край не несла. Эта гипотеза была уязвима в одном из ее моментов: записи на территории собственно Новгородской губернии исчислялись единицами. Требовались экспедиционные разыскания, чтобы доказать, что былевые песни в здешних землях бытуют (или бытовали в недавнем времени). За выполнение этой задачи и взялись братья Соколовы. При этом, как видим, собиратели в своих рассуждениях ориентировались исключительно на административное деление, а не на историю заселения Кириллово-Белозерского края. Не вдаваясь в историю заселения здешних мест, они априори считали эти земли новгородскими.

В 1908 г. в деревне Терехово-Малахово Белозерского уезда собирателям удалось записать лишь один текст на традиционный былинный сюжет — краткий прозаический пересказ былины об Алеше Поповиче и Тугарине (Сок. № 1) от Василия Степановича Шарашова, 58 лет, хозяина избы, где они остановились. Сказитель свидетельствовал, что былина эта в данной местности когда-то пелась, отсюда и его комментарий: «Напев такой же — как на Потаню». (Имеется в виду историческая песня «Кострюк», также записанная от этого же исполнителя — Сок. № 12).

От того же В. С. Шарашова был также записан трансформированный песенный текст, который мы рассматриваем как былину-новообразование — «Микита Романовиць» (Сок. № 11).

На следующий год Б. М. и Ю. М. Соколовы обследовали Кирилловский уезд и записали здесь уже пять былин. От Андрея Михайловича Ганина, 64-летнего крестьянина деревни Кутилово Пунемской волости, были зафиксированы песенный вариант «Дуная» (Сок. № 4), прозаический пересказ контаминированных сюжетов «Добрыня и Змей» и «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича» (Сок. № 3) и прозаический же текст, соединяющий сюжеты «Исцеление Ильи Муромца» и «Соловей разбойник» (Сок. № 5). По словам исполнителя, былины он перенял от покойного дяди И. И. Ганина, который все их пел, и от своей матери Аксины Ивановны (Сок., с.197). От того же А. М. Ганина был записан также сказочный текст «Как князь Владимир же-

нился» (Сок. № 111), в поэтике которого прослеживается влияние былинной традиции.

Вторым былинщиком в Кирилловском уезде, с которым встретились братья Соколовы, стал крестьянин деревни Никольской Пунемской волости Степан Васильевич Карпов, 60 лет. От него были записаны песенные тексты «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича» (Сок. № 2) и «Малолетний богатырь Михайло Данилович» (Сок. № 6).

В 1910 г. Б. М. и Ю. М. Соколовы опубликовали часть своих былин («Михаил Данилович», «Алеша Попович и Идолице», «Микита Романович») в специальной статье,³⁸ а в 1915 г. эти записи заняли достойное место в их знаменитом сборнике «Сказки и песни Белозерского края». В Российском государственном архиве литературы и искусства в обширном фонде братьев Соколовых сохранились полевые рукописи собирателей, которые вносят некоторые дополнительные штрихи в историю новгородских экспедиций. Так, например, из рукописей выясняется, что с А. М. Ганиным работал Б. М. Соколов, и былины этого сказителя были им записаны 27 июня 1909 г. (см.: РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, № 2949, л. 39). Про былинку А. М. Ганина «Дунай» в полевой рукописи зафиксирован следующий комментарий сказителя: «Слышал эту старинку от своей матери Аксиньи Ив<ановны>, она пела ее на голоса, а он не мастер на голоса, и не перенял» (там же, л. 54).

Сохранившиеся рукописи позволяют судить о принципах работы братьев Соколовых с фольклорным материалом. Сравнение полевых рукописей с опубликованными текстами показывает, что Б. М. и Ю. М. Соколовы позволяли себе в отдельных случаях вносить редакторские изменения в тексты былин.

Проанализируем с точки зрения текстологии ганинскую былинку «Дунай» (РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, № 2949, л. 40—54; ср. Сок. № 4). Рукопись показывает, что как и другие собиратели того времени, Б. М. Соколов подчас повторяющиеся строки не записывал, а обозначал прочерком, впоследствии вписывая недостающий текст. Таким образом в рассматриваемой былине были восстановлены строки 40—41 («Другую зеленá вина, Третью мёда сладково») — по аналогии со стихами 32—33. (В тексте данной главы все ссылки на былинные стихи даются по публикации в сборнике «Сказки и песни Белозерского края». В настоящем издании в связи с проведенными текстологическими уточнениями нумерация стихов в отдельных случаях изменилась).

При публикации Б. М. Соколов позволил себе отрывкам, рассказанным сказителем как проза, придать стихотворный вид. Например, строки 102—110 в рукописи имеют прозаическую форму: «А тот пораньше разбудилсе, вышел, а чюжой конь пшону зоблёт. А он и говорит: „Какой невежа чюжим добром кормит коня?“ Взял, пришел и начал будить: „Ставай, невежа! Не пора спать, а пора бой цинить!“ Сили на коней и разъехались. Съехались, копыями ударили...» (л. 48). Точно так же строки 122—126 первоначально записаны как проза.

При публикации оказались пропущенными некоторые строки, что явно вызвано стремлением собирателя придать тексту более стройный вид. Так, ст. 25—26 в рукописи выглядят следующим образом:

И солнышко Владимир князь молодой,
Может ли тебе Дунаюшко Повалин сын
Найти такую невесту?

Неуклюжий стих «Найти такую невесту» в публикации был опущен.

В другом фрагменте (ст. 143—148) —

А Дунаюшко сидит — головушку повесил.
«Што же ты, Дунаюшко,
Не хвастаэшь ницем?»
Сидит — головушку повесил:
«А я, говорит, ницево не знаю.
Знаю — стрелил бы я две стрелки,
Никоторая ни более, ни менее» (л. 51)

— при публикации оказалась пропущена строка «Сидит — головушку повесил», так как она является почти дословным повторением стиха «А Дунаюшко сидит — головушку повесил».

Позволял себе Б. М. Соколов и изменять некоторые из галицких стихов. Так, из записанной одной строки «Котора девица станом статна и лицём бела» при публикации он сделал два стиха, употребив прием подхвата, популярный в народной поэзии:

Котора девица станом статна,
Станом статна и лицём бела

(ст. 10—11).

Строка 65 «Приходит к ему во горницу» при публикации звучит как «Приходил ему во горницу». Конечный стих «Тут будь Дунай-река» в опубликованном виде выглядит как «Там будь Дунай-река».

Укажем также на то, что две одновременных публикации были, сделанные самими собирателями — в статье 1910 г. и в сборнике 1915 г. — также различаются между собой некоторыми деталями, не совпадая, в свою очередь с текстом полевой записи. Текстологический анализ убеждает нас в том, что беловая копия, с которой набирался текст былин в статье, была сделана недостаточно тщательно. Можно также утверждать, что при работе над сборником «Сказки и песни Белозерского края» братья Соколовы внесли в уже опубликованные тексты дополнительные редакторские изменения и уточнения.

Продемонстрируем этот тезис на примере былины «Михайло Данилович» (РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, № 2949, л. 17—27; статья 1910 г., с. 29—34; Сок. № 6). Можно отметить различную пунктуацию двух публикаций и разные способы обозначения диалектных особенностей речи сказителей. Так, в ст. 43 в статье печатается «за шшитом»; в сборнике — «за шшытом» (как и в рукописи). В ст. 90 в статье — «Игнатьевиц»; в сборнике — «Игнатьевич» (как и в рукописи). Все это неоспоримо свидетельствует о том, что многие особенности речи исполнителей собиратели не успевали фиксировать в полевых условиях и восстанавливали впоследствии по памяти на основании своего знания местного диалекта.

Наблюдаются и текстовые расхождения более существенного плана. В статье ст. 1—2 публикуются с пропуском вторых предлогов «во» и «у»:

Во славном было во городе во Киеве,
У славна у князя у Владимира.

В сборнике этот текстологический просчет в соответствии с полевой рукописью был исправлен. Ту же особенность можно отметить и относительно ст. 103 «Про ту ли про службу государеву», где в первой публикации был пропущен повторяющийся предлог «про».

В статье, равно как и в сборнике, оказались пропущенными и целые строки. Так, после ст. 47 по сказительскому тексту следует «Камчатым рукавцам помахивал»; после ст. 146 — «Поймал княжишша Старуришша».

Текстологический анализ былин «Дунай» и «Михайло Данилович» наглядно показал, что публикациям братьев Соколовых были свойственны и некоторая небрежность, и целенаправленная редакторская правка. Однако было бы несправедливо упрекать этих фольклористов в тех текстологических просчетах, которые мы отметили выше. Как показывают наблюдения над полевыми рукописями собирателей XIX—первой половины XX вв., такого рода редакторская правка характерна буквально для всех классических сборников фольклора. Формально безупречными с точки зрения текстологии остаются лишь те материалы, к которым нет рукописных оригиналов. Именно вследствие отсутствия полевых записей П. И. Савваитова, Н. В. Обручева, Ф. М. Истомина, П. С. Шереметева мы не можем указать на редакторское вмешательство в тексты этих собирателей. Однако мы не сомневаемся, что и названные записи так же, как и материалы братьев Соколовых, далеко не безупречны с современных текстологических позиций.

Укажем на еще одну дореволюционную запись былинного текста из Вологодской губернии. В 1903 г. в д. Серегово Яренского уезда на р. Выми, то есть в восточной, противоположной Кириллово-Белозерскому краю, части губернии, неизвестным собирателем на фонографе был записан отрывок старины, где упоминается имя Идолица. В настоящее время эта фонозапись находится в Фонограммархиве Пушкинского Дома (ИРЛИ, ФА, № 3051). Нотная расшифровка четырех стихов опубликована в сборнике «Былины: Русский музыкальный эпос»: ³⁹

Скричал Идолицшо поганое.
Мать сыра земля да сколынулася,
Синё моречке да сколыбалося,
Сыры дубишша да росшаталися.

Скорее всего этот фрагмент можно квалифицировать как сюжет «Илья Муромец и Идолице».

Следующий этап в собирании вологодских былин связан с именем Э. Г. Бородиной, известной фольклористки советского времени, издавшей совместно с Р. С. Липец двухтомное собрание «Былины М. С. Крюковой» (М., 1939—1941). Летом 1937 г. она побывала в экспедиции в Вологодской, Архангельской и Северной (позднее упраздненной) областях. Результатом этой поездки стали записи от Марфы Крюковой

на Зимнем берегу Белого моря, а также интересующие нас материалы с территории Вологодчины.

Две записи сделаны Э. Г. Бородиной в Коношском (Коношевском) районе Вологодской области (ныне: территория Архангельской области). 25 июля 1937 г. собирательница встретила в д. Вельцы с Иваном Павловичем Семеновым, 38 лет, и записала от него былинку о Садко (полупрозаический вариант) (ГЛМ, ФА, инв. 240, п. 31, л. 97—100). В тот же день от того же исполнителя была записана также стихотворная былина о Василии Буслаеве, контаминирующая оба сюжета о названном богатыре (там же, л. 101—104). Около обоих текстов И. П. Семенова стоит помета: «из книги». Эти материалы впервые вводятся в научный оборот в нашем издании.

5 августа 1937 г. в Верхней Тойме на Северной Двине (по административному делению на 1937 г.: Северная область) от Харитонова Василия Матвеевича, 58 лет, было записано начало неустановленной былинки с описанием пира у князя Владимира (ГЛМ, ФА, инв. 240, п. 26, л. 243):

Как во славном во городе во Кieve,
Да у славного у князя у Владимире,
У него-то был да все почестной пир.
Все на пиру у него да напивалисе,
Все на пиру да наедалисе,
Умный-от хвастает да добрым конем,
А безумный хвастает молодой женой.

Собирательница оставила следующие сведения об этом исполнителе: «Харитонов Василий Матвеевич, 1879 года рождения, грамотный, ходил два года в школу, был на курсах Председателей артелей инвалидов в 1932 г. Курьер при райкоме» (там же, п. 34, л. 91).

В. М. Харитонов дал фольклористке и некоторые сведения о бытовании былин в его родных краях в Верхнетойминском районе: «В Горковском с/с в дер. Ломпасьевская (прозывается Ручей) жил в 1928 году старик Ягушин Степан, около 80 лет. Он певал и рассказывал былины про князя Владимира, Илью Муромца, Соловья Разбойника, Алешу Поповича, Чурилу Пленковича, Идолице поганое. Ягушин Ефим Михайлович тоже сказитель, там же» (там же, л. 95).

В материалах северной экспедиции Э. Г. Бородиной сохранились и другие многочисленные указания на существование

былинной традиции в регионах, в которых она побывала. Приведем записи, относящиеся к верхнему течению Северной Двины: «Михайлов Александр Александрович Верхне-Устюжского сельсовета Красноборского р-на Архангельской области (вероятно, по тогдашнему административному делению правильно: Северной области. — *Т. И.*). Сказывал былины. Теперь умер» (там же, л. 17). «Большаков Михаил Степанович говорил, что в лесу, в избах сказывал сказки про богатырей крестьянин старик Поротов Дмитрий Евгеньевич. Помер в 1936 году, 62-х лет от роду. Родом был из дер. Кривтовской (называется Устопица). У него и отец и мать знали былины. Д. Щелье В.-Уфтюгского с/с Красноборского р-на Северной обл.» (там же, л. 1).

Председатель районного исполнительного комитета Двинского Березника (среднее течение реки) Евгений Иванович Харитонов дал Э. Г. Бородиной следующие сведения о слышанных им некогда былинах: «... в 1918—1925 годах слышал былины от катальщиков (по-видимому, катальщиков валяной обуви. — *Т. И.*) из Черепковского (Черевковского; ныне: территория Устьянского р-на Архангельской обл. — *Т. И.*) района, Семеновского с/с бывшей Димитриевской волости, из деревень Михалево, Лихачево. Катальщики приезжали на реку Устью в села Бестужево, Плоское и др.» (там же, л. 98). От того же информанта получено другое свидетельство: «Сказитель былин Лоскутов Алексей Гаврилович, неграмотный, жил на мельнице хутора Студенец Устьянского района, Плоский с/с. Харитонов Е. И. слышал его в 1926 году. Лоскутов рассказывал былины как сказки» (там же, л. 98). К тому же микрорегиону относится следующая запись: «Базлов Александр Васильевич, родом из деревни Лукинской Вельского р-на Северной области, рассказывал сказки про богатырей, грамотный, но былины перенял от стариков. Умер около 80 лет от роду в 1928 году» (там же, л. 102).

В 1937 г. Э. Г. Бородина записала целый ряд сказок на былинные сюжеты: сказку об Илье Муромце на сюжет об исцелении богатыря и о его бое с Соловьем разбойником (Федосова Пелагея Федоровна, Верхняя Уфтюга Красноборского р-на Северной области — ГЛМ, ФА, инв. 240, п. 33, л. 179); «Добрыня и Змей» (Малахова Авдотья Андреевна, дер. Колупаниха Красноборского р-на — там же, п. 29, л. 63); «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича» (она же, там же, л. 64—65); сказка про Илью Муромца с контамина-

цией сюжетов об исцелении, Соловье разбойнике, ссоре с князем Владимиром, Калине царе и трех поездках богатыря (Макаров Тимофей Никитич, дер. Ермолинская Верхне-Тойминского р-на — там же, л. 48—58); «Исцеление Ильи Муромца» (Воронин Иван Михайлович, дер. Высокая гора Ровдинского р-на Архангельской обл. — там же, п. 28, л. 19—20); «Илья Муромец и Соловей разбойник» (он же, там же, л. 21—23); «Святогор и Илья Муромец» (Семенов Иван Павлович, дер. Вельцы Коношевского р-на — там же, п. 31, л. 79—82); «Микула Селянинович» (он же, там же, л. 85—86); «Илья Муромец и Соловей разбойник» (он же, там же, л. 87—89); «Илья Муромец и Идолище Поганое» (он же, там же, л. 90—91); «Илья Муромец и Соловей разбойник» (Лобанов Никон Васильевич, дер. Вельцы Коношевского р-на — там же, п. 29, л. 47). Весь названный материал относится к сказочной традиции и выводится нами за рамки нашего исследования.

Перейдем, наконец, к последней странице в истории собирания былин на Вологодчине. В 1957 г. В. И. Пономарев, уроженец г. Лальска (ныне территория Кировской области), прислал известному фольклористу нашего времени В. Е. Гусеву машинописный текст былины о Соколе-корабле. Как можно понять, этот текст является самозаписью сказителя. В письме от 15 декабря 1957 г. В. И. Пономарев пояснял: «... в Лальске в святках до революции 1905 года существовал старинный обычай „хождения с вертепом“ ... При хождении с вертепом распевались духовные стихи, канты, стихотворения второй половины XVIII и первой половины XIX веков, песни светские и былина „Сокол-корабль“» (РО ИРЛИ, р. V, к. 202, п. 1, № 1). Данный материал подтверждает, что в Вологодском крае (во всяком случае в его микрорегионе Великий Устюг — Сольвычегодск — Лальск) существовала устойчивая традиция включения былинного сюжета о Соколе-корабле в святочно-рождественский календарный цикл. Пономаревский текст до сих пор оставался неопубликованным и впервые вводится нами в научный оборот (там же, № 3).

В завершение разговора о собирании песенно-эпического фольклора на Вологодчине обратим внимание на еще один эпизод в истории местного краеведения. В 1991 г. в журнале «Москва» Владиславом Артемовым была напечатана былина «Как святые горы выпустили из каменных пещер своих Русских могучих богатырей». Автор публикации писал сле-

дующее: «Эта былина была записана в Вологодской области и издана в 1938 году за границей братией книгопечатни преподобного Иова Почаевского».⁴⁰ К сожалению, другими сведениями о рассматриваемом тексте мы не располагаем. Сюжет его следующий: избив татарскую силу, русские богатыри Алеша, Добрыня, Илья Муромец и другие порасхвастались, что смогут сразиться с «нездешней силой»; к ним явилось двое небесных воителей (святые), которых богатыри не признали, стали их рубить, а те только множились; тогда русские богатыри бежали в святые горы под защиту Святогора, который посадил богатырей в карман, а сам заснул на много лет в пещере; Илья Муромец молит Богородицу, чтобы та заступилась за богатырей перед Христом и вымолила у того прощение за их похвальбу нечестивую; когда богатыри вновь оказались на Руси, они увидели, что Кривда одолевает Русь; богатыри вступают в бой с Кривдой (Антихристом) и ее силою; богатырям помогают Егорий Храбрый и Архангел Михаил и другие небесные воители.

В. Артемов вполне обоснованно говорит о том, что в образе Кривды и Антихриста в данной былине отразилось отношение народа к новой власти — сатанинской по своей сути. Антихрист, принявший облик Христа Царя Небесного, только под ударами Архангела Михаила

Стал страшен, дик и лют, аки лев рыкающий,
Гадок, подл и лукав, как змея подколодная,
Мерзок, дерзок и блудлив, аки нечисть болотная...

По-видимому, в сознании автора былины русский народ мыслился, как прельщенный, обманутый революционными вождями Антихристами, принявшими на вооружение лозунги Христа.

Данный текст мы рассматриваем как своеобразный антипод хорошо известным советским «новинам» — индивидуальная новация неизвестного носителя фольклорной традиции, создавшего эпическое произведение, основанное на поэтике былин и духовных стихов, однако произведение, в отличие от «новин», идеологически направленное против советской власти. Былина «Как святые горы выпустили из каменных пещер своих Русских могучих богатырей», как текст, значительно дистанцированный от фольклорной традиции, нами выводится за пределы корпуса вологодских былин. Для нас рассматриваемый текст является лишь одним из аргументов

в пользу того, что даже в 1930-е гг. былинная традиция в Вологодском крае продолжала оставаться актуальной для некоторых носителей фольклора. Ведь только при наличии традиции возможны новации как таковые.

Обзор истории записи былин в Вологодском крае позволяет сделать некоторые очень существенные и значимые выводы. Как мы уже видели, большинство записей былин на Вологодчине носит случайный, нецеленаправленный характер. Таковы записи из тетради 1803 г., материалы П. И. Савватова, Н. В. Обручева, Н. Е. Ордина, К. Маклионова, А. А. Шустикова, П. С. Шереметева, В. И. Пономарева. Экспедиция Ф. М. Истомина и С. М. Ляпунова, хотя и носила профессиональный характер, ставила себе целью записать прежде всего песенной лирики; былины не стояли в центре внимания собирателей. И лишь братья Соколовы ставили себе специальные былиноведческие задачи. Без сомнения, если бы в свое время поиски былин в рассматриваемом регионе велись более активно, то и результаты были бы более значимыми.

Второй вывод, который вытекает из нашего исторического обзора, заключается в следующем. Можно с уверенностью говорить о том, что некогда песенно-эпические произведения бытовали на всей заселенной территории Вологодчины. Обобщим еще раз, где же были записаны былины: в северо-восточном углу Вологодского края — в Вытегорском уезде; в Белозерском и Кирилловском уездах, примыкающих к Белому озеру и озеру Воже; в Коношевском крае и в Вельском уезде на севере Вологодчины; в Кадниковском и Тотемском уездах, расположенных к востоку от Вологды; а также в районе Великого Устюга, Сольвычегодска и Лальска. Все это позволяет предположить, что когда-то Вологодский край был, по-видимому, таким же мощным очагом былинной традиции, как и Заонежье или архангельские реки Пинега, Кулой, Мезень, Печора. Однако на Вологодчине, по всей вероятности, процессы угасания былинной традиции начались гораздо раньше, чем в соседних северных районах. Собиратели здесь застали уже лишь остатки былинного знания.

Третий вывод следующий. На территории Вологодчины выделяются два микрорегиона, былинные традиции которых существенно отличаются друг от друга. Первый район — это Кириллово-Белозерский край; второй — компактный регион Великого Устюга, Сольвычегодска, Лальска. Во втором районе отмечено функционирование былины «Илья Муромец

на Соколе-корабле» и некоторых исторических песен в качестве святочного винограда. В Кириллово-Белозерском же крае подобных примеров вхождения былины в обрядовый комплекс не зарегистрировано.

* * *

Несмотря на то, что вологодская былинная традиция была зафиксирована собирателями явно на закате ее существования, местный эпический репертуар поражает своим разнообразием. Здесь зарегистрировано 18 былинных сюжетов (в 21 текстах) — чуть меньше одной трети всех известных былинных сюжетов. Обратимся же к характеристике вологодских версий былины.

1. Сюжет «Исцеление Ильи Муромца» представлен прозаическим вариантом, контаминированным с сюжетом о Соловье разбойнике (Сок. № 5). Текст являет собой традиционную версию с двумя старцами, пивом и расчисткой «цишши».

2. Сюжет «Илья Муромец и Соловей разбойник» был рассказан сказителем как продолжение былины об исцелении Ильи Муромца (Сок., № 5); разработан весьма кратко и невыразительно.

3. Условно мы считаем, что сюжет «Илья Муромец и Калин-царь» в вологодской традиции представлен в четырех текстах (Ист.-Ляп., с. 39—41; Шустиков; Рыбников. 1-е изд. Ч. 2. № 8 — Рыбников. 2-е изд. Т. 2. № 211 — Рыбников. 3-е изд. Т. 2. № 210; Сок. № 11).

Как уже указывалось в главе «Былинная традиция Приладожья» (см. с. 25—26), С. Н. Азбелев в основной версии этого сюжета выделяет пятнадцать структурных мотивов.⁴¹ Наиболее точное воплощение версии, описанной исследователем, в вологодском материале представляет полупрозаический текст Шустикова из Вельского уезда. Здесь достаточно полно разработаны мотивы 1—9, причем данный комплекс мотивов осложнен еще эпизодом пребывания Ильи Муромца в заточении в погребах глубоких князя Владимира. Отступлением от основной версии является концовка вельского тек-

ста. После того, как Илья Муромец попал в «перекопи», ему на помощь приходит дядюшка Самсон Колыванович, который хватает татарина и, действуя им как дубинкой, побивает врагов. Таким образом, мотив, обычно связанный с именем Ильи Муромца, в рассматриваемой былине присоединен к другому персонажу.

По поводу сюжета «Илья Муромец и Калин-царь» С. Н. Азбелев сделал одно очень важное замечание: «Значительное число записей представляет былину в неполном составе основных эпизодов или настолько сокращенной, что принадлежность варианта к рассматриваемому сюжету иногда определяется лишь тем, что речь идет о победе Ильи Муромца над вражеским войском и в тексте нет примет, характерных для былин об аналогичных подвигах других богатырей».⁴² Три остальных вологодских варианта относятся именно к такой сокращенной редакции. Зерно названных текстов составляют эпизоды 8—11 (герой вступает в бой с врагами; подкопы, в которые попадает богатырь; разговор героя с вражеским царем; освобождение от пут и победа героя).

В варианте из сборника Истомина-Ляпунова «Илья Муромец и царь Куркас» (Ист.-Ляп., с. 39—41) герой, преодолевая три «перекопи», попадает в третью и оказывается плененным врагами; его ведут к царю Куркасу, который предлагает богатырю служить ему, но Илья вырывается из оков, побивает врагов, пленяет Куркаса и закапывает его в землю. Данный текст, безусловно, отражает процессы угасания былинной традиции. Бой богатыря с врагами здесь выглядит не как целенаправленная битва с неприятелем, угрожающим Киеву (то есть как подвиг государственного масштаба), а как случайный эпизод в жизни героя, что несколько снижает значение деяния Ильи Муромца. Забыты сказителем и эпические имена. Вместо татарина Калина-царя исполнитель вводит имя Куркаса-царя.

Ситуация первоначального пленения русского богатыря врагами и последующей его победы, по-видимому, волновала сознание жителей Вологодского края. В связи с этим в условиях разложения песенной эпической традиции здесь появились былины-новообразования, построенные на мотивах, разрабатывающих данную ситуацию.

Такова былина «Добрыня и сила неверная» (Рыбников). Она может считаться своеобразным изводом былины о Калине-царе. Фабула ее следующая: Добрыня отправляется в

чисто поле; попадает в третью «закопань» («подкоп») и оказывается в плену силы неверной; срывает с себя кандалы тяжелые и побивает татаровей. Как видим, это явно трансформированный текст, возникший в условиях разложения песенно-эпической традиции. Мотив о подкопах, традиционно являющийся составной частью былины «Илья Муромец и Калин-царь», здесь прикрепился к имени Добрыни Никитича.

К этой же группе мы присоединяем и текст-новообразование «Микита Романовиць» (Сок. № 11). В этом произведении соединились имена эпических героев двух разных исторических эпох — Киевской и Московской Руси: Микита Романовиць (герой песен об Иване Грозном) здесь оказывается богатырем (что не свойственно исконному образу этого персонажа) при дворе князя Владимира, у которого он не выслужил «словецюшка гладкова». Поганые татары предложили ему послужить им, но Микита Романовиць отказался. Татары заковали героя в железа немецкие и повели на плаху на липову; богатырь взмолился Богу, стряхнул с себя оковы, схватил татарина и, действуя им как уразиной, побил всех врагов. Мотив подкопов в данном тексте, как видим, отсутствует, однако ситуация пленения русского богатыря и предложения ему службы со стороны вражеского царя позволяет предположить, что данный текст-новообразование возник на основе все той же былины об Илье Муромце и Калине-царе.

4. Сюжет «Илья Муромец и нахвальщик» (публикация Л. Н. Майкова в «Русском филологическом вестнике») в Вологодском крае представлен развернутым песенным вариантом из Вытегорского уезда. Как уже говорилось, былина состоит из двух частей, плохо друг с другом взаимодействующих. В первой части рисуется хвастовство богатырей, высказывающих желание «посечь силу небесную» и взять в «полон Христа», который в наказание спускает с неба поляницу и тот побивает всех богатырей, кроме Добрыни, Алеши и Ильи Муромца. Эти богатыри после «страсти-ужасти» уезжают на поле Боиканово и ложатся отдыхать в шатер. Укажем, что эта часть былины полностью корреспондирует с названной выше былиной-новацией «Как святые горы выпустили из каменных пещер своих Русских могучих богатырей».

Далее действие в рассматриваемой нами былине, опубликованной Л. Н. Майковым, развивается по сюжету «Илья Муромец и нахвальщик». Добрыня видит проезжающего мимо удалого доброго молодца, хочет его настигнуть, но пугается гарканья звериного; после этого Илья Муромец отправляется вслед нахвальщику, вступает с ним в бой и выясняет, что это Кузьма Семерцянин богатырь, его любезный племянник. Былина заканчивается трагически: племянник пытается убить Илью Муромца, ударяя в него спящего ножом, после чего русский богатырь «выкопал» у племянника глаза и отправил его на лошади «куда знаешь». Заметим, что точно таким же образом — выколов глаза противнику — отправляется с врагом в вологодском варианте и Михаил Данилович.

Обратим внимание на то, что данный вариант былины являет нам безусловно более позднюю версию по сравнению с классической версией боя героя с сыном. Вологодская былина представляет собой срединную редакцию, связывающую исконную версию «Бой Ильи Муромца с сыном» с самой поздней разработкой этого сюжета в версии «Бой Ильи Муромца с нахвальщиком, чужим богатырем» (вариант этой версии был нами рассмотрен в главе о шенкурской былинной традиции).

5. Сюжет «Илья Муромец и Идолище» в вологодском репертуаре учитывается нами условно. Как было сказано выше, именно как данный сюжет возможно квалифицировать четыре стиха, записанные на фонограф в 1903 г. в Яренском уезде неизвестным собирателем.

6. Сюжет «Илья Муромец на Соколе-корабле» на Вологодчине представлен в четырех вариантах (Майков № 1; Ист.-Ляп., с.47—49; Ордин — РГО; Пономарев — РО ИРЛИ). О трех из них (кроме записи Н. Е. Ордина) точно известно, что они функционировали в качестве святочно-рождественского винограда. Тексты имеют припев «Виноградье, красно-зеленое мое!» Полагаем, что и былина Н. Е. Ордина пелась в качестве колядки. Данный сюжет, как указывалось выше, на территории Вологодского края бытовал в письменном виде — записывался в тетрадки наряду с другими песнями.

Все вологодские варианты составляют одну версию и по тексту очень близки друг к другу. Былины сохранили гид-

роним «море Хвалынское». Сначала здесь идет описание Сокола-корабля; сообщается о хозяине корабля Илье Муромце и его товарище Добрынюшке Микитице; турецкий султан приказывает сечь-рубить корабль; Илья Муромец велит Добрыне распороть стрелой груди белые султана; в султана стреляет или Добрыня (Истомин-Ляпунов), или сам Илья Муромец (Майков; Ордин; Пономарев). Лальский текст Пономарева, варианты Л. Н. Майкова и Н. Е. Ордина заканчиваются покаянными словами «туречан»:

Что не дай Бог разбивать Сокол-корабль,
Илью Муромца в полон брать,
Добрынюшку под мечь ложить.

В пономаревском варианте в конце былины через звездочку записаны также строки, которые являются собственно колядным текстом — благопожелания хозяину дому:

Что затем буди здрав, хозяин во дому,
Хозяин во дому со хозяйюшкою,
Со хозяйюшкою, с малыми детушками,
Со всем своим домом, благостным сим.

Вологодский материал заставляет еще раз вернуться к проблеме, которая уже давно осознана фольклористикой — к проблеме «обряд и эпос». В русской, украинской, белорусской, южнославянской, румынской и молдавской фольклорных традициях зарегистрированы многочисленные примеры героических коляд — функционирование песен эпического характера как обрядовых. Исследователи вполне справедливо выдвигают гипотезу о том, что эпические песни изначально связаны с обрядовой ситуацией пира, на котором пелись песни-славы, песни-оплакивания и песни-хулы.⁴³ Древнерусские летописи дают нам скудные сведения такого порядка. Однако одновременно относительно русской традиции в науке поставлен вопрос об «утилизации былин и исторических песен как обрядовых» (выражение В. Ф. Миллера),⁴⁴ то есть о вторичном использовании песенной эпики в обряде.

Мы полагаем, что решение вопроса о героических колядах (как и других обрядовых форм эпоса) лежит в видении трехэтапного процесса: зарождение эпического начала в обрядовой жизни — выделение песенных эпических форм из обряда и расцвет их в определенных, недвусмысленных жанровых видах — вторичное прикрепление на позднем этапе

песенного эпоса к определенным обрядам. Вологодский регион как раз и демонстрирует нам, как на названном позднем этапе бытования былины и исторические песни находят себе место в обряде колядования. Как говорилось выше, на Вологодчине бытовали в качестве виноградий, помимо былины о Соколе-корабле, исторические песни о Скопине и о выкупе Филарета из плена.

Следует отметить, что Вологодский край в этом отношении не уникален. Рядом с Вологодчиной в Глазовском уезде Вятской губернии также зарегистрирован случай исполнения былины «Илья Муромец на Соколе-корабле» как виноградия (запись относится к 1888 г.).⁴⁵ Далее к востоку эта традиция переходит в Енисейский край.⁴⁶ Названные былины были в свое время рассмотрены В. Ф. Миллером.

Б. Н. Путилов посвятил былине об Илье Муромце и Соколе-корабле специальную статью. Все названные нами варианты из Вологодской, Вятской и Енисейской губерний, по наблюдениям исследователя, составляют одну редакцию, нигде более не зафиксированную. Наш анализ полностью подтверждает данный вывод Б. Н. Путилова. Однако с другим выводом исследователя мы согласиться не можем. Б. Н. Путилов полагал, что былина о Соколе-корабле и родственная этому произведению старина «Илья Муромец и разбойники» «несут на себе яркий отпечаток южнорусского, позднего эпического творчества. Они развивают традиции русского эпоса, но развивают их в условиях определенного распада эпической эстетики и сами являются проявлением и выражением этого распада».⁴⁷

Мы готовы согласиться с тезисом о позднем (относительно позднем) происхождении былины о Соколе-корабле, но не видим оснований для приурочения данного сюжета к южно-русским регионам. Во всяком случае очевидно, что рассматриваемая версия с припевом «виноградье» полностью укладывается в рамки севернорусских и сибирских регионов, связанных друг с другом колонизационными потоками: Великий Устюг (1178 г. — основание первого русского города в устье Юга; XIII в. — формирование территории Пермь Вычегодская; расцвет Великого Устюга и соседнего с ним Сольвычегодска во второй половине XVI—XVII вв.) -> Вятский край (XIV в. — начало проникновения русских в бассейн реки Вятки; 1489 г. — покорение войсками московского князя Василия III города Хлынова и переселение сюда

жителей Северной Двины и Великого Устюга; с 1550-х гг. — тесные торговые связи Хлынова с Великим Устюгом) -> Енисейский край (освоение его в конце XVI—начале XVII вв. в основном с территории Пермского края, в свою очередь, во многом сформированного выходцами из Великого Устюга; см. об этом в главе о пермско-вятской былинной традиции).

Мы считаем, что регионом, где сложилась рассматриваемая версия былины «Илья Муромец на Соколе-корабле», является та часть Вологодчины, которую мы обозначили географическим треугольником Великий Устюг — Сольвычегодск — Лальск. В конце XVI—XVII вв. Великий Устюг и Сольвычегодск (вотчина Строгановых, оказавших огромное влияние на колонизацию соседнего региона Прикамья и Западной Сибири) переживали свой расцвет. Через названные города осуществлялась экономическая и духовная экспансия русских людей на восток — в Вятский, Пермский края, в Сибирь. Именно в русле этих колонизационных потоков и надо рассматривать былину-виноградье «Илья Муромец на Соколе-корабле».

Отметим, что песенно-эпические произведения втягивались не только в святочный обрядовый цикл, но и в другие обрядовые комплексы. Так, например, на р.Тавде в Тюменском уезде Тобольской губернии историческая песня о Кострюке пелась на потеху зрителям Масляной — мужиком, изображавшим Масляницу.⁴⁸ Тот же «Кострюк» зафиксирован также как ритмический наговор свадебного дружки в момент, когда жених приезжает к невесте, чтобы ехать к венцу, а подружки долго не выводят ее из-за занавесы. Такого рода бытование зарегистрировано в Андреевской волости Оханского уезда Пермской губернии.⁴⁹ Известны, кстати, и случаи того, как «Кострюк» разыгрывался в лицах, наподобие песни «Вниз по матушке, по Волге», во время святок в г. Златаусте Уфимской губернии.⁵⁰ Как видим, все примеры вхождения исторических песен в обряд зафиксированы в регионах позднего расселения русских и как раз в тех районах, которые связаны с Великим Устюгом и Сольвычегодском.

7. Сюжет «Добрыня и Змей» отдельным текстом на Вологодчине не зафиксирован. Он представлен в прозаическом пересказе (Сок. № 3) в контаминации с сюжетами «Добрыня и его бой с поленицей-богатыршей» и «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича». Текст являет собой тради-

ционную версию. Герой сначала, несмотря на предупреждения матери, едет на Днепру-реку, бьется со Змеем, побеждает его и кладет заповедь не летать Змее на Россию. Во второй раз Добрыня бьется со Змеем после того, как тот похитил «племянку» князя Владимира Початишну. Как уже говорилось, вологодский вариант восходит к книжному источнику.

8. Сюжет «Добрыня и его бой с поленицей-богатыршей», зафиксированный в прозаической контаминации (Сок. № 3), имеет то же книжное происхождение.

9. Сюжет «Добрыня Никитич и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича» представлен в двух вариантах: песенном (Сок. № 2) и прозаическом, контаминированным с другими сюжетами о Добрыне (Сок. № 3). В песенном варианте обращает на себя внимание сугубо отрицательная трактовка образа князя Владимира: именно под его давлением («Не живи-ка ты да во нашем городе») Настасьюшка Микулишна вынуждена была «не своей волей, а неволею» согласиться на брак с Алешей Поповичем. Характерен и упрек Добрыни Никитича князю Владимиру: «А ты, Владимир князь, не своднищать». Такая трактовка образа князя Владимира согласуется с его прорисовкой в вологодских вариантах сюжетов «Сухман» и «Данила Ловчанин» (см. ниже).

Прозаический вариант Сок. № 3 представляет собой контаминацию следующих сюжетов: «Добрыня и Змей», «Добрыня и его бой с поленицей-богатыршей», «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича». Есть все основания предполагать, что прозаический текст восходит к книжному источнику. Точно такой же порядок в изложении эпической биографии Добрыни Никитича мы находим в книгах «Русские былины и сказания про богатырей древнекиевского периода: В новом общедоступном изложении» (СПб.: Изд. А. Каспари, 1894) и «Русские народные былины: Добрыня Никитич. По сборникам Кирши Данилова, Киреевского, Рыбникова и Гильфердинга / Сост. В. и Л. Р-н» (М.: тип. Вильде, 1894) — популярных изданиях, оказавших влияние на устную былинную традицию. Стихотворные тексты названных изданий представляют собой компиляцию из былин Гильф. № 148 (сказитель А. Чуков), Гильф. № 5 (П. Калинин), КД № 48, Рыбников. 2-е изд. № 8 (Т. Г. Рябинин) и др. Былина из сборника братьев Соколовых совпадает не только в общей композиции с названным книжным источником, но

и в мелких деталях. Так, отправляясь на второй бой со Змеем, Добрыня по совету матери берет коня своего дедушки. Во время боя, устав, богатырь уже готов отступить, но голос с неба побуждает его продолжить битву еще в течение трех часов. После убийства Змея Добрыня оказывается в потоках крови чудовища, и только после указания голоса с неба он ударяет копьём в землю, куда истекает кровь. В мельчайших деталях совпадает изложение редкого сюжета «Добрыня и богатырша-поленица». В сюжете «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича» мать узнает вернувшегося с чиста поля героя по родинке на левой ноге; Добрыня готов простить Алешу за то, что тот посватался к его жене, но не может ему простить коварного обмана, ввергшего в горе его матушку, — будто бы Алеша видел Добрыню убитого; от расправы Алешу спасает Илья Муромец. Эти и другие детали неоспоримо свидетельствуют, что белозерский сказитель А. М. Ганин непосредственно или опосредованно был знаком с книжным источником.⁵¹

10. Сюжет «Добрыня и Маринка» представлен в стихотворном незаконченном варианте 1803 г. (Майков № 2), который обрывается на эпизоде, когда Маринка собирается вырезать следы Добрыни, чтобы превратить его в тура.

Вологодская былина о Добрыне явно испытала на себе влияние сюжета о Василии Буслаевиче и новгородцах. Характерно начало этого текста с упоминанием отца Добрыни: «Жил Микитушка не старился, При старости помер». Подобное говорится обычно о Буслае, отце Василия Буславьевича. Весьма знаменательно также, что в вологодском тексте действие разворачивается не в Киеве, а в Новгороде:

Ен Добрынюшка матушки спрашивал:
«Отпусти меня, матушка,
В Новы-города гулять!»

Это, как мы покажем ниже (см. былинку о Василии Буслаеве), не единственный пример смешения киевского и новгородского циклов на территории Вологодчины.

11. Сюжет «Алеша Попович и Тугарин» (Сок. № 1) известен в единственном кратком прозаическом варианте. Обращает на себя внимание тот факт, что в вологодском тексте противником Алеши Поповича является не Тугарин, а Идо-

лице, что еще раз подтверждает генетические связи сюжетов «Алеша и Тугарин» и «Илья Муромец и Идолище Поганое».

12. Сюжет «Дунай» представлен единственным песенным вариантом (Сок. № 4), в котором имеются все основные эпизоды, характерные для данной былины: пир у князя Владимира и его желание найти себе невесту; указание со стороны одного из богатырей на Дуная как на героя, способного выполнить задание Владимира; сватовство Дуная к Офросье-королевишне и увоз ее силой из родного дома; встреча Дуная со второй сестрой, Васей-королевишной, и бой с ней; женитьба Дуная на Васе-королевишне; хвастовство героя своим умением в стрельбе; насмешка Васи-королевишны и ее убийство Дунаем в гневе; узнавание, что у нее в «утробушке» было два младенца и самоубийство героя.

Б. М. и Ю. М. Соколовы обратили внимание на своеобразную концовку белозерского варианта:

Где Васи́на кроф протекла —
Будь крутые берега.
Где Дунаева кроф протекла —
Тут будь Дунай-река.

«В этих стихах, — поясняют собиратели, — счастливо избегнута необходимость из Васиной крови произвести подобно другим вариантам — Васю реку».⁵²

13—14. Сюжеты «Сухман» и «Данило Ловчанин» (Шереметев, с. 71—79) на Вологодчине зафиксированы в контаминированном прозаическом пересказе. Несмотря на то, что в данном повествовании речь идет о двух разных героях (Тюхмен Адехмантьевич и Данила Денисович), у каждого из которых своя сюжетная линия, контаминация здесь выглядит достаточно органичной и удачной. Два самостоятельных сюжета в былине сказителя А. И. Арапова скреплены единой трагической атмосферой. Как известно, оба сюжета традиционно разрешаются гибелью положительных героев: Сухман после того, как киевский двор высказал недоверие его подвигу, «распечатал» свои раны кровавые и умер; погибает и Данило Ловчанин, а его красавица-жена, не желая подчиниться прихоти князя-деспота, кончает жизнь самоубийством.

Контаминация двух названных сюжетов становится органичной благодаря образу князя Владимира, воплощающего собой несправедливость верховной власти. В первом сюжете он выражает презрительное недоверие к подвигу богатыря, спасшего Киев от вражеского нашествия; во втором — посягает на жену своего подданного Данилы Денисовича. Весьма характерно, как сам исполнитель характеризует князя Владимира. П. С. Шереметев в следующей форме передает комментарий А. И. Арапова: «Прежде чем рассказывать, старик предупредил, что будет говорить басню о князе Владимире, который после святым стал, а сначала *вражил* (курсив наш. — Т. И.)». ⁵³ Несправедливые действия Владимира сказителем определены глаголом «вражить».

Скрепляет контаминацию и образ «рыцаря Мишутушки» — традиционного для былин советника князя Владимира, потакающего его безнравственным наклонностям. Именно Мишутушка наговаривает на Тюхмена Адехмантьевича и он же указывает князю на красавицу Василису Никуличну, жену Данилы Денисовича. Все названные детали, подчеркнем еще раз, и делают контаминацию названных сюжетов органичной и художественно осмысленной.

15. Сюжет «Михаил Данилович» представлен единственным песенным вариантом (Сок. № 6). Обращает на себя внимание, что здесь, как и в былинах, возникших вокруг сюжета о Калине-царе, присутствует мотив трех подкопов. По-видимому, это один из любимых мотивов местной традиции при создании героического образа. Характерной чертой текста является также мотив слепого и безногого, являющийся одним из сюжетоформирующих в былине «Наезд литовцев». Расправившись с вражеской ратью, Михаил Данилович у «княжишша Старуришша» обломал ноги, а у князя Бахмета выкопал глаза, после чего посадил слепого на хромого и отправил в Киев. Отметим органичность влечения этого мотива в текст вологодской старины. Как и в былинах о Сухмане и Даниле Ловчанине, образ князя Владимира здесь трактуется в негативном плане. После возвращения Михаила Даниловича с битвы князь сажает его в темницу, не поверив в совершенный богатырем подвиг: ведь тот не привез пленного — «человека из-под знаменья». И только после того, как хромой Старуришше и слепой Бахмет добрались до Киева, Михаил Данилович был освобожден.

ден из темницы. Богатырь, согласно традиции, отказывается от награды, заявив:

На приезде гостя не употшивал,
А на поезде не употшивать.

Б. М. и Ю. М. Соколовы справедливо указали⁵⁴ на то, что интересующая нас былина о Михайле Даниловиче составляет одну редакцию с древнейшей записью этого сюжета — «Гисторией о Киевском богатыре Михаиле сыне Даниловиче двенатцати лет», повестью второй половины XVIII в., опубликованной в сборнике Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера «Русские былины старой и новой записи» (М., 1894. Отд. 1. С.61—67).⁵⁵ От основной версии былины два названных текста отличаются наличием и отсутствием некоторых эпизодов. Так, здесь нет обычных для данного сюжета эпизодов с уходом в монастырь старого богатыря Данилы, оставляющего вместо себя в Киеве малолетнего сына Михайлу, и вмешательства Данилы в битву его сына с татарами. С другой стороны, и в «Гистории» XVIII в., и в нашем тексте наличествуют мотивы, отсутствующие в основной версии былины: приход на пир вестника, который сообщает о нашествии врагов на Русскую землю; перемирие во время битвы, которое необходимо Михайле Даниловичу, чтобы выспаться, а его врагам — чтобы вырыть подкопы; заключение героя князем Владимиром в темницу. Обращает на себя внимание также близость именных рядов в обоих текстах: Бахмет Тавруевич, шелом Баканов («Гистория»); Бахмет с сыном Тавлетом, горы Баклановы или Балкановы (вариант братьев Соколовых).

16. Сюжет «Василий и новгородцы» в вологодской традиции представлен двумя вариантами (запись П. И. Савваитова в публикации Л. В. Домановского; запись Э. Г. Бородиной из ГЛМ), представляющими собой вполне полноценные песенные тексты.

Характерной деталью савваитовского текста может считаться его срединное положение между новгородским и киевским былинными циклами. Действие в вологодской былине, согласно основной версии, происходит в Новгороде; однако бой героя с мужиками-новгородцами случается не на Волхове, а на Поцят-реке (киевская Почай-река). Следует отметить, что то же срединное положение присуще и для записи Э. Г. Бородиной. Здесь конфликт героя происходит с

Ю. А. Новиков обращает внимание на то, что вологодский текст почти дословно повторяет многие другие стихи прототекста: бой служанки коромыслом на Волхове-реке; описание крестового батюшки с колоколом на голове; убийство героем крестового батюшки. Однако, при всех текстуальных совпадениях, сюжет в варианте Э. Г. Бородиной развивается существенно иначе, чем в былине Колодозерского старика. В пудожском тексте герой после того, как новгородские мужики грозятся утопить его в Волхове-реке («Наквасити река будет Волхова»), по совету матери набирает себе дружину из тех, кто выдержит удар черленого вяза (Костя Новоторжанин, Потанюшка Хроменький, Хомушка Горбатенький); после этого Василий идет на пир к мужикам новгородским, где бьется с ними о велик заклад; мать Авдотья Васильевна, желая уберечь сына, запирает его в «клеточку железную»; товарищи героя бьются с мужиками новгородскими, служанка-портомойница коромыслом также побивает их, после чего будит Василия; богатырь выходит на мост, побивает новгородцев, убивает своего брателка крестового, а затем крестового батюшку Старчища Пилигримища. Это, как видим, традиционная версия сюжета.

Вологодский вариант предлагает необычную версию. После того, как новгородские мужики, рассердившись на Василия Буслаева за то, что он покалечил их детей, заявили о том, что они утопят героя, его мать Марфа Тимофеевна пытается откупиться от новгородцев богатыми дарами; видя слезы Марфы Тимофеевны, два товарища героя, Павлуша Хроменький и Костя Горбатенький, вступили в битву с новгородцами; тогда новгородцы жалуются на Василия князю Владимиру, который приказал убить героя и его товарищей; Василий с товарищами и со служанкой бьются на Волхове-реке с новгородцами; герой убивает своего крестового батюшку. Далее вологодский вариант разрабатывает сюжет «Поездка Василия Буслаева в Иерусалим».

Вероятно, вологодский певец И. П. Семенов, действительно, был знаком с неким книжным текстом. Тем не менее книга была не единственным источником его былинного знания. И. П. Семенов, мы убеждены, опирался и на местную устную былинную традицию. Так, «киевизация» былины, по нашему мнению, корнями уходит в вологодскую традицию. К тому же, как известно, песенное (или во всяком случае, сти-

хотворное) восприятие былины из книги возможно лишь в том регионе, где еще жива исконная устная традиция исполнения былевых песен.

17. Сюжет «Поездка Василия Буслаева в Иерусалим» отдельным текстом на Вологодчине не записан. Однако савваитовский вариант о Василии Буслаеве и новгородцах неопровержимо свидетельствует о том, что в здешнем крае некогда знали и сюжет о смерти богатыря. Последние восемь строк былины содержат мотивы попинывания героем богатырской головушки (голова убитого им старца Волотоманца), скакания Василия Буслаева через камешек и его гибель.

Текст же И. П. Семенова в записи Э. Г. Бородиной во второй части старины о Василии Буслаеве содержит более развитую версию сюжета «Поездка в Иерусалим»: после боя с новгородцами Василий Буслаев предлагает товарищам поехать на Ефрат-реку, чтобы замолить свои грехи; по пути ко гробу Господню герои наезжают на каменную плиту, через которую они прыгают; Василий пытается перепрыгнуть плиту «взапятки» и гибнет; товарищи богатыря едут к его матери, сообщают о его гибели, она раздает свое серебро нищей братии, а сама уходит в монастырь.

Ю. А. Новиков считает, что прототекстом рассматриваемого варианта может быть какой-то неустановленный книжный источник. Исследователь указывает на то, что в вологодской былине отразились отдельные детали следующих вариантов: Шальский лодочник (Рыбников. 2-е изд. Т. 2. № 151); Т. Г. Рябинин (Рыбников. 2-е изд. Т. 1. № 17); Калика из Красной Ляги (Рыбников. 2-е изд. Т. 2. № 198). Ю. А. Новиков следующим образом комментирует былину И. П. Семенова: «Во второй части произведения фрагментарно и сбивчиво пересказано содержание сюжета, здесь практически нет деталей и формул, позволяющих установить прототексты. Лишь отдельными подробностями текст перекликается с вариантами шальского лодочника (упоминание „Спаса Преображения“), Т. Рябинина (Василий Буслаев убивается, зацепившись *каблуками* за край каменной плиты), калики из Красной Ляги (узнав о смерти Василия, его мать раздала серебро, золото «в монастыри снесла»)». ⁵⁶

На наш взгляд, перечисленные детали слишком малочисленны и незначительны, а потому не дают оснований для того, чтобы возводить вологодский вариант к какому-либо книж-

А волной-то бьет, паруса рвет,
Ломает кораблики черленые,
А корабли нейдут с места на синем море
(Рыбников. 2-е изд. Т. 2. № 134, ст. 202—204).

В былине И. П. Семенова используется другой образ — абсолютного штиля:

А корабли с места не идут,
Паруса на кораблях, словно тряпки висят.

Мы полагаем, что книжное знание И. П. Семенова наложилось на хорошо ему знакомую местную устную традицию. В нашем распоряжении имеются некоторые данные, свидетельствующие о том, что в Сольвычегодском уезде Вологодской губернии в 1870-е годы, возможно, была известна былина о Садко. В рукописи Н. Е. Ордина из архива РГО, о которой говорилось выше, наличествует текст, извлеченный собирателем из старинной тетради. Это песенный отрывок эпического стиля, который, по нашему мнению, восходит к былине о Садко:

Кидали-метали в три невода,
В три невода, в три шелковые,
Выудили они три окуня,
Три окуня, три златоперые.
Что первый окунь во сто рублей,
Второй окунь в тысящу рублей,
Третьему окуню нет цены —
Ему цена у царя в Москве,
У царя в Москве — в золотой казне,
В золотой казне в ящичке.

(РГО, ф. 7, оп. 1, № 46, л. 9 об.—10).

Ср. в тексте А. П. Сорокина, записанном в 1871 г. А. Ф. Гильфердингом в Заонежье:

А й закидывали тоню во Ильмень да ведь во озеру,
А рыбу уж как добыли — перья золотыи ведь;
А й закинули другу тоню во Ильмень да ведь во озеру,
А й как добыли другую рыбину — перья золотыи ведь,
А й закинули третью тоню во Ильмень да ведь во озеру,
А й как добыли уж как рыбину — перья золотыи ведь.

(Гильф., I, № 70, ст. 150—155).

Обратим внимание на еще одну деталь вологодского текста о Садко. Как и в былинах о Василии Буслаеве, здесь наблюда-

ется «киевизация» новгородского сюжета: действие происходит в Киеве; Садко приносит подарки князю Владимиру; князь разрешает герою торговать в Киеве безданно-беспошлинно. Правда, в конце былины, Садко оказывается чудесным образом перенесенным из подводного мира на берег Волхова-реки, после чего герой закатывает пир «на весь Новгород». Перед нами уже знакомое по другим былинам срединное положение текста между киевским и новгородским циклами.

* * *

Как показало наше исследование, Вологодский регион на фоне других периферийных очагов песенной эпической традиции выделяется несколькими характерными чертами. Во-первых, несмотря на то, что в науке никогда серьезно не обсуждалась местная былинная традиция, история собирания былевых песен на данной территории представляется нам достаточно длительной и многоэпизодной. Во-вторых, при ближайшем рассмотрении выяснилось, что в Вологодском крае зафиксирован весьма выразительный и разнообразный спектр эпических сюжетов. В-третьих, как оказалось, здесь в микрорегионе Великий Устюг — Сольвычегодск — Лальск некогда существовала устойчивая традиция исполнения былинных песен (или по крайней мере сюжета «Илья Муромец на Соколе-корабле») в функции рождественско-святочных виноградий, причем, как мы полагаем, именно из Вологодского края такая форма распространилась далее на восток.

Значимой оказалась еще одна черта былинной традиции на Вологодчине: бытование произведений этого жанра в рукописном виде. Ряд данных позволяет предположить, что и рукопись 1803 г. из Российской национальной библиотеки, и те старинные тетрадки, с которых переписал свой былинный текст «Илья Муромца на Соколе-корабле» Н. Ордин, были сделаны отнюдь не с собирательскими (научными) целями. Эти тетради составлялись образованными любителями певческого искусства, включавшими в свой репертуар тропари, песнопения духовного содержания, песни поэтов XVIII в. и фольклорную обрядовую лирику и эпiku. Таким образом, вологодский материал вносит существенные дополнения в тему «письменное бытование былин», обозначенную, как уже говорилось, в монографии Ю. А. Новикова.

И наконец, вологодская традиция демонстрирует нам несколько текстов, которые являются былинами-новообразованиями, отражающими определенные процессы, происходящие в эпическом творчестве в период его затухания.

- ¹ Голубева Л. А. *Весь и славяне на Белом озере. X—XIII вв.* М., 1973.
- ² Об истории Белозерского края см.: Кучкин В. А. *Формирование государственной территории северо-восточной Руси в X—XIV вв.* М., 1984; Копанев А. И. *История землевладения Белозерского края XV—XVI вв.* М.; Л., 1951.
- ³ Оборин В. А. О присоединении Перми Великой к Русскому государству в XV веке // *Исследования по истории Урала.* Пермь, 1976. Вып. 4. С. 3—14 (Учен. зап. Перм. гос. ун-та; № 348).
- ⁴ Майков Л. Н. Три былины из старинного рукописного сборника // *Живая страница.* 1890. Вып. 1, отд. 2. С. 1—4. Перепечатано: *Русские былины старой и новой записи / Под ред. Н. С. Тихомирова и В. Ф. Миллера.* М., 1894.
- ⁵ Отчет императорской Публичной библиотеки за 1890 год. СПб., 1893. С. 104.
- ⁶ Там же. С. 170.
- ⁷ Миллер В. Ф. *Очерки русской народной словесности: Былины.* М., 1897. [Т. 1]. С. 77.
- ⁸ О П. И. Савваитове см.: *Срезневский И. И. Труды П. И. Савваитова // Записки императорской Академии Наук.* СПб., 1873. Т. 22, кн. 1. С. 133—141; М. С. Павел Иванович Савваитов. Юбилей его ученой деятельности // *Русская старина.* 1887. № 10. С. 245—262. — Со списком трудов; П. И. Савваитов [Некролог] // *Исторический вестник.* 1895. № 9. С. 820—823; *Родоский А. Биографический словарь студентов первых 28-ми курсов Санкт-Петербургской духовной академии.* 1814—1869. СПб., 1907; *Веселовские А. А. и А. А. Вологжане-краеведы.* Вологда, 1923. С. 94—97; *Судаков Г. В. П. И. Савваитов // Имена вологжан в науке и технике.* Вологда, 1968. С. 12—14; *Логачев К. И. Савваитов Павел Иванович // Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь.* М., 1979. С. 298; *Р-в В. Савваитов Павел Иванович // Энциклопедический словарь / Репринтное воспроизведение издания Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона.* М., 1992. Т. 56. С. 27.
- ⁹ *Савваитов П. И. Вологодские песни // Москвитянин.* 1841. Ч. 2, № 3. С. 270—271.
- ¹⁰ Там же. С. 270—271.
- ¹¹ *Домановский Л. В. Вологодский вариант былины о Василии Буслаеве (неопубликованная запись П. И. Савваитова) // Русский фольклор.* М.; Л., 1957. Т. 2. С. 277—285.
- ¹² *Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / Изд. подгот. А. П. Разумова, И. А. Разумова, Т. С. Курец.* Петрозаводск, 1991. Т. 3. С. 238.
- ¹³ Там же. С. 241.
- ¹⁴ *Веселовские А. А. и А. А. Вологжане-краеведы: Источники словаря.* Вологда, 1923. С. 77—78.
- ¹⁵ *Савваитов П. И., Майков Л. Н. Об этнографических материалах, собранных Н. Г. (так! — Т. И.) Ординым в Сольвычегодском уезде // Известия русского географического общества.* 1879. № 1. С. 16—20 (2-я пагинация).
- ¹⁶ *Беломорские былины, записанные А. В. Марковым.* М., 1901. С. 27.
- ¹⁷ *Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 год.* Петрозаводск, 1867. С. 28.

- ¹⁸ *Петров К. М.*: 1) Учебные заведения ведомства министерства народного просвещения в Олонецкой губернии в 1866 и 1867 годах // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868/1869 год. Петрозаводск, 1869. С. 104—115 (2-ая пагинация); 2) Составители писцовых книг Обонежской пятины // Там же. С. 117—119 (3-я пагинация); 3) Писцовая книга 1522 года Усть-мошского стана Каргопольского уезда // Там же. С. 120—188 (3-я пагинация); 4) Писцовая книга Обонежской пятины, Заонежской половины, Олонецкого Рождественского погоста // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1875—1876. Вып. 1. С. 61—73; 5) Рахта Рагнозерский и Микула Селянинович // Там же. С. 25—27 (2-ая пагинация); 6) Муромский монастырь (в Пудожном уезде) // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1886. Вып. 2. С. 99—117; 7) Выписка из синодика Бережно-Дубровской волости (Каргопольского уезда) // Там же. С. 23 (2-ая пагинация); 8) Указатель к историческим актам Олонецкой губернии, напечатанным в изданиях Археологической комиссии (Исторические акты и Дополнения к историческим актам). Петрозаводск, 1868; 9) Указатель к историческим актам Олонецкой губернии («История государства Российского» Карамзина, «История России с древнейших времен» С. Соловьева, «Деяния Петра Великого» И. Н. Голикова, «История царствования Петра Великого» Н. Г. Устрялова). Петрозаводск, 1869; 10) Указатель к «Олонецким губернским ведомостям» за 1838—1870 годы. Петрозаводск, 1871; 11) Указатель к «Олонецким губернским ведомостям» за 1871—1875 год. Петрозаводск, 1876 и др.
- ¹⁹ *Майков Л. Н.* Еще былины и песни из Заонежья // Русский филологический вестник. Варшава, 1885. Т. 13. С. 44—60.
- ²⁰ Песни русского народа: Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году / Записали: слова — Ф. М. Истомина, напевы — С. М. Ляпунов. СПб., 1899.
- ²¹ Там же. С. XII.
- ²² О А. А. Шустикове см.: Д. З. Тридцатилетие литературной деятельности вологодского этнографа А. А. Шустикова // Этнографическое обозрение. 1912. № 3—4. С. 190—192. — Авт.: Д. К. Зеленин; *Веселовские А. А. и А. А.* Воложане-краеведы: Источники словаря. Вологда, 1923. С. 146—148.
- ²³ *Шустиков А. А.* Тавреньга Вельского уезда: Этнографический очерк // Живая старина. 1895. Вып. 2. С. 183.
- ²⁴ Там же. С. 184.
- ²⁵ *Шустиков А. А.* Сказания и сказки // Живая старина. 1895. Вып. 3—4. С. 424—425.
- ²⁶ Там же. С. 427.
- ²⁷ *Шустиков А. А.* Из письма к редактору // Живая старина. 1896. Вып. 1. С. 143.
- ²⁸ *Шереметев П. С.*: 1) Борис Сергеевич Шереметев. 1822—1906. М., 1910; 2) Василий Сергеевич Шереметев. 1752—1831. СПб., 1910; 3) Владимир Петрович Шереметев. 1668—1737. М., 1913—1914. Ч. 1—2.
- ²⁹ *Шереметев П. С.*: 1) Обзор рукописей Псковского археологического музея и описей Архива губернского правления. М., 1899; 2) Звзд. М., 1908; 3) О князьях Хованских. М., 1908; 4) Карамзин в Остафье. 1811—1911. М., 1911; 4) Вязёмы. Пг., 1916 и др.
- ³⁰ *Шереметев П. С.* К вопросу о выяснении взаимных отношений губернского и уездного земств. М., 1901; Мнение члена Комиссии о мелкой земской единице Звенигородского уездного предводителя

- дворянства графа П. С. Шереметева. М., 1903; О русских художественных промыслах. Доклад члена Кустарного совета Московского губернского земства графа П. С. Шереметева. М., 1915.
- ⁸¹ *Шереметев П. С.*: 1) У дверей школы. Народное образование в Тульской губернии. СПб., 1898; 2) Народные учителя и учительницы в Тульской губернии. Историко-статистический очерк. Тула, 1898.
- ⁸² *Шереметев П. С.* Зимняя поездка в Белозерский край. М., 1902.
- ⁸³ Там же. С. 71.
- ⁸⁴ Там же. С. 79.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ *Линева Е. Э.* Деревенские песни и певцы. Из поездки по Новгородской губ.: по уездам Череповецкому, Белозерскому и Кирилловскому // Этнографическое обозрение. 1903. № 1. С. 91.
- ⁸⁷ См.: Труды Пятнадцатого археологического съезда в Новгороде. 1911. М., 1914. Т.1. С. 69 (2-я пагинация); *Соколовы Б. и Ю.* Живая старина в Белозерском крае: Отчет о командировке 1909 г. // Труды Московского предварительного комитета по устройству XV Археологического съезда. М., 1911. Т.1. С. 1—20.
- ⁸⁸ *Соколов Б. М., Соколов Ю. М.* Остатки былин и исторических песен в Новгородской губернии // Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии Наук. 1910. Т. 15, кн. 2. С. 1—40.
- ⁸⁹ Былины: Русский музыкальный эпос / Сост. Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов. М., 1981. С. 538.
- ⁴⁰ *Артемов В.* Былина о нашем времени // Москва. 1991. № 6. С. 56.
- ⁴¹ *Азбелев С. Н.* Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982. С. 167—168.
- ⁴² Там же. С. 166—167.
- ⁴³ *Гацак В. М.* Эпос и героические колады // Специфика фольклорных жанров. М., 1973. С. 7—52; *Азбелев С. Н.* Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982. С. 227—247 (гл. «Героический эпос и обряд»).
- ⁴⁴ *Миллер В. Ф.* Очерки русской народной словесности. М.; Л., 1924. Т. 3. С. 344—351 (гл. «Былины и исторические песни в качестве обрядовых»). Ср. также: «... исторический элемент в колядках не только поздний, но и явно вторичного происхождения» (*Путилов В. Н.* Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. М.; Л., 1960. С. 50—51).
- ⁴⁵ *М. С. Коляда* в Песковском заводе // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1895 год. Вятка, 1894. С. 218—219. — Авт.: М. К. Селивановский.
- ⁴⁶ *Кривошапкин М. Ф.* Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865. С. 41—44; Песня / Сообщил А. А. Краевский // Русская старина. 1874. Т. 11. С. 185—186.
- ⁴⁷ *Путилов В. Н.* К вопросу о составе Разинского песенного цикла (былина о Соколе-корабле) // Русский фольклор: Материалы и исследование. М.; Л., 1961. Т.6. С. 326.
- ⁴⁸ *Ончуков Н. Е.* Масляница // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1928. Вып. 4. С. 117—123.
- ⁴⁹ *Серебренников В. Н.* Свадебные обычаи и песни крестьян Андреевской волости Оханского уезда Пермской губ. Пермь, 1911. С. 67—68.
- ⁵⁰ *Миллер В. Ф.* К песням об Иване Грозном // Этнографическое обозрение. 1904. № 3. С.39—40.
- ⁵¹ Аргументацию в пользу книжных источников рассматриваемой былины см. также: *Новиков Ю. А.* Былина и книга. Указатель зависимых от книги былинных текстов. Вильнюс, 1995. С. 44—45, 55—56, 66.
- ⁵² *Соколов Б. М., Соколов Ю. М.* Остатки былин и исторических песен в Белозерском крае // Сказки и песни Белозерского края / Записали В. М. и Ю. М. Соколовы. М., 1915. С. XCVI.

- ⁵³ *Шереметев П. С.* Зимняя поездка в Белозерский край. М., 1902. С. 71.
- ⁵⁴ *Соколов Б. М., Соколов Ю. М.* Остатки былин и исторических песен в Белозерском крае. С. ХСVI—ХСVII.
- ⁵⁵ «Гистория» републикована. См.: *Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков / Изд. подгот. А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль.* М.; Л., 1960. № 28. См. там же комментарий.
- ⁵⁶ *Новиков Ю. А.* Былина и книга: Указатель зависимых от книги былинных текстов. Вильнюс, 1995. С. 193.

Глава 5

БЫЛИННАЯ ТРАДИЦИЯ В ПЕРМСКОМ И ВЯТСКОМ КРАЕ

В последней главе рассматривается песенно-эпическая традиция двух регионов, с которыми Вологодский край во многом соотносится как метрополия и связанные с нею поселения в новоосвоенных землях. Мы объединили в одном исследовательском пространстве сведения о былинах двух обширных территорий в связи с тем, что говорить о вятской традиции отдельно не представляется возможным: здесь записан всего лишь один текст. Однако не только данный факт заставляет нас рассматривать в едином блоке пермско-вятскую былинную традицию. История русской колонизации названных территорий, как мы покажем, проходила в значительной степени по идентичным схемам: достаточно позднее проникновение русского населения в здешние земли; освоение его на первом этапе выходцами из регионов, так или иначе связанных с Ростово-Суздальским княжеством (Устюг Великий, Нижний Новгород); позднейший мощный колонизационный поток XVIII в. из центральных губерний России, обусловленный возникновением металлургических заводов.

Освоение Вятского края, формируемого бассейном реки Вятки, началось несколько ранее колонизации пермских земель, поэтому остановимся сначала на истории заселения русскими людьми здешних мест. Одним из первых центров Вятского края был город Хлынов (с 1780 г. — Вятка; в советские времена — Киров). В поздней, конца XVII в., «Повести о стране Вятской» утверждается, что Хлынов был основан в 1181 г. новгородскими ушкуйниками. Однако современные исследователи убеждены в том, что русское освоение среднего течения Вятки началось не ранее середины XIV в., точная же дата рождения Хлынова остается неизвестной. Известно, что в 1374 г. русские ушкуйники (самостоятельные, не княжеские военные дружины) с берегов Вятки прошли на Волгу и спустились вплоть до столицы Орды Сарая,

пограбив ее. Надо полагать, что в это время на Вятке были уже более или менее значительные русские поселения. Летописи свидетельствуют, что русский колонизационный поток на Вятку усилился после опустошительных набегов татар в 1377 и 1378 г. на Нижегородско-Суздальское княжество. Здешнее население по рекам Унже и Ветлуге через систему волоков ушло в необжитый глухой Вятский край.

Вятская земля оказалась и в дальнейшем тесно связанной с Нижегородско-Суздальским княжеством. В 1380 г. суздальско-нижегородский князь Дмитрий Константинович, кажется, отказался участвовать в Куликовской битве, надеясь своим лояльным поведением расположить к себе Золотую Орду. В 1382 г. его сыновья Семен и Василий сыграли не совсем понятную, но явно негативную роль в разгроме Москвы ханом Тохтамышем, в результате чего получили от Золотой Орды ярлык на княжение в Суздале, впрочем, вскоре потеряв это княжество. В силу умной политики Василия I, сына Дмитрия Донского, Нижегородско-Суздальские земли были отданы Москве. Тогда-то Семен и Василий и выпросили у Орды ярлык на княжение в Вятских землях, где, как кажется, в то время еще не было ни одного города, то есть укрепленного поселения. Во всяком случае известно, что князь Семен остановился на погосте Николай-Чепецком (ныне г. Кирово-Чепецк), где и скончался в 1401 г. (по другим сведениям — в 1402 или 1405 г.). Естественно предположить, что в период отъезда в Вятские земли одного из бывших Нижегородско-Суздальских князей этот регион опять-таки заселялся выходцами именно из этого княжества.

В 1414 г. Василий I отобрал у наследников князей Семена и Василия Вятский край и передал его своему брату Юрию Галицкому. В 1425 г. Василий I Дмитриевич умирает, оставив наследником десятилетнего сына Василия (будущий Василий II Темный). Его дядя, Юрий Галицкий, начинает претендовать на московский престол и ввергает Русь в длительную междуусобную войну, в которой самое деятельное участие принимают его сыновья Василий Косой и Дмитрий Шемяка. Вятчане в этой войне принимали активное участие на стороне галицких князей. В 1451 г. они разорили севернорусские города Вологду, Устюг Великий, Усть-Вымь. В 1486 г. вятчане совершили набег на земли московского князя на Северной Двине. На протяжении всей второй половины XV в. великий князь Московский неоднократно

посылал свои войска, чтобы обуздать Вятскую землю, пока в 1489 г., уже при Василии III, полки Данилы Щени и Григория Морозова не заставили хлыновцев покориться. Феодальная и торговая хлыновская знать была расселена в подмосковные города, а в Хлынов был посажен великокняжеский наместник. В город, как свидетельствуют документы, в этот период потянулись люди с Северной Двины и из Устюга Великого. Весьма характерно, что рядом с Хлыновым возникла знаменитая впоследствии своими глиняными игрушками Дымковская слобода, явно ведущая свое начало от Дымковской слободы Великого Устюга. Таким образом, и этот колонизационный поток в Вятскую землю оказывается связанным с ростовскими истоками (напомним, что Великий Устюг был некогда сферой влияния ростово-суздальских князей).

С середины XVI в. Хлынов становится крупным торговым центром. В 1554 г. Иван Грозный предоставил хлыновцам наряду с устюжанами исключительное право торговли с Пермью Великой. Через Хлынов в конце столетия прошла дорога из Москвы в Сибирь. Хлыновские купцы вели активную торговлю также с Северной Двиной.

Помимо Хлынова, другими древними центрами Вятской земли были город Орлов (ныне Халтурин), впервые упомянутый в документах в 1459 г. Основан он, как полагают, был выходцами из Вологодских и Устюжских земель. В XVI в. на Вятке на месте бывших марийских поселений возникли также Котельнич, Уржум, Малмыж.

В XVIII в. Вятском крае появилась целая сеть металлургических заводов. В 1729 г. на реке Кирсы — железодельный Кирсинский завод купца Вяземского; в 1772 г. — Песковский завод; в 1773 г. — Омутнинский завод. Население заводов, естественно, во многом было смешанным, пришедшим из разных регионов России (механизмы привлечения рабочей силы на металлургические заводы будут показаны нами ниже на материале колонизации Пермских земель). Это была третья, после нижегородско-суздальской и северодвинско-устюжской, колонизационная волна в Вятский край.¹

Обратим внимание на то, что единственный былинный текст в Вятском регионе был записан не в крестьянской деревне, а в заводском поселении — на Песковском заводе. Это дает нам право предположить, что былина была занесена в здешний край колонизационным потоком из любого русско-

го региона. Однако тот факт, что названная былина это песня-винограде «Илья Муромец на Соколе-корабле», заставляет нас искать устюжские истоки данной былинной традиции.

Русская колонизация соседнего Пермского региона, где записан основной блок интересующих нас былинных текстов, происходила примерно по той же схеме, что и на Вятке. Пермская губерния в XIX в. охватывала огромную территорию, включающую семь уездов, расположенных на европейской части России (Пермский, Осинский, Оханский, Соликамский, Чердынский, Кунгурский и Красноуфимский), и пять азиатских уездов (Верхотурский, Екатеринбургский, Ирбитский, Камышловский, Шадринский). Ныне это территория Пермской, Екатеринбургской, Челябинской, отчасти Курганской областей и Башкирии. Именно эту территорию мы и будем иметь в виду, говоря о Пермском регионе и пермской былинной традиции.

Активное освоение русскими людьми Перми Великой, как она именовалась в памятниках средневековой письменности, началось с XIV в. Коренным населением здешних мест были предки нынешних коми-пермяков, остяки и вогуличи. Проникали сюда и переселившиеся из Казани татары.

Под 1324 г. летописи упоминают поход московских войск из Устюга, близкого к Перми Вычегодской, в Пермь Великую. В 1363 г. в земли Печоры и Перми Великой был послан первый московский наместник Андрей Фрязин, о деятельности которого практически ничего неизвестно. В 1409 г. на верхней Каме было построено первое русское укрепление — Анфаловский городок, названный так по имени двинского воеводы Анфала Никитина, сторонника Москвы, бежавшего в здешние места от преследования новгородских властей, находившихся в постоянной конфронтации с Москвой. К 1430 г. относится строительство посадскими людьми Калиниковыми первых соляных варниц, положивших начало городу Соликамску (Соль Камская, Усолье Камское).

Однако первым русским административным центром в Перми Великой стал город Чердынь, стоящий на реке Колве, впадающей в Каму. Чердынь была основана еще коми-пермяками, имевшими прочные торгово-экономические связи с Московским государством. В 1451 г. великий князь Московский Василий II направил в Пермь Вычегодскую удельного князя Вереинского (Верейского) Ермолая, а его сына Михаила Ермолича — в Пермь Великую, то есть Чердынь. Михаил

Ермолич получил титул Великопермского князя. Вереинский князь в Чердыни находился на положении то ли наместника, то ли ссыльного, удаленного от своих исконных земель, отошедших к Москве. Как бы то ни было, очевидно, что к середине XV в. русские составляли уже значительный процент в населении Чердынского края.

В 1455 г. предпринята первая попытка христианизации местного населения русским епископом Питиримом. Местные коми-пермяки, кажется, не сопротивлялись крещению, но вогуличи восстали и убили Питирима. Повторная христианизация чердынцев была проведена в 1462 г. епископом Ионой, основавшем в Чердыни первый на Урале монастырь — Иоанно-Богословский.

Вся вторая половина XV в. отмечена напряженным противостоянием крепнущего Московского государства и Казанского ханства. Пермь Великая была тем регионом, где сталкивались их интересы. В 1468 г., например, казанский хан Обреим совершил набег на этот край, в ответ же русские войска предприняли поход против татар. Соседние с Пермью Великой Вятские земли, как говорилось выше, заигрывали с Казанским ханством, и Великопермский князь Михаил, пользуясь удаленностью от Москвы, кажется, склонен был к той же политике. В 1471—1472 гг. по приказу великого князя Московского русский отряд под предводительством Федора Пестрого, состоящий из устюжан, белозерцев, вологодчан и вычегжан, занял Чердынь, которая сдалась без боя, и возвел здесь деревянный кремль.

С этих пор город и стал форпостом на пути продвижения русских в Пермь Великую, управляемым сначала Великопермскими князьями, затем (с 1505 г.) наместниками и воеводами. На протяжении сотни лет Чердынь подвергалась неоднократным набегам со стороны сибирских (1481, 1483, 1505, 1531, 1547, 1573, 1581) и казанских татар (1539, 1540), но тем не менее край постепенно заселялся русскими людьми.

В 1558 г. и 1568 г. богатые сольвычегодские солепромышленники Строгановы, сыновья основателя фамилии Аникия, получают от Ивана Грозного несколько грамот на владение землями по рекам Каме, Лысьве и Чусовой. Они строят ряд городков и острогов, способствовавших продвижению русских в Прикамье. Среди них был и Кайгород (ныне село Кай в Кировской области) в верховьях Камы, сыгравший большую роль в освоении Перми Великой. В 1581—1585 гг. Стро-

гановы, как известно, организовали поход Ермака в Сибирь. Кайгород вскоре стал важной точкой на торговом пути вологжан, устюжан и вятчан в Сибирь. Город процветал до середины XVII в., пока не уступил первенство другим центрам Пермской земли.

К концу XVI—XVII вв. относится основание ряда других городов, сыгравших важную роль в освоении русскими людьми Урала. В 1598 г. был основан г.Верхотурье и образован Верхотурский уезд, включавший в себя территорию современной Екатеринбургской области. В 1633 г. возникает Ирбитская слобода, в которой с 1643 г. начались знаменитые Ирбитские ярмарки. В 1648 г. появляется город Кунгур, на долгие годы ставший центром Уральских земель и оттеснивший на задний план Чердынь и Кайгород.

Главный путь заселения Прикамья — выход «беглых» людей из давно освоенных севернорусских районов. Характерно, например, освоение Кунгурского края. Еще в 1579 г. по документам Сылво-Иреньское поречье (Кунгурский край) названо «пустыми землями». Писцовые книги М. Кайсарова 1623—1624 гг. фиксируют здесь 86 человек мужского пола кочевых остяков и татар. Русские проникают сюда первоначально как купцы, ведущие выгодную торговлю с остяками и татарами, предлагая им хлеб в обмен на продукты бортничества и пушнину. В 1648 г., как говорилось, был основан город Кунгур, что способствовало притоку русского населения в эти «пустые» земли. Документы свидетельствуют, что за вторую половину XVII в. население края увеличилось более чем в 12 раз. Беглые крестьяне, согласно переписям, в Кунгурский край шли из северных уездов: Кайгородского, Сольвычегодского, Устюжского, Чердынского, Важского, Кеврольского и др., причем самый большой процент выходцев был из двух первых уездов, то есть из бывшей Перми Вычегодской. Таким образом, и былинную традицию Кунгурского края (а именно здесь, как мы увидим ниже, были сделаны самые важные для нас записи) мы можем рассматривать как генетически связанную с Вычегодско-Устюжскими землями.

В первой половине XVIII в. активной промышленно-экономической зоной в Прикамье, помимо Кунгурского уезда, становится Верхотурский уезд. В 1697 г. выходит указ Петра I о поисках руд и выборе мест для строительства заводов в Верхотурском уезде. В 1699 г. основывается казенный

металлургический Невьянский завод, вскоре в 1702 г. переданный Никите Демидову, которому разрешено строить и другие заводы на Урале. В 1722 г. появляется Выйский завод (принадлежал Демидовым), давший начало Нижнему Тагилу; в 1724 г. — Егошихинский завод, на месте которого в 1780 г. вырос город Пермь.

Бурное развитие горного дела и металлургии в Верхотурском уезде, естественно, сопровождалось, огромными переселенческими потоками, причем основная колонизационная волна шла из уже освоенных уездов — Кунгурского, Соликамского и др. Документы свидетельствуют, что к заводам приписывались казенные крестьяне близлежащих местностей, и даже если завод переходил в частные руки, приписка сохраняла свое значение. Крестьяне были обязаны отработать при заводе определенное количество дней, остальное же время они занимались сельским хозяйством. Этот слой заводских рабочих (крестьян), как мы считаем, нес с собой уже давно усвоенную фольклорную традицию метрополии — Перми Вычегодской (район Великого Устюга, Сольвычегодска, Лальска).

Значительный процент заводских мастеровых составляли посессионные крестьяне, то есть частновладельческие, которых заводчик брал у помещика как бы во временную аренду (на сессию) на несколько лет, обязуясь выплатить за крестьян государству все необходимые подушные подати. Посессионных крестьян брали по всей России и отселяли к заводам. Такой способ формирования заводского населения стал очень популярен с 1720-х гг. Этот колонизационный поток, естественно, способствовал проникновению в Пермский край фольклорной традиции из центральных, помещичьих, регионов России.

То же самое можно сказать и о трех других путях, которыми формировалось заводское население Среднего Урала: покупка заводчиками крепостных крестьян в центральных областях и переселение их в здешние земли; использование труда солдат, то есть представителей всех регионов; использование труда каторжников.²

Подробное рассмотрение пермской (и шире: пермско-вятской) былинной традиции важно не только в связи с необходимостью свести воедино разрозненные сведения о местных былинах и в связи с проблемой географического распространения былин, которая постоянно находится в сфере нашего

внимания. Пермский былинный материал имеет отношение к еще одному вопросу, уже давно волнующему отечественную фольклористику — к проблеме локализации Сборника Кирши Данилова.

Как известно, существует две основные точки зрения на географическое приурочение былинного материала из Сборника Кирши Данилова — в Сибири и на Урале. П. Н. Шеффер, основываясь на текстах самого Сборника, делает акценты на такие имеющиеся там географические реалии, как «по-нашему, по-сибирскому», «тюменские бабы», упоминание Иркутска, Якутска, Енисейского городка, Даурской стороны, селенгинских казаков и т. д.,³ то есть отстаивает сибирское происхождение этого памятника русского фольклора. Е. Ф. Будде, анализируя диалектологические данные, также приходит к выводу о сибирском происхождении Сборника.⁴ М. К. Азадовский конкретизирует сибирский регион, называя Алтайский край. Аргументом в пользу своей точки зрения он считает определенную близость былин Кирши Данилова к записям С. И. Гуляева на Алтае.⁵ Я. Р. Кошелев, в свою очередь, привел ряд доводов в пользу Красноярского края.⁶

В. Ф. Миллер склонен был локализовывать Сборник в северо-восточной (зауральской) части Пермской губернии и южной части Тобольской и Томской губерний,⁷ то есть в его позиции явно просматривается склонность ко второй гипотезе — уральской. Во всяком случае он приурочивает Сборник к близлежащим к восточному Уралу районам.

Решительным сторонником гипотезы об уральском происхождении Сборника был П. С. Богословский, видный пермский фольклорист 1920-х—1930-х гг.⁸ В архиве П. С. Богословского, хранящемся в Пушкинском Доме, находится его неопубликованная монография «Сборник Кирши Данилова в связи с проблемой эпической традиции» (РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 1, № 7), которую исследователь рассматривал как свою так и не защищенную им докторскую диссертацию. Недавно А. А. Горелов подробно проанализировал эту рукопись. Особо он обратил внимание на тот ее раздел, где П. С. Богословский собрал сведения о письмах Н. П. Румянцева к В. Н. Берху, в которых обсуждаются проблемы «древних богатырских песен и сказок». Позволим себе привести фрагмент из статьи А. А. Горелова, в котором он в свою очередь цитирует рукопись П. С. Богословского: «П. С. Богослов-

ский, по нашему мнению, справедливо полагал, что Румянцев имел „какие-то сведения о наличии в Пермской губ. <...> устной эпической традиции“, будучи „убежден в уральском происхождении Сборника Кирши Данилова <...>, о котором собирал все сведения“: „По-видимому, в его распоряжении были данные из истории Сборника Кирши Данилова, не дошедшие до нас, но определенно указывавшие на Урал, на Пермскую губ. как на родину Сборника Кирши Данилова, как на район, где в то время бытовала еще эпическая традиция, с которой связан знаменитый сборник“». ⁹

Недавние находки И. Шакинко новых документов 1739—1742 гг., относящихся к владениям Демидовых на Урале, а также основательный комментарий А. А. Горелова к этим материалам, подтверждают реальность личности Кирши Данилова. Судя по всему, он был заводским человеком в Нижнем Тагиле, принадлежавшем Демидовым. Кирша Данилов был лично знаком с владельцами заводов и ценим ими, по-видимому, как искусный знаток песенного фольклора. Имя его встречается и в 1759 г. в ведомостях мастеровым людям Невьянского завода, хозяином которого был Прокопий Акивфиевич Демидов. ¹⁰

Можно предположить, что в демидовские владения (Нижний Тагил и Невьянск) Кирша Данилов попал с одним из названных нами выше колонизационных потоков. Если он как-то связан с посессионными или крепостными крестьянами, то мог представлять фольклорную традицию любого из русских центральных регионов. Однако скорее всего Кирша Данилов был свободным человеком (вспомним, что Демидовы относились к нему с определенным уважением). Тогда не исключено, что он принадлежал к давнему населению Верхотурского уезда, а значит его фольклорное знание генетически восходит к Перми Вычегодской. Как бы то ни было, в данной главе будет сделана попытка соотнести материалы Кирши Данилова с другими имеющимися в распоряжении науки записями былин в Пермской губернии.

* * *

Первым свидетельством о бытовании на территории Пермского края былин стала публикация в 1855 г. сказки «Василий Буславич» в сборнике А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки». ¹¹ Как указал издатель, эта сказка была «за-

писана в Пермской губернии тайным советником Огаревым и штатным смотрителем Ирбитского училища Тихановым».¹² Тайный советник Огарев — это, без сомнения, Илья Иванович Огарев, бывший Пермским губернатором в 1837—1854 гг. и имевший названный чин.¹³

Пермская сказка носит довольно ярко выраженный былинный характер, что позволило Ю. И. Смирнову и В. Г. Смолицкому, перепечатавшим «Василия Буславича» в своем сборнике «Новгородские былины», сделать следующее справедливое заключение: «Несмотря на многочисленные отступления от традиции, текст несомненно восходит к былине о Василии Буслаевиче и свидетельствует о наличии этого сюжета в русском эпосе Урала».¹⁴

Однако исследователи почему-то решили, что текст «составлен из двух списков, доставленных А. Н. Афанасьеву „из Пермской губернии тайным советником Огаревым и штатным смотрителем Ирбитского училища Тихоновым (так! — Т. И.)“».¹⁵ Этой же позиции придерживаются и Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков, подготовившие последнее научное издание сказок А. Н. Афанасьева. Они неправильно цитируют А. Н. Афанасьева, приписывая тому указание на два списка: «Как указал Афанасьев, „напечатано по двум спискам, доставленным из Пермской губернии тайным советникам Огаревым и штатным смотрителем Ирбитского училища Тихоновым (так! — Т. И.)“». Следовательно, текст сводный...».¹⁶

А. Н. Афанасьев же о двух списках нигде в своем первом издании не говорил, он указывал просто на то, что данный текст поступил от Огарева и Тиханова. Отечественной фольклористике хорошо известна цепочечность передачи фольклорных записей от одного лица к другому, пока они не осядут в коллекции какого-либо учреждения или крупного собирателя и координатора собирания народной поэзии. Мы полагаем, что и здесь произошло нечто подобное. Ирбитский смотритель училищ Тиханов (или кто-то из его подчиненных) записал былинку о Василии Буслаеве, затем передал ее Пермскому губернатору И. И. Огареву, а тот, в свою очередь, в Русское географическое общество, материалами которого и воспользовался А. Н. Афанасьев. Поэтому тезис о «сводности» пермской сказки мы отвергаем. Учитывая то, что решение о передаче сказок в распоряжение А. Н. Афанасьева было принято РГО в 1852 г., а пермская сказка опубликована в

первом выпуске «Народных русских сказок», можно предположить, что и запись была сделана до 1852 г.

Как оказалось, этот же текст о Василии Буслаевиче спустя несколько лет в 1863 г. был опубликован также и в пятом выпуске «Песен, собранных П. В. Киреевским», причем здесь он помечен Пермской губернией, а в конце сказано: «Записано г. Огаревым, доставлено В. И. Ламанским».¹⁷ На совпадение публикаций в сказочном сборнике А. Н. Афанасьева и в старой серии П. В. Киреевского в науке, кажется, еще никто до нас не обращал внимание.

Сравнение двух публикаций обнаруживает мелкие текстовые различия, свидетельствующие, что либо переписчики былины, готовившие рукописи для названных изданий, были недостаточно внимательны, либо издатели (А. Н. Афанасьев и П. А. Бессонов) позволяли себе некоторую сознательную правку. Приведем наиболее заметные расхождения:

Афанасьев

Киреевский

Остается его любима молода
жена Ван(м)ильфа Тимофеевна.

остается его молода жена Ваниль-
фа Тимофеевна.

с малыми ребятками поиг-
рывать

с маленькими ребятками поигры-
вати

Вот однажды у старика (ста-
рипши) Угру(ю)мища сделались
пир и беседа

Однажды у Старика Угрумища сде-
лался пир и беседа

Пришел наш Василий Буславич
домой к своей матери

Пришел Василий Буславич домой
к своей матери

а он в тёмнице спит да спит,
ничего не знат.

а он спит да спит, ничего не
знает.

вышиб каменную стену у тёмницы
и пошел народ-силу бить

вышиб каменную стену и пошел
силу бить — народ

Старшá Угру(ю)мища и взмолил-
ся ему: «Гой ли (еси) ты...»

Старша Угрумища ему и взмолил-
ся: «Гой ли ты еси...»

а она ему и говорит: «Василий
Буславич! Не пинай меня, и сам
тут будешь».

а она ему и говорит: «Не пинай
меня: и сам тут будешь!»

Все перескочили, а он скокнул
напоследке и задел её (за неё)
только пальцем правой ноги, да
тут и помер.

все перескакали; он скокнул на-
последке, и задел только ее пальцем
да тут и помер.

Для нас основным будет афанасьевский текст былины (первое издание), как появившийся в печати ранее публика-

ции в сборнике П. В. Киреевского. К тому же можно заметить, что многие расхождения двух текстов относятся к типу пропуска в публикации П. В. Киреевского того или иного слова, что очень симптоматично для вторичного переписывания текста с какого-то источника.

Второй эпизод в истории собирания былин в Пермском крае относится к 1860 г., когда в «Пермском сборнике» был опубликован прозаический текст «Аксёно»,¹⁸ записанный известным собирателем фольклора Александром Никифоровичем Зыряновым (1830—1884)¹⁹ в Шадринском уезде, то есть на юге Пермской губернии (ныне Курганская область; былина републикована в сборнике «Былины новой и недавней записи». М., 1908. № 99). Произведение это несет на себе явные следы поэтики былин; оно будет охарактеризовано ниже.

К середине XIX в. относится также ряд косвенных данных о существовании былинной традиции в Пермском крае и его ближайшем окружении. В сборнике А. Н. Афанасьева была опубликована сказка «Данило Бессчастный» (Аф., II, № 313) из Уфимского уезда (Башкирия) на сюжеты СУС 465 А (Красавица-жена: «Пойди туда, не знаю куда») и СУС 882 А (Спор о верности жены). Особенность данного варианта заключается в том, что действие здесь происходит в Киеве при князе Владимире, а недоброжелателем Данилы Бессчастливого является Алеша Попович, бабий пересмешник.

В «Записках императорского Русского географического общества по отделению этнографии» в 1867 г. была напечатана сказка «Князь киевский Владимир и Илюшка сын матросов».²⁰ Эта запись была сделана А. Н. Зыряновым в Шадринском уезде. По указателю сказочных сюжетов сказка может быть определена как сюжет СУС 519 (Слепой и безногий). В отличие от других русских вариантов, шадринский текст несет на себе черты поэтики былин. Героями здесь являются киевский князь Владимир, который посватался к дочери царя Философа, и Илюшка пьяница, помогший князю пройти через все испытания, которые приготовила тому невеста.

Как указывалось в главе о вологодской былинной традиции, подобная же версия данного сказочного сюжета была зафиксирована братьями Б. М. и Ю. М. Соколовыми в Кирилловском уезде Новгородской губернии. Б. М. Соколов полагал, что тексты, реализующие версию с князем Владими-

ром, «дают право с большой вероятностью включать это сказание в состав русского богатырского эпоса».²¹ Исследователь усматривал связь между данными текстами на сюжет СУС 519, былинами «Дунай-сват» и летописным рассказом о женитьбе Владимира на Рогнеде и видел источник их в германском сказании о женитьбе Гунтара на Брюнхильде при помощи Зигфрида. Мы сейчас не вдаемся в рассмотрение данной гипотезы Б. М. Соколова, но лишь отмечаем влияние былинной поэтики на сказочный текст, записанный А. Н. Зыряновым. В то же время мы выводим данный текст из состава материалов, непосредственно отражающих песенно-эпическую традицию Пермского края; равно как и афанасьевская сказка «Данило Бессчастный» также нами не учитывается.

Чтобы закончить разговор о косвенных следах былинной традиции в Пермском регионе, назовем еще сказку «Илья Муромец» из сборника Д. К. Зеленина «Великорусские сказки Пермской губернии» (СПб., 1914. № 16), записанную в Куяшской волости Екатеринбургского уезда в 1908 г. от А. Д. Ломтева. Сказка представляет собой изложение сюжетов «Исцеление Ильи Муромца», «Илья и Соловей-разбойник», «Илья Муромец, Святогор и тяга земная» и «Илья Муромец, Святогор и гроб». По своим истокам она принадлежит не к песенной былинной традиции, а восходит к лубочным прозаическим изданиям, широко распространенным во второй половине XIX — начале XX вв. Поэтому мы также выводим этот текст из состава былинных материалов Пермского региона.

До сих пор мы отмечали только прозаические тексты, свидетельствующие о следах былинной традиции в Пермском регионе. Первый песенный образец былина был зафиксирован в 1871 г. П. М. Вологодским от крестьянки Афанасии Ушаковой, 60 лет, в Полевском заводе (ныне г. Полевской Свердловской области).

Имя П. М. Вологодского мало известно в фольклористике, поэтому мы позволим себе несколько подробнее остановиться на его биографии. Павел Михайлович Вологодский родился в 1841 г., закончил Пермскую духовную семинарию, учился на естественно-историческом отделении Казанского университета, но не смог его закончить по семейным обстоятельствам. Впоследствии он работал учителем в екатеринбургской женской гимназии, был поверенным в дела уральских промышленников. Одновременно П. М. Вологодский проявил

себя на поприще общественной деятельности. Он активно работал в местном Обществе потребителей, в Благотворительном обществе, в Музыкальном кружке. Он же был одним из учредителей знаменитого Уральского общества любителей естествознания, в частности, им был написан проект устава УОЛЕ. П. М. Вологодский писал стихи, статьи педагогического характера; печатался в газете «Екатеринбургская неделя». Известно, что он был знаком с создателем русского народного хора Д. А. Агрневым-Славянским, которому передал часть записанных им фольклорных песен.

Скончался П. М. Вологодский в 1888 г. в возрасте сорока семи лет.²² Видный уральский писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк в некрологе назвал его «человеком шестидесятых годов»: «... для Павла Михайловича интерес жизни сосредоточивался в общественной деятельности, которые придали шестидесятым годам такую интересную окраску».²³

Как уже говорилось, в 1871 г. П. М. Вологодский записал былинный текст в Полевском заводе. Исполнительница Афанасия Ушакова сообщила, что она переняла старину от старухи, уроженки села Полднего, находившегося в восемнадцати верстах от Полевского завода. Старина Афанасии Ушаковой — это былина «Царь Борис Михайлович и царица Марья Юрьевна» (сюжет о похищении Марьи Юрьевны татарами и о ее бегстве из плена, который нередко квалифицируется как баллада). Текст был опубликован в «Записках Уральского общества любителей естествознания» в 1874 г.;²⁴ в 1876 г. в третьем томе тех же «Записок УОЛЕ» была напечатана нотная вклейка,²⁵ где представлен былинный напев «Царя Бориса Михайловича и царицы Марьи Юрьевны» (кстати, отметим, что это единственная, помимо материалов Кирши Данилова, нотная запись былин на Урале). Позднее текст был перепечатан в сборнике «Былины новой и недавней записи» В. Ф. Миллера (ВНИИЗ № 79).

Следующее свидетельство о бытовании песенного эпоса в местах, близких к Пермскому краю, относится к 1888 г., когда М. К. Селивановский на Песковском заводе Глазовского уезда Вятской губернии (Глазовский уезд примыкал к Оханскому уезду Пермской губернии) записал былинку «Илья Муромец на Соколе-корабле», исполнявшуюся здесь в функции святочно-рождественской коляды.²⁶ Эта запись и является единственным свидетельством бытования былин в Вятском регионе. Михаил Константинович Селивановский, как

можно судить по его очерку «Заметки об Омутнинских заводах Н. П. Пастухова»,²⁷ был уроженцем Нолинского уезда Вятской губернии. В 1880-е гг. он служил на Омутнинском заводе, в 1890-е гг. жил в губернском городе и был сотрудником Вятского статистического комитета, печатался в «Памятных книжках Вятской губернии». В 1895—1899 гг. М. К. Селивановский состоял редактором неофициальной части «Вятских губернских ведомостей». Он был также автором книги «Столетие Вятской губернской типографии (1797—1897)» (Вятка, 1898).²⁸

После М. К. Селивановского следующую страницу в историю собирания былин в Пермском крае внес Е. Н. Косвинцев, один из тех скромных краеведов, без которых не может существовать русская культура. Фигура Е. Н. Косвинцева до сих пор не получила специального освещения в фольклористической литературе. В связи с этим мы позволим себе подробно остановиться на его биографии, которая восстанавливается нами по материалам находящегося в Пушкинском Доме личного фонда видного пермского фольклориста П. С. Богословского, имя которого уже упоминалось выше (РО ИРЛИ, ф.690, оп.3, № 116 — 9 писем Е. Н. Косвинцева к П. С. Богословскому; оп.5, № 15 — разрозненная рукопись Е. Н. Косвинцева «Материалы для литературно-биографического словаря Пермского края»; оп.5, № 184 — рукопись П. М. Сивкова «Памяти Е. Н. Косвинцева»; оп.5, № 134 — фотография Е. Н. Косвинцева), а также по немногим печатным источникам.²⁹

Евлампий Николаевич Косвинцев родился 9 (21) октября 1877 г. в городе Кунгуре в семье портного. В юности он был учеником в сапожной мастерской, затем — рабочим на кожевенном заводе (Кунгур до революции был центром кожевенного производства в Пермском крае). Очень рано в Е. Н. Косвинцеве проснулся интерес к истории и культуре родного края. В 1897 г. природная любознательность обратила внимание Е. Н. Косвинцева на археологические древности Кунгура. Самостоятельно он совершил, как тогда говорили, экскурсию в д. Броды на р. Шаква, где, как ему стало известно, крестьянин Самойла Лушников периодически выпаживал на своем поле различные старинные предметы. Е. Н. Косвинцев получил от Лушникова некоторые из этих предметов и обнаружил на косогорье могильник. Тогда же Е. Н. Косвинцев сообщил о своих находках предсе-

дателю Пермской ученой архивной комиссии Н. Н. Новокрещенных. Вместе произвели они первоначальные раскопки у д. Броды. В дальнейшем Н. Н. Новокрещенных и А. А. Спицын, известный археолог, продолжили археологические изыскания в данном месте. Бродский могильник, действительно, стал заметным явлением в уральской археологии. Открытие Бродского могильника Е. Н. Косвинцев, по-видимому, не без оснований приписывал себе. Однако Н. Н. Новокрещенных в своих публикациях замалчивал роль юного кунгурияка в этом деле, что вызвало у Е. Н. Косвинцева глубокую обиду, которую он не мог забыть и через много лет. В дальнейшем он охладел к археологии и более к ней не возвращался.

Е. Н. Косвинцев, судя по всему, обладал ярко выраженным общественным темпераментом, что и заставило его отодвинуть в сторону научные интересы и увлечься журналистикой. П. М. Сивков, екатеринбургский журналист, в неопубликованном некрологе «Памяти Е. Н. Косвинцева» свидетельствует, что в августе 1897 г. Е. Н. Косвинцев переезжает в Екатеринбург и начинает сотрудничать с местными газетами (РО ИРЛИ, ф.690, оп.3, № 184). Через некоторое время он перебрался в Пермь, а в 1899 г. оказался в Москве. Переезд в Москву, один из политических центров России, стал, по-видимому, решающим в его жизни. В самоопределении Е. Н. Косвинцева — научные интересы или общественные — не последнюю роль сыграл его земляк Михаил Андреевич Ильин (известный впоследствии писатель Михаил Осоргин, участвовавший в революционном движении партии эсеров, бывший эмигрантом при царской власти, не принявший большевистского переворота и оказавшийся после 1917 г. во второй политической эмиграции).³⁰ В биографических справках о писателях-пермяках, присланных в 1926 г. П. С. Богословскому, Е. Н. Косвинцев вспоминал одну из своих встреч с М. А. Ильиным в библиотеке Румянцевского музея: «Узнав, что я читаю какой-то фолиант по археологии, он смеясь посоветовал мне:

— Брось это старье и займись лучше изучением Карла Маркса.

— А что посоветуешь читать?

— Ну, конечно, „Капитал“, а затем вот Бельтова прочти, — и М. А. показал мне книгу Бельтова „Монистический взгляд на историю“.³¹ Я послушался доброго совета и уже на

следующий день сидел за чтением первого тома „Капитала“ К. Маркса» (РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 5, № 15, л. 9).

В Москве Е. Н. Косвинцев пишет для «Русского слова» (1894—1917, издание И. Д. Сытина), «Русских ведомостей» (1863—1917), «Раннего утра» (1907—1917), «Новостей» (1908—1909). Сострудничал Е. Н. Косвинцев и с петербургскими газетами: «Страна» (1906—1907), «Биржевые ведомости» (1880—1917), «Неделя» (1868—1901, издание В. П. Гайдебурова), «Сын отечества» (1862—1900, 1904—1905). Сообщает Е. Н. Косвинцев и о своих связях с поволжскими газетами (нижегородский «Волгарь» и ярославский «Северный край»), а также с «Владимирской газетой».

По свидетельству П. М. Сивкова, в 1907 г. Е. Н. Косвинцев вернулся в Екатеринбург, где собирался издавать литературный журнал «Утесы». Издание не состоялось. В 1910 г. Е. Н. Косвинцев уже в Пскове, работает в газете «Псковская жизнь». Нам удалось выяснить, что с марта 1912 г. Е. Н. Косвинцев жил в Харьковской губернии в уездном городе Сумы, куда он был приглашен в качестве заведующего редакцией газеты «Сумской вестник». Однако отношения с редакцией, допустившей ряд нечистоплотных поступков, у Е. Н. Косвинцева не сложились. В начале 1914 г. он вынужден был оставить работу в «Сумском вестнике». Тогда же он, в противовес данной газете, задумал свое издание — «Сумская жизнь». Эта газета издавалась с 23 апреля и просуществовала до 21 декабря.

Октябрьскую революцию, в отличие от своего земляка М. Ильина (Осоргина), Е. Н. Косвинцев принял, по-видимому, безоговорочно. В период Гражданской войны он работал в советских газетах «Знамя революции» (казанская газета, основанная в 1917 г. и впоследствии преобразованная в главную газету Татарии «Советская Татария»), «Бедняк» (вероятно, также казанская газета 1918—1919 гг.), «Беднота» (возможно, это была газета г.Дмитровск Орловской губернии, издававшаяся в 1919—1922 гг.), «Искра» (кунгурская газета, основанная в 1921 г.), и наконец, в «Известиях Пермского губисполкома» (основана в 1918 г., впоследствии преобразована в главную газету Перми «Звезда»). Одно время Е. Н. Косвинцев заведовал отделом социального обеспечения в своем родном городе Кунгуре. С 1923 и вплоть до своей смерти 24 июня (по другим сведениям 25 июля) 1930 г. он являлся хроникером главной газеты советской России «Прав-

да» и жил, как следует из его писем к П. С. Богословскому, во втором Доме советов (бывшая гостиница «Метрополь»).

Словарь И. Ф. Масанова фиксирует 11 псевдонимов, которыми пользовался Е. Н. Косвинцев: Б. Годунов, В. Григорьев, Е. Двинский, Депид, Е. К., Е. Калитин, Кимров, Кунг, Пимен Уральский, Е-цев, Е. Чудский.³²

В газетах Е. Н. Косвинцев выступал не только как журналист, но и как карикатурист. В революцию 1905—1907 гг. карикатуры Е. Н. Косвинцева носили политический характер и печатались в газетах «Искры» (приложение к «Русскому слову»), «Новостях дня», «Раннем утре», «Московской газете» и др. В биографической справке П. С. Богословского говорится: «Всего с 1905 по 1917 г. Е. Н. напечатал до 150 карикатур, в которых увековечил Витте, Дурново, Столыпина, Победоносцева, Пуришкевича, Гучкова и многих представителей тогдашних политических партий. Карикатуры печатал за полной подписью и монограммами Е. К., К, Ре».³³

Просмотр журнала «Искры» убеждает, что в 1906 г. Е. Н. Косвинцев был одним из ведущих карикатуристов этого иллюстрированного издания. Его карикатуры политического характера (за полным именем или за псевдонимами Е. К., Е. Кос., Е. Косв.) появлялись почти в каждом номере. Основные сюжеты развивались вокруг Государственной Думы, различных партий и министров: «Длинная, но не бесконечная „партия“» (№ 7. С.19), «Гр.Витте в раздумье» (№ 7. С.22), «Отголоски съезда „Союза 17 октября“» (№ 9. С.52), «Около аграрного вопроса» (№ 10. С.71), «Наши бюрократы. Витте. Дурново. Акимов» (№ 16. С.166), «Столыпин» (№ 22. С.359), «Победоносцев на пути в Крым» (№ 24. С. 292) и т. д. В следующем 1907 г. Е. Н. Косвинцев продолжает столь же активно сотрудничать с «Искрами»: «Новогодние мечты и проекты» (№ 2. С. 11), «Гучков» (№ 3. С. 19), «Переговоры левых с петербургскими кадетами о предвыборном блоке» (№ 5. С. 35), «В Государственной Думе» (№ 17. С. 134) и т. д.

Как журналист, Е. Н. Косвинцев хорошо знал пишущую братию родного Пермского края, что помогло ему впоследствии внести свой скромный вклад в сохранение для истории некоторых сведений о литературных процессах в Перми. Он прислал П. С. Богословскому материалы, которые тот использовал в статье «Из материалов по истории литературы и печати в Пермском крае (краткое предварительное сообщение)».

Живя в 1920-е гг. в Москве, Е. Н. Косвинцев продолжал с большим интересом следить за культурной жизнью Перми. Поэтому он охотно, как следует из его писем к П. С. Богословскому, взял на себя заботу о распространении в столичных магазинах «Пермского краеведческого сборника», издаваемого под редакцией П. С. Богословского Кругом по изучению Северного края.

Интерес к культуре родного края очень рано сформировал в Е. Н. Косвинцеве уважение к музейному делу и именно музейные, а ни какие другие, интересы заставили Е. Н. Косвинцева начать в 1926 г. переписку с П. С. Богословским, которая является для нас важным источником для восстановления биографии Е. Н. Косвинцева. Дело в том, что всю жизнь Е. Н. Косвинцев собирал коллекцию народных лубочных картинок. Этот вид фольклорного изобразительного искусства, как следует из писем, поразил его еще в детстве. В 1920-е гг. косвинцевская коллекция лубка составляла 200 листов. Заботясь о ее сохранности, собиратель задумал отдать собранные им народные картинки в один из уральских музеев, о чем просил содействия П. С. Богословского. Как следует из письма от 6 февраля 1927 г., свою коллекцию он передал в Пермский художественный музей. В настоящее время собрание лубка в местной художественной галерее составляет 148 листов.³⁴

Любовь к родному краю вполне логично обратила внимание Е. Н. Косвинцева на еще одну сторону русской культуры, входящую в сферу интересов краеведения, — на устную народную поэзию. Правда, следует сказать, что фольклористика была только краткой страницей в его биографии. В 1897 г., в ранней юности, в руках Е. Н. Косвинцева оказались тексты трех былин из Кунгурского уезда Пермской губернии. Это записанная им самим в деревне Косвинцево Асовской волости от шестидесятичетырехлетнего крестьянина Никиты Косвинцева былина «Буян-богатырь»; былина «Дюк Степанович» в его же записи от кунгурской обывательницы Анны Андреевны Барановой, сообщившей, что она выучила этот текст в детстве от некоей старухи из села Кудымкор Соликамского уезда; а также былина о Чуриле Пленковиче, записанная учителем М. П. Розановым в деревне Беркутово Филипповской волости от Ивана Шубина, 45 лет. Попав через два года в Москву, Е. Н. Косвинцев познакомился со студентом Московского университета А. В. Марковым (1877—

1917), будущим видным фольклористом, открывателем песенно-эпической традиции на Зимнем берегу Белого моря (см.: Марков А. В. Беломорские былины. М., 1901), и передал ему свои былинные материалы. А. В. Марков сразу же опубликовал их в «Этнографическом обозрении».³⁵ Позднее косвинцевские старины были републикованы В. Ф. Миллером (БНиНЗ № 10, 58, 82).

Записи Е. Н. Косвинцева, при всем их внешнем несовершенстве (каждый из трех текстов незакончен), имеют для былиноведения неопределимое значение. Они неоспоримо свидетельствуют о том, что в XIX в. в Пермской губернии еще существовала живая песенная былинная традиция. Значение этих материалов было высоко оценено уже А. В. Марковым, который писал в своей статье: «... новые записи представляют немаловажное значение как потому, что содержат сравнительно малоизвестные былины, так и потому, что они сделаны на переходе из европейской России в Сибирь и в силу этого могут пригодиться для выяснения вопроса о месте, откуда колонизационное движение занесло в Сибирь старое эпическое достояние великоруссов».³⁶ Отдавал А. В. Марков должное и собирателю: «В заключение мы должны выразить благодарность Е. Н. Косвинцеву за сохранение для науки угадающих остатков русской былевой поэзии и высказать пожелание, чтобы он, когда явится возможность, постарался пополнить свои материалы для изучения былинной традиции в Пермской губернии».³⁷

А. В. Марков, безусловно, понимал, что записи Е. Н. Косвинцева являются весомым аргументом в пользу локализации знаменитого Сборника Кирши Данилова в рамках Уральского региона. Неслучайно летом 1909 г., уже опытным собирателем, он отправился в Пермский край специально для записи былин. Правда, не найдя их здесь, через две недели А. В. Марков круто поменял маршрут и выехал на Белое море.³⁸ К сожалению, и Е. Н. Косвинцев также более не возвращался к былинам.

Надо сказать, что Е. Н. Косвинцев, выросший в маленьком провинциальном городке, сам был носителем песенной фольклорной традиции. Об этом свидетельствует дополнение от редакции журнала «Этнографическое обозрение» к статье Ф. Нефедова, публиковавшего костромские песенные тексты о Степане Разине. В дополнении к этой статье редакция печатает песню о Разине, записанную от Е. Н. Косвинцева.³⁹

Вхождение в среду «Этнографического обозрения», без сомнения, давало Е. Н. Косвинцеву шанс стать видным деятелем науки об устной народной культуре. Напомним, что в эти же годы сарапулец Н. Е. Ончуков, так же, как и Е. Н. Косвинцев, не имевший ни высшего, ни гимназического образования (и, кстати, также отдавший дань журналистике), приезжает в Петербург, сближается с Русским географическим обществом и вскоре становится одним из самых деятельных его сотрудников. Впоследствии открытие былинной традиции на р. Печоре и издание сборника севернорусских сказок выдвинуло Н. Е. Ончукова в ряды выдающихся собирателей русской народной поэзии.⁴⁰ Е. Н. Косвинцев же, как мы уже говорили выше, без остатка посвятил себя журналистике.

Следует упомянуть о еще одном эпизоде в истории пермского былиноведения. В 1900 г. на реке Вишере в Чердынском уезде побывал Н. Е. Ончуков, которому в д. Велгур от Ульяна Паршакова, 70 лет, удалось записать два отрывка про «Микиту Добрыньевича», то есть про Добрыню Никитича. К сожалению, данные тексты собиратель не опубликовал. Н. Е. Ончуков также свидетельствовал, что по его сведениям, некий обрусевший вогул из д. Усть-Ум пел былины; былинщики жили также в д. Акчим и Голосково, но встретиться с ними собирателю не удалось.⁴¹

Последняя страница в пермском былиноведении относится к 1920-м годам и связана с именем Валентина Николаевича Серебренникова (1881—1943), известного пермского собирателя фольклора. Уроженец деревни Верх-Мельничная Андреевской волости Оханского уезда Пермской губернии, сын священника, окончивший Пермскую духовную семинарию, он не пошел по стопам отца, а стал сельским учителем. За знакомство с политическим ссыльным П. П. Одоевским В. Н. Серебренников в 1905 г. был уволен из школы. В течение своей очень неустроенной и нелепой в бытовом смысле жизни В. Н. Серебренникову приходилось сотрудничать в пермских газетах, служить в армии, учиться (и не закончить) в период Гражданской войны в только что открытом Пермском университете, быть активным членом Кружка по изучению Северного края, руководимого П. С. Богословским, работать статистиком в Кунгуре, организовывать там краеведческое общество, всеми силами содействовать в 1925 г. изданию журнала «Кунгурско-Красноуфимский край», перебиваться разными работами в 1930-е годы — и умереть 23

января 1943 г. фактически от дистрофии в нетопленной комнате в Перми.

Всю свою жизнь В. Н. Серебренников собирал фольклор родного края. Часть его коллекции была опубликована в различных периодических изданиях, а уже много после смерти фольклориста эти публикации были объединены в книге «Меткое слово». ⁴²

В 1924 г. в первом выпуске «Пермского краеведческого сборника», издания Кружка по изучению Северного края, в котором студент Пермского университета В. Н. Серебренников являлся секретарем, были опубликованы его фольклорные материалы, озаглавленные «Из Оханского фольклора». Среди прочих записей здесь были и две былины: один текст на сюжет «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича» из с.Ножовка Оханского уезда и второй — начало былины, которую можно рассматривать и как тот же сюжет о Добрыне и Алеше, и как «Добрыня и Змей» (запись была сделана в деревне Желнят Бердышевской волости Оханского уезда от Настасьи Евсеевны Лошкаревой, 45 лет). ⁴³

Заканчивая разговор об истории пермского былиноведения, укажем еще на один текст, названный былиною — «Илья Муромец на Каменном поясе и Сибирской земле» из сборника Л. Л. Христиансена. Этот текст был записан в 1958 г. от пещельницы Е. П. Ключниковой, уроженки д. Глухих Камышловского уезда и сопровождается следующей легендой: «Ключникова слышала былину в детстве от своей бабушки Деревиной Ю. П., родившейся в 1851 г. в г. Камышлове и умершей там же в 1942 г. Деревина знала былину от родителей, выходцев из д. Булдаково Камышловского уезда Пермской губернии». ⁴⁴ Однако следует сказать, что данный текст — это плод индивидуального творчества Е. П. Ключниковой. Сюжет «былины» развивается таким образом: Илья Муромец упрекает князя за то, что тот посадил его ниже княжичей, берет торбу с зерном и сошку кленовую и уезжает в Ростов, но попадает сразу к Поясу Каменному (то есть на Урал); кобылка Ильи Муромца пугается гор, герой упрекает ее в обычных выражениях; конь ударяет ногой трижды и слышится звон медный, серебряный и золотой — так богата уральская земля; Илья пашет землю, засеивает белояровую пшеницу и мечтает пригласить на пир гостей; однако приходит вражеская рать басурманская; Илья Муромец хватает сошку кленовую и побивает ею врага:

Не искал себе славу бранную.
Сам-то враг пришел, пусть и смерть берет,
Пусть узнает он силу русскую;

после этого богатырь идет на гору, где и стоит он до сих пор, охраняя родной край.⁴⁵

Индивидуальная природа «былины» не требует доказательств, тем более, что в примечаниях к сборнику говорится, что Е. П. Ключникова — «автор многих интересных песен современного содержания». Е. П. Ключникова — не единственный уральский носитель фольклорной традиции с ярко выраженным индивидуальным началом. Таковой же была и К. С. Копысова — автор сказов о Ермаке, Пугачеве, старобрядцах и т. д.⁴⁶ Таким образом, текст «Илья Муромец на Каменном Поясе и Сибирской земле» выводится нами за пределы былинной традиции и в нашем издании не рассматривается.

Наконец, приведем несколько косвенных свидетельств об уральской былинной традиции. На существование в недавнем прошлом песенных эпических форм на Урале в 1928 г. указывал Н. Е. Ончуков.⁴⁷ Былинные образы находили воплощение и в прозаических формах. В автобиографической повести известного поэта Степана Щипачева «Березовый сок», уроженца Камышловского уезда, Илья Муромец, напрмер, упоминается в контексте легенды, архетипом которой является мотив о демиурге — творце ландшафта: «Ездили мы с отцом — это еще было до военной службы — к Сухому Логу за бревнами. Лес вокруг — неба не видно. Сосны прямые, звонкие — терема рубить из таких сосен. А в одном месте, на болоте, все сосны были перекорежены, с корнем выворочены. Тамошние мужики сказывали нам, будто Илья Муромец баловался тут: поспорил с мужиками на ведро водки — и давай лес корежить».⁴⁸

Еще одно косвенное указание на актуальность эпической традиции для Урала содержится в названном выше сборнике К. С. Копысовой. Дед сказительницы «рассказывал детям былины об Илье Муромце, Соловье-разбойнике, о Добрыне и змее. Змей походил в его рассказе на полоза местных легенд, а герои былины действовали не в опаленных южных степях, а в таежных урманах, в дремучих лесах Урала. Дед был грамотен и многие былины вычитывал из печатных сборников».⁴⁹ Как видим, здесь также говорится о прозаических формах эпоса — явно вторичных, к тому же почерпнутых из книжных источников.

Такова история собирания былин в Пермско-Вятском крае.

М. Г. Китайник, в свое время сделавший краткий обзор уральской фольклорной традиции, писал, что в XIX и первой четверти XX вв. на Урале было записано 30 былевых песен.⁵⁰ Нам не понятно, откуда взялась эта цифра. Мы оперируем 9 текстами, в которых представлены 9 (или 10) сюжетов.

* * *

Как показал наш обзор, на территории Пермско-Вятского края былины были зафиксированы в нескольких точках. Самые значительные записи относятся к Кунгурскому и Оханскому уездам, то есть к регионам, расположенным вблизи от губернского города — к югу и востоку от него. Сюда же примыкает и территориально им близкая запись из Глазовского уезда Вятской губернии. Ссылка сказительницы А. А. Барановой, с которой работал Е. Н. Косвинцев, на Соликамский уезд, позволяет предположить, что во второй половине XIX в. и в этом уезде, северном по отношению к Перми, также пелись былины. Прозаическая запись былины о Василии Буслаеве, опубликованная в сборнике А. Н. Афанасьева, предположительно может быть отнесена к Ирбиту (ныне Екатеринбургская область). Былина «Аксенко» относится к Шадринскому уезду, то есть к югу Пермского края.

Немаловажным аспектом бытования былин в здешнем регионе является их бытование в заводской среде. Напомним, что записи производились в Песковском заводе Вятской губернии (сюжет «Илья Муромец на Соколе корабле» в записи М. К. Селивановского) и в Полевском заводе Екатеринбургского уезда (былина о Марье Юрьевне в записи П. М. Вологодского). Полагаем, что эти свидетельства необходимо учитывать при изучении фольклорного репертуара раннезаводских рабочих.

1. Былины об Илье Муромце в Пермском крае по рассматриваемым записям представлены только сюжетом «Илья Муромец на Соколе-корабле» (Селивановский), записанным в Глазовском уезде. Как уже говорилось, былина исполнялась на Рождество детьми в качестве обрядовой коляды. Этот текст в

целом близок к вологодской версии сюжета, что подтверждает нашу мысль о генетических связях былинных традиций Перми Вычегодской и Перми Великой (равно, по-видимому, как и Вятского края). В конце былины следует полнообъемный текст коляды, что позволяет наглядно представить, как контаминировались произведения этих двух жанров.

Первые строки былины о Соколе-корабле оказались зачинообразующими и для величальной песни свадебного обряда г. Чердыни. В новой серии П. В. Киреевского приведен текст величания женатой паре со следующим началом:

Как бы по морю, морю,
Вью, вью, вью радость моя!
По синю, по Хвалынску,
Вью, вью, вью радость моя!¹

Далее с использованием приема параллелизма разворачивается картина диалога серой уточки и селезня и, соответственно, величаемой женщины и ее мужа. Данный текст, таким образом, подтверждает ту тенденцию, которую мы отметили на материале северодвинской традиции — включение былины о Соколе-корабле в свадебный обряд и дальнейшую полную трансформацию эпического текста (а вернее, его отдельных фрагментов) в обрядовый.

2. К циклу былин об Илье Муромце мы относим и сюжет «Буян-богатырь» (Косвинцев № 1). Этот текст можно рассматривать как былину-новообразование, сложившуюся в условиях угасания песенно-эпической традиции. А. В. Марков, публикуя данный текст, высказал небезосновательное мнение, что он родился из сюжета об Илье Муромце, явившемся незваным под именем Никиты Заолешанина на пир к князю Владимиру. В пермском варианте Буян-богатырь входит в горницу неназванных хозяев, причем волочет полы шубы по полу (ср. соответствующий акт неуважения Ильи Муромца к подарку князя Владимира), толкает под бока сидящих гостей, не молясь, садится за стол и выпивает чару зелена вина, после чего уходит, хлопнув дверьми; хозяева просят гостей не выражать свое возмущение, боясь, что Буянушко может вернуться. Поведение Буяна-богатыря, действительно, напоминает Илью Муромца, каковым он предстает в названном выше сюжете.

Однако не исключено, что в создании былины-новообразовании о Буяне сказалоcь также влияние сюжета «Василий Буслаев и новгородцы». В пермском варианте этого сюжета соответствующая картина рисуется следующим образом: «Вот однажды у старика (старишши) Угру(ю)мища сделались пир и беседа; он не позвал на него своего любимца Василья Буславича. Пришел сам Василий Буславич на пир на беседу; из переднего угла гостей повыхватал, со скамеечки повыдергал, проводил на новы сени с черным вязом». В тексте «Буян-богатырь» читаем:

Он во горничю фходил — не здоровалса,
Он и красному углу не кланелса,
Он и добрым-те хозяевам не куцился,
Гостей под бока толкал, робят под столы пинал.

Образ Буяна-богатыря сказителем трактуется явно как негативный: он ведет себя так, как ведут враги русской земли. Буян-богатырь в красном углу не кланяется, за стол садится — не молится. Поведение Василия Буслаева также в пермской былине подвергается осуждению. После победы над горожанами герой признается матери, что он пролил много крови: «Вот мать на него осерчала, сделала ему корабь (корабль), набрала людей и отправила по морю; сказала ему, чтоб ехал он, куда(ы) хочет, и рукой вслед (ему) махнула». Названные детали, как мы полагаем, позволяют видеть в былине о Василии Буслаеве второй, помимо сюжета об Илье Муромце-Никите Залешанине, источник новообразования о Буяне-богатыре.

3. Сюжет «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича» зафиксирован в деформированном песенном варианте, в котором кратко излагается фабула названной былины (Серебренников № 1). Добрыня Никитич, как и его жена, здесь по имени не назван. Былина сохранила лишь имя Олеша Поповича, за которого герой наказывает своей жене не выходить замуж, не объясняя, впрочем, причину такого запрета.

Текст Серебренников № 2 являет собой начало былины, где дается картина того, как не названный по имени герой просит у родимой матушки Олены Тимофеевны благословения, чтобы ехать в чисто поле с «товаришшами повидатися, со могучими богатырями побарахтатися». Этот фрагмент

можно рассматривать как начало того же сюжета «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича» или же как эпизод сюжета «Добрыня и Змей».

Обращает на себя внимание то, что типическое место «герой просит благословения у матери» в обоих текстах Серебрянникова строится на одних и тех же образах с использованием художественного тропа отрицательный параллелизм — хрестоматийный, широко распространенный образ клонящейся к земле березы:

В тексте Серебрянников № 1:

Не сырой дуб трекольчетой шатаетца,
Не белая береза к земле клонитца,
Сын перед матерью кланеетца,
Просит благословленьца великова...

В тексте Серебрянников № 2:

Невдале-то было не во далече,
Во чисто-то поле во роздольице,
Там не белая березонька шатаетца,
Не сырой дуб к земле клонитца,
Кланеетца сын да перед матерью,
Он просит у матушки благословленьцо...

В обоих текстах есть также образ «сивого коня»: в тексте Серебрянников № 1 помимо благословения сын просит у матери «И коня сивова и синегривова»; в тексте Серебрянников № 2 герой просит «не седланова сивова жеребца».

4. Сюжет «Чурило Пленкович» в Пермском регионе представлен песенным вариантом, в котором полно и объемно излагается начало былины — присутствие на пиру у князя Владимира красавца и щеголя Чурилы, на которого загляделась молодая княгиня (Косвинцев № 2).

Весьма примечательно также то, что былина, как и тексты Серебрянникова о Добрыне Никитиче, начинается с отрицательного параллелизма:

Не во стольном ли городе Киеве,
Не на том ли пиру да на княжецком,
Там не красная девича красовалася,
Там не белая лебёдушка миловалася:
Сидел-то сидел там удалой молодець
Цюрило свет сын Пелёнковиць.

Данный образец отрицательного параллелизма (не красная девица красовалася, не белая лебедушка миловалася), судя по указателю Ф. М. Селиванова⁵² (индекс 254 (6).1.1 в разделе «Отрицательный параллелизм»), в русской былинной традиции зафиксирован только единожды в данном пермском тексте. Столь же уникально, как следует из материалов Ф. М. Селиванова, и следующее сравнение, использованное при рисовке образа Чурилы:

Не шумливой он, как вёшная вода,
Не крикливой он, как воронушка,
Не спесиф он, как попофской сын.

(в указателе Ф. М. Селиванова данные сравнения зафиксированы под индексами 19.1.1; 137.7.1; 259.1.1 в разделе «Сравнение»).

Сам же образ «не крикливого, не шумливого, не спесивого» Чурилы Пленковича прямо противоположен тому образу, который рисуется в тексте из Сборника Кирши Данилова (КД № 18). Как известно, там на поведение Чурилы, притесняющего мужиков охотников и рыболовов, к князю Владимиру поступают жалобы. Дружина же Чурилы выглядит как грозное посольство ордынцев. Эти детали позволяют нам отнести кунгурский текст о Чуриле Пленковиче и вариант из Сборника Кирши Данилова к разным региональным традициям.

5. Сюжет «Дюк Степанович» в пермском песенном варианте также представлен только началом (Косвинцев № 3): детально и красочно описывается выезд Дюка Степановича, богатство его костюма и снаряжения. Здесь, заметим, использован все тот же прием отрицательного параллелизма:

Из-за тех-ту ли гор высокиих,
Што из тех-ту ли темных лесов,
Не яснóй тут соко́личёк выпóрхивал,
Не молодинькой речет вылётывал:
Выходил, выезжал тут добрый мóлодец,
Свет Дюк-от да сын Степанович.

В тексте присутствует и образ сивого коня, характерный для для пермских былин о Добрыне Никитиче.

Мы специально обратили внимание на то, что на малом текстовом пространстве пермских былин, записанных в Кунгуро-Оханском микрорегионе (139 строк во всех пяти сти-

хотворных текстах записи Е. Н. Косвинцева и В. Н. Серебренникова), четырежды встретился художественный прием отрицательного параллелизма. Можно предположить, что этот прием был некогда одним из определяющих элементов в поэтике былин местного региона. В сборнике же Кирши Данилова в полноценных и полнообъемных былинных текстах отрицательный параллелизм не встретился ни разу.⁵⁸ В киршевском варианте «Дюка Степановича» образы ясного сокола и белого кречета составили другой троп — положительный параллелизм:

Из тое Корелы богатая
Как есён сокбл вон вылетывал,
Как бы белой кречет вон выпархивал, —
Выезжал удача доброй молодец

(КД № 3).

Образ сивого коня у Кирши Данилова также отсутствует; здесь обычной является формула «добрый конь». Данные факты подтверждают тот вывод, который мы сделали относительно сюжета о Чуриле Пленковиче: традиции Кунгуро-Оханского былинного очага и былин, представленных в Сборнике Кирши Данилова, — это существенно разные эпические традиции, а следовательно, Сборник Кирши Данилова должен быть локализован не в здешнем микрорегионе, а в иной точке Урала.

6. Сюжет «Василий Буслаев и новгородцы» представлен в прозаическом пересказе, в котором сказываются следы ритмического построения (Аф., Вып. 1, № 11 — по первому изданию; Аф., II, № 311 — по изданию Л. Г. Барага и Н. В. Новикова). Сюжет изложен довольно полно, в тексте сохранились имена Буслава, Василия Буславича, Ванильфы Тимофеевны, старика Угрумища, однако название самого Новгорода оказалось забытым. Для пермской былины стали актуальными другие географические реалии — река Обь. Данная деталь, кстати, является дополнительным аргументом в пользу того, чтобы локализовывать этот текст в Зауралье — в Ирбите. Интересной особенностью текста является то, что Василий Буслаев договор о побоище заключает не с городом, а с самим Угрумищем, который говорит: «Тебе не выпить из Оби воды, не выбить из граду людей».

Все эти детали свидетельствуют о том, что перед нами поздняя версия сюжета. Тем не менее здесь сохранились формулы с глубоким мифологическим подтекстом: «Отдала Ванильфа Тимофеевна своего сына любимого старику Угрумищу учить — во листы писать; а выучился Василий Буславич не во листы писать, а выучился соколом летать». Как известно, на сюжетном уровне мотив оборотничества в русском эпосе развернут в былине о Волхе Всеславьевиче; с образом же Василия Буслаева он не связан. Пермский текст сохранил намек на возможность того, что когда-то этот мотив был присущ образу новгородского богатыря.

7. Сюжет «Поездка Василия Буслаева в Иерусалим» изложен в кратком виде во второй части названного выше текста из сборника А. Н. Афанасьева. Любопытен здесь образ Морской Пучины, соединивший в себе традиционную богатырскую голову, которую попинывает Василий Буслав, и камень, через который неудачно прыгает герой.

8. Сюжет «Аксёнок», представленный в прозаическом пересказе (Зырянов), на первый взгляд, должен быть квалифицирован как былина-новообразование. Содержание здесь следующее: Аксенко не захотел кормить отца и мать и ушел из дома, в темном лесу он встречается разбойников и предлагает им поделиться с ним золотой казной; разбойники отказываются и Аксенко побивает их сырым дубом, не оставив никого на семена; герой едет в кабак и приглашает голей кабацких на пир; монастырщики подозревают, что Аксенко ограбил Микольскую церковь, хватают его и ведут казнить-вешать; Аксенко просит выпить «зелена вина да полтора ведра», его «могучие плечи расходились», он хватает мужика и им как оружием побивает всех вокруг, после чего возвращается домой, чтобы кормить отца и мать.

Нетрудно заметить, что в этом тексте сказываются отголоски былинного сюжета «Илья Муромец и разбойники»; правда, в классической версии былины не Илья ведет себя агрессивно по отношению к разбойникам, а разбойники, позарившиеся на его коня и кунью шубу. Здесь же инициатором ссоры становится сам Аксенко. Эпизод с пиром, на который герой приглашает голей кабацких, также напоминает

один из мотивов, связанных с образом Ильи Муромца. Сцена с казнью вызывает в памяти другую былинку — о Василии Окуловиче и царе Соломане. В параллель к «Аксенко» естественным образом напрашивается известная песня о молодце на правеже. «Аксенко», как видим, ткется из мотивов, разработанных в классических былинных сюжетах и произведениях песенного характера, и это, без сомнения, является признаком позднего происхождения данной былинки.

Тем не менее мы склонны рассматривать «Аксенко» не как былинку-новообразование, а как хотя и поздний, но все-таки традиционный былинный сюжет. Понятие былина-новообразование было в свое время введено и подробно обосновано А. М. Астаховой, посвятившей данному пласту песенной эпике отдельную главу в своей монографии «Русский былинный эпос на Севере».⁵⁴ Увлеченная тезисом о творческом бытовании былин в крестьянской среде (в противовес мнению В. Ф. Миллера, который, отстаивая теорию аристократического происхождения былин, утверждал, что крестьяне не создали новых эпических сюжетов), исследовательница, наряду с известными текстами М. С. Крюковой, сказительницы с Зимнего берега Белого моря, в круг былин-новообразований ввела сюжеты «Бой Ильи Муромца и Добрыни», «Бой Добрыни и Дуная», «Идолище сватается к племяннице князя Владимира». Мы полагаем, что подобные произведения, повествующие о популярных былинных персонажах и зафиксированные в нескольких вариантах из разных регионов, надо считать традиционными, хотя и поздними былинами. Сюда же примыкают и былины о персонажах, не входящих в круг былинных героев («Бутман», «Рахта Рагнозерский», «Лука Данилович, Змея и Настасья Салтановна» и др.), но также записанные в нескольких вариантах.

Под новообразованиями же мы понимаем произведения, которые являются явными осколками эпического знания, возникающими на основе забытых сюжетов (типа приладожской былинки «Ярюк богатырь и Алеша Попович», вологодского текста «Микита Романович» или пермского «Буян-богатырь»). Среди новообразований выделяется также особый пласт произведений, в которых преобладает индивидуальное начало (былины Марфы Крюковой). Отличие этих индивидуальных новаций от новообразований-угасаний заключается в том, что они в силу разных причин возникают в творчестве сказителей, прекрасно владеющих былинной традицией.

Пермская былина «Аксенко» в рамках наших рассуждений никак не может считаться ни новообразованием, возникшим в условиях угасания былинной традиции, ни индивидуальной новацией, так как она известна в нескольких вариантах, происходящих из разных регионов, удаленных друг от друга на тысячи километров. В 1861 г. П. Н. Рыбников записал от Козьмы Романова из Кижей былинку «Об уда-лом добром молодце и казне сорок тысячей» (Рыбников. 3-е изд. Т. 1. № 47). Здесь безымянный добрый молодец отнимает у разбойников золоту казну, пирует в Москве в царевом кабаке, после чего служки монастырские его обвиняют в том, что он якобы ограбил Румянцев монастырь, но в результате допроса царем Петром Алексеевичем выясняется истина. В 1871 г. А. Ф. Гильфердинг повторил запись от К. Романова (Гильф., II, № 95 — под заглавием «Царь Петр»). Ту же версию с Петром I мы находим и в нижегородской песне о праже (Кир., VIII, с. 33—35).

На западном берегу Белого моря в 1900-х годах в деревне Гридино А. В. Марковым была записана другая версия этой же былины. Здесь герой назван Оксенко (как и в пермском варианте), действие перенесено в Вологду, а обвиняется герой в ограблении «Миколы Можаньского» (ср. пермский вариант) (БНиНЗ № 98). Гридинская былина оказывается тесным образом сопряжена с киевским циклом. Оксенко при встрече с разбойниками ведет себя точно так же, как Илья Муромец. Насмешливо говорит им, что у него у старого пуговки в тысячу рублей, а куньей шубе цены нет. С разбойниками он расправляется по-богатырски: хватает одного из них, называя татаринном, и побивает других, действуя им как дубиной. В конце былины Оксенко едет в Киев к князю Владимиру.

Эта же версия (с именем Оксенко и упоминанием Вологды) реализуется и в тексте известного сказочника М. М. Коргуева из беломорского села Кереть.⁵⁵ В коргуевском варианте былина имеет продолжение: Оксёнышко вместе с Дунаем добывает для князя Владимира Красна Солнышка Опраксу королевешну (то есть здесь мы находим контаминацию с сюжетом «Дунай-сват»). Сюжет об Аксенко здесь, таким образом, оказывается в еще большей степени прикрепленным к киевскому былинному циклу.

Былина об Аксенко известна и в восточной части Беломорья — на Зимнем берегу. Прозаический пересказ записан

в 1899 г. А. В. Марковым (Марк. № 86) от Г. Л. Крюкова, который, кстати, указал на то, что слышал данный сюжет от крестьян с верхней Мезени; песенный вариант представлен в творчестве М. С. Крюковой (Крюк., II, № 105). В здешнем регионе герой носит имя Арсенко; действие происходит в Вологде; царем, допрашивающим Арсенко, по версии М. С. Крюковой становится Иван Грозный, который и зовет героя в конце былины жить в Москве. Содержание былины в целом увязано с преданием о намерении Ивана Грозного сделать Вологду столицей — второй Москвой.

Сюжет об Аксенко получил в былиноведении историческую интерпретацию. М. Н. Сперанский считал, что былина сложилась на основе вологодского предания, согласно которому Иван Грозный, желая перенести столицу в Вологду, отпустил городу большую казну, которая хранилась в местном монастыре и была разграблена.⁵⁶ Таким образом, основной версией былины можно считать восточно-беломорскую, где фабула привязана к Вологде, а время действия — ко второй половине XVI в. А. М. Астахова видела истоки данной былины прежде всего в песне о правеже и создание ее относила к XVIII в.⁵⁷ Не настаивая ни на первой, ни на второй интерпретации данного былинного сюжета, мы хотим подчеркнуть, что «Аксенко» был распространен в пяти разных регионах (Заонежье, восточное и западное Беломорье, Мезень, Шадринский край в Пермском крае), а это дает нам право рассматривать былинку как пусть и позднюю, но все-таки общерусскую.

9. Былина-баллада о Марье Юрьевне в Пермском крае известна в единственном песенном варианте (П. М. Вологодский). Действие здесь развивается достаточно традиционно: в «городе греческом» живет царь Борис Михайлович и царица Марья Юрьевна; Марья Юрьевна просит у мужа разрешения попутаться на Дунай-реке; «злы татарева, Литва поганая» похищают Марью Юрьевну; она просит в тех же выражениях у татар разрешения погулять на Дунай-реку; завидев колоду кипарисову, героиня умоляет отвезти ее на святую Русь. Текст выглядит вполне законченным, хотя очевидно, что концовка былины забыта исполнительницей: о возвращении героини на Русь здесь ничего не говорится.

Подводя итоги данной главы, следует сделать следующие выводы. Исходя из истории заселения Пермского края можно с большой долей вероятности предполагать, что здешняя былинная традиция является продолжением традиции Перми Вычегодской (Великий Устюг — Сольвычегодск — Лальск), которая, к сожалению, как мы показали в главе о вологодских былинах, к XIX в. сохранила для нас лишь былинку-виноградье «Илья Муромец на Соколе-корабле». Равным образом Пермский край наследовал традицию Северной Двины и Ваги, с которыми был тесно связан экономически.

Далее. В Пермском крае определенно четко выделяется Кунгуро-Оханский микрорегион. Именно здесь были записаны известные нам песенные варианты былин. Местная традиция представлена исключительно либо в деформированных текстах, схематично излагающих сюжет («Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича»), либо во фрагментах, где дается начало определенного сюжета («Чурила Пленкович», «Дюк Степанович»), либо в былинах-новообразованиях («Буян-богатырь»). Все это свидетельствует о том, что кунгуро-оханская былинная традиция была застигнута собирателями в период ее окончательного затухания. Вероятно, можно говорить о том, что этап, на котором был зафиксирован Кунгуро-Оханский очаг в 1890-е—1920-е гг., тождествен тому состоянию, в котором некогда мощная заонежская традиция оказалась в 1960-е гг.

Малое текстовое пространство кунгуро-оханских былин существенно ограничивает исследовательские возможности. Тем не менее отдельные детали (широкое распространение приема отрицательного параллелизма, наличие образа «сивого коня», особенности прорисовки образа Чурилы Пленковича) позволили нам сделать вывод о том, что Кунгуро-Оханский былинный очаг являет собой существенно иную региональную традицию по сравнению с былинами Сборника Кирши Данилова. На основании документальных данных, приведенных И. Шакинко и А. А. Гореловым, мы условно относим былины Кирши Данилова к Екатеринбургскому очагу. Таким образом, на обширной территории Пермско-Вятского края некогда существовали по крайней мере две значительно разнящихся друг от друга традиции песенного эпоса.

- ¹ О колонизации Вятского края см.: *Эммаусский А. В.* Вятская земля в период образования русского государства. Киров, 1949; *Васенёв Н.* На берегах Вятки (Записки краеведа). Киров, 1954; Луппов П. Н. История города Вятки. Киров, 1958.
- ² О русской колонизации Перми Великой (Прикамья) см.: *Преображенский А. А.* Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в. М., 1956; *Преображенский А. А.* Крестьянская колонизация Кунгурского края в XVII — начале XVIII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1953; *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М., 1972; История Урала с древнейших времен до 1861 г. / Отв. ред. А. А. Преображенский. М., 1989; *Оборин В. А.* О присоединении Перми Великой к Русскому государству в XV веке // Исследования по истории Урала. Пермь, 1976. Вып. 4. С. 3—14 (Учен. зап. Перм. гос. ун-та; № 348); *Оборин В. А.* Возникновение и ранняя история г. Чердыни (XV — XVII вв.) // Из прошлого Чердынского края. Пермь, 1974. С. 11—15; Страницы истории земли Пермской. Ч. 2: Прикамье в XVIII—XX вв.: Учеб. пособие. Пермь, 1997; *Иофа Л. Е.* Города Урала. Ч. 1: Феодальный период. М., 1951.
- ³ Сборник Кирши Данилова / Под ред. П. Н. Шеффера. СПб., 1901. С. XXV—XXVI.
- ⁴ *Будде Е. Ф.* [Рец. на кн.: Сборник Кирши Данилова. СПб., 1901] // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. № 4, Критика и библиогр. С. 521.
- ⁵ *Азадовский М. К.* Русская былевая традиция в Сибири и на Алтае // Былины и исторические песни из Южной Сибири. Записи С. И. Гуляева. Новосибирск, 1939. С. 7—30.
- ⁶ *Кошелев Я. Р.* Вопросы русского фольклора Сибири (дооктябрьский период). Томск, 1963. С. 19—42.
- ⁷ *Миллер В. Ф.* Очерки русской народной словесности: Былины. М., 1897. [Т. 1]. С. 79.
- ⁸ *Богословский П. С.* Песня об Усах из Сборника Кирши Данилова и Камская вольница // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1924. Вып. 4. С. 1—117.
- ⁹ *Горелов А. А.* П. С. Богословский — исследователь Сборника Кирши Данилова // Из истории русской фольклористики. СПб., 1998. С. 286.
- ¹⁰ *Шакинко И.* Кирша Данилов и Урал // Урал. 1989. № 12. С. 145—147; *Горелов А. А.* Кирша Данилов — реальное историческое лицо // Русский фольклор: Эпические традиции. СПб., 1995. Т. 28. С. 97—110.
- ¹¹ *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. М., 1855. Вып. 1. С. 51—53. № 11.
- ¹² Там же. С. 53.
- ¹³ Страницы истории земли Пермской. Ч. 2: Прикамье в XVIII—XX вв.: Учеб. пособие. Пермь, 1997. С. 60.
- ¹⁴ Новгородские былины / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смоленский. М., 1978. С. 387.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Изд. подгот. Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков. М., 1986. Т. 2. С. 456.
- ¹⁷ Песни, собранные П. В. Киреевским. Изданы Обществом любителей российской словесности. М., 1863. Вып. 5, Приложение. С. I—II.
- ¹⁸ Сказки и притчи, записанные в Шадринском уезде / Сообщил А. Н. Зырянов // Пермский сборник. М., 1860. Кн. 2, отд. 2. С. 166—168.
- ¹⁹ О А. Н. Зырянове см.: С. Р. Зырянов Александр Никифорович // Русский биографический словарь. Пг., 1916. [Т. 7]. С. 576—579; *Иванча И. А., Кашеваров М. С.* Александр Никифорович Зырянов // Исетско-Пышминский край: Сб. краевед. статей. Шадринск, 1930. С. 1—10;

- Янко М. Д. Писатель-краевед А. Н. Зырянов // Вопросы истории и теории литературы. Челябинск, 1968. Вып. 4. С. 131—149; Янко М. Д. Литературное Зауралье. Курган, 1960. С. 22—26; Ганина М. А. А. Н. Зырянов (из истории уральской фольклористики и народознания) // Фольклор и литература Урала. Пермь, 1976. Вып. 3. С. 70—90.
- ²⁰ Записки императорского Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1867. Т. 1. С. 659—661. Перепечатано в сборнике Д. К. Зеленина. См.: Велико-русские сказки Пермской губернии: Сборник Д. К. Зеленина. Пг., 1914 (Зап. имп. Рус. геогр. о-ва по отделению этнографии; Т. 41); Велико-русские сказки Пермской губернии: Сборник Д. К. Зеленина / Изд. подгот. Т. Г. Иванова. СПб., 1997 (Studiorum slavico-rum monumenta; Т. 12).
- ²¹ Соколов Б. М. Эпические сказания о женитьбе князя Владимира (Германо-русские отношения в области эпоса) // Ученые записки государственного Саратовского университета: Словесно-историческое отделение педагогического факультета. Саратов, 1923. Т. 1, вып. 3. С. 75.
- ²² Клер О. Отчет о деятельности Уральского общества любителей естествознания за 1887/88 год // Записки Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1889. Т. 2, вып. 1. С. 79—80.
- ²³ Мамин Д. Павел Михайлович Вологодский (Некролог) // Там же. С. 53. — Авт.: Д. Н. Мамин-Сибиряк.
- ²⁴ Две старинные песни, записанные со слов 60-летней крестьянки Полевского завода Афанасии Ушаковой в 1871 году / Сообщил П. М. Вологодский // Записки Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1874. Т. 1, вып. 2. С. 126—128.
- ²⁵ Мелодии к двум старинным песням, записанным П. М. Вологодским // Записки Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1876. Т. 3, вып. 2. — Вклейка после оглавления.
- ²⁶ М. С. Коляда в Песковском заводе // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1895 год. Вятка, 1894. С. 218—219. — Авт.: М. К. Селивановский.
- ²⁷ Селивановский М. К. Заметки об Омутнинских заводах Н. П. Пастухова // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1895 год. Вятка, 1894. С. 186—217.
- ²⁸ Чудова Г. Ф. В те далекие годы. Киров, 1981. С. 58, 83, 92, 127.
- ²⁹ Косвинцев Е. Н. К истории кунгурской археологии // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1926. Вып. 2. С. 181; Богословский П. С. Из материалов по истории литературы и печати в Пермском крае (краткое предварительное сообщение) // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1926. Вып. 2. С. 101; Вишневский В. Журналист, поэт, художник // Звезда. 1958. 4 февр.; Николаев С. Ф. Кунгур. Пермь, 1958. С. 91 (Сер. «Города Пермской области»); Революция 1905—1907 годов и изобразительное искусство: Серия альбомов / Под общей науч. ред. В. В. Шлеева. М.: Изобраз. искусство, 1978. Вып. 2. С. 111; Анисимова Т. Я. Е. Н. Косвинцев: материалы о жизни и деятельности // Страницы прошлого: Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Пермь, 1995. С. 52—55.
- ³⁰ См.: Марченко Т. В. Осоргин Михаил Андреевич // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918—1940. Писатели Русского Зарубежья. М., 1997. С. 297—300.
- ³¹ Имеется в виду книга Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Ответ гг. Михайловскому, Карееву и

- комп.» (СПб., 1895), опубликованная под псевдонимом Н. Бельтов.
- ³² *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1960. Т. 4. С. 248.
- ³³ *Вогословский П. С.* Из материалов по истории литературы и печати в Пермском крае. С. 101.
- ³⁴ См.: Пермская государственная художественная галерея: Краткий справочник. Пермь, 1967. С. 17—18.
- ³⁵ *Марков А. В.* Былины, записанные в Пермской губернии // Этнографическое обозрение. 1899. Кн. 43, № 4. С. 89—94.
- ³⁶ Там же. С. 90.
- ³⁷ Там же. С. 94.
- ³⁸ Подробнее об этой экспедиции см.: *Иванова Т. Г.* Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках. СПб., 1993. С. 43.
- ³⁹ *Нефедов Ф.* Былина о Стеньке Разине, разбойнике, богатыре и чароде // Этнографическое обозрение. 1899. Кн. 43, № 4. С. 108.
- ⁴⁰ О Н. Е. Ончукове подробнее см.: *Иванова Т. Г.* Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках. СПб., 1993. С. 168—186.
- ⁴¹ *Ончуков Н. Е.* О расколе на низовой Печоре. СПб., 1902. С. 18—19. См. также: *Чагин Г. Н.* История в памяти русских крестьян Среднего Урала в середине XIX—XX века: Учеб. пособие. Пермь, 1999. С. 27—28.
- ⁴² О В. Н. Серебренникове см.: *Бурдин В. П.* Про Пехтимку, Искорку и Марфиду Юнделевну // Подвижники культуры Серебренниковы. Пермь, 1991. С. 93—165; *Генкель М. А.* Валентин Николаевич Серебренников // Страницы прошлого: Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Пермь, 1995. С. 143—145; *Меткое слово: Песни. Сказки. Дореволюционный фольклор Прикамья / Собр. В. Н. Серебренников; Сост. и вступ. статья Т. И. Вершинина.* Пермь, 1964.
- ⁴³ См.: *Серебренников В. Н.* Из Оханского фольклора // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1924. Вып. 1. С. 62—63.
- ⁴⁴ *Христиансен Л. Л.* Уральские народные песни. М., 1961. С. 197.
- ⁴⁵ Там же. С. 9—12, ноты.
- ⁴⁶ *Копысова К. С.* Уральские песни и сказания / Записано В. Н. Курбатовой; Под ред. М. Г. Китайника. Свердловск, 1947.
- ⁴⁷ *Ончуков Н. Е.* Из уральского фольклора // Сказочная комиссия в 1927 г. Л., 1928. С. 27.
- ⁴⁸ *Щупачев С.* Березовый сок. М., 1956. С. 48 (Б-ка «Огонек»; № 14—15).
- ⁴⁹ *Копысова К. С.* Уральские песни и сказания. С. 4.
- ⁵⁰ *Китайник М. Г.* Устное поэтическое творчество Урала (очерк) // Ученые записки Уральского государственного университета. Вып. 6: Филологический. Свердловск, 1949. С. 10.
- ⁵¹ Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. М., 1911. Вып. 1: Песни обрядовые. С. 34. № 85.
- ⁵² *Селиванов Ф. М.* Художественные сравнения русского песенного эпоса: Систематический указатель. М., 1990. С. 129.
- ⁵³ Там же. С. 211.
- ⁵⁴ *Астахова А. М.* Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948. С. 136—280.
- ⁵⁵ Сказки М. М. Коргуева / Записи, вступ. статья и коммент. А. Н. Нечаева. Петрозаводск, 1939. Кн. 2. С. 463—480.
- ⁵⁶ Русская устная словесность. Т. 2: Былины. Исторические песни / Под ред. и с вводными статьями и прим. М. Сперанского. М., 1919. С. 251.
- ⁵⁷ *Астахова А. М.* Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948. С. 248—249.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В нашей работе был проанализирован былинный материал из пяти регионов, которые мы условно назвали «малыми» очагами севернорусской былинной традиции. Все рассмотренные территории объединены одним фактором: былины здесь в XIX—XX вв. зафиксированы, но в очень незначительном количестве. Все остальные факторы не могут считаться едиными для всех пяти районов.

Среди рассмотренных регионов выделяются две группы земель, внутри которых территории связаны друг с другом одной историей заселения. Первая группа — это Вологодский край и Пермско-Вятский регион. Как показывают исторические документы, для Вятки и Перми Великой основной метрополией были восточные окраины Вологодского региона (Великий Устюг, Сольвычегодск). Второй метрополией для Прикамья стали Двинские земли.

Традиции Приладожья, Важско-Шенкурского края и Северной Двины, по-видимому, происходят из одной метрополии — Новгорода. Данные регионы находятся на одном водном пути, издревле известном русским людям. Однако эта группа также не монолитна, как и предыдущая. Если Приладожье, является чисто новгородской территорией, то два остальных региона в той или иной степени испытали на себе влияние ростово-суздальской колонизации.

В свете истории заселения севернорусских земель рассмотренные региональные традиции являются разными по своему возрасту. Приладожская, шенкурско-важская и северодвинская могут считаться древними — условно говоря, они восходят к X—XII вв. (время начала освоения нашими предками названных территорий). Однако их древность не означает автоматически, что здесь представлены самые ранние версии былинных сюжетов. Напротив, материал показывает, что зачастую здесь зарегистрированы поздние версии.

Чрезвычайно интересным после того, как мы собрали в единое исследовательское пространство все сведения о вологодской былинной традиции, выглядит этот регион. Вологодский край являлся сферой влияния и Новгорода, и Ростово-Суздальского княжества, причем последнее, кажется, оставило здесь более значимый след, чем новгородцы. На Вологодчине, как мы показали, было записано довольно значительное число былин и зарегистрирован разнообразный спектр сюжетов; данный факт заставляет еще раз усомниться в правильности «новгородской теории» происхождения русского эпоса. Местная былинная традиция на своей территории сохранила два былинных очага: Кириллово-Белозерский и Великоустюгский. Первый из них может рассматриваться как древний (X—XI вв.); второй же — чуть моложе (XII—XIII вв.). Однако несмотря на древность заселения края, мы не можем говорить об особой древности здешних былинных версий. Напротив, былина о Соколе-корабле, характеризующая традицию Устюга — Сольвычегодска — Лальска, явно относится к позднему слою эпоса.

Былинная традиция Вятского и Пермского края — самая молодая из рассмотренных нами. Русский песенный эпос здесь появился в XVI—XVII вв.

Причины малочисленности записей в рассмотренных пяти регионах оказались различными. В Приладожье во второй половине XIX в., когда началось собирание былин, песенно-эпическая традиция, по-видимому, уже находилась в глубоком угасании. То же самое, вероятно, надо сказать и о пермско-вятской традиции, каковой она была застигнута собирателями в конце XIX в.: это уже было время ее затухания. Малочисленность былинных записей из названных регионов, таким образом, обусловлена объективным состоянием традиции на момент, когда с нею впервые познакомились фольклористы.

В Шенкурско-Важском крае и на Северной Двине, на наш взгляд, сработал субъективный фактор: для этих регионов не нашлось энергичных, увлеченных своим делом собирателей. Без сомнения, в 1840-е годы, когда фольклористы впервые зафиксировали в здешних районах былевые песни, эпическая традиция и в Шенкурске, и в низовьях Северной Двины была еще далека от полного угасания.

По-нашему мнению, в XIX в. достаточно мощной была также традиция Вологодского края. Записи былин здесь от-

ражают хронологический срез с 1803 по 1959 г., причем былины были зафиксированы на всей территории региона. К сожалению, эта территория также оказалась в свое время недостаточно обследованной собирателями.

Несмотря на то, что рассмотренные нами региональные очаги являются «малыми» по своему характеру, случилось так, что местные версии былин оказали существенное влияние на репертуар многих мощных территориальных традиций. Произошло это благодаря тому, что ряд текстов вошли в книжные издания, отразившиеся на устном творчестве некоторых сказителей. Так, влияние шенкурской версии былины «Илья Муромец и Жидовин» зафиксировано на Печоре, Зимнем берегу Белого моря, в Восточном Прионежье, в Западной и Восточной Сибири. Северодвинская версия «Ильи Муромца и Калина-царя» сказалась на традициях Печоры, Зимнего берега, Восточного Прионежья.

Таким образом, анализ «малых» очагов оказался весьма плодотворным для понимания многих процессов, происходивших в былинной традиции Русского Севера.

ТЕКСТЫ

Заглавия былин даются в соответствии с рукописью или первой публикацией. В необходимых случаях в квадратных скобках приводится название, вошедшее в научный оборот и уточняющее сюжет. Нумерация былин — сплошная по всем пяти регионам; в скобках указан номер текста в пределах данного региона. Комментарий к текстам дается отдельно по каждому из регионов.

П Р И Л А Д О Ж Ь Е

№ 1 (1). ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ЦАРИЩЕ КУДРИЯНИЩЕ

(отрывок)

[ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ]

Как ехал-то дороден добрый молодец,
Илья Муромец да сын Иванович,
Копали окопы глыбокии,
А где поймать дородня добра молодца.
6 Первый окопы десять сажень печатных,
А други окопы двадцать сажень печатных,
Третьи окопы тридцать сажень печатных,
Четверты окопы сорок сажень печатных.
С десяти сажень печатных повыскочил,
10 С двадцати сажень повыскочил,
С тридцати сажень он повыскочил,
С сорока сажень не мог выскочить,
И хотя зарыть дородня добра молодца
В том окопе глыбокоём.
15 Говорит Илья Муромец да сын Иванович:
«Ай же вы, поганый татаревя!
Не честь-хвала ваша великая,
Что зарыть дородня добра молодца,
А то честь-хвала великая —
20 Свяжите мне белы рученки,
Скуйте мне скоры ноженки,
А ведите к царищу Кудриянищу».
Привели его к поганому татарищу.
Как зачал татарин его спрашивать:
25 «Станешь ли мне служить верой-правдою?» —
«Не сладилось у мня сабли вострыи,
Не сладилось у мня палочки боёвыи,

- Послужил бы тебе верой-правдою,
Сейчас отсик бы буйну голову!»
- 30 Тут татарище рассёрдился
На дородня добра молодца:
«Ай вы, поганьи татаревя!
Ведите вы дородня добра молодца
На то на болото Куликово,
- 35 Ко той ко плашке ко липовой,
Отсиките ему да буйну голову!»
Повели дородня добра молодца
К тому болотцу Куликову,
Ко той ко плашке ко липовой
- 40 Отсечь ему буйну голову.
Выезжают поганьи татаревя,
Выезжают да на чисто поле.
Говорил дородний добрый молодец:
«Ай же вы, поганьи татаревя,
- 45 У которого есть отец да мать?
У которого есть да молода жена?
У которого есть да малы детушки?»
Отступились от дородня добра молодца.
Не сладилось палицы боёвыи,
- 50 Не сладилось сабли острыи,
Ухватил одного татарина за ноги:
«Исполать ти, поганое татарище!
Вдоль погибаешься, а сам не ломишься!»
Перебил поганных татаревей всих дочиста,
- 55 Не оставил на симена.
Только одному отсек да буйну голову,
Потёрнул эту голову на рогатыню
И несет к Идолицу поганому.
Увидал Идолице поганое,
- 60 Увидал в косивчато окошечко,
Тут испугался поганое татарище:
«Ай же ты, дороден добрый молодец,
Оставь ты меня во живности.
Вот ти государство здись». —
- 65 «Не надо твоего государства мне,
Выходи-ко ты на улицу,
Я теперь с тобой да попытаюси».
Не выходи поганое татарище,
Ухватил дороден добрый молодец

- 70 В том в косивчатом окошечке,
Брал его да за желты кудри,
Вытащил его да во чисто поле,
Россек его да на мелки части,
Роскидал его он по чисту полю
- 75 Ворона́м да на съеденьице,
Дорожным на поршни.

№ 2 (2). ВАСИЛИЙ БОГУСЛАЕВИЧ

[ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ И НОВГОРОДЦЫ]

- Грозный царь Иван Васильевич
Завел пир про князей про бояр,
Про сильных могучиих богатырей,
Про всю поляницу удалую.
- 5 Тут на пиру да напивалисе,
Тут на пиру да наедалисе,
Тут на пиру да порасхвастались.
Еще кто-то хвалится своей силой могучею,
Еще кто-то хвалится да саблей вострою,
- 10 Еще кто-то хвалится палицей боёвою,
Еще кто-то хвалится своей силой могучею,
Еще кто-то хвалится да золотой казной,
Еще кто-то хвалится да молодой женой.
Как возгворил грозный царь Иван Васильевич:
- 15 «Еще кто-то из вас идет на мою силу на войскую?»
Как тут князья-бояре,
Сильнии могучии богатыри
Еще большей за меньшево хоронится,
А меньшей за большево хоронится,
- 20 А средней-то не знае отвиту дать.
Как з-за тех столов да з-за дубовых
Становился тут дороден добрый молодец
Василий Богуслаевич,
Ему от роду семнадцать лет:
- 25 «Уж как грозный царь Иван Васильевич,
Уж как я иду на всю силу на войскую,
Только прикажите мне со пиру со кумпаньицы
Себе выбрать двух товарищей».
Говорил Василий Богуслаевич:
- 30 «Еще кто со пиру да со кумпаньицы

- А ко мни во товарищи?»
Как выскакивал Поташенька сутул-горбат,
На одну ноженку припадывал.
«Еще кто второй да во товарищи?»
- 35 Еще выскакивал Васька Белозёрянин:
«Как Василью Богуслаевичу
Я иду да во товарищи». —
«Ступайте же ко мни в полаты белокаменны,
Ступайте же к моей матушки
- 40 К Мамельфы Тимофеевны,
Садитесь за столы дубовыи,
За скатерти за браныи,
За ествы за сахарныи,
А за питья за медвяныи».
- 45 Тут Василий Богуслаевич
С грозным царём Иваном Васильевичем
Сделали они за́говор великии,
Уж как записи они записывали,
Уж как за́клики закликивали:
- 60 Ежели побьет да силу войскую,
Чтобы владеть да всим Новы́м-градом;
Ежели побьет да сила войская,
Так нет ни сыску, ни отыску.
Как пошел Василий Богуслаевич к своей матушке,
- 55 Садился за столы за дубовыи,
За скатерти за браныи,
А за ествы за сахарныи,
А за питья за медвяныи.
Сидит, буйну голову повесивши,
- 60 Очи ясны в зень поту́пивши.
Говорит его матушка:
«Что сидишь, мило мое дитяtko,
Что сидишь, буйну голову повесивши,
Очи ясны в зень поту́пивши?»
- 65 Аль тебя обесчестил грозный царь Иван Васильевич
Чарой зелена вина?» —
«Не обесчестил меня грозный царь Иван Васильевич
Чарой зелена вина,
А только я похвалился итти на силу войскую.
- 70 Ежели побью силу войскую,
Дак чтоб мне владеть да всим Новы́м-градом;
Если побьет сила войская,

- Так нет ни сыску, ни отыску».
- Его матушка рѳдная
- 75 Напоила напиткам пьяным,
Двенадцати дверям затворила,
Двенадцати замкам замнула все личинным.
Как спит ён не прѳснется,
Народу к нему на двор валѳм-вали',
- 80 А палок к нему на двор возам везу'.
Дак выскакивал Поташенька сутѳл-горбат,
На одну ноженку припадывал,
То сразу семьсот убил.
Дак народу не убавляется,
- 85 А народу прибавляется,
А палок возы возам везу'.
Как выскакивал Васька Белозѳрянин,
А то сразу восемьсот убил.
А народу не убавляется,
- 90 А народу прибавляется,
А палок возы возам везу'.
Выходила дивка служаночка,
Брала коромыселѳк желізненъкой,
Ведѳрочка дубовыи,
- 95 Видит, что его товарищам
Головушки да переломаны,
А платочикам да перевязаны.
Как брала коромыселѳк,
Стала коромысельком помахивать.
- 100 Куды махнет — туды улица,
А розмахнет — переулочек.
А народу не убавляется,
А народу прибавляется,
А палок возы возам везу'.
- 105 Как тут дивка уполѳбалась,
Бросилась да на широкий двор,
Закричала громким голосом:
«Что же ты, Василий Богуслаевич,
Что ты спишь не прѳснешься,
- 110 А твоим товарищам
Головушки да переломаны,
Платочикам да перевязаны!»
Как услышал Василий Богуслаевич
Голос да богатырскіи,

- 115 Без людей двери отворялисе,
Без ключей замки да отмыкалисе.
Как выскакивал Василий Богуслаевич,
Как выскакивал да на широкой двор, —
Не сладилось палочки боёвыи,
120 Не сладилось да сабли острыи,
Ухватил да ось тележную,
Тележную да железную.
Да куды размахнет — лежит сила войская.
Народу-то убавляется,
125 Не оставляе' народу на симена.
Ево дядюшка родныи
Жил а намастыр'и во Юрьеве,
И пришол ево да уговаривать:
«Ой же ты, племянничек,
130 Не оставляешь себе народу на симена.
Я тебя досюль на борьбы побаривал,
Я тебя на кулачки поколачивал». —
«Это дело было, дядюшка, да за робячества,
Это тебе спускается, что ты дядюшка родныи».
135 Да уж как стал Василий Богуслаевич
Владеть да всим Новым-градом.

№ 3 (3). АЛЕША ПОПОВИЧ И ЯРЮК БОГАТЫРЬ

(отрывок)

- Говорил Алёша Поповичев:
«Молодой Ярюк сын Иванович,
Отсеку тебе да буйну голову,
Твою молодую жену да себе замуж возьму».
5 Говорил молодой Ярюк да сын Иванович:
«Не хвались, Алёша Поповичев,
От двора ли идучи,
Похвались, Алёша Поповичев,
Ко двору приезжаючи».
10 Разъезжались добры молодцы на три поприща,
Ударились саблям вострым;
Молодой Ярюк ударил Алёшу Поповича,
Как убил Алёшу Поповича:
«То-то Алёша на моей жене женат бывал!»

№ 4 (4). ДОБРЫЙ РУССИЙСКИЙ БОГАТЫРЬ ДЮК СТЕПАНОВИЧ
ПОБИВАЕТ ОКАЯННОГО ВЕЛИКАНА ШАРКА-ВЕЛИКАНА

[ДЮК СТЕПАНОВИЧ И ШАРК-ВЕЛИКАН]

- На широком раздолье Шарк-великан похаживает,
На широко раздолье Шарк-великан посматривает,
Что не любо — мечем булатным раскрошивает,
Что не мило — ногам(и) железным(и) вытаптывает.
- 5 Огнем жгучим Божий люд им подымается;
Ко святой Руси Шарк-великан широку дорожку
прокладывает,
Жгучим огнем уравнивает,
Людом христианским речки-озера запруживает,
Во дикие леса люд христианский русский
разбегается.
- 10 Росшивеливается на Руси добрый молодец,
Добрый молодец, русский богатырь Дюк
Степанович.
- Как услышил ён о тоей о беде,
Думное чело его понахмурилось,
А и крепко думал он три дня, три ночи,
- 15 На четвертый встает ён ранешенько,
Идет в Божий храм — руку на сердце,
На коленах умильно просит Богородицу,
Просит слезно Николу-заступника,
Самого Христа — царя небесного.
- 20 Потом идет к отцу, к матери,
Родительско благословеньице выпрашивает:
«Повели мне, родитель, путь-дорогу держати,
Того-то окаянного Шарка-великана полонити,
Свою славушку добрую сохранить».
- 25 Снаряжается добрый молодец в путь-дороженьку,
Сподобляет ён наряды самолучшие:
Одевает ён, Дюк Степанович,
Широку плащу со сиянием,
В руках могучих сорокапудовый меч,
- 30 Другой грузней того за поясом;
Седлает коня — что ночь черного,
Махнул кнутом — да и след простыл.
Чует Шарк-великан беду неминуемую,
Чует его черно сердце гостя нежданого,
- 35 Пуще прежнего ногам(и) топает,

- Пуще прежнего мечем булатным размахива(е)т.
А чуть солнце красно порасчистилось,
Как тут видит он: пыль горой встает,
Летит богатырь Дюк Степанович.
- 40 «Гой ты гой, добрый молодец Дюк Степанович!
Почто ты к Шарку-великану надрываешься?
Не сносить тебе твоя буйныя головы!»
Как увидел Шарка-великана Дюк Степанович,
Сжалось его ретиво сердце,
- 45 Добрый конь его попятился.
Закричал ён, Дюк Степанович, громким голосом:
«Ты сильной злодей, Шарк-великан!
Завтра на зоре биться начнем,
А сегодня дело к вечеру — поприготовимся».
- 50 Идет Дюк Степанович во пещеру темную,
Господу Богу слезно молится,
На коленях умильно просит Богородицу,
Просит слезно Николу-заступника,
Самого Христа — царя небесного.
- 55 Тут заря зарумянилась,
Белыя облака закудрявились:
Выезжает на поле на зеленое
Дюк Степанович на добром коне.
Как увидел Шарка-великана Дюк Степанович,
- 60 Сжалось его ретиво сердце,
Добрый конь его попятился,
Закричал ён, Дюк Степанович, громким голосом:
«Ты сильной злодей, Шарк-великан!
Завтра на зоре биться начнем,
- 65 А сегодня лучше поприготовимся».
Идет Дюк Степанович в тую во пещеру во темную,
Господу Богу слезно молится,
На коленях умильно просит Богородицу,
Просит слезно Николу-заступника,
Самого Христа — царя небесного.
- 70 Тут зоря зарумянилась,
Белыя облака закудрявились:
Выезжает на зелено поле
Дюк Степанович на добром коне.
- 75 Как увидел Шарка-великана Дюк Степанович,
Ретиво сердце его загорелось,
А его добрый конь попятился.

- Тут слезает с своего коня Дюк Степанович,
Вынимает он булатный меч в сорок пудов,
80 Вымахивает он коню доброму голову.
Сам пешо идет к великану гордому,
К сильному злодею Шарку-великану.
Встречает его Шарк-великан насупившись,
С боку на бок переваливаясь,
85 Таки горды речи вымолвливает:
«Гой ты гой, добрый молодец, горе Дюк Степанович!
Изменил тебе добрый конь,
Убоялся ён моего меча,
Моего меча булатного,
90 Моего росту богатырского!»
Сам тут Шарк-великан меч булатный вытягивает,
Со свистом размахивает,
А ударился-то меч Шарка-великана
О меч сорокапудовый Дюка Степановича:
95 Раз ударились — искорье валит,
На другой разок — ажно стон пошел;
Оба тяжелы булатные мечи в черепья
рассыпывались,
Из виду улетывали.
Осерчал тут крепко Шарк-великан,
100 Рукам(и) могучим(и) понатужился,
В белу грудь Дюка Степановича поуперся,
Ажно косточки захрястали:
Тяжело вздохнул Дюк Степанович.
Тут рукам(и) они сплетаются,
105 Коленам(и) друг в друга упираются,
Кровь горячая ручьем течет с ран глубоких,
Силушки их надрываются.
Вспомяни тут Дюк Степанович
Про запасный меч тяжелей первого:
110 Вынимает ён тот булатный мечь,
Отступает ён на большу сажень,
С лету голову злочастную вымахивает,
Шарка-великана ён до дому дотаскивает,
Посмеянье великое делает,
115 Славушку себе добрый молодец сохраняет.

№ 5 (5). ПАГУБА МОЛОДОГО ДЕТИНУШКИ ГУСИНО
ПЛЁНКОВИЧА БУСУРЬМАНИЩЕМ ШАРКОМ-ВЕЛИКАНОМ

[ГУСИНКО ПЛЕНКОВИЧ И ШАРК-ВЕЛИКАН]

- Ой ты мать сыра земля, росступися,
Небёса вы синии, роздайтеся,
Облока-тучи, воедино не скопляйтеся!
Тошнёхонько богатырьской силе приходится,
5 Круто ему люто горе приключается:
Горемычно стало Шарку-великану свою жизнь коротати,
Свою буйну голову по сырой земле таскати.
А вот первое-то горе — пал его могучий конь,
А второе того горе — изломался его тяжелый мечь,
10 А третье-то горе — обуяла им страсть победная,
Приглянулася ему Марья Лебедь Белая.
Ужь иде бусурьманский сын Шарк-великан
прикручинившись,
Про свою горемычную жизнь-горе пороздумавшись,
Про каранье Бога русийского, христианского.
15 Как востречу ему молодой детинушка,
Молодой детинушка, сам ён Гусинко Плёнковичь.
Содружилися ёны, побраталися,
Во свои терема бусурьманщину созывае,
Во большем углу чевствует-гостит.
20 Начал тут его Шарк-великан выпрашивати:
«Ты скажи-ко мне, молодой детинушка Гусинко
Плёнковичь,
Кабы мне мудрёно коня могучего достати,
Своему прежнему коню богатырьскому во смену
положити?» —
«А иди-ко ты, бусурьманский сын, ко вольному граду ко
Новгороду:
25 У того ли у князя у новгородского
За запорам железным, за заслонам медным
Жеребенок е необъезженный,
А твоей ли богатырьской силушке как е под стать». —
«А и спасибо те, молодой детинушко Гусинко
Плёнковичь!
30 Ужь поведай-ко ты мне правду-истину:
Кабы мне богатырьский мечь во руках моих мощных
держати
По силе моей богатырьской, непомерной?» —

«А иди-ко ты, бусурьманский сын,
Ко святому граду ко Киеву, ко славному князю
ко Владимиру:

³⁵ У того ли князя у Владимира во полатях его
осударевых

Разного орудья е, мощи богатырьския;
Да по силушке ли твоей, бусурьманский сын,
Тым ли мечем-кладенцом размахивати,
Размахивати, перевёртывати?» —

⁴⁰ «Ой ты, неразумный детинушко Гусинко Плёнковичь!
Темному уму твоему разуму не судити,
Про силу богатырьскую не гадати.
А скажи-ко ты мне, Гусинко Плёнковичь, правдивее:
Кабы мне Марью Белую Лебедь сыскать,

⁴⁵ Кабы мне ее, Белую Лебедь, поломати?
Приглянулася ёна мне нешуточно». —
«Ой ты, бусурьманский сын Шарк-великан!
Твоим ли устам речи таки вымолвливать,
За русийскую Марью Лебедь Белую ухватитися?

⁵⁰ А и веру веруешь ты бусурьманскую,
Бусурьманскую веру, немецкую:
А то Марье Белой Лебеди не по сердцу,
А то ей, пригожей, не по умыслу».
Осерчал тут бусурьманище нешуточно.

⁵⁵ Как впери ён свои глазишши-лупы бусурьманскии,
Да и возимает ён, бусурьманянин, что ни е,
Во вси стороны помахивать:
По стороны махне — стены пролом,
По другой перехватит — рассыпаются.

⁶⁰ А ужь и пошутил тут бусурьманский сын:
Понатужился Шарк-великан крепко-накрепко,
Правой рукой хватат Гусинко Плёнковича
за его белую грудь,
Во розмахе Гусинко Плёнкович за тридесять земель
улётыват,

За частии ясныи звезды зацапливат.

⁶⁵ А ён-то сам, бусурьманище, ухмыляется:
«А скажи-кось ты мне, усмешище,
Во дальних ли странах бусурьманских
Душу свою схоронил неотпетую?!»

[ДЮК СТЕПАНОВИЧ И ГУСИНКО ПЛЕНКОВИЧ]

- От красного града от Волыница,
По привольной реке по Дунаеви,
Иде удал добрый молодец,
Боярский сын Дюк Степановичь,
5 Со своей ли со дружиной боярской
Ко святому граду ко Киеву,
Ко крестам его христианским.
А иде ён, добрый молодец, Богу молитися,
Со честным народом вольно-киевским гоститися.
10 Ужь как слышит ён молву неправдливую,
Неправдливую молву, неутешную,
Что во тоем ли во граде во Киеве
Уж давно сидит, богатством прохваляется
Гусинко Плёнковичь со товарищами.
15 Не задумамши Дюк Степановичь,
Призывае ён своего слугу верного,
Такое приказаньице наставляет:
«Ой ты, мой верный слуга,
Никита Полїца розудалая голова!
20 Ты иди-ступай ко молодой царевне во терема во
темныи,
Не трожь ты ее, а честнѣм проси
Угостить-принять боярского сына Дюка Степаныча
Для роди его прихождения богомольного».
Тут тесовы ворота отворяются,
25 Сама царевна ко Дюку Степанычу востречу иде,
Берет ёна его за руку его белую,
Веде его во терема свои во темныи,
Всяко чествованье ему, добру молодцу, делает,
А сама ёна, царевна, хитро стала выпрашивати:
30 «Ты скажи мне, добрый молодец Дюк Степановичь,
Отколева топеречу путь-дорогу держишь?» —
«А держу я путь-дорогу от красна града со Волыница,
От своего терема от отцевского». —
«А скажи-ко ты мне, Дюк Степановичь,
35 Много ль силы с собой ведешь?» —
«Сила-то моя — мой верный слуга,
А богатствие все мое — могучий конь». —

- «А скажи-ко ты мне, добрый молодец Дюк Степановичь,
Много ль у ты силы богатырьския,
40 У твоего коня мощи могучия?» —
«А е у меня сила не малая:
Все царьствие ваше верх дном верну.
А и е у моего коня мощь могучая:
Не гнаться за мной самой кобыле Белой Лебеди».
- 45 А тут царевна себе на уме:
Почни ёна Дюка Степаныча подзадоривать,
Чтоб в конец ён решил удалого Гусинко Плёнковича.
Супротив ее таки речи Дюк Степановичь выдерживат:
«Ой ты ой, молодая царевна прекрасная!
- 50 Много у меня греха черного на сердце,
А и не по тоей причине я сюда пришел,
Не губить пришел я душу христианскую,
Пришел я для роди богомольствия,
А не по мне грех на душу пойде».
- 55 В утро ранёшенько колокол Божий гудом гудит,
А Дюк Степановичь со верным своим слугой
в церковь Божью собирается,
Тако наставленье делат:
«Как пойду я в церковь Божию молитися,
Ко святым Божьим угодникам приклонятися,
60 А во этой ли церквы Божией
Розокрученный-рознаряженный супротивник мой;
Уж как буде ён, супротивник, выхвалятися,
При честных людях над боярьским сыном насмехатися,
Не утерпит твое лютое сердце горячее,
65 Во такой обиде своего господина, сына боярского».
- Во церковь Божью тут ёны сокопляются:
Первей всего Гусинко Плёнкович надуваучись,
Своим длинным полам розмахиваясь,
Шапкой-мурманкой прихлопывая.
- 70 А за ним иде следом Дюк Степановичь,
Боярьский сын, роду княжьего.
А иде ён, Дюк Степановичь, смирнёхонько,
Во синием кофтане — золотым шнуром.
Ужь стоит ён, Дюк Степановичь, прямёхонько,
- 75 Лишь часты-часты поклоны земны отсчитыват.
Тут весь люд христианский, князья-бояре,
Гусинко Плёнковича — что могут,
А на Дюка Степаныча не посматривают.

А и ён-то, Гусинко Плёнковичь, пуще того стал

гордиться,

⁸⁰ Пугвицам златым побрякивае,
Шапкой-мурманкой помахивае.

А почни тут Дюк Степановичь своим пугвицам

поваживать —

Во повал тут все повалилися, ужаснулися:

Что во всякой во златой пугвице

⁸⁵ Сорок сороков змей пещёрских шипит,
И во всякой того пугвице

Сорок сороков зверей лютых рёвом рёвит.

А почни тут в другу сторону пугвицам поваживать:

Что во всякой-то златой пугвице

⁹⁰ Сорок сороков птиц Божьих песни затягивают.

Весь люд Божий тут удивленье взяло.

Все ёны ко Дюку Степану честию приближаются,

Ко его мудрецкому кафтану стар-млад приклоняются,

Такия речи пользительны вымолвливают:

⁹⁵ «Гой ты гой, добрый молодец Дюк Степановичь!

Почто ты насмеханье Гусино Плёнковича принимаешь?

Али ему жизнь горемычную тянути,

Али смерётушку ему нещадную понести?»

Ополдохался тут Гусино Плёнковичь до смерётушки,

¹⁰⁰ Кофтан богатырьским рукам розлетыватся,

Шапку-мурманку свою в клочья рвёт,

Сам, осерчавшись, из церькви вон.

А повстречи ему Никита Полїца — боярский слуга:

За ноги его, горемычного, захватыват,

¹⁰⁵ До темного лесу-бору дотаскиват,

Ко ведьмы киевской во темну яму забрасыват;

Сам ён, Никита Полїца, приговариват:

«Поделом тебе, вражий сын, тую участь-горе терпети:

Посиживай себе, вражий сын, зубам пощёлкивай!»

¹¹⁰ Тут ко своему боярину Дюку Степановичу возврат

держит.

Царевна прекрасная часту горючую слёзу ронит,

Удал боярский сын почаще того.

Призадумался тут верный слуга

Про печаль-думу своего боярина со царвною

прекрасною.

¹¹⁵ Стал ён своего боярина Дюка свет Степановича

выспрашивати,

Выспрашивати, уговаривати:

«Ой ты еси, удал боярский сын Дюк Степановичь!
Почто ты, добрый молодец, закручинился,
Свою буйную розудалую голову повесимши?» —

¹²⁰ «А за тым я, верный слуга, запечалился,
Что по сердцу пришла мне царевна прекрасная;
А и жаль-то мне больно ее, прекрасную, во темном
тереме оставити,
А и у отца-матери рѳдной благословеньице мне не
просити:

Грозной отец моих прозѳб не слушат,
¹²⁵ Свою волюшку не выкаже». —

«Гой ты еси, розудалый молодец, боярский сын
Дюк Степановичь!
Не кручинься ты, не печалуйся, боярский сын,
А возьмем мы коня черного могучего,
Да и понесѳ ён, конь могучий, своего боярина со
царевною

¹³⁰ По белому люду христианскому руссийскому
таскатися,

Прекрасной царевной выхвалятися». —

«А и спасибо те, Никита Полѳца верный слуга,
На твоих на речах разумных,
На твоих на советах утешных!»

¹³⁵ Тут ёны коня черного могучего седлаючи,
Со градом со Киевом богомольным росставаючись,
Увозили тую-то царевну прекрасную из града вон.
Ускокивали ёны со царевной прекрасною не тихо же,
А скакали ёны в один-то час по сто верст,
¹⁴⁰ Чтѳб погони за ним вослед не было.

Текст № 1.

Русская старина. 1871. № 10. С. 453—455. Републикация: Гильф. 4-е изд. Т. 3. № 320.

Записано Александром Федоровичем Гильфердингом: 12—13 сентября 1871 г., Санкт-Петербург, Иван Яковлевич Гусев, уроженец деревни Конец Усанской волости Новоладожского уезда Санкт-Петербургской губ.

Былина на сюжет «Илья Муромец и Калин-царь»; краткая версия.

К слову «поршни» в ст. 76 собиратель сделал следующее примечание: «Т. е. что дорожные могли сделать себе обувь из его кожи».

Текст № 2.

Русская старина. 1871. № 10. С. 455—458. Републикация: Гильф. 4-е изд. Т. 3. № 321.

Записано Александром Федоровичем Гильфердингом: 12—13 сентября 1871 г., Санкт-Петербург, Иван Яковлевич Гусев, уроженец деревни Конец Усанской волости Новолодожского уезда Санкт-Петербургской губ.

Былина на сюжет «Василий Буслаев и новгородцы».

К слову «заговор» в ст. 47 собиратель сделал следующее примечание: «Т. е. условие».

Текст № 3.

Русская старина. 1871. № 10. С. 453. Републикация: Гильф. 4-е изд. Т. 3. № 319.

Записано Александром Федоровичем Гильфердингом: 12—13 сентября 1871 г., Санкт-Петербург, Иван Яковлевич Гусев, уроженец деревни Конец Усанской волости Новолодожского уезда Санкт-Петербургской губ.

Былина-новообразование на нетрадиционный сюжет об Алеше Поповиче.

Текст № 4.

Олонецкие губернские ведомости. 1860. 19 нояб., № 47. С. 198—199. Републикации: Рыбников. 1-е изд. Ч. 1. С. 312—315; 2-е изд. Т. 2. № 214; 3-е изд. Т. 2. № 213.

Записано (сочинено?) А. А. Шкалиным: до ноября 1860 г., Лодейнопольский уезд Олонецкой губ.

Былина на нетрадиционный сюжет о Дюке Степановиче и Шарке-великане.

В первой публикации в «Олонецких губернских ведомостях» сделано следующее примечание, касающееся диалектных особенностей записи: «В местном говоре в третьем лице единственного числа глаголов *т* не произносится». Во всех изданиях «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым» конечное *т* в глаголах снято (типа: «похаживае»), но сделано это непоследовательно. В нашем издании сохраняется изначальная подача данной диалектной черты. Сохранено также конечное *и* в творительном падеже множественного числа существительных и прилагательных (типа: рукам(и) могучим(и)).

Текст № 5.

Рыбников. 1-е изд. Ч. 2. С. 128—130. № 25. Републикации: 2-е изд. Т. 2. № 215; 3-е изд. Т. 2. № 214.

Записано (сочинено?) А. А. Шкалиным: до 1860 г., Лодейнопольский уезд Олонецкой губ.

Былина на нетрадиционный сюжет о Гусинко Пленковиче и Шарке-великане.

К ст. 9 к слову «горе» П. А. Бессонов сделал примечание: «горше»; к ст. 27 к слову «е» — «есть».

Текст № 6.

Рыбников. 1-е изд. Ч. 2. С. 130—135. № 26. Републикации: 2-е изд. Т. 2. № 216; 3-е изд. Т. 2. № 215.

Записано (сочинено?) А. А. Шкалиным: до 1860 г., Лодейнопольский уезд Олонецкой губ.

Былина о Дюке Степановиче и Гусинко Пленковиче (нетрадиционная версия сюжета «Дюк Степанович и Чурило Пленкович»).

ШЕНКУРСКО-ВАЖСКИЙ КРАЙ

№ 7 (1). ИЛЬЯ МУРОМЕЦ (НАРОДНАЯ СКАЗКА)

[ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК; ССОРА ИЛЬИ МУРОМЦА С КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ]

- Во славном во городе во Муроме,
Во селе Карацáрове
Тут жил-был старик Иван Тимофеиць.
У них сын был Илья Муромець.
- ⁵ Он просил у родимова батюшки
Благословенья великова,
Навѣки нерушимова:
Ещё съездить ему да посмотреть
Земли святорусский,
- ¹⁰ И кружáла государева,
Цѣрнова кáрабля, яснава сóкола,
Во все государевы вѣтцины.
Говорит ему батюшко:
«Уж ты свет мое цѣдо порождѣнной!
- ¹⁵ Потеряешь ты свою буйну голову,
Вместо медных пуговики не за денежку;
Еще той дорóгой никто не бывал,
Никто не езжал ровно тридцать лет, тридцать годов:
Там засел Соловей, вор разбойницѣк,
- ²⁰ Он со деткама и со девкама.
Еще той дорóгой целовеку итти ровно двá года,
А конному уехати полтора года».
А Ильѣ захотелось проехать в полторá цяса,
Между обеднею ранней и ўтренней,
- ²⁵ И поспеть ко столу княженѣвскому
И к тому обеду воскресенскому.
И оттудова пошел Илья за Дунай-реку,
За широкую да за глубокую,

- К тому к Миколу Заруцѣвскому;
30 Он служил обедни запрестольныи,
Клал заветы великии,
Становил свецю двадцати пяти рублѣв,
Вперѣд еще сулил пятьдесят рублѣв:
«Ты поправь меня, господи,
35 Во путе, во дороженьке,
Во цюжой дальней стороне,
Во Сибирских во украинах».
Еще видели — Илья на коня-то сел,
А не видели — куда поездку дал.
40 Илья бьет коня по крутым бедрам.
По крутым бедрам, промежду ушей:
У ёвб конь бежит, как сокол летит,
Реки и озѣра промеж ног берѣт,
Хвостом поля устилаются.
45 Старши богатыри дивуются:
«Нет на поездку Ильи Муромця!
У ёвб поездка молодецкая,
Вся поступоцька богатырская!»
Завидел ёвб Соловей, вор разбойницѣк,
50 Вор разбойницѣк да вор Ахматовиць:
«Вот-де едет во поле детина, шатается,
Под им конь подтыкается».
Засвистал Соловей по-соловьиному,
Забил в долбни по-богатырскому,
55 Заревел ведь он по-звериному,
Зашипел по-змеиному:
Тѣмны лѣсы от ёвб реву к земле преклонились;
Мать-река Смородина со песком сомутиласе;
В то время под Ильей конь на коленки пал.
60 Илья бьет коня по крутым бедрам,
Ещё сам он коню приговариват:
«Ах ты конь, ты конь да травяной мешок,
Травяной мешок да лошадь добрая!
Будь заступцива да не уступцива.
65 Цѣво ты, лошадь, да перепаласе?
Не слыхала ли ты экова рѣву корбвьява,
Пйску-вѣрезгу дроздового?»
Вынимал Илья Муромець
Из карману из левова
70 Свой тугой лук, калены стрелы;

- Он натягивал свой тугой лук,
Калены стрелы да накладывал,
Ещё сам стрелам приговаривал:
«Полетите, мои стрелы каленыи,
75 Все переныи да нациненыи,
Повыше лесу дремуцява,
Пониже облака ходúцява;
Вы падите Соловьё вору разбойнику
Во тепло гнездо да во буйну голову,
80 И во самой во правой глаз,
И вередите ему сердце ретивое!»
Полетели стрелы каленыи,
Все переныи да нациненыи,
Повыше лесу дремуцева,
85 Пониже облака ходúцява,
Еще пали Соловьё вору разбойнику
Во тепло гнездо да во буйну голову,
И во самой во правой глаз,
Вередили ему сердце ретивое,
90 И убил Илья Муромец Соловья,
Вора разбойника да вор Ахматова.
Приезжал он ко городу да ко Кидишу,
Кругом гброда да кругом Кидиша
Залегла сила поганая,
95 Вся Литва некрещеная:
Ещё всю силу он их повыбил,
До наследья повыбил да до единова,
Никово не оставил на семена,
И поехал вперед под востоцную стброну,
100 Во Сибирский во украинны.
У города да было Кеива
Застава была великая:
Семь сынов вора разбойницька.
Еще малой-от сын завидевши возговорил:
105 «Вон-де едет наш да батюшка!»
А большой-от сын да завидевши:
«Ох, вы глупыи да неразумныи!
Это едет сильной могуцей богатырь
Илья Муромец:
110 Он везет нашово батюшка,
Да у левого стремени у булатнова».
Тут все братьи да взбунтовалисе,

- Взбунтовалисе да перепáлисе;
Во яростях да во великих
- 115 В пятьсот пуд палку под облако мéчут.
Соловей крици́т своим громким голосом:
«Ах, вы детоцьки да голубцики,
Ах, вы глупыи да неразумныи!
Не вам кус, не вам и ись ево́:
- 120 Я не мог выстоять, а супротив меня
Всем и вам уж не выстоять.
Вы берите да спаены ключи,
Отпирайте да погреба глубокии,
Вы берите много злата и серебра,
- 125 И скацънбва жемцюгу:
Не отдаст ли он Илья Муромецъ,
На выкуп вам вашова батюшка?»
Илья на злато на сéребро не заритсе,
Он вперед едет да востоцьную сторону,
- 130 Во Сибирскии да украини.
У Ильи конь бежит да как сокол летит,
Рэки-озера промеж ног берет,
Хвостом поля укрываютсе.
Старши богатыри дивуютсе:
- 135 «Нет на поездку Ильи Муромця!
У ёво́ поездоцька да молодецькая,
Вся поступоцька да богатырская!»
Приезжал ведь он да ко Дунай-реке,
Ко широкою да ко глубокою.
- 140 За ту реку да за широкою,
За широкою да за глубокою,
Перевощицьком была да Соловьева доць,
Доць большая да Катюшенька.
Соловей кричит ей своим зыцьным голосом:
- 145 «Не вози, доць любимая, татарина да великова
За Дунай-реку: ты в те по́р ёво́ вози,
Когда даст тебе батюшку на выкуп твоево;
Ты в те по́р ёво́ вози да за Дунай-реку,
За Дунай-реку да за широкою,
150 За широкою да за глубокою».
- Илья на то да не веруёт.
Сходил он со добра коня
На сыру землю да на матушку:
Он в леву взял в руку да шелко́в по́вод:

- 155 Правой рукой рвет дубьё с кореньяма:
Он мосты мостил крепко-накрепко,
Крепко-накрепко да дельно-надельно,
Он сам перешел да и коня перевел;
Ещё взял из левова кармана плетку шёлкову,
- 160 Плетку шолковую да подорожную,
О семі хвостах да с прёволкой,
Девке стёж-то дал — с ног валілася,
Он другую дал — девка скору смерть приняла;
Он Илья-то тут да и был и нет.
- 165 Он вперед едёт под востоцьную сторону,
Во Сибирский да во украинны.
У Ильи конь бежит, как сокол летит,
Рёки-озера промежь ног берет,
Хвостом поля да укрываются.
- 170 Старши богатыри да дивуются:
«Ещё нет на поездку Ильи Муромця!
Поездоцька у ёвб да молодецькая,
Вся поступицька да богатырская!»
Приезжал он ко гброду да ко Кёиву,
- 175 Становил коня да среди двора,
Становил он да не привязывал,
Никому держать не приказывал;
Он пошел в светлыи светлицы,
В княженёцькийи горници,
- 180 Он не спрашивал у ворот у приворотницьков.
У дверей да у придверницьков;
Он берет двери за скобу,
Отпираёт двери да на пятау;
Он и крест кладет да по-писа́ному,
- 185 Он поклон ведет да по-уцёному,
Он и кланяйтсе на все на четыре стороны,
Еще князю-то да на осббицю:
«Ещё здравствуй, князь славной кёивской,
Славной кеивской да владимирской!» —
- 190 «Еще здравствуй ты, детина шельшина,
Ты детина шельшина да деревеньщина!
Ты откуль едишь да откуль идешь?
Ты каких родов да каких городов?»
Он ответ держал князю славному:
- 195 «Еще города Мурома, а селá Карацярова,
Илья Муромець да сын Ивановичь.

- Я приехал ко вашёю ко милости:
Процищал я дорожиньку да прямохожую,
Прямохожую да прямоезжую,
200 А из Мурома да до Кидаша,
А из Кидаша да до Кéива,
Всё до вашёю да до милости;
Я убил Соловья вора разбойницька,
Вора разбойницька да вора Ахматова.
205 Да привез ёвó к вам на показаньё». —
«Ещё врешь ты, детина шельшина, да полыгаёшьсе,
Надо мной над князём насмехаёшьсе». —
«Ты изволь итти на свой широкой на пóлой двор,
Ты изволь смотри́ть Соловья вора разбойницька».
210 Обувал сапожки князь сафьяновы,
Оболокáл кошулю соболую;
Ещё та ли кошля в пятьсот рублёв,
Зарукавьи серебряныи,
Ожерельи жемцюжныи.
215 Повелí ёвó слуги пóд руки
На свой на широкой на пóлой двор.
У Ильи конь сто́ит, как гора лежит,
Он стоит да непривязанной,
Никому держать да не приказанной.
220 А у лéова стремени да у булатнова
Привязан Соловей вор разбойни́цок,
Вор разбойни́цёк да вор атамановичь.
Еще тут-то князь да и конáится:
«Соловей ты вор да вор разбойни́цёк,
225 Вор разбойни́цёк да вор Ахматови́ц!»
Ты посви́ци-ко по-прежнёму да по-соловьиному!»
Соловей да ответ держит,
Он ответ держит князю славному:
«Я не твой хлеб и кушаю,
230 Не тебя князя вора и слушаю».
Ещё тут князь Илье да и конáится:
«Илья Муромец да сын Иванови́ц,
Полени́ца великая!
Ты заставь Соловья вора разбойника
235 Посвистать по-прежнёму да по-соловьиному».
Он отвязал Соловья вора разбойника
От лéова стремени.
И засвистал Соловей по-соловьиному,

- И забил в долбни по-богатырскому,
240 Зашипел ведь он по-змеиному,
Заревел он да по-звериному:
Темны леса к земле преклонилися,
Мать-река Смородина со песком сомутилася,
Потряслись все палаты белокаменны,
245 Полетело из дымолок кирпичёе заморскоё,
Полетели из окбълницъ стёкла аглицькии.
Ещё князь-от стоит да в худой душе,
Ещё тут он да и конáится:
«Илья Муромецъ да сын Ивановиць!»
250 Ты уймí да сопостата великова,
Соловья вора разбойницъка,
Вор разбойницъка да вор Ахматова».
Стал Илья унимать ёвó по-свойскому:
Он схватил ёвó да за цёрны кудри,
255 Ещё бил ёвó да о сырú землю о матушку,
Он в подвёрг ёвó кидал
Вышё башни наигбълныи,
Он остатки ёвó хлопнул о сербй камень;
Соловью от себя скоро смерть пришла.
260 Повели слúги Илью под руки
Во светлую да во светлицю,
В княженецъкии горници,
И садили ёвó да по край стола,
По край стола да по край скамьи.
265 «Ещё ты, славной князь кёивской да
владимирской!
Ты несí-ко цяшу большую да оберуцьную,
Зеленá вина да полтора ведра!»
Илья-то берет ее да одной рукой,
Он и пьёт её да на один дух.
270 Ещё всё-то ёму мало кажется:
«Ты несí ещё, князь, цяшу ббольшую,
Цяшу ббольшую да оберуцьную.
Ещё два ведра да зеленá вина,
Всё со водоцькой да со наливоцькой,
275 Со крепкíми да со напитками».
Илья примаится да одной рукой,
Он и пьёт её на одíной дух.
Ещё тут Илью маленько да ошабúрило;
Он хотел да полáдиться,

- 280 Он полáдиться да поправиться;
Поломáл он скáмьи да дубовьи,
Он погул свáи да железныи.
А у князя во ту пору да во то времяцко
Ещё стол идёт да во полú-столе,
- 285 Ещё пир идёт да во полú-пире;
За столом сидят гости-бояра,
Ещё всё купцы да торговьи,
Ещё сильны могучи богáтыри,
Святорусскийи воины.
- 290 Поприжал Илья Муромец да сын Ивановичь,
Поприжал он их да во большой угол.
Ещё князь Илье рець проговóрил:
«Илья Муромец да сын Ивановичь!
Помешал ты все местá да уцёныи,
- 295 Погнул ты у нас свáи да все железныи:
У меня промежь каждым богáтырем
Были свáи железныи,
Чтоб они в пиру да напивалисе,
Напивалисе да не столкалисе».
- 300 Ещё тут ведь князь да Илье конáится:
«Ты изволь у нас да попить-пойсь,
Ты изволь у нашёй милости
Да воеводой жить». —
«Не хоцю я у вас ни пить, ни йсь,
- 305 Не хоцю я у вас воеводой жить!»
Он ставал на ножки на резвыи,
Он вымал свою плетку шелкóвую
О семи хвостах да со проволкой,
Ещё взял он плёткой да помахивать,
- 310 Ещё взял гостей да покалáцивать,
Ещё взял гостей да поворацивать,
Ещё бьёт он, сам приговáриваёт:
«На приезде гостя не употцивали,
А на поездинах да не уцёствовали!
- 315 Эта ваша мне цёсть — не в цесть!»
Ещё он всех прибил да до наследья,
До наследья прибил да до единова,
Не оставил никовó да на сéмена.
Ещё царь-то в ту пору да в то времяцко
- 320 За пецьку задвинулся,
Собольёй щубкой закинулся.

Илья-то тут и был и нет,
Нет ни вести, ни по́вести
Ныне и до́ веку.

№ 8 (2). [ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И НАХВАЛЬЩИК]

- Под славным городом под Киевом,
На тех на степях на Цысарских,
Стояла застава богатырская.
На заставе атаман был Илья Муромец;
5 Податаманье был Добрыня Никитичь млад;
Есаул Алёша Поповский сын;
Еще был у них Гришка Боярский сын,
Был у них Васька Долгополище.
Все были братцы в разъезде:
10 Гришка Боярский в те пор кравчим жил;
Алёша Поповичь ездил в Киев-град;
Илья Муромец был в чистом поле,
Во чистом поле спал в белом шатре;
Добрыня Никитичь ездил за охотою,
15 За той ли за охотой за молодецкою:
На охоте стрелял гусей-лебедей.
Едет Добрыня из чиста поля,
В чистом поле увидел ископытъ великую.
Учал он ископытъ досматривать:
20 «Еще что же то за богатырь ехал?
Из той ли земли из Жидовския
Проехал Жидовин могучь богатырь
На эти степи Цысарские!»
Приехал Добрыня в стольный Киев-град,
25 Прибирал свою братию приборную:
«Ой вы гой еси, братцы-ребятушки!
Мы что на заставушке устояли?
Мы что на заставушке углядели?
Мимо нашу заставу богатырь ехал!»
30 Собирались они на заставу богатырскую,
Стали думу крепкую думати:
Кому ехать за нахвальщиком?
Положили на Ваську Долгополого.
Говорит большой богатырь Илья Муромец,
35 Свет атаман сын Ивановичь:
«Не ладно, ребятушки, положили,

- Не ладно, ребятаушки, удумали.
У Васьки полы длинные,
По земле ходит Васька — заплетается;
40 На бою на драке заплетется,
Погинет Васька по-напрасному».
Положились на Гришку Боярского:
Гришке ехать за нахвальщиком,
Настигать нахвальщика в чистом поле.
- 45 Говорит большой богатырь Илья Муромец,
Свет атаман сын Ивановичь:
«Не ладно, ребятаушки, удумали,
Не ладно, ребятаушки, положили.
Гришка рода боярского:
- 50 Боярские роды хвастливые;
На бою-драке Гришка призахвастнется,
Погинет Гришка по-напрасному».
Положились на Алешу Поповича:
Алешке ехать за нахвальщиком,
- 55 Состигать нахвальщика в чистом поле,
Побить нахвальщика во чистом поле.
Говорит большой богатырь Илья Муромец,
Свет атаман сын Ивановичь:
«Не ладно, ребятаушки, положили,
- 60 Не ладно, ребятаушки, удумали
Алешке ехать за нахвальщиком.
Алешка рода поповского:
Поповские глаза завидущие,
Поповския руки заграбуция;
- 65 Увидит Алешка на нахвальщике,
Увидит он много злата-серебра,
Злату Алешка позавидует,
Погинет Алешка по-напрасному».
Положились на Добрынюшку Никитича:
- 70 Добрынюшке ехать за нахвальщиком,
Состигать нахвальщика в чистом поле,
Побить нахвальщика во чистом поле,
По плечь отсечь буйну голову,
Привезти голову на заставу богатырскую.
- 75 Добрыня тогó не отпирается.
Походит Добрыня на конюший двор,
Имаёт Добрыня добра коня,
Уздает во уздечку тесмянную,

- Седлает во седельце черкесское,
80 В торока вяжет палицу боевую —
А весом та палица девяносто пуд,
На бедра берет саблю острую,
Во руки берет плеть шелковую,
Поехал Добрыня на гору Сарачинскую.
- 85 Посмотрел из трубочки серебряной:
Увидел на поле чернизину,
Крычал-зычал зычным голосом:
«Вор, собака, нахвальщина!
Зачем нашу заставу проезжаешь —
- 90 Атаману Илье Муромцу не бьешь челом?
Податаманью Добрыне Никитичу?
Есаулу Алеше в казну <не> кладешь
На всю нашу братию приборную?»
Заслышал нахвальщина зычен голос,
- 95 Поворачивал нахвальщина добра коня,
Попущал на Добрынюшку Никитича.
Мать сыра земля сколебалася,
Из озер вода выливалася,
Под Добрыней конь на коленцы пал.
- 100 Добрынюшка Никитичь млад
Господу Богу возмолится,
Дан-мать пресвятой Богородице:
«Унеси, господи, от нахвальщика!»
Под Добрыней конь посправился,
- 105 Уехал Добрыня от нахвальщика.
Приехал на заставу богатырскую,
Встречает его Илья с братией приборною;
Сказывает Добрыня Никитичь млад:
«Как выехал на гору Сарачинскую
- 110 Посмотрел из трубочки серебряной:
Увидел на поле чернизину,
Поехал прямо на чернизину,
Крычал-зычал зычным голосом:
„Вор, собака, нахвальщина!
- 115 Ты зачем нашу заставу проезжаешь —
Атаману Илье Муромцу не бьешь челом?
Податаманью Добрыне Никитичу?
Есаулу Алеше в казну <не> кладешь
На всю нашу братию приборную?“
- 120 Заслышал нахвальщина зычен голос,

- Поворачивал нахвальщина добра коня,
Мать сыра земля сколебалася,
Из озер вода выливалася,
Подо мною конь на коленцы пал.
- ¹²⁵ Господу Богу я возмóбился,
Дан-мать пресвятой Богородице:
„Унеси, господи, от нахвальщика!“
Подо мною конь посправился,
Воротился я от нахвальщика».
- ¹³⁰ Говорит большой боагытръ Илья Муромец:
«Малое ббльшим заменяется,
Большему некем заменитися:
Ехать атаману самому!»
Походит Илья на конюший двор,
- ¹³⁵ Имает Илья добра коня,
Уздает во уздечку тесмянную,
Седлает во седельце черкасское,
В торока вяжет палицу боевую,
Не величка палица — полтораста пуд;
- ¹⁴⁰ На бедра берет саблю острую,
Во руки берет плеть щелковую,
Поезжает на гору Сарачинскую.
Посмотрел из трубочки серебряной,
Увидел на поле чернизину,
- ¹⁴⁵ Поехал прямо на чернизину,
Крычал-зычал зычным голосом:
«Вор, собака, нахвальщина!
Ты зачем нашу заставу проезжаешь —
Атаману Илье Муромцу не бьешь челом?
- ¹⁵⁰ Есаулу Алеше в казну не кладешь
На всю нашу братию приборную?»
Заслышал нахвальщина зычен голос,
Поворачивал нахвальщина добра коня,
Мать сыра земля сколебалася,
- ¹⁵⁵ Из озер вода выливалася,
Попуцал коня на Илью Муромца:
Илья Муромец на ўдробил.
Съехался Илья с нахвальщиком:
Впервые палками ударились —
- ¹⁶⁰ У палок чйвьѧ отломались,
Друг друга не ранили;
Саблями вострыми ударились —

- Востры сабли приломались,
Друг друга не ранили;
- 165 Бились-дрались рукопашным боём,
Бились-дрались день до вечера,
Со вечера бьются до полуночи,
Со полуночи бьются до бела света.
Махнет Илейко ручкой правою —
- 170 Поскользит у Илейки ножка левая,
Пал Илья на сыру землю;
Сел ему нахвальщик на белы груди,
Вынимал чингáлище булатное,
Хочет вспороть груди белыя,
- 175 Хочет закрыть очи ясныя,
По плечь отсечь буйну голову.
Еще стал нахвальщик наговаривать:
«Старый ты старик, старый, матёрый!
Зачем ты ездить во чисто поле?»
- 180 Будто некем тебе, старику, заменитися?
Ты поставил бы себе келейку
При той пути при дороженьке;
Собирал бы ты, старик, в келейку:
Тут бы, старик, и живот скончал!»
- 185 Лежит Илейко под богатырем,
Говорит Илейко таково слово:
«Да неладно у св<ятых> отцев написано,
Да неладно у апостолов удумано;
Написано было у св<ятых> отцев,
- 190 Удумано было у апостолов:
Не бывать Илье в чистом поле убитому.
А ныне Илья под богатырем!»
Лежучи у Ильи вдвое силы прибыло:
Махнет нахвальщика в белы груди,
- 195 Вышибал выше дерева стоячего.
Пал нахвальщик о сыру землю,
В сырую землю ушел до пояс.
Не досуг Илье много спрашивать,
Скоро спорол груди белыя,
- 200 Скоро закрыл очи ясныя,
По плечь отсек буйну голову,
Воткнул на копье бржамецкое,
Повез на заставу богатырскую.
Добрыня встречает Илью Муромца

205 Со своею братьею приборною.
Илья бросил голову о сыру землю,
При своей братьи похваляется:
«Ездил во поле, братцы, тридцать лет —
Этакого чуда не наезживал!»

№ 9 (3). ПРО ВАСЬКУ КАЗИМИРОВА

[ДОБРЫНЯ И ВАСИЛИЙ КАЗИМИРОВИЧ]

Во славном было городе во Киеве,
У славного князя Владимира,
Говорит батюшка Владимир-князь:
«Ой ты гой еси, Василей сын Казимировичь!»
5 У меня тебе, Василей, служба явленная:
Ехати Василью в Большую Орду,
В Большую Орду Заоданскую,
Ко царю ли ко Батыю,
Везти ли тебе дани, везти пошрины,
10 Везти тебе двенадцать ясных соколов,
Везти тебе двенадцать белых кречетов,
Везти тебе миса чиста золота,
Везти тебе миса чиста серебра,
Везти тебе миса скатна жемчуга».
15 Василей от того не отпирается:
«Ах ты гой еси, батюшка Владимир-князь!
Куда меня пошлешь, я тебе рад служить:
Только дай-ко ты мне во товарищи
Дай-ко молода Добрынюшку Никитича,
20 Другова дай Марка и паробка».
Говорит Владимир-князь ко товарищам:
«Вот вам, ребята, служба явленная:
Ехати вам во Большую Орду,
Во Большую Орду Заоданскую,
25 Ко царю ко Батыю,
Везти вам дани-пошрины:
Везти двенадцать ясных соколов,
Везти двенадцать белых кречетов,
Везти миса чиста золота,
30 Везти миса чиста серебра,
Везти миса скатна жемчуга».
Не брали они ни дани, ни пошрины,

- Ухватили лучишко дорожное,
Поехали ребята не воротами:
- 35 Скочили через стену городовую,
Через те башни наугольные.
Приехали ребята в землю Заоданскую,
Приехали ко Батыю царю
Остался Добрыня на новых сенях:
- 40 Во палаты пошел Василий сын Казимировчъ,
Ко царю, ко Батыю:
«Ой ты гой еси, Батый царь!
Изволь принять дани и пошлины:
Вот тебе двенадцать ясных соколов,
45 Вот тебе двенадцать белых кречетов,
Вот тебе мѣса чѣста золота,
Вот тебе мѣса чѣста серебра,
Вот тебе мѣса скѣтна жемчуга
От ласкова князя Владимира!»
- 50 Говорит ему царь Батый:
«Ах ты гой, Василий сын Казимировичь!
Есть ли у вас таковы умильны игроки:
Поиграть бы во тавлеи во вальящеты?» —
«Ах ты гой еси, Батый царь!
- 55 Я не знал, право, охоты твоей царской,
Не знал охоты твоей боярской:
Не брал из города умильных игроков;
А надеюсь на Спаса, на пречистую
На матушку на Божию Богородицу,
60 Надеюсь на братца на названова,
На молода Добрыню Никитича:
С измалехонька Добрынюшка тешился,
С малыми ребятами игрывал».
- Кликнули Добрыню Никитича,
65 Подернули столы белодубовые,
Раздернули тавлеи вальящеты.
Первую тавлеюшку царь ступил;
Другую тавлеюшку Добрыня Никитичъ млад;
Третью тавлеюшку царь ступил;
- 70 Четвертую Добрыня Никитичъ млад:
Больше царю ступить некуда —
Та игра была поиграна.
Вново бьет челом Василей сын Казимировчъ:
«Ой ты гой еси, Батый царь!

- 75 Изволь принять дани и пошлины:
Двенадцать ясных соколов,
Двенадцать белых кречетов,
Миса чиста золота,
Миса чиста серебра,
- 80 Миса скатна жемчуга
От ласкова князя Владимира».
Говорит ему царь Батый:
«Ах ты гой еси, Василей сын Казимировичь!
Есть ли у вас таковы умильны борцы?»
- 85 Отвечает Василей сын Казимировичь:
«Ах ты гой еси, Батый царь!
Я не знал, право, охоты твоей царской,
Не знал охоты твоей боярской:
Не брал из города умильных борцев;
- 90 А надеюсь на Спаса, на пречистую
На матушку на Божью Богородицу,
Надеюсь на братца на названова,
На молода Добрыню Никитича:
С измалехонька Добрынюшка тешился,
- 95 С малыми ребятушками барывался».
Крикнули Добрыню Никитича.
На улке у царя ходят три борца,
Три борца, три татарина:
Дружка дружку за ворот похватывают,
- 100 Дружка дружку наземь побрасывают.
Спускается Добрыня со красна крыльца,
В одном спускается во порядочке:
«Ах ты гой еси, Батый царь!
Как ты прикажешь мне боротися:
- 105 Со всеми ли вдруг аль по одиночке?»
Говорит Батый царь Заодонский:
«Ой ты гой еси, Добрыня Никитичь млад!
Ты как поизволишь, так и борись!»
Добрыня взял первого татарина за ворот,
- 110 Второго татарина взял за голову,
Третьего татарина за власы:
Бросил их о сыру землю,
Зашиб до смерти до скорыя:
Та борьба побрана.
- 115 Вново бьет челом Василей сын Казимировичь:
«Ой ты гой еси, Батый царь!

- Изволь принять дани и пошлины:
Двенадцать ясных соколов,
Двенадцать белых кречетов,
120 Миса чиста золота,
Миса чиста серебра,
Миса скатна жемчуга
От ласкова князя Владимира».
Говорит ему Батый царь:
- 125 «Ах ты гой еси, Василей сын Казимировичь!
Есть ли у вас таковы умильны стрельцы:
Постреляти бы из наших из тугих луков?»
Отвечает Василей сын Казимировичь:
«Ах ты гой еси, Батый царь!
- 130 Я не знал, право, охоты твоей царской,
Не знал охоты твоей боярской:
Не брал из города умильных стрѣльцѣв;
А надеюсь на Спаса, на пречистую
На матушку Божью Богородицу,
135 Надеюсь на братца на названова,
На молода Добрыню Никитича:
Из маленьких лучишков он постреливал».
Крикнули Добрыню Никитича.
На улицах у царя несут тугой лук:
- 140 Под конец несет сто татаровей,
Под другой несет другое сто,
Под середочку третье сто;
Все идут татарове — покрехтывают.
Берет ли Добрыня ручкой правою,
145 Кладет ли Добрыня под ножку под левую,
С левыя ножки на право плечо:
Заскрипели только полосы булатныя,
Заревели змеи у туга лука,
Изломалась полоса булатная,
- 150 Со бедра Добрыня бросил лук о землю:
«Ах ты гой еси, Батый царь Заоданской!
Что ты мне экой за лук принес?
Ах ты гой еси, Марко и парбок!
Тащи-тко лучишко дорожное,
155 Дорожное лучишко завозное!»
Берёт Добрыня ручкой правою,
Кладет Добрыня под ножку под левую:
Защелкала тетивочка шелковая,

- Натянулся у Добрыни тугой лук;
160 Наложил он стрелку каленую.
Говорит Добрыня Никитичь млад:
«Ах ты гой еси, Батый царь Заоданской!
Ты куда прикажешь из лука стрелить?
По татаровой стрелить али во чисто поле,
165 Во матёрое дубово дерево?»
Отвечает Батый царь:
«Ах ты гой еси, Добрыня Никитичь млад!
Ты куда поизволишь, туда и стрели!».
Разжалился стрелять по татаровой,
170 Стрелял он далече во чисто поле,
Во то ли во матерое во дубово дерево.
Расшиб дуб дерево в черенье во ножевое;
Еще стрела не уходилася, —
Залетела в пещеру белокаменную,
175 Убила змия троеглавова.
Скочили робята на добрых коней,
Не дали робята ни дани, ни пошлыны;
Уезжали робята в стольный Киев-град.

№ 10 (4). [ДОБРЫНЯ И МАРИНКА]

- Был-жил Добрыня у дядюшки,
Не выжил Добрыня слова гладкого,
Не выжил Добрыня хлеба мягкого,
Только выжил Добрыня себе добра коня,
5 Добра коня Добрыня наступчива.
Задумал Добрынюшка жениться
На той на Марине на Игнатъевой.
Возговорит Добрыне больша сестра:
«Ужь ты гой еси, Добрыня Никитичь млад!
10 Не женись ты, Добрыня, на Маринке

Игнатъевой:

- Извела Маринка девять князей,
Все девять князей — женихов своих:
Изведет она тебя десятого!»
Не послушался Добрыня большей сестры,
15 Молодой Катерины свет Никитишны.
Обернулся Добрыня сизым голубем.
Полетел Добрыня во чисто поле

- Ко той Маринке ко Игнатъевой;
Садился к ней на окошечко:
- 20 «Ужь ты гой еси, Марина дочь Игнатъева!
Я приехал к тебе, Марина, свататься;
Ты походишь ли за меня замужь?»
Лежала Маринка на постелюшке,
На руке у ней лежит змея лютая,
- 25 На другой руке лежат два змееныша:
Змея лютая Добрыню зажегчи хочет,
Два змееныша Добрыню запалить хотят.
Возговорит Маринка дочь Игнатъева:
«Ужь ты гой еси, змея лютая,
- 30 Ужь вы гой есте, два змееныша!
Вы не жгите, не палите добра мблодца:
Я сама с Добрынюшкой переведаюсь!»
Брала Маринка Добрыню за ручки белыя,
За те же персты за злаченые,
- 35 Цаловала его во уста сахарныя:
«Ужь ты здравствуй, Добрыня Никитичь млад!»
Повела Добрыню на широкий двор,
Обернула Добрыню гнедым туром:
«Ты поди-ко, ты поди, гнедой тур,
- 40 Ты поди-ко, бежи во чисто поле,
Где там ходят гнедые девять туров,
Девять туров — всё женихи мои;
Не хватало только тебя, тура десятого,
Удала Добрынюшки Никитича!
- 45 Выдирай ты там траву со ржавчиной,
Запивай траву водою болотною!»
То слышала Добрынина больша сестра,
Молода Катерина дочь Никитишна;
Обернулась Катерина перепелочкой,
- 50 Полетела Катерина во чисто поле,
Ко той Маринке ко Игнатъевой:
«Ужь ты гой еси, Маринка дочь Игнатъева!
Ты отдай-ко мне Добрынюшку Никитича,
Ты отдай-ко мне мого родного брателка.
- 55 Не отдашь мне-ка Добрынюшку Никитича, —
Оберну я тебя сукой долгохвостою,
Еще псы за тобой будут гоняться,
Ребята малы палками метаться!»
Говорит Маринка дочь Игнатъева:

- 60 «Ужь ты гой еси, Катерина дочь Никитишна!
Ужь ты дай мне-ка сроку до завтраво:
Я отдам тебе Добрынюшку Никитича,
Я отдам тебе брателка родимого!»
Отвечает Катерина свет Никитишна:
- 65 «Я не дам тебе срока на единый час,
Подавай мне-ка брателка родимого!»
Обернулась Маринка перепелочкой,
Полетела Маринка во чисто поле,
Садилася Маринка на сырой дуб.
- 70 Говорила Маринка таковы речи:
«Ужь вы гой есте, девять гнедых туров,
Ужь вы гой есте, девять молодых князей,
Вы собирайтесь, туры, все сюда!»
Прибегали к ней все девять туров,
- 75 Говорит она таково слово:
«Еще нет ли с вами Добрынюшки?»
Отвечают ей девять туров:
«С нами нет Добрынюшки Никитича».
Говорит Маринка дочь Игнатьева:
- 80 «Ужь ты гой еси, десятый тур!
Прибегай ко мне со черных грязей,
Прибегай ко мне из болотных вод!»
Треплется Добрыня Никитичь млад:
Нога за ногу у гóря заплетается.
- 85 Садилась Маринка дочь Игнатьева,
Садилась к Добрыне на правый рог:
«Ужь ты гой еси, Добрынюшка Никитичь млад!
Ты не будешь ли меня ни бить, ни мучити,
Оберну тебя, Добрыня, добрым молодцем!»
- 90 Возговорит Добрыня Никитичь млад:
«Ужь ты гой еси, Маринка дочь Игнатьева!
Я не буду тебя ни бить, ни мучити,
Поучу только тебя наученьцем,
Небольшим наученьцем, — по-женскому,
- 95 Поучу тебя, Маринка, как мужья жен учát».
Отвернула она Добрыню в добра мблодца.
Походили они к родной сестре Добрыниной,
Ко той ли Катерине дочь Никитишне.
Возговорит Марина дочь Игнатьева:
- 100 «Ужь ты гой еси, Катерина свет Никитишна,
Изволь, бери брателка родимого!»

Брала она его за белы руки,
За те же персты за злаченые,
Цаловала во уста сахарныя;
105 А дуру Маринку дочь Игнатьеву
Обернула в сѹку долгохвостую;
Кобели за Маринкой гоняются,
Малы ребята палками в нее метаются.

№ 11 (5). АЛЁША ПОПОВИЧ

[АЛЁША ПОПОВИЧ И ТУГАРИН]

На небесах зародился млад светёл месяц, на земле-то у старого соборного у Леонтья попа зародился сын — могучий богатырь; а имя нарекли ему млад Алёша Попович — имячко хорошенькое. Стали Алёшу кормить-поить: у кого недельной — он денной такой; у новых годовою — Алёша недельной такой. Стал Алёша по улочке похаживати, стал с малыми ребятками поигрывать: кого возьмет за ручку — ручка прочь, кого за ножку — ножка прочь. Игра-то у него некорыстно пошла! Кого за середку возьмет — живота лишит. И стал Алёша на возрасте; учал у отца-матери просить благословеньца: ехать-гулять во чистò поле. Отец говорит: «Алёша Попович! Поезжаешь ты во чистò поле; есть у нас и посильней тебя; ты возьми себе в слѹги верные Марышка Паранова сына». И сядились добры мѹлодцы на добрых коней. Как поехали они во чистò поле — пыль столбом закурилася: только добрых мѹлодцев и видели!

Приезжали добры мѹлодцы ко князю ко Владимиру; тут Алёша Попович прямѹю идет в белокаменные палаты ко князю ко Владимиру, крест кладет по-писаному, поклоняется по-ученому на все на четыре стороны, а князю Владимиру на особицу. И встречается добрых мѹлодцев Владимир-князь, и сажает их за дубовый стол: хорошо добрых мѹлодцев попоить-покормить и втапор вестей поспросить. Учали добры мѹлодцы есть пряники печатные, запивать винами крепкими. Тут спросил добрых мѹлодцев Владимир-князь: «Кто вы, добры мѹлодцы? Сильные ли богатыри удалые или путники перехожие — сумки переметныя? Не знаю я вам ни имени, ни отчины». Ответ держит Алёша Попович: «Я сын старого соборного Леонтья-попа Алёша Попович млад, а в товарищах слуга Марышко Паранов сын». Как поел да попил Алёша Попович,

учал правиться на кирпичну печь, лёг полудновать, а Марышко за столом сидит.

В те поры да в то времячко наезжал Змеевич-богатырь и облатынил все царство князя Владимира. Идет Тугарин Змеевич в палаты белокаменны ко князю Владимиру; он левой ногой на порог ступил, а правой ногой за дубовый стол. Он пьет и ест и с княгиней обнимается, а над князем Владимиром играет и ругается. Он кладет ковригу за щеку, а другую за другую кладет; на язык кладет целого лебедя, пирогом попихнул — все вдруг проглотнул.

Лежит Алёша Попович на кирпичной печи и говорит такие речи Тугарину Змеевичу: «Было у нашего у батюшки у старого у Леонтья-попа — было коровищё, было обжорищё, ходило по пивоварням и съедало целыя кадцы пивоварныя с гущею; дошло коровищё, дошло обжорищё до озера, всю воду из озера выпило — взяло его тут и рдорвало. А и тебя бы Тугарина так за столом-то всего прорвало!» Рассердился Тугарин на Алёшу Поповича, бросил в его булатным ножом. Алёша Попович увертлив был, увернулся от его за дубовый столб. Говорит Алёша таково слово: «Спасибо тебе, Змеевич Тугарин-богатырь, подал ты мне булатный нож; распорю я тебе груди белыя, застелю я тебе очи ясныя, засмотрю я твоего ретива сердца».

В те поры выскакал Марышко Паранов сын из-за стола из-за дубового на резвы ноги и хватил Тугарина за навороть, выхватил из-за стдлья и бросил о палату белокаменну — и посыпались оконницы стекольчатыя. Как возгдворит Алёша Попович с кирпичной печи: «Ой ты Марышко, Марышко Паранов сын, ты верная слуга неизменная!» Отвечает Марышко Паранов сын: «Подай-ка ты мне, Алёша Попович, булатный нож; распорю я Тугарину Змеевичу груди белыя, застелю я ему очи ясныя, засмотрю его ретива сердца». Ответ держит Алёша с кирпичной печи: «Ох ты Марышко Паранов сын! Не руди ты палат-то белокаменных, отпусти его во чисто поле, некуда он там деваётся, съедемся с ним заутро во чистом поле».

Поутру раным ранёшенько подымался вместеях с солнышком Марышко Паранов сын, выводит он резвых коней пить воды на быстру реку. Летает Тугарин Змеевич по поднебесью и просит Алёшу Поповича во чисто поле. И приезжал Марышко Паранов сын к Алёше Поповичу: «Бог тебе судья, Алёша Попович! Не дал ты мне булатного ножа: распорол бы

я поганцу груди белыя, застлал бы я его очи ясныя, высмотрел бы я его ретива сердца; теперя чò возьмешь у него, у Тугарина? Летаєт он по поднебесью». Говорит Алёша таково слово: «Не замена моя — все измена!»

Выводил Алёша своего добра коня, обседлал во черкасское седло, подтянул двенадцатью подпругами шелковыми — не ради басы, ради крепости. Поехал Алёша во чистò поле. Едет Алёша по чисту полю и видит Тугарина Змеевича: он летаєт по поднебесью. И взмолился Алёша Попович: «Пресвятая мати Богородица! Накажи-ко ты тучу черную, дай Бог из тучи черной часта дождичка крупенистого! Смочило бы у Тугарина крыльица бумажныя». У Алёши была мольба доходная: накатила туча черная; из той тучи грозной дал Бог дождичка частого, частого да крупенистого, и смочило у Тугарина крыльица бумажныя; пал он на сыру землю и поехал по чисту полю.

Не две горы вместе скатаются, — то Тугарин с Алёшей съезжались. Палицами ударились — палицы по чівьям поломались; копыями соткнулись — копыя по чивьям извернулись; саблями махнулись — сабли исщербились. Тут-то Алёша Попович валился с седла, как овсяной сноп. И тут Тугарин Змеевич учал бить Алёшу Поповича, а тот ли Алёша увертлив был — увернулся Алёша под конное чèрево, с другой стороны вывернулся из-под черева и ударил Тугарина булатным ножом под правую пазуху, и спихнул Тугарина со добра коня. И учал Алёша Попович кричать Тугарину: «Спасибо тебе, Тугарин Змеевич, за булатный нож; распорю я тебе груди белыя, застелю я твои очи ясныя, засмотрю я твоего ретива сердца».

Отрубил ему Алёша буйну голову, и повёз он буйну голову ко князю ко Владимиру. Едет да головушкой поигрывает, высоко головушку выметывает, на востро копые головушку подхватывает. Тут Владимир ополòхнулся: «Везет-де Тугарин буйну голову Алёши Поповича! Попленит он теперь наше царство христианское!» Ответ держит Марышко Паранов сын: «Не тужи ты, Красно Солнышко Владимир стольный киевский!» Если едет пò земли, а не летаєт по поднебесью поганый Тугарин, сложит он свою буйну голову на мое копые булатное. Не печалуйся, князь Владимир: какова порà — я с им побрòтаюсь!»

Посмотрел тут Марышко Паранов сын в трубочку подзорную, опознал он Алёшу Поповича: «Вижу я хватку богатыр-

скую, поступку молодецкую: накруто Алёша коня поворачивает, головушкой поигрывает, высоко головушку выметывает, на востро копье головушку подхватывает. Едет это не Тугарин поганый, а Алёша Попович, сын Леонтья-попа старого соборного. Везет он головушку поганого Тугарина Змеевича».

№ 12 (6). [АЛЕША ПОПОВИЧ И СЕСТРА БРАТЬЕВ СБОРОВИЧЕЙ]

- Во славном городе в Киеве,
У князя было у Владимира,
Столованьице было, пированье, почестен пир,
На многие князи и бьяра,
5 На сильных могучих богатырѣв
И на все поленицы удалыя.
На пиру все были пьяны-веселы,
Все на пиру прирасхвастались:
Иной хвастает добрым конем,
10 Новой хвастает своей ухваткою,
А бояре хвастают животом своим.
При том пиру, при беседушке,
Сидят два брата, два Петровича;
Сидят они братаны не веселы,
15 Свои буйны головы повесили.
Князь Владимир стольный Киевский
Стал по гриднице похаживать:
«Что вы, братаны, не веселы,
Что вы ничем не похвалитесь?» —
20 «Князь Владимир стольный киевский!
А и нечем нам, братанам, похвастати:
Добры кони у нас не удалы,
Молоды жены не изродныя;
Есть у нас у братьов родна сестра,
25 Свет Наталья Сборовична:
Сидит она во высоком тереме,
Сидит заперта двумя дверями,
Она замкнута тремя ключами;
Ей красно солнушко не огреет,
30 И буйны ветры ее не обвеют,
Ясный сокол мимо терема не пролетит,
На добром коне мимо молодец не проедет».
При том пиру при беседушке

- Случилось быть Алешиньке Поповичу;
35 Попович говорил таковы речи:
«Не чѣм же вы, братаны, хвастаете,
Не добром вы, братаны, похваляетесь;
Довольно я видал вашу сестрицу,
Свет Настасью Сбородовичну,
40 А бывали и такие часы,
Что у ней и на грудях леживал!»
Сбородовичам братьям за беду пало,
За беду пало, за великую;
Хватали они по ножишку по булатному,
45 Метали ими в Алешу Поповича,
Горáзден Алеша был ножи хватать,
Хватал за черенья за ножевыя,
Сам говорил таковы слова:
«Ой вы гой еси, два брата, два Петровича!
50 Поезжайте, братаны, к своему двору,
Соймѣте с себя платье цветное,
Отдавайте его любимым конюхам,
Оболокайтесь сами в платье черное,
Чтоб вас жены не опбзнали;
55 Дождитесь ноченьки седьма часу,
Поезжайте тогда во чисто поле,
Захватите комúлю снега белого,
Метните ее во окошечко во слúхово:
Услышите отвѣстьѣ Настасьи Сбородовичны».
60 Снимались братаны со пира в полпьяна,
Садились они на добрых коней,
Поезжали братаны к терему высокому,
Захватили комúлю снега белого,
Метали его во окошечко во слухово.
65 Услышала брѣкот Настасья Сбородовична,
Сама держит скорое отвестице:
«Ужь ты гой еси, Алешинька Поповичь млад!
Без тебя у меня кушанья призначѣрстнули,
Пѣтъица медвяны застоялися!»
70 Тогда два брата Сбородовичи
Ко высокому терему сбегалися:
Ломали двери терембвыя,
Захватили свою родну сестрицу,
Свет Настасью Сбородовичну,
75 Везли ее во поле во Куликово,

Хотят ей рубить буйну голову.
Тогда Алеша Поповичь млад
Крычал-зычал зычным голосом:
«Ой вы, два брата, два Петровича!
80 Не губите своей Настасьи Сборововичны:
Отдайте мне-ка во замужество!»
Остоялись братья Сборововичи,
Низко кланялись они Алеше Поповичу,
Отдавали ему во замужество
85 Свет Настасью Сборововичну.

№ 13 (7). ДУНАЙ

Во славном городе во Киеве,
У ласкова князя Владимира
Столованье было пированьице,
5 Почестен пир на всех на князей на бояр,
На сильных могучих на богатырей,
На все полиницы удалыя.
Все ко князю на пир собиралися,
Все князи и бояра,
10 И все сильные могучие богатыри,
И все полиницы удалыя.
Всхбжее солнушко идет к западу,
Белый день-то идет к вечеру,
Почестен пир идет на весело;
15 И все на пиру напивалися,
Все на пиру наедалися,
Все князья и бояра,
И сильные могучие богатыри,
И все полиницы удалыя;
20 Все они пьяны-веселы,
Все они промежь собой порасхвасталися:
Первый князь хвалился чистым серебром,
Второй князь хвалился красным золотом,
Третей князь хвалился скатным жемчугом.
25 Не золотá трубочка вострубила,
Не серебряна сапбвочка возыграла, —
Проговорил слово князь Владимир,
Князь Владимир стбльный киевский:
«Не делом вы, братцы, хвастаете,

- Не удачей своей похваляетесь;
30 У меня ли то нет чиста сѣребра?
У меня ли то нет красна золота?
У меня ли то нет скатна жемчуга?
А все вы, князья, у меня изжѣнены,
По местам вы, князья, да испосажены.
35 И все вы, князья, у меня жалованы:
А я ли Владимир не женат живу,
Не женат живу да холостым слыву.
А кто мне знает супротивницу,
Супротивницу — красну девицу?»
40 Все князья и бояра,
Все сильные могучие богатыри,
И все полиницы удалыя —
Все друг за друга хоронятся:
Большой князь хоронится за среднего,
45 А середний хоронится за меньшего,
А от меньшего и ответу нет.
Не из большего-то места, не из меньшего,
Из того ли места из среднего,
Из-за столья из-за белодубового
50 Вставал-то да добрый молодец
Тихий Дунай сын Ивановичь,
Низко Владимиру-князю поклоняется:
«Уж ты батюшка наш, Влад<имир> князь,
Ты Влад<имир> князь стольный киевский!
55 Благослови мне слово молвити,
Без скорого без казненья
И без дальния мне-ка высылки?» —
«Теперь ты, Тихий Дунай сын Ивановичь,
Теперь ты что хочешь говори». —
60 «Жил я, Владимир, в Ляховинской земле,
У ляховинского короля двенадцать лет:
Ровно три года я был в кбнюхах;
Три года я у ворот стоял,
У ворот стоял приворотничком;
65 Три года я у дверей стоял,
У дверей стоял придверничком;
Три года я у стола стоял,
У стола стоял — стольничал.
У того-то у короля у ляховинского
70 Есть две дочери — две хорошия:

- Большая-то дочь возрастом не мала
И умом-то она на стате,
В грамоту девица поучёная,
Лицом она бела, как зимний снег,
75 Очи у ея, как у сокола,
Брови у ея, как у соболя,
Ходит она, словно лебедушка,
Глазом глянет — словно светлый день;
Будет тебе она супротивница».
- 80 К<нзю> Владимиру слова приглянулись,
Приглянулись, прилюбилися;
Садил он его за дубовый стол,
Учёл он его чествовать:
«Поезжай ты, Дунай, сватовцом,
85 Бери ты казны, сколько надобно,
Бери ты тридцать богатырей». —
«Казна мне твоя не надобна,
О богатырях мне не подумати:
Дай ты мне любимого товарища
90 Добрыню Никитича».
- Пошли они с Добрыней Никитичем;
Пришли они к королю ляховинскому,
Зашли в палаты высокия белокаменные.
Не крестит он лица белого,
95 На все на четыре стороны поклоняется,
Королю ляховинскому на осбицу.
Проговорил король ляховинский:
«Что ты пришол ко мне: войной воевать
Или по-старому служить?» —
100 «Я пришол не войной воевать,
Не по-старому служить;
Я пришол о добром деле — о сватанье:
Ты отдай большую дочь свою
За нашего князя за Владимира».
- 105 Ответ держит король ляховинский:
«За Владимира можно девка давать:
Хорошой жених, во славе во почести». —
«А другую дочь за меня отдай». —
«Веселым пирком да и свадебка!»
110 Отошло дело, и домой снялись,
И приехали ко кня<зю> ко Владимиру.
Влад<имир> князь возрадовался,

- И пошли они ко божьей церкви, обвенчались;
И пошло у них пиროваньцо,
115 Пиროванье-столованье на весь крещеный люд.
На пиру Дунай порасхвастался:
«Нет на свете меня сильней!» —
«Не делом ты, Дунай, хвастаешь, —
Говорит ему молодая жонка, —
120 Нет на свете меня стрельнее,
А Ильи Муромца сильнее.
Я у тебя с темечка перстенок сострелю,
И темечка не задеру».
Не задела она — сострелила.
125 Дунай раз стрелил — он задел выше:
Надо головы не прихватить;
Другой раз стрелил — на праву сторону на аршин;
Третий раз Дунай наметил в ретиво сердце.
Проговорила жонка Дунаева:
130 «Почто ты стреляешь мне в ретиво сердце?
У меня во утробе два чада:
Одно — по колен ножки в серебре,
По локоть ручки в золоте».
Не слушает Дунай жонки своей,
135 Стрелил он ей в ретиво сердце;
Распорол груди белыя:
Как увидел он два чада — испугался,
Воткнул копье тупым концом в дубовый пол,
Бросился на острие — и живот скончал.

№ 14 (8). [ИВАН ГОДИНОВИЧ]

- Во славном было городе во Киеве,
У того же у князя у Владимира,
Собирал Влдаимир князь славный пир,
Славный пир, почестен стол,
5 Назвал на пир всех князей-бояров,
Еще всех могучих богатырев.
Все на пиру пьяны-веселы,
Все на пиру прирасхвастались:
Иной хвастает золотой казной,
10 Иной похвастал чистым серебром,
Иной похвастал скатным жемчугом,

- Иной похваляется добрым конем.
Тут сидит Иванушко Гоудиновичь,
Он сидит не пьет, не кушает,
15 Белой лебеди Иван не рушает.
Что на это Владимир князь слово говорит,
Говорит Владимир князь, как в трубу трубит:
«Ужь ты гой еси, Иванушко Гоудиновичь!
Ужь ты что же сидишь, не пьешь, не кушаешь,
20 Ты почто белой лебеди не рушаешь?
Ужь и я ль обнес тебя золотой казной,
Я ль обнес тебя братыней пьяною?»
На это Иванушко ответ держит:
«Не обнес ты меня царбй казной,
25 Не обнес ты меня братыней пьяною». —
На это ласков князь речь гбворил:
«Что ты, что ты, Иванушко Гоудиновичь,
Что ты, что ты сидишь — ничем не хвастаешь?»
На это Гоудиновичь ответ держит:
30 «Ужь ты гой еси, ласков Владимир князь!
Ты позвол-ко мне-ка слово молвити:
Не изволь меня при всем столе казнить,
Не изволь меня при всех князьях рубить».
На это ласков князь речь говорит:
35 «Говори ты, Иванушко, без опасности,
Говори ты, Гоудиновичь, без великия».
Проговорил Иванушко Гоудиновичь:
«Что во нашем во городе во Киеве,
Что у нас в слободе в Ерусалимския,
40 У нас нет молодцев, удалых Суздальцев,
У нас нет девиц — белых лебедей:
У нас мблодцы приженилися,
У нас дэвицы замужь выданы,
Я один, добрый молодец, холост хожу».
45 На это ласков князь слово вымолвил:
«Уж ты гой еси, Иванушко Гоудиновичь!
Ты поди-ко, Иван, на конюший двор,
Ты бери жеребца с девяти цепей,
Надевай-ко сбруду богатырскую,
50 Поезжай-ко ты, куда хочется,
Ты бери себе жену, где можется:
Хоть у того царя, у царевича,
Хоть у того короля, у королевича,

- Хоть у того у купца богатого,
 55 Хоть у того у попа простоволосого,
 Хоть у того у мужика у подлого».
 Показалось Ивану за досадушку,
 Показалось ему за беду великую:
 «Мне не надо у царя, у царевича,
 60 Мне не надо у короля, у королевича,
 Мне не надо у купца богатого,
 Мне не надо у попа простоволосого,
 Мне не надо у крестьянина подлого;
 Я возьму ли себе, возьму сужену,
 65 Что во том ли в городе во Черниговском,
 У того ли у короля у Чернигова;
 У него есть Авдотья Лебедь белая:
 Она ростом не мала, умом крепка,
 У ей лицо бело, как осённый снег,
 70 У ей брови черны, как у соболя,
 У ей очи ясны, как у сокола,
 На это ласков князь Владимир речь гóворил:
 «Ужь ты гой еси, Иванушко Гоудинович!
 Не бери ты во городе во Чернигове,
 75 У того у царя у Чернигова:
 У него есть Авдотья Лебедь белая,
 Она ростом не мала да умом слаба;
 У нее лицо бело, как осённый снег,
 У нее брови черны, как у соболя,
 80 У нее очи ясны, как у сокола».
 Показалось Иванушку за досадушку:
 Выходил Иван из дуба стола,
 Из-за тех скатертей из-за бёрчатых;
 Ни с кем добрый молодец не прощается,
 85 Он двери отпирает широко на́ пяту,
 Он двери запирает крепко-на́крепко:
 Дубовыя ободверины покосил.
 Говорит ему на это Владимир князь:
 «Ужь ты гой еси, Иванушко Гоудинович!
 90 Тебе много ли надо золотой казны,
 Тебе много ли надо силы,
 Тебе много ли надо сильных богатырёв?» —
 «Мне не надо твоей золотой казны,
 Мне не надо твоей силы,
 95 Мне не надо твоих богатырев».

- Походил Иван на конюший двор,
Он брал жеребца с девяти цепей,
Надевал узду богатырскую,
Он брал с собой саблю широкую,
100 Он брал с собой востро копьё,
Он брал с собой палку буевую,
Захватил на попутье булатный нож.
Видели Ивана, как коня седлал,
Не видали поездочки богатырския,
105 Только взглянут: в чистом поле куревá стои́т.
Поехал Иван по чисту по́лю,
Он доехал до реченьки бродо́выя,
Переехал за реченьку бродовую,
Он заехал во город во Черниговский,
110 Он приехал ко царю ко Чернигову.
Он заехал к царю на широкий двор,
Он поставил коня не привязавши.
Походил Иван на крылечушко,
Со крылечушка во новы сени,
115 Со новых сеней во светлу грядú.
Он двери отпирал широко — на́ пяту,
Он двери запирал крепко-на́крепко:
Дубовое ободвѣренье он по́косил.
Он крѣст кладет по-писаному,
120 Поклон кладет по-ученому,
Он молится Спасу пречудному.
«Ужь ты здравствуй, царь со царицею,
Ужь ты здравствуй, царь все Черниговец!»
На это Черниговец ответ держит:
125 «Ужь ты здравствуй, Иванушко Годиновичь!
Ты приехал ко мне все по-старому,
Все по-старому, по-бывалому,
Что во те ты во ключнички во столовые?»
На эту речь Иванушко в ответ сказал:
130 «Я приехал к тебе не по-старому,
Не по-старому приехал, не по-прежнему,
Не во те во ключнички во столовые,
Я приехал к тебе сватом свататься:
Ты отдай за меня Авдотью Лебедь белую!»
135 Говорит Черниговец таковы речи:
«Ужь ты что́ ты, Иванушко Годиновичь!
У меня ведь Авдотьюшка засватана,

- Засватана Авдотья, запоручена,
Что во ту ли во орду во неверную,
140 За того ли за Одблища поганого». На эти речи Иванушка ответ держит:
«Ужь ты гой еси, царь Черниговец!
Отдавай за меня Авдотью Лебедь белую:
Ужь ты чёстно не дашь — за боём возьму,
145 Ужь я тем кроволитьицем великиим». —
«Ужь ты гой еси, Иван Гоудинович!
У меня, право, Авдотьюшка засватана,
Засватана Авдотья, запоручена,
Что во ту ли во орду во неверную,
150 За того ли Одолища за поганого». Тут пошел Иван из светлой гряды,
Из светлой гряды пошел по новым сеням,
Из новых сеней пошел во другú грядú,
Он двери отпирал широко на́ пяту,
155 Он двери запира́л крепко-на́крепко.
Он крест кладет по-писа́ному,
Поклон ведет по-ученому,
Молится Спасу пречудному:
«Ужь ты здравствуй, Авдотья Лебедь белая!»
160 Тут сидит Авдотья полотенце ткёт.
На головке у Авдотьи белы Лебеди,
На левом плече у ней черны собыли,
На правом плече сидят ясны соколы,
На прошестях у Авдотьи сизы голуби,
165 На подножках у Авдотьи черны вóроны.
«Ужь ты здравствуй, Иван свет Гоудинович!»
Выходила Авдотья из тонка полотна́,
Она брала Ивана за белы руки,
Цаловала-милова́ла во сахарныя уста.
170 На это Иван не замешкался:
Повел он Авдотью из светлой гряды́,
Он повел Авдотью по новым сеням.
Еще тут ли Авдотьюшка расплакалась:
«Ты умел меня, батюшка, вспоить-вскормить»,
175 Ты умел меня, батюшка, высоко взростить,
Не умел меня, батюшка, замужь выдати,
Без того кроволитьица великого!»
На эту речь Черниговец ответ держит:
«Ужь ты что же, Иванушка Гоудинович,

- 180 Хлеба-соли со мной не покушаешь?»
Отвечает Иван Годинович:
«На приезде ты гóстя не отпотчивал —
На поезде те гостя не отпотчивать!»
Садил Авдотью на добра коня,
- 185 Поезжал Иван во чисто поле;
Он доехал до реченьки бродовыя,
Переехал реченьку бродовую —
Пристигала его темная ноченька.
Он расставил шатер белый, камчаточный,
- 190 Повалился в шатри с своей Авдотьюшкой.
Мало по малу да вскоре времени
Доходили весточки до Одóблиця.
Походил Одолище во конюший двор,
Он брал жеребца с девяти цепей,
- 195 Надевал сбруду богатырскую,
Брал с собой саблю широкую,
Брал с собой востро копье,
Брал с собой палку буéвую,
Захватил на попутье булатный ножь;
- 200 Тут поехал Одолище во чисто поле,
Он доехал до гóрода до Чернигова,
Ко тому ли царю ко Чернигову.
Он заехал к царю во широкий двор,
Закрычал своим громким голосом:
- 205 «Ужь ты гой еси, царь вольный Черниговец,
У тебя дóма ли Авдотья Лебедь белая?»
Что на это Черниговец дога́ден был,
Выходи́л Черниговец из светлой гряды,
Выходи́л Черниговец на новы сени,
- 210 Со новых сеней на крылечушко,
Говорил Черниговец таковы речи:
«У меня нет Авдотьи белой Лебеди,
У меня был Иванушка Годинович,
Увез Авдотью Лебедь белую».
- 215 На это Одолище не замешкался:
Поезжал Одолище во чисто поле,
Доехал до реченьки до брóдовы,
Переехал реченьку бродовую,
Он увидел шатер белый камчаточный,
- 220 Он скрычал-сзычал зычным голосом:
«Кто есть жив в шатре в тонком камчаточном,

Кто есть жив в шатре, тот поди сюда!»
На это Иванушка послушался:
Ото сна встает добрый молодец, пробуждается,
225 Выходит Иван из бела шатра,
Умывается водой свежей ключевою,
Он терся полотенцем тонким камчаточным,
Он крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
230 Он молится Спасу пречудному.
Походит Иван ко добру коню,
Оболокает сброду богатырскую,
Берет с собой саблю широкою,
Берет с собой остро копьё,
235 Берет с собой палку буёвую;
Поехал Иван ко Одолищу.
Разъезжались братаны на утри версты,
Они съехались, братаны, поздоровались.
Они саблями ударились широкими,
240 И тут друг друга не ранили.
Что разъехались братаны на утри версты,
Они съехались, братаны, поздоровались,
Они копьями ткнулись берземецкими,
Они еще, братаны, друг друга не досадили.
245 Что разъехались братаны на утри версты,
Они съехались, братаны, поздоровались,
Они палками кинулись буёвыми:
Попала Одолищу по гóловы —
Улетал Одолище со добра коня.
250 На это Иванушка догадлив был:
Соскочил Иван со добра коня,
Перескочил гриву лошадиную,
Навалился Одолищу на черны груди,
Расстегает петельки шелковья,
255 Отстегает пуговики однозолóтныя,
Хочет спороть груди черныя,
Хочет вынуть ретиво сердце;
Позабыл во шатре свой булатный ножь;
Он скрычал своим громким голосом:
260 «Ужь ты гой еси, Авдотья Лебедь белая!
Ты кинай-ко булатный ножь из бела шатра:
Надо пороть Одолищу черны груди,
Надо вымать у Одолища ретиво сердце».

- На это Авдотьюшка ослышалась:
265 Приносила из шатра его булатный ножь.
Увидал Одолище поганое,
Заговорил Одолище таковы слова:
«Ужь ты гой еси, Авдотья Лебедь белая!
Ты кинай ножишко далече во чисто поле,
270 Ты бери-ко Ивана за русы кудри,
Согоні Иванушка с Одолища!»
Что на это Авдотья ослышалася:
Кина́ла булатный ножь в чисто поле,
Она брала Ивана за русы кудри,
275 Воротила Иванушка с Одолища.
Еще тут-то Одолище наверх попал:
Навалился к Ивану на белы груди,
Расстегает он петельки шелковыя,
Отстегает он пуговики однозолотныя,
280 Он хочет пороть груди белыя,
Он хочет выма́ть ретиво сердце,
Он вымаёт из ножней свой булатный ножь.
Сожалелася Авдотьюшка об Иванушке,
Сама го́ворит таковы речи:
285 «Ой ты гой еси, Одолище поганое!
Не пори у Ивана белых грудей,
Не выма́й у Ивана ретива сердца:
Мы возьмем-ка Иванушка да свяжем здесь,
Еще той свяжем плетью шелковою,
290 Шелковою плеточкой троесучною,
Мы привяжем Ивана ко сыру дубу!»
Пристигала их темна ноченька:
Повалился Одолище в тонкой шатер,
Повалился Одолище с Авдотьюшкой.
295 Поутру он встает ранехонько,
Выходит Одолище из бела шатра.
Прилетели на сырой дуб два голубя,
Увидал их Одолище поганое,
Проговорил Одолище таковы речи:
300 «Ужь ты взглянь-ко, Авдотья Лебедь белая,
Прилетели на сырой дуб два голубя!»
На это Авдотьюшка ответила:
«Ужь ты гой еси, Одолище поганое!
Ты устрель-ко мне сиза голубя:
305 Захотела я здесь голубятины».

- На это Одолище ослышался:
Заряжает стрелу, стрелу вострую,
Выпускает свою стрелу каленую,
Он сам стреле наказывает,
310 Он сам стреле наговаривает:
«Ты пади, стрела, не на воду, не на землю,
Ты пади, стрела, во дуб-древо,
Из сыра дуба в сиза голубя,
Сизу голубю пади ты во право око!»
- 315 Она пала не на воду, не на землю,
Она пала во матерое в дуб-древо,
Отскочила от дуба Одолищу в черны груди,
Из черных грудей в ретиво сердце:
Тут-то Одолище окончился.
- 320 Еще тут-то Авдотьюшка расплакалась:
«От того ли бережка отъехала,
До другого бережка не доехала!»
Взмолился Иванушка Авдотьюшке:
«Ужь ты гой еси, Авдотья Лебедь белая!
- 325 Отвяжи меня, Авдотья, от сыра дуба,
Не положу я на тебя большой вины,
Только дам наученьице по-женскому».
Что на это Авдотья не ослышалась:
Она брала себе саблю вострую,
- 330 Она хочет срубить Ивану голову,
Она метит Ивану по белой шее:
Заторчали у Авдотьюшки белы ручушки,
Не попала Ивану по белой шее,
Попадала по плеточке по шелковой,
- 335 Пересекла плеточку шелковую.
Тут добрый молодец на воле стал,
Садил Авдотью на добра коня,
Поехал Иванушка во чисто поле,
Сам говорит таковы речи:
- 340 «Ужь ты гой еси, Авдотья Лебедь белая!
Ты сходи-ко на реченьку бродовую,
Принеси-ко ты воды свежей ключевыя:
На этом на местечке испить хочу!»
На это Авдотья речь говорила:
- 345 «Ужь ты гой еси, Иванушка Годиновичь!
Ты не пить хочешь, хощь меня губить!»
Показалось Ивану за досадушку,

Показалось ему за беду великую:
Он срубил Авдотье буйну голову,
350 По локѳт отсек он ручку правую,
Сам говорил таковы речи:
«Обнимала Одолица поганого!»
По колѳно отсек лѳву ноженъку,
Сам говорил таковы речи:
355 «Оплетала ты Одолица поганого!»
Он сам себе наговаривает:
«Я женился, добрый молодец, мне-ка
не с кем спать!»

Поезжал он во город во Киевской,
В ту слободу Ерусалимскую,
360 Встрѳту ладят ему князи-бояра,
Встрѳчают молодца, усмехаются:
«Ты женился, добрый молодец, тебе
не с кем спать!»

На это Иванушко ответ несет:
«Ой вы гой есте, братцы-товарищи!
365 Ведь не всякому, братаны, женитьба издавается!»

№ 15 (9). [СОРОК КАЛИК]

Из Волынца гѳрода из Галича,
Из той ли Корелы из богатя,
Во ту ли во пустыню во Данилову,
Сбиралосѳя, собрунѳлосѳя
5 Сѳрок калик со каликою,
Сѳрок дородных добрых молодецев.
Собиралися калики на зеленый луг,
Становилися калики во единый круг,
Клѳшѳки-посохи все в землю испотыкали,
10 Клѳшѳи-посохи те были таволжевые,
Одна клѳша была кипарис-древо.
По сумочке на клѳшу исповесили,
Те сумочки были рыта бархата,
Одна сумочка хрущатѳй камки,
15 У того же у большого подѳатаманѳя,
У молода Михайлушки Касьянова.
Они думали думу заединую,
Они клали заповедь великую:

- «Еще кто из нас, из сорока калик,
20 Котора калика заворуется,
Котора калика заплутуется,
Котора обзáрится на бабицу, —
Отвести того дородна добра молодца,
Отвести далеко во чисто поле:
25 Копать ему ямище глубокое,
Зарывать его во сыру землю,
Во сыру землю по белым грудям.
Чист-речист язык в́нять теменем,
Очи ясныя — коси́цами,
30 Ретиво сердце промежду плечей;
Казнена дородна добра молодца
Во чистом поле оставити».
Походили калики в пещь дорóгою.
Походили калики в стольный Киев-град;
35 Ко ласкову князю ко Владимиру:
Во Ердане-реке окупатися,
Господу Богу помолитися,
К господней гробнице приложитися,
Владимиру-князю поклонитися.
40 Идут калики по Киеву,
Навстрету каликам — Владимир-князь,
Вскрычали калики зычным голосом,
Зычным голосом, по-каличьему:
Уж ты Красно наше Солнышко, Владимир-князь!
45 Ты подай нам милóбстыню спасенную,
Ради Христа, царя небесного,
Ради матери божьей Богородицы!»
Возговорит Владимир стольный киевский:
«Уж вы гой есте, сбóрок калик со каликою!
50 У меня, право, казны с собой не случилось,
Подаянья вам, каликам, не пригодилось.
Вы идите ко княгине ко Апраксии:
Она подаст вам милóбстыню спасенную!»
Походят калики в пещь дорóгою,
55 Ко той ко княгине ко Апраксии:
«Уж ты гой еси, княгиня свет Апраксия!
Ты подай нам милóбстыню спасенную,
Ради Христа, царя небесного,
Ради матери божьей Богородицы!»
60 Отпирала княгиня окошко косящето,

- Говорила каликам таково слово:
«Уж вы, сорок калик со каликою!
Вы подите ко мне в нову горницу:
Я в те пёр подам вам милостыню спасенную».
- ⁶⁵ Заходили калики в нову горницу.
Еще эта княгиня Апраксия
На одного калику обзарилаь,
На того ли на большого подъятаманья,
На молода Михайлушку Касьянова:
- ⁷⁰ Он не вздумал княгини потешити,
Не посмел озабыть заповеди крепкия.
Берет княгиня чашу наливную,
Наливную чашу однозолотную,
Клала княгиня чашу в сумочку
- ⁷⁵ Ко тому ли Михайлу Касьянову.
Пошли калики в путь-дороженьку.
Говорит княгиня Апраксия:
«Не калики то ходят — разбойники,
Разбойники ходят — грабежники:
- ⁸⁰ Украли у меня чашу однозолотную,
Из которой князь на поезде пил,
Из которой князь на приезде пьет!»
Посылает за ними двух догонщиков.
Наезжали княгинины нагонщики
- ⁸⁵ Сорок калик со каликою,
Сами крычат громким голосом:
«Не калики вы ходите, а разбойники,
Разбойники ходите, грабежники!
Вы украли чашу однозолотную,
- ⁹⁰ Из которой князь на приезде пил,
Из которой князь на поезде пил».
Взяли сброк калик со каликою
Метнули нагонщиков под облако.
Посылает княгиня новы́х нагонщиков:
- ⁹⁵ «Побегите вы за каликами,
Обойдите дураков словами честными».
Наезжали нагонщики сорок калик,
Говорят сами таковы речи:
«Не попала ли как к вам чаша питейная,
- ¹⁰⁰ Питейная чаша однозолотная,
Из которой князь на приезде пил,
Из которой князь на поезде пил?»

- Становилися калики во единый круг,
Заобыскивали калики свои сумочки:
105 Нашли калики чашу питейную
У большого подъятаманья Михайлушки Касьянова.
Отвозили его на чисто поле,
Копали ямище глубокое,
Закопали его во сыру землю,
110 Во сыру землю до белых грудей;
Чист-речист язык тянули теменем,
Очи ясныя косицами,
Ретиво сердце промежду плечей;
Казнена удала молодца
115 На чистом поле оставили.

№ 16 (10). ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ

[ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ И НОВГОРОДЦЫ]

- Наварил Васька пива пьяного,
Накурил Васька зелена вина,
Разоставил чаны посередь двора,
Спускает чару полтора ведра,
5 Ко чарочке приговаривает:
«Кто вьздынет чару единой рукой,
Выпьет чару на единый дух,
Будет Ваське тот милый друг,
Милой друг будет, названой брат».
10 Приходили мужики новгородчана
Ко Ваське на почестен пир:
Они на питье были завидные.
Не то им чарочка эта выпити, —
Не могли они чарочку вьздынуть;
15 Шатаются день до вечера.
Тут-то Ваське за беду стало,
За беду стало за великую;
Пошел Васька на широкий двор,
Схватил Васька черненный вяз,
20 Побег Васька на широкий двор,
Взял тут мужиков бить-окутьывать,
За заплоти взял — всех повыметал.
Пошли мужики — сами заплакали:
«Были у Васьки на честном пиру.

- 25 Не упили мы, не уели,
А в безвечье залезли у Васьки на веки!»
Бежит навстрету Котельная Пригарина,
Говорит мужикам таковы речи:
«Были вы у Васьки на честном пиру,
- 30 Каково у Васьки упили,
Каково у Васьки вы уели?» —
«Мы не упили, не уели,
Мы в безвечье залезли на веки.
Ты куда бежишь, ты куда спешишь?»
- 35 Котельная Пригарина тому не бардует
Он однё бежит, он одно спешит.
Прибегал ко Ваське на широкий двор,
Размахнул на чане зелено вино,
Зачерпает чара полтора ведра,
- 40 Воздымает чарочка единой рукой,
Выпивает чарочка на единой дух;
Крутёхонько и во второй раз —
Воздымает чара единой рукой,
Выпивает чара на единой дух;
- 45 Он крутёхонько и в третий раз —
Захотел выпить чара зелена вина.
И пошел Васька на широкий двор,
И схватил Васька черненный вяз,
Бил Васька детину в буйну голову:
- 50 Детина стоит — не ворохнется,
На ём синь кафтан не колыхнется,
Кудри черныя не тряхнутся,
Полна чарочка в руках не всплещется;
Не мало ведро выпил — полпята ведра.
- 55 «Окатил ты меня, Васька Буслаевичь,
Окатил ты мне ретиво сердце,
Возвеселил ты мне буйну голову:
Ужь ты дашь ли мне опохмелиться?»
Он брал его за белы руки
- 60 И повел его во светлицу:
«Будь ты мне милой друг,
Милой друг да и названный брат!»
Посадил его за дубовый стол
И учал его в те поры чествовать.
- 65 В те поры в то времячко
Увидели мужики новгородчана:

- Бежит навстрету Потанюшко Хроменький;
Спрашает он у мужиков у новгородчан:
«Были ли у Васьки на честном пиру?»
- 70 Он одно бежит, он одно спешит:
На праву ножку он припадывает,
На леву ножку он прихрамывает,
Из-под рученьки Потанюшко посматривает
Прибегал ко Ваське на широкой двор,
- 75 Размахнул на чане зелено вино,
Зачерпает чара полтора ведра,
Выздынает чарочка единой рукой,
Выпивает чарочка на единой дух;
Крутёхонько и во второй раз —
- 80 Выздынает чара единой рукой,
Выпивает чара на единой дух;
Он крутёхонько и в третий раз —
Захотел выпить чара зелена вина.
Пошел Васька на широкий двор
- 85 И схватил Васька черненный вяз,
Бил Васька детину в буйну голову:
Детина стоит — не ворохнется,
На ём синь кафтан не колыхнется,
Кудри черныя не тряхнутя,
- 90 Полна чарочка в руки не всплещется.
Говорит детина Ваське Буслаичу:
«Окатил ты меня, Васька Буслаевичь,
Возвеселил ты мне буйну голову:
Хоть ты дай мне, Васька, опохмелиться!»
- 95 Он брал его за праву руку
И повел его во светлицу:
«Будь ты мне милый друг,
Милый друг да и названой брат!»
Посадил его за дубовый стол
- 100 И учал его в те поры потчивать.
Мужики новгородчана,
На питье они были завидные,
Никола Зиновьевичь, Фома Родионовичь,
Вздумали они собирать брѣтщины Никольщины.
- 105 Насбирали они двенадцать мер,
Наварили зелена вина;
Тут они заприздновали,
Никола Зиновьевичь, Фома Родионовичь.

- Тут Васька Буслаевич с своими товарищами,
110 С Котельной Пригариной, с Потанюшкой
Хроменьким,
- Пошли на честной пир.
Тут на пиру наедались,
Тут на пиру напивались,
Тут они друг другу перечеили.
- 115 И говорит Васька Буслаевич:
«Не боюсь я тебя, Никола Зиновьевич,
Не боюсь я тебя, Фома Родионович,
Не боюсь я всего Нова-города,
Окромѣ крестового батюшка,
- 120 Старичица Игнатьица,
И крестового брателка Григорья Игнатьича:
А что по чему пойдет — так и всех не боюсь!»
И ударился Васька о велик заклад,
Не о ста рублях, не о тысяче,
- 125 Ударился Васька о своей буйной голове:
Заутрѣ биться Ваське со всем Нов<ым>-городом.
Тут пришел В<аська> Б<ушлаев> к матушке
родной,
- К матерой вдове к Амелфе Тимофеевне,
Пришел он со своима товарищамя,
- 130 Посадил он их за дубовый стол:
Учал он их потчивать-чествовать,
А сам стал матушке своей рассказывать:
«Родимая матушка, Амелфа Тимоф<еевна>!
Ударился я с Ник<олой> Зинов<ьичем> и с
Фомой Родион<овичем>,
- 135 Ударился я о велик заклад —
Заутрѣ мне биться со всем Новым-городом!»
Тут матерá вдова Амелфа Тимоф<еевна> заплакала,
Садила она Ваську в погреба глубокие,
Запирала замками крепкими,
- 140 Замётывала рогатками булатными.
Заутрѣ встают Котельная Пригарина,
Потанюшка Хроменький ранешенько,
Умываются белёшенько,
И идут добры молодцы — сряжаются
- 145 Со всем биться с Новым-городом.
Дерутся они с Нов<ым>-городом трои сутокки:
Молотами у их головы испроломаны,

- Кушаками головы завязаны.
 «Что ты Васька Буслаевичь,
 150 Изменил ты своим товарищам!»
 Тут бросился Васька на двери с ободверинами,
 Бросился — двери высадил;
 На пути Васька <не> пало черненное вѣзище,
 Не пала Ваське никакая урѣзина,
 155 Схватил Васька тележное бсище:
 «Садитесь вы, братцы, на лавочку:
 Изменил вам не я, добрый молодец,
 Изменила вам моя родна матушка;
 Теперь я с ними побрѣтаюсь!»
 160 На часу силу всю выгубил;
 Он дошел до крестового брателка:
 Идет он — несет колокол на голове сорок пуд.
 Ударил Васька Б<услаичь> в медный колокол,
 И расшиб колокол в мелки жѣребьи;
 165 Тут его тяп о белы груди осью тележною,
 Покатился зѣмертво крестовый брателко.
 Идет Старичише Игнатьище:
 Костылем он подпирается,
 На голове несет колокол — девяносто пуд.
 170 «На что ты идешь, крестовый батюшко?» —
 Говорит Васька Буслаевичь.
 Отвечает Старичише Игнатьище:
 «Ты Васька, молодой не!» —
 «Колько я тебя хрѣстным ни назывывал,
 175 На веку ты мне яичка не даывал;
 Теперь мы с тобой похристосуемся:
 Вот тебе красно яичко — Христос воскрес!»
 Васька ударил колокол осью тележною,
 Расшиб колокол в мелки жѣребьи;
 180 Он застегнул Старичищу Игнатьищу,
 Застегнул осью тележною —
 На единой раз грязью сделал.

№ 17 (11). ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ

[ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ И НОВГОРОДЦЫ]

.....
 Бежат они добры молодцы

- Ко Ваське Буслаеву.
 Котельная Пригарина наперед бежит,
 Потанюшко Хроменький позаде бежит.
- ⁵ Позаде бегучи, он одно спешит:
 На праву ножку Потанюшко припадывает,
 На леву ножку Потанюшко прихрамывает,
 Из-под рученьки Потанюшко посматривает.
 Прибегали братаны на широкий двор:
- ¹⁰ На широком дворе три щанá вина.
 Размахнули ребята на щанах зелено вино,
 Выпивали ребята по пивнóму по ковшику,
 А пивной-то ковшик полтора ведра.
 Увидал Васька удалых ребят,
- ¹⁵ Соходил Васька со красна крыльца,
 Погонíл братанов со двора долой.
 Замолились братаны речьми хорошими:
 «Хоть ты дай нам, Васька, опохмелиться».
 Захватил он их за белы руки,
- ²⁰ Потацил он их во новú избу:
 Там он их угощал, там и чествовал.
 Мужики новогóрдчана на питье они завидные,
 Никола Зиновьевичь, Фома Родионовичь,
 Засмека́ли они собирать братовщины
- Никольщины:
- ²⁵ Насобирали они хлеба семнадцать мер,
 Накурили они зелена вина:
 Пьют-веселятся мужики новогóрдчана.
 Правятся Васька Буслаев сын
 С Котельной Пригариной да с Потанюшкой
- Хроменьким
- ³⁰ На пир на трапезу.
 Тут они на пиру напивались,
 Тут они на пиру наедались,
 Тут они друг другу поперечили.
 Походил Васька к чану зеленá вина,
- ³⁵ Размахнул Васька в чане зелено вино,
 Схлеснул Васька посудину полтретья ведра,
 Сам прогóворил Васька таково слово:
 «Не боюсь я тебя, Никола Зиновьевичь,
 Не боюсь я тебя, Фома Родионовичь,
- ⁴⁰ Не боюсь я всего Новгóрода!
 Лишó боюсь я крестового батюшка,

- Матерого Старчища Игнатъища,
 Да боюсь я крестового брátелка,
 Молода Григорья Игнатъича:
- ⁴⁵ Им от меня и честь и почёт;
 А что по чему пойдет — так и всех не боюсь!»
 И ударился Васька о велик заклад,
 Не о сте рублей, не о тысяче,
 Ударился Васька о своей буйной голове:
- ⁵⁰ Заутрó биться Ваське со всем Новым-городом.
 Пришел Васька Буслаев ко родимой ко матушке,
 К матерой вдове Амелфе Тимофеевне;
 Приводил с собой товарищей,
 Котельную Пригарину да Потанюшку,
- ⁵⁵ Усадил он их за дубовый стол,
 Учал он их, Васька, чествовать,
 Сам стал матушке своей рассказывать:
 «Родна матушка, Амелфа Тимофеевна!
 Ударился я не о мал заклад,
- ⁶⁰ С Николой Зиновьевичем да с Фомой
Родионовичем,
 Не о сте рублях, не о тысяче,
 Ударился о своей буйной голове:
 Заутрó мне биться со всем Нов<ым>-городом».
 Заплакала матера вдова Амелфа Тимофеевна,
- ⁶⁵ Садила она Ваську в погреба глубокие,
 Замыкала замками крепкими,
 Заметывала рогатками булатными.
 Котельная Пригарина да Потанюшко Хроменький,
 Ото сна встают братаны, пробужаются,
- ⁷⁰ Умываются они белешенько,
 На восток они, братаны, Богу кланяются,
 Биться со всем Новым-городом сряжаются.
 Сутки бьются они с Новым-городом:
 Не подходит Васька Буслаевичь;
- ⁷⁵ Другия они бьются с Новым-городом:
 Не подходит Васька Буслаевичь;
 Третия они бьются с Новым-городом:
 Васьки Буслаева в очью нет.
 Говорят мужики новгородчана:
- ⁸⁰ «Еще чтó же, братцы, Васька за дурак такой?
 Изменил, братцы, Васька своим товарищам,
 Продал задешево, братцы, Васька своих товарищей:

- Трои сутки бьются братаны за Ваську Буслаева,
Молотами у них головы испроломаны,
85 Кушаками у них головы испривязаны,
А Васьки Буслаева в я́ве нет.
Еще что́ же, братцы, Васька за дурак такой?»
В погребу учул Васька эту гбворю похульную,
Заторчал Васька за дверями дубовыми,
90 Тут бросился Васька на ободверины уклáдныя:
Высадил он двери на́ пяту,
Разметал он рогатины булатныя.
Не пáла Ваське никакая ура́зина,
Захватил он осіще тележное,
95 Бежит он с осіщем на улицу:
«Садитесь вы, братцы, на лавочку!
Продал вас не я, добрый молодец,
Продала вас моя матушка родимая:
Теперь я с ними один побрáтаюсь!»
100 Заходило чернёное осище по мужикам
новгородчанам:
Побежали мужики новгородчана,
На часú один всю силу выгубил.
Встрету пал ему крестовый брателко:
На голове держит медный колокол,
105 Не величек колокол — девяносто пуд.
Засветил Васька осью в медный колокол,
Разбил колокол в мелко жеребьё;
Тял брата осью тележную,
Зашиб его до смерти до скорыя.
110 Идет Ваське встрету Старчище Игнатьище:
К земле Игнатьище поклапляется,
Костылем Игнатьище подпирается,
На голове несет медный колокол,
Не величек колокол — полторапта пуд.
115 Говорит Васька Буслаевичь:
«Ужь ты здравствуешь, крестовый батюшко!
Ты зачем идешь, стар человек?»
Отвечает Старчище Игнатьище:
«Ты молодой, Васька!.....»
120 Отвечает Васька Буслаев сын:
«Не корись ты, старая шлея бросовая,
Не корись ты, корзина дертюжная,
Дертюжная корзина, вековалая!

Колько я тебя крѣстным не назывывал,
 125 На веку ты мне яичка не даывал:
 Вот тебе красное яичко — Христос воскрес!»
 Ударил он колокол осьёй тележною,
 Раскроил он колокол о мелко жѣребье:
 Застегнул он Старчища Игнатьища,
 130 Раз ударил осью — грязьёй сделал.
 Еще сердце в ем не уходилося,
 Еще граёт над телом Васька Буслаев сын:
 «Лежи ты здесь, сучище облезлое,
 Вот тебе яичко — Христос воскрес!»

Текст № 1.

РГБ, ф. 125, п. 32, л. 63—68 об. (перебел.; автограф Н. П. Борисова в составе «макета» первого выпуска «Песен, собранных П. В. Киреевским»). Публикации: Москвитянин. 1843. № 11. С. 7—16; Кир., I, с. 77—86.

Записано И. А. Ядовиным, передавшим свою запись Н. П. Борису: до 2 апреля 1843 г., Шенкурский уезд Архангельской губ.

Сюжеты «Илья Муромец и Соловей разбойник» и «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром».

Автограф Н. П. Борисова сохранился в п.32 архива П. В. Киреевского («макет» первого выпуска старой серии). Указанная на автографе дата — 16 июня 1843 г. (ср. Кир., I, с. 86) — относится не ко времени записи былины, а ко дню отсылки текста М. П. Погдину. Шенкурск тоже, вероятно, нельзя считать точным местом записи былины. Возможно, что записана она была не в самом Шенкурске, а в какой-либо деревне уезда. Помета «Шенкурск» на автографе Н. П. Борисова означает место его жительства.

Н. П. Борисов проявил интерес к диалектной лексике в былине. Ко многим словам в скобках он давал свои разъяснения:

- ст. 37 и 100: к слову «украина» — «край»;
- ст. 54: к слову «долони» — «ладони»;
- ст. 65: к слову «перепаласе» — «испугаласе»;
- ст. 101: к слову «Кеива» — «Киева»;
- ст. 119: к слову «ись» — «есть»;
- ст. 162: к слову «стѣж» — «удар»;
- ст. 211: к слову «кошуля» — «шуба»;
- ст. 211: к слову «оболокал» — «надевал»;
- ст. 223: к слову «конаится» — «просит»;
- ст. 245: к слову «дымолки» — «трубы»;
- ст. 247: к слову «в худой душе» — «чуть жив»;
- ст. 307: к слову «вымал» — «вынимал».

В сборнике П. В. Киреевского все эти словарные примечания перенесены в подстрочник.

Датировка «до 2 апреля 1843 г.» определяется нами по содержанию письма Н. П. Борисова к М. П. Погодину от 2 апреля 1843 г., где приводится отрывок из данной былины (см.: *Баландин А. И. К атрибуции «Песен» П. В. Киреевского // Фольклор: Издание эпоса. М., 1977. С. 252—253).*

Текст № 2.

РГБ, ф. 125, п. 30, л. 8—12 об. (перебел.; автограф А. Харитонов в составе «макета» четвертого выпуска «Песен, собранных П. В. Киреевским»). Публикация: Кир., IV, с. 6—12.

Записано Александром Харитоновым: до 5 января 1849 г., Шенкурский уезд Архангельской губ.

Сюжет «Илья Муромец и нахвалящик».

Былина печатается в основном по автографу собирателя. Лист 8, на котором записаны первые 14 стихов, не являются автографом А. Харитонova. Это копия, сделанная рукой П. А. Бессонова. Листы 9—12 об. — автограф собирателя. На л. 12 об. вписаны мелким почерком П. А. Бессонова последние стихи былины (ст. 201—208). Видимо, основная часть этого листа была занята каким-то другим текстом, и лист попал в другую часть архива.

К слову «Дан-мать» в ст. 102 собиратель дал примечание «Донской божьей матери»; то же — ст. 126.

Как уже указывалось в исследовательской части нашего издания, обращает на себя внимание тот факт, что данный текст почти дословно совпадает с былиной, присланной Н. П. Борисовым в составе тетради с эпическими произведениями адмиралу П. Ф. Кузмищеву (см.: РГБ, п. 49, л. 145—151 об.; копии с автографа Н. П. Борисова: п. 49, л. 130—133 — в составе тетради; п. 43, л. 836—840 об., 849—849 об. — на отдельных листах полного формата; п. 43, л. 841—848 — на отдельных листах в 1/4; п. 32, л. 42 об. — 46). Былина записи Н. П. Борисова в старой серии была опубликована в первом выпуске (Кир., I, с. 46—52). Безусловно, что тексты А. Харитонova и Н. П. Борисова — это две разных копии с одной и той же былины.

Ниже приводятся разноречия рукописей А. Харитонova и Н. П. Борисова:

Харитонов

- ст. 2: На тех на степях на
Цысарских
ст. 6: Есаул Алёша Поповский
сын
ст. 7: Еще был у них Гришка
Боярский сын
ст. 8: Был у них Васька
Долгополище

Борисов

- На тех степях на Цицарских
Есаул Алёша Поповской сын
Еще был у них Гришка
Боярской сын
Был у них Васька долгополой

- ст. 9: Все были братцы в
разъездеце
- ст. 10: Гришка Боярский в те
пор *кравчим* жил
- ст. 13: Во *чистом* поле спал
в белом шатре
- ст. 14: Добрыня Никитичъ ездил
за *охотою*
————
- ст. 16: На охоте стрелял гусей-
лебедей
————
- ст. 23: На эти степи *Цысарския*
- ст. 28: Мы что на заставушке
углядели
- ст. 33: Положили на Ваську
Долгополого
- ст. 37: *Не ладно, ребятушки,*
удумали
- ст. 48: *Не ладно, ребятушки,*
положили
- ст. 51: На бою-драке *Гришка*
призахвастанетъся
- ст. 53: Положились на Алешу
Поповича
- ст. 55: *Состигать* нахвальщика
в чистом поле
- ст. 60—61: *Не ладно, ребяту-*
шки, удумали
Алешке ехать за нахвальщиком
- ст. 62: *Алешка* рода поповского
- ст. 64: Поповския руки
заграбуция
- ст. 65: Увидит Алешка на
нахвальщике
- ст. 66: *Увидит он* много
злата-серебра
- ст. 67: Злату Алешка позавидует
- ст. 69: Положились на
Добрынюшку Никитича
- ст. 71: *Состигать* нахвальщика
в чистом поле
- ст. 72: Побить нахвальщика *во*
чистом поле
- Все были братцы в разъездеце
- Гришка Боярской в те пор
графом жил
- Спал в белом шатре
- Добрыня Никитиць ездил
ко синю морю,
- ст. 15: *Ко синю морю ездил за*
охотою
- На охоте стрелять гусей-
лебедей
- ст. 20: *Ископытъ велика —*
полпечи
- На эти степи *Цицарские*
Что на заставушке углядели
- Положили на Ваську
Долгополова
-
-
- На бою-драке *призахвастанетъся*
- Положились на Алешу *на*
Поповича
- Настигать* нахвальщика в
чистом поле
-
- Алешинька* рода поповского
Поповские руки заграбуция
- Увидит Алеша на нахвальщике
- Много злата-серебра
- Злату Алеша позавидует
- Положили на Добрыню
Никитича
- Настигать* нахвальщика в
чистом поле
- Побить нахвальщика *на*
чистом поле

- ст. 74: Привезти *голову* на
заставу богатырскую
- ст. 76: Походит Добрыня на
конюший двор
- ст. 78: Уздаёт *во* уздечку
тесмянную
- ст. 79: Седлает *во седельце*
черкесское
- ст. 81: *А весом* та палица
девянсто пуд
- ст. 84: *Поехал Добрыня* на
гору Сарачинскую
-
- ст. 87: *Крычал-зычал зычным*
голосом
- ст. 91: Податаманью Добрыне
Никитичу
- ст. 93: На всю нашу братию
приборную
- ст. 94: *Заслышал* нахвальщина
зычен голос
- ст. 96: Попущал на Добрынюшку
Никитича
- ст. 97: *Мать сыра* земля
сколебалася
- ст. 99: Под Добрыней конь на
коленцы пал
- ст. 100: Добрынюшка Никитич
млад
- ст. 102: *Дан-мать* пресвятой
Богородице
- ст. 105: Уехал Добрыня *от*
нахвальщика
- ст. 107: *Встречает его* Илья
с братией приборною
- ст. 109: Как *выехал* на гору
Сарачинскую
- ст. 113: *Крычал-зычал зычным*
голосом
- ст. 115: *Ты зачем* нашу заставу
проезжаешь
- ст. 119: На всю нашу братию
приборную
- ст. 120: *Заслышал* нахвальщина
зычен голос
- Привести на заставу
богатырскую
- Походит Добрыня на конюшой
двор
- Уздаёт *в* уздечку тесмянную
- Седлает *во седельшко черкасское*
- Она свесом* та палица девяносто
пуд
- Поезжает* на гору Сороцынскую
- ст. 85: *Поехал* прямо на
чернизину
- Кричал зычным* звонким
голосом
- Податаману Добрыне
Никитичу
- На всю нашу братию *наборную*
- Услышел* нахвальщина зычен
голос
- Попущал на Добрыню
Никитича
- Сыра мать* змея всколебалася
- Под Добрыней конь на
коленца пал
- Добрыня Никитич млад
- И матери* пресвятой Богородице
- Уехал на заставу богатырскую
- Илья Муромец* встречает *его*
со братию со приборною
- Как *выехал* на гору
Сороцынскую
- Кричал* *звучным* громким
голосом
- Зачем ты* нашу заставу
проезжаешь
- На всю нашу братью *наборную*
- Услышал* *вор* нахвальщина
звучен голос

ст. 122: *Мать сыра земля*
сколебалася

ст. 125: *Господу Богу я*
возмолился

ст. 126: *Дан-мать пресвятой*
Богородице

ст. 127: *Унеси, господи, от*
нахвалящика

ст. 128: *Подо мною конь*
посправился

ст. 129: *Воротился я от*
нахвалящика

ст. 130: *Говорит большой*
богатырь Илья Муромец

ст. 131: *Малое большим*
заменяется

ст. 132: *Большему* некем
заменится

ст. 133: *Ехать атаману самому*

ст. 136: *Уздает во уздечку*
тесмянную

ст. 137: *Седлает во седельце*
черкасское

ст. 139: *Не величка палица —*
*полтора*ста пуд

ст. 140: *На бедра берет*
саблю острую

ст. 142: *Посезжает на гору*
Сарачинскую

ст. 146: *Крычал-зычал зычным*
голосом

ст. 148: *Ты зачем нашу*
заставу проезжаешь

ст. 149: *Атаману Илье Муромцу*
не бьешь челом

ст. 151: *На всю нашу братию*
приборную

ст. 152: *Заслышал* нахвалящика
зычен голос

ст. 154—155: *Мать сыра земля*
сколебалася

ст. 122: *Попуцал на меня*
добра молодца
Сыра мать земля всколебалася

Тут я господу Богу возмолился

Унеси *меня*, господи, от
нахвалящика

Подо мной *тут* конь
посправился

Уехал я от нахвалящика

ст. 130: *И приехал сюда на*
заставу богатырскую
Говорит Илья Муромец

Больше некем заменится

Видно ехать атаману самому
Уздает в уздечку тесмянную

Седлает в седельшко
черкасское

Она свесом та палица
девьяноста пуд

На бедра берет саблю вострую

Поезжает на гору *Сороцынскую*

Скрычал *звучным* *звонким*
голосом

Зачем нашу заставу
проезжаешь

Мне атаману Илье Муромцу
челом не бьешь

ст. 150: *Подъатаманью Добрыне*
Никитичу
На всю нашу братью наборную

Услышал вор нахвалящина
звучен голос

Из озер вода выливалась
ст. 156: Попуцал коня на Илью
Муромца
ст. 160: У палок *чівья*
отломались
ст. 161: Друг *друга* не ранили
ст. 163: Востры сабли
приломались
ст. 164: Друг *друга* не ранили
—
ст. 170: Поскользит у Илейки
ножка левая
ст. 172: Сел *ему* нахвальщик
на белы груди
ст. 173: Вынимал *чингáлище*
булатное
ст. 174—175: Хочет вспороть
груды белыя,
Хочет закрыть очи ясные
ст. 177: Еще стал нахвальщик
наговаривать
ст. 178: Старый ты, старик,
старый, матёрый
ст. 179: Зачем ты ездешь *во*
чисто поле
ст. 182: При той пути при
дороженьке
ст. 183: Собирал бы ты, старик,
в келейку
ст. 184: Тут бы, старик, *и*
живот скончал
ст. 185: Лежит *Илейко* под
богатырем
ст. 186: Говорит *Илейко*
таково слово
ст. 192: А *ныне* Илья под
богатырем
ст. 193: Лежучи у Ильи *вдвое*
силы прибыло
ст. 194: Махнет нахвальщика
в белы груди
ст. 195: Вышибал выше дерева
стоячего
ст. 196: Пал нахвальщик *о*
сыру землю

—
Попуцал на Илью Муромца
У палок *цевья* отломались
Друг *другку* не ранили
Востры сабли приломались
Друг *другку* не ранили
ст. 164—165: *Вострыми*
копьями кололись
Друг *другку* не ранили
Поскользит у Илейка ножка
левая
Сел нахвальщина на белы
груды
Вынимал *чинжалищѣ* булатное
Хочет вспороть груди белые,
Хочет закрыть очи ясные
Еще стал нахвальщина
наговаривать
Старой ты, старик, старой,
матерой
Зачем ты ездешь *на* чисто поле
При той путе при дороженьке
Собирал бы ты, старик, *во*
келейку
Тут бы, старик, *сыт-питанѣн*
был
Лежит *Илья* под богатырем
Говорит *Илья* таково слово
А *теперь* Илья под богатырем
Лежучи у Ильи *втрое* силы
прибыло
Махнёт нахвальщину в белы
груды
Вышибал выше дерева
жарового
Пал нахвальщина на сыру
землю

ст. 198: Не досуг *Илье* много
спрашивать

ст. 199—200: Скоро порол груди
белыя,
Скоро *закрыл* очи ясныя

ст. 202: Воткнул на копье
бржемецкое

ст. 204: Добрыня встречает
Илью Муромца

ст. 207: При своей братья
похваляется

ст. 208: Ездил во поле, *братцы*,
тридцать лет

ст. 199—200: *Вскочил Илья на
резвы ноги,
Сел нахвальщине на белы
груди*

Не досуг *Илюхе* много
спрашивать

Скоро спорбл груди белыя,
Скоро *затъмил* очи ясныя
Воткнул на копье *на булатное*

Добрыня *Никитичь* встречает
Илью Муромца

При своей братье похваляется

Ездил во поле тридцать лет

Из 209 стихов текста А. Харитонов в 108 строках по сравнению с автографом Н. П. Борисова имеются определенные разночтения (51,9%). Однако в значительном количестве стихов эти разночтения касаются лишь фонетики (ст. 2, 6, 7, 9, 23, 64, 76, 78, 91, 99, 109, 136, 140, 160, 170, 173, 174—175, 178, 182, 183, 199, 207 — всего 24 стиха, то есть существенные разночтения наблюдаются лишь в 84 стихах (39,9%). Часть разночречий в ст. 1—14, которые в автографе А. Харитонов не сохранились, а представлены лишь в копии П. А. Бессонова вполне могут быть объяснены его редакторским вмешательством. Например, возникновение слова «кравчим» вместо «графом» в ст. 10; или распространение ст. 13 за счет подхвата предыдущей строки «*Во чистом поле спал в белом шатре*» (П. А. Бессонову было свойственно подправлять ритмическую сторону стиха). Какие-то разночтения, вероятно, возникли за счет описок: или самого А. Харитонов, пославшего копию былины Н. П. Борисову; или Н. П. Борисова, переписавшего текст с этой копии в свою тетрадь; или уже на том этапе, когда А. Харитонов делал для В. И. Даля копию со своей записи (см. ст. 16; пропуск в рукописи А. Харитонов стиха, идущего номером 20 в автографе Н. П. Борисова; ст. 28, 37, 48, 51, 53, 60—61, 72, 74, 97, 115, 122, 127, 131, 133, 154—155, 156; ст. 164—165 по рукописи Н. П. Борисова). Часть разночречий возникли, по всей вероятности, в результате сознательной правки одного из собирателей. Так, обращает на себя внимание, что А. Харитонов везде пишет «состигать нахвальщика» (ст. 55, 71), а Н. П. Борисов — «настигать нахвальщика». У А. Харитонина формула «*Крычал-зычал зычным голосом*» (ст. 87, 113, 146), а у Н. П. Борисова «*Крычал зычным звонким голосом*» и т. д.

В целом же, повторяем, совпадение текстов А. Харитонина и Н. П. Борисова настолько разительное, что не оставляет сомнений в том, что перед нами две копии одной и той же былины.

Текст № 3.

РГБ, ф. 125, п. 49, л. 155 об.—159 об. (перебел.; автограф Н. П. Борисова в тетради). Другие копии: п. 49, л. 136—138 (копия, сделанная четким красивым почерком, с тетради Н. П. Борисова — также в форме тетради); п. 43, л. 918—921 об., 930—930 об. (копия на отдельных листах полного формата, сделанная кружком П. В. Киреевского); п. 43, л. 922—929 (копия на отдельных листах в 1/4, сделанная кружком П. В. Киреевского); п. 24, л. 31—33 об. (копия на отдельных листах, сделанная в период подготовки П. А. Бессоновым материалов к изданию; находится в составе «макета» второго выпуска «Песен, собранных П. В. Киреевским»). Публикация: Кир., II, с. 83—89.

Записано Александром Харитоновым: до 14 декабря 1845 г., Шенкурский уезд Архангельской губ.

Былина публикуется по автографу Н. П. Борисова, получившего текст старины от А. Харитонova; автограф самого А. Харитонova не найден.

Сюжет «Василий Казимирович и Добрыня Никитич».

В рукописи Н. П. Борисова имеются редакторские пометы, сделанные П. В. Киреевским. В ст. 7 «В Большую Орду Заоданскую» рядом со словом «Заоданскую» дано примечание: «NB. Задонскую». Ст. 20 Н. П. Борисовым записан следующим образом: «Другова дай Марка Ипаробка». П. В. Киреевский сделал примечание: «NB. Паробок — парень, малороссийское». Эта конъектура принята П. А. Бессоновым, который опубликовал ст. 20 так: «Другова дай Марка-ипаробка», сделав в подстрочнике пояснение: «... и, вероятно, „й“ служит переходом между *Марка* и *паробка*» (см. также ст. 153). Данная конъектура принята и в настоящем издании. Ст. 102 в рукописи записан как «В одном спускается во порядочке». Рядом рукой П. В. Киреевского помечено: «NB. В однорядочке?» В старой серии напечатано «во порядочке», однако в подстрочнике П. А. Бессонов дал примечание: «В однорядочке; однорядка или однорядок — с одним рядом застежек, однортная одежда». В ст. 139 первоначальное «на улицах» П. В. Киреевским исправлено, вероятно, по аналогии со ст. 97, на «улках». Так опубликовано и в «Песнях, собранных П. В. Киреевским».

В старой серии былина печаталась с копии, сделанной П. А. Бессоновым и хранящейся в п. 24, л. 31—33 об. («макет» II выпуска). П. А. Бессонов в своем распоряжении имел еще один шенкурский текст былины на этот же сюжет, присланный А. Харитоновым В. И. Далю. Указанный текст в архиве П. В. Киреевского не найден. Издатель полагал, что перед ним были две разных былины: записанные П. Ф. Кузмищевым и А. Харитоновым. Однако он заметил, что тексты совпадают почти дословно, поэтому не стал публиковать запись А. Харитонova целиком, а лишь привел из нее в подстрочнике разночтения. Как указывалось в исследовательской части нашего издания, разночтения столь незначительны, что можно с уверенностью гово-

речь о том, что это две разных копии одной и той же былины. Разночтения можно объяснить тем, что кто-либо из переписчиков (или А. Харитонов, приславший копию былины Н. П. Борисову, или сам Н. П. Борисов, переписавший былину в тетрадь и отправивший ее П. Ф. Кузмищеву) при копировании допускал определенную правку сказительского текста.

Ниже приводятся разночтения между автографом Н. П. Борисова и текстом А. Харитонova (не сохранившимся, разночтения из которого даны П. А. Бессоновым в подстрочных примечаниях):

Борисов

Харитонов

ст. 2: У славного князя
Владимира

У ласкова князя Владимира
Столованьице было,
прированье — почестен пир

ст. 4: Ой ты гой еси, Василей
сын Казимировичь!

На все князи и на бояра,
На сильные могучие богатыри,
На все поленицы удалыя.

ст. 5: У меня тебе Василей,
служба явленная

Ой ты гой ты, Василей сын
Казимировичь!

ст. 8: Ко царю ли ко Батыю

У меня тебе, Василью, служба
явленная

ст. 12: Везти тебе миса

Ко царю ли ко Заоданскому
Везти тебе миса красна золота

чиста золота

ст. 25: Ко царю ко Батыю

Ко царю ко Заоданскому

ст. 26: Везти вам дани-пошлины

Везти вам ребята дани-
пошлины

ст. 27: Везти двенадцать ясных
сбколов

Везти вам двенадцать ясных
сбколов

ст. 29: Везти миса чиста золота

Везти миса красна золота

ст. 36: Через те башни
наугольные

Через те же башни наугольные

ст. 38: Приехали ко Батыю царю

Приехали ко царю
Заоданскому

ст. 42: Ой ты гой еси, Батый
царь

Ой ты гой еси, Батый царь
Заодонский

ст. 44—48: Вот тебе двенадцать
ясных соколов,

Ты изволь принять двенадцать
ясных соколов,

Вот тебе двенадцать белых
кречетов,

Ты изволь принять двенадцать
белых кречетов,

Вот тебе миса чиста золота,

Ты изволь принять миса
красна золота,

Вот тебе миса чиста серебра,

Ты изволь принять миса чиста
серебра,

Вот тебе миса скатна жемчуга.

Ты изволь принять миса скатна
жемчуга.

ст. 53: Поиграть бы во тавлеи
во вальящеты

ст. 55—56: Я не знал, право,
охоты твоей царской,
Не знал охоты твоей боярской

ст. 61: На молода Добрыню
Никитича

ст. 66: Раздернули тавлеи
вальящеты

ст. 67: Первую тавлеюшку царь
ступил

ст. 70: Четвертую Добрыня
Никитичь млад

ст. 75: Изволь принять дани и
пошлины

ст. 82: Говорит ему царь Батый

ст. 87—88: Я не знал, право,
охоты твоей царской,
Не знал охоты твоей боярской

ст. 93: На молода Добрыню
Никитича

ст. 102: В одном спускается во
порядочке

ст. 103: Ах ты гой еси, Батый
царь

ст. 111: Третьего татарина за
власы

ст. 114: Та борьба поборона

ст. 115: Вновь бьет челом
Василей сын Казимировичь

ст. 116: Ой ты гой еси, Батый
царь

ст. 117—122: Изволь принять
дани и пошлины:
Двенадцать ясных соколов,
Двенадцать белых кречетов,
Миса чиста золота,
Миса чиста серебра,
Миса скатна жемчуга.

ст. 123: От ласкова князя
Владимира

Поиграть бы во ставлеи во
альянския

Я не знал, право, охоты твоей
царския

Не знал охоты твоей боярския

На молода Добрынюшку
Никитича

Раздернули ставляи
воальянския

Первую ставляюшку царь
ступил

Четвертую Добрынюшка
Никитичь млад

Ты прими дани и пошлины
От ласкова князя Владимира
Отвечает Батый Заоданский

Я не знал, право, охоты твоей
царския,
Не знал охоты твоей боярския

На молода Добрынюшку
Никитича

Ах ты гой еси, Батый царь
Заоданский

Третьего татарина взял за
волосы

Та борьба поборота
Вновь говорит Василей сын
Казимировичь

Ой ты гой еси, Батый царь
Заоданский

Ты изволь принять дани
и пошлины:
Ты изволь принять двенадцать
ясных соколов,
Ты изволь принять двенадцать
белых кречетов,
Ты изволь принять миса красна
золота,
Ты изволь принять миса чиста
серебра,
Ты изволь принять скатна
жемчуга.

От Владимира

ст. 124: Говорит ему Батый царь	Говорит ему Батый царь Заоданский
ст. 128: Отвечает <i>Василей</i> сын Казимировичь	Отвечает <i>Васька</i> сын Казимировичь
ст. 130—131: Я не знал, право, охоты твоей царской, Не знал охоты твоей боярской	Я не знал, право, охоты твоей царския, Не знал охоты твоей боярския
ст. 137: Из маленьких лучишков он постреливал	<i>С измалёхонька Добрынюшка</i> тешился, Из маленьких лучишек постреливал
ст. 138: <i>Крикнули</i> Добрыню Никитича	<i>Кликнули</i> Добрыню Никитича
ст. 142: Под середочку <i>третье</i> сто	Под середочку <i>третьёе</i> сто
ст. 143: <i>Все идут</i> татарове покрёхтывают	Татаровья покряхтывают
ст. 144: Берет ли Добрыня ручкой правою	Берет <i>лук</i> Добрыня ручкой правою
ст. 155: <i>Дорожное</i> лучишко, завёзное	<i>Притащили</i> лучишко <i>завозное</i>
ст. 157: <i>Кладет</i> Добрыня под ножку под левую	<i>С левыя</i> ноги на <i>правое</i> плечо
ст. 160: Наложил он стрелку каленую	Наложил <i>Добрыня</i> стрелку каленую
ст. 163: Ты куда прикажешь из лука стрелить	Ты куда прикажешь из лука стрелять
ст. 164: По татаровой стрелить али во чисто поле	По татаровям стрелять али во чисто поле
ст. 165: <i>Во</i> матёрое <i>дубово</i> дерево	<i>В</i> матёрое <i>дуб древо</i>
ст. 168: Ты куда поизволишь, туда и стрели	Ты куда поизволишь, туда стреляй
ст. 169: Разжалился стрелять по татаровой	Разжалился стрелять <i>Добрыня</i> по татаровям
ст. 171: Во то ли во матёрое во <i>дубово</i> <i>дерево</i>	Во то ли во матёрое во <i>дуб</i> <i>древо</i>
ст. 172: Расшиб дуб <i>дерево</i> в черень во ножёвое	Расшиб дуб <i>древо</i> вчерень во ножёвое
ст. 174: Залетела в пещеру белокаменную	Залетела <i>стрела</i> в пещеру белокаменную
ст. 176: Скочили <i>робята</i> на добрых коней	Скочили <i>ребята</i> на добрых коней

Из 178 стихов в сравнении с записью А. Харитонова разночтения отмечены лишь в 63 строках (то есть всего в 1/3 текста). Если же

присмотреться к характеру этих разноречий, то окажется, что 24 из них вполне могут быть объяснены опиской Н. П. Борисова (см. ст. 4, 5, 26, 27, 36, 55—56, 87—88, 111, 114, 130—131, 137, 138, 142, 144, 160, 164, 168, 174, 176). Здесь в автографе Н. П. Борисова пропущены (подчас в ущерб смыслу) отдельные слова, изменены окончания слов и т. д. В остальных случаях разночтения чаще всего появляются в тех фрагментах, где в тексте А. Харитоновы были какие-то дефекты. Например, А. Харитонов ст. 53 записал следующим образом: «Поиграть бы во ставлеи во альянския». Возможно, именно так строка звучала в устах сказителя; может быть, собиратель просто ослышался. Н. П. Борисов правильно осмыслил этот стих: «Поиграть бы во тавлеи во вальящеты» (ср. также ст. 66). Другой пример. Стих 123 в рукописи А. Харитоновы явно ущербен: «От Владимира». Ритмическая структура здесь нарушена. Н. П. Борисов вводит лексемы, позволяющие удлинить строку: «От ласкова князя Владимира». В отдельных случаях Н. П. Борисов пытался внести в былинку изменения в соответствии с теми представлениями об эпической поэтике, которые у него сложились. Так, в ст. 12, 29, 46, 120 он заменяет формулу «красно золото» на «чисто золото». Весьма характерно, что в обоих текстах ст. 20 был записан как «Другова дай Марка Ипаробка» — с осмыслением «и» как начального звука слова «парубок». Эта деталь свидетельствует о явной взаимозависимости текстов Н. П. Борисова и А. Харитоновы.

Таким образом, анализ разночтений убеждает нас в том, что былины «Про Ваську Казиминова» в записи Н. П. Борисова и несохранившийся текст А. Харитоновы на этот же сюжет — это две разных копии одного и того же варианта.

Текст № 4.

РГБ, ф. 125, п. 24, л. 14—15 об. (перебел.; автограф А. Харитоновы в составе «макета» второго выпуска «Песен, собранных П. В. Киреевским»). Публикация: Кир., II, с. 45—48.

Записано Александром Харитоновым: до 5 января 1849 г., Шенкурский уезд Архангельской губ.

Сюжет «Добрыня Никитич и Маринка».

В рукописи А. Харитоновы видны следы редакторской правки П. А. Бессонова: расставлены знаки препинания; обозначены абзацы; карандашом вписаны примечания, вошедшие во второй выпуск «Песен» П. В. Киреевского. В ст. 34 и 103 редактор вместо «персты» дает форму «перстни». В конце л. 15 об. А. Харитоновым записано начало былины из Архангельского уезда «Илья Муромец и Идолище» (см. раздел «Северодвинская былинная традиция»).

Текст № 5.

Народные русские сказки / Издал А. Н. Афанасьев. М., 1861. Вып. 6. № 59. Републикация: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3-х т. / Изд. подгот. Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков. М.: Наука, 1986. Т. 2. С. 362—364. № 312.

Записано Александром Харитоновым: до 30 июня 1844 г., Шенкурский уезд Архангельской губ.

Сюжет «Алеша Попович и Тугарин».

В первом издании имя собирателя указано; в переиздании Л. Г. Барага и Н. В. Новикова оно оказалось опущенным. Былина атрибутируется А. Харитонову и датируется также на основании следующих данных. В одном из писем Н. П. Борисова к М. П. Погдину — от 30 июня 1844 г. — говорится: «Честь имею послать Вам при сем „Алешу Поповича“, народную сказку, присланную мне одним знакомым моим топографом г. Харитоновым, занимающимся съемкою земель в здешнем уезде» (см.: *Баландин А. И.* К атрибуции «Песен» П. В. Киреевского // *Фольклор: Издание эпоса.* М., 1977. С. 254). Есть все основания предполагать, что здесь речь идет о данном тексте.

Текст № 6.

РГБ, ф. 125, п. 24, л. 28—29 об. (перебел.). Публикация: Кир., II, С. 67—69.

Записано Александром Харитоновым: до 5 января 1849 г., Шенкурский уезд Архангельской губ.

Сюжет «Алеша Попович и сестра братьев Сбродовичей».

Былина печатается по автографу собирателя, сохранившемуся в п. 24 («макет» второго выпуска старой серии П. В. Киреевского). Заглавие в рукописи: «Архангельская народная сказка про братьев Сбродовичей». После былинного текста на л. 29 об. внизу записан текст небылицы, озаглавленной «Архангельская байка» («Старину скажу стародавнюю, Стародавнюю небывалую и т. д.»). К ст. 17 собиратель сделал следующее примечание: «На вопрос, что такое „гридница“, сказочник ответил: „Горница, где чествовал Владимир бояр и богатырей“. На вопрос мой: „Откуда он почерпнул это сведение?“, он ответил: „Старики посказатели так сказывали; нам, старикам, не в отдор от них идти“».

В рукописи А. Харитонova имеются редакторские пометы П. А. Бесонова: произвольно расставлены ударения; в ст. 1 словосочетание «в Киеве» исправлено на «во Киеве» (так и опубликовано во втором выпуске «Песен»); в ст. 25, 39, 42, 65, 70, 74, 80, 82 изменен фонетический облик имен «Сбородовична», «Сбородовичи» на «Збородовична», «Збородовичи»; вписаны подстрочные примечания, вошедшие в старую серию П. В. Киреевского.

Текст № 7.

РГБ, ф. 125, п. 29, л. 18—18 об. (перебел.). Публикация: Кир., III, с. 52—56.

Записано Никифором Павловичем Борисовым: 1844 г., г. Шенкурск Шенкурского уезда Архангельской губ.

Сюжет «Дунай-сват».

Былина печатается по автографу собирателя, сохранившемуся в п. 29 («макет» третьего выпуска старой серии П. В. Киреевского).

Текст записан чернилами в два столбца на каждой стороне листа. По черк торопливый; буквы «я» и «е» трудно различимы. Так как лист переплетен вместе с другими листами в картонный переплет, то начала стихов первого столбца на лицевой стороне листа и конец стихов второго столбца на оборотной стороне, попали в место переплета и не читаются.

В рукописи Н. П. Борисова имеется редакторская правка П. А. Бессонова: расставлены знаки препинания; обозначены абзацы; дописаны слова, сокращенные Н. П. Борисовым (в настоящем издании такие слова даны в угловых скобках). В ст. 60 П. А. Бессонов вставил после имени «Владимир» слово «князь». Так эта строка и была опубликована в «Песнях, собранных П. В. Киреевским»: «Жил я, Владимир князь, в Ляховинской земле».

Текст № 8.

РГБ, ф. 125, п. 29, л. 6—11 (перебел.). Публикация: Кир., III, с. 9—19.

Записано Александром Харитоновым: до 5 января 1849 г., Шенкурский уезд Архангельской губ.

Сюжет «Иван Гоудинович».

Былина печатается по автографу собирателя, сохранившемуся в п. 29 («макет» третьего выпуска старой серии П. В. Киреевского). На л. 6 об. есть приписка А. Харитонova: «Сказка писана буквально со слов рассказчика, исполняя Ваше, милостивейший государь Владимир Иванович, приказание, я не позволили себе ни слова изменить в сказке. А<лексей> Х<аритонов>». На л. 11 об. записано начало «Сказки про братьев Фому и Ерему». В ст. 91 и 94 к слову «силы» собирателем дано в скобках примечание: «армии». П. А. Бессонов принял это пояснение за сказительский текст и опубликовал в своем издании: «Тебе много ли надо силы (армии)». К слову «кинай» в ст. 261 А. Харитонов сделал разъяснение — «кидай»; к слову «заторчали» в ст. 332 — «задрожали».

В рукописи имеются также редакторские пометы П. А. Бессонова: вписаны примечания, вошедшие в старую серию; обозначены абзацы.

Текст № 9.

РГБ, ф. 125, п. 29, л. 20—21 об. (перебел.). Публикация: Кир., III, с. 81—84.

Записано Александром Харитоновым: 29 авг. 1848 г., д. Шихеринская Шенкурского уезда Архангельской губ.

Сюжет «Сорок калик».

Былина печатается по автографу собирателя, сохранившемуся в п. 29 («макет» третьего выпуска старой серии П. В. Киреевского). После былинного текста на л. 21 об. есть приписка собирателя, позволяющая точно установить время и место записи старины: «29 августа 1848 г. Д. Шихеринская». Для шенкурских текстов это единственный случай точной атрибуции.

В рукописи А. Харитоновы имеются редакторские пометы П. А. Бессонова: расставлены знаки препинания; обозначены абзацы; вписаны примечания, вошедшие затем в старую серию П. В. Киреевского.

Текст № 10.

РГБ, ф. 125, п. 29, л. 18 об. и п. 31, л. 13—14 об. (перебел.). Публикация: Кир., V, с. 8—14.

Записано Никифором Павловичем Борисовым: 1844 г., Шенкурский уезд Архангельской губ.

Сюжет «Василий Буслаевич и новгородцы».

Былина печатается по автографу собирателя. Начало — первые 14 стихов — записано на том же листе, что и текст о Дунае (см. № 7): п. 29, л. 18 об. Так как основная часть этого листа была занята былинной о Дунае, то П. А. Бессонов вложил этот лист в п. 29 («макет» третьего выпуска старой серии П. В. Киреевского), где печатались тексты на сюжет о женитьбе князя Владимира и Дуная. П. А. Бессонов же сделал копию с указанных 14 стихов (п. 31, л. 13) и вложил ее вместе с остальным борисовским автографом этой былины (п. 31, л. 14) в п. 31 («макет» пятого выпуска старой серии).

В ст. 173 собирателем опущена нецензурная брань. К слову «на веку» в ст. 175 Н. П. Борисов сделал пояснение: «Никогда».

В конце былинного текста в рукописи имеется приписка Н. П. Борисова: «Сказание о Мамаевом побоище в непродолжительном времени будет сообщено г<осподи>ну редактору „Москвитянина“. Н<икифор> Б<орисов> (п. 31, л. 14 об.). Видимо, здесь идет речь о прозаическом предании «Про Мамаю безбожного», опубликованном в сказочном собрании А. Н. Афанасьева (см.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Изд. подгот. Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков. М., 1986. Т. 2. С. 377—383. № 317).

В рукописи Н. П. Борисова имеются многочисленные редакторские пометы, сделанные рукой П. А. Бессонова. В заглавии былины «Василий Буслаев» слово «Василий» зачеркнуто и сверху написано «Васька». Рукой П. А. Бессонова расставлены ударения (в настоящем издании бессоновские ударения сняты); выделены абзацы; дописаны сокращенные Н. П. Борисовым слова (в настоящем издании такие слова даются в угловых скобках); все числа, обозначенные Н. П. Борисовым цифрами, даны словами. В ст. 153 Н. П. Борисов описался — пропустил частицу «не» («На пути Ваське не пало черное вязище»); конъюнктура введена П. А. Бессоновым. П. А. Бессонов также сделал необходимую правку пунктуации текста. Им же вписаны те подстрочные примечания, которые напечатаны в сборнике П. В. Киреевского.

Текст № 11.

РГБ, ф. 125, п. 31, л. 9—12 об. (перебел.). Публикация: Кир., V, с. 1—6.

Записано Александром Харитоновым: до 5 января 1849 г., Шенкурский уезд Архангельской губ.

Сюжет «Василий Буслаевич и новгородцы».

Былина печатается по автографу собирателя, сохранившемуся в п. 31 («макет» пятого выпуска старой серии П. В. Киреевского). Начало старины было утеряно еще до того, как текст попал в руки П. А. Бессонова. В сохранившемся автографе собирателя былина начинается со строки «Бежат они добры молодцы» (по изданию «Песен, собранных П. В. Киреевским» ст. 22). П. А. Бессонов, желая как-то восполнить возникший пробел, добавил к этой шенкурской былине 18 стихов из былины того же сюжета в сборнике Кириши Данилова (ст. 48—65). Эти 18 стихов П. А. Бессонов скопировал на отдельном листе и подложил к шенкурскому тексту (п. 31, л. 8). Чтобы как-то связать две столь разнородных части — стихи из Кириши Данилова и шенкурский вариант — издателю пришлось сочинить два стиха: «Вылезают добры молодцы из-под избицы, Котельная Пригарина да Потанюшко Хроменький» (по изданию «Песен» — ст. 20—21). Эти стихи вписаны рукой П. А. Бессонова на рукописи А. Харитонова (п. 31, л. 9).

В настоящем издании былина дается только по автографу собирателя. В рукописи А. Харитонова ст. 28—30 написаны как проза; разбиты на стихи П. А. Бессоновым. В настоящем издании данная конъектура сохраняется. В ст. 119 собирателем опущена нецензурная брань.

В рукописи А. Харитонова сохранились следы редакторской правки П. А. Бессонова: отмечены абзацы; расставлены знаки препинания; дописаны сокращенные собирателем слова (в настоящем издании такие слова даны в угловых скобках); вписаны подстрочные примечания, вошедшие в старую серию П. В. Киреевского.

СЕВЕРНАЯ ДВИНА

№ 18 (1). ИЛЬЯ МУРОМЕЦ, РУССКАЯ СКАЗКА

[ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА; ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК]

В старину было в стародавнюю, когда князь Владимир венец держал, во селе было в Корочарове жил тут старик со старухою. Даровал им Бог на старость детище. Сидит детище седунѣм тридцать лет. Пришел под окно стар человек. Просит стар человек милостыню благословенную. «С печи не вставаю тридцать лет», — молвил Илья Муромец. «Вставай, добрый молодец», — проговорил стар человек. Встает с печи Илья Муромец, берет хлеба велик каровай, ладит подать милостыню благословенную. Подходит к окошку наволѣчному: пропал старик с науличья.

В те поры в селе Корочарове праздник был. Старик Иван Тимофеевич наварил велик щан пива. Выходил Илья на широкий двор, поднимал велик щан пива пьяного, завздынул чан на поветь высокую. Воротился старик Иван Тимофеевич из церкви Троицкой после воскресенской обедни, диву дался, когда не увидел на старом месте щанá с пивом. «Что же это, старуха, за притча прилучилася: семерыма да осьмерыма на могли щанá ни в кую сторону подáть, а теперь щан из-под окон убрали? Мужики все были в церкви Троицкой. Не Илейко ли седун эким чудом потешается?» — проговорил старик, и оба со старухой засмеялися.

Приходят старики в горницу. Тут они вдѣсталь придивилися: подходил к ним Илья Муромец, зѣмным поклоном чѣвствовал своих родителей, просил у них крепкого благословения. Сам засряжался во путь во дорогу дальнюю.

На прямоезжей дороге промежь Киева и Мурѣма залегало чудище поганое Алатырец некрещеный Соловей разбойник.

Чинил он обиды всему миру крещеному: никого не пропускал мимо своей окаянной залбги. А сидело это чудище на девяти дубах, что вершинами в небо ввиваются. Засвистит чудище в полсвиста — замрет лист в зеленом лесу; засвистит чудище полным свистом — оглушит всякого человека крещеного. А по той дороге ходы в Киев полтора часа, а по окольной дороге — ходы в Киев полтора года.

Пошел Илейко в Киев-град по прямоезжей дороге помимо залбги Алаты́рца Соловья разбойника. Сострелил Соловья с девяти дубов, приковывал, прищурю́пливал его ко стремени булатному, повозил его во палаты княженецкия, светлому князю Владимиру на показанье. Доезжали они до терема до Соловьиного. Сидят у окбленок малы деточки Соловьиныя. Новбый говорит: «Батюшко богатыря в стремени везет». А новбый: «Богатырь батюшка в стремени везет». Как увидел Соловей разбойник своих малых детушек, слезно всплакался он у стремени булатного: «Государь ты, мой батюшко Илья Ивановичь! Отпусти ты меня на волю вольную. Положу я тебе заповедь великую: не буду я больше сидеть над дорогой прямоезжею, не стану свистеть по-соловьиному, не стану губить народу крещеного». Илья Муромец тому не воймует: «Повезу я тебя, чуда, в Киев-град на показанье князю Владимиру».

Подъезжали они ко городу ко Крякову. Город Кряков обсажен обсадою, морят кряковцев смертью голодною. Говорит Илейко Соловью разбойнику: «Пособи мне-ка выручить Кряков из неволюшки». Поехал Илья по праву руку, Соловей пошел по леву руку. Под Кряковым добры молодцы силу выбили. Выносили кряковцы золоты ключи, отпирали ворота городбвыя: «Поклоняемся тебе, богатырь честной, нашим городом: приходи к нам в становье, вот тебе город наш, будь наибольшим!» Отвечает Илья Муромец: «Ой вы гой еси, горожана кряковцы! Под вами сила была неосильчива. Вы живите, братаны, по-старому, я поеду в стольный Киев-град!»

Прищурю́пливал он Соловья ко стремени булатному, приезжали они ко граду ко Киеву. Походил Илья в церковь Божию слушать обедню великую воскресенскую. Увидел его в церкве князь Владимир стольный киевский, учал он его доспрашивати: «Которого города, которой земли, как молодца именем зовут?» Отвечает Илья Муромец сын Ивановичь: «Здесь не то поют, не то и слушают, здесь идет обедня воскресенская».

Отошла обедня воскресенская. Просит Владимир Илью Муромца к себе на трапезу. Учал он его на пиру допрашивать: «Которой ты, молодец, ехал дорогою: прямоезжею дорогой аль окольною?» — «Ехал я дорогою прямоезжею». — «В очью ты облыга́ешь меня, добрый молодец: той дорогой ни конному, ни пешему пропúску нет, там залога чúдища Соловья разбойника». — «Ехал я дорогою прямоезжею, наезжал вора Соловья разбойника, сидел он на девяти дубах, что вершинами в нёбо ввиваются. Засвистел он по-соловьиному — подо мною конь на коленцы пал, на великую силу я посправился. Стрелял в Соловья из туга лука, сшиб его с дерева жарового, приковал ко стремяню булатному и привез к тебе на показанье».

Выходили они на красно крыльце. Илья Муромец взял князя под праву руку, а княгиню взял под леву руку, сам велел Соловью разбойнику сосвистеть тихим посвистом. Соловей разбойник сосвистел по-соловьиному. Князи и бояра и сильные могучие богатыри с ног попадали, круты крыши со хором окаталися. Еще смека́л вор Соловей разбойник, что тем посвистом уходит Илью Муромца. Илья Муромец взял его да и рóзорвал.

№ 19 (2). ЕЩЕ ПОДВИГ ИЛЬИ МУРОМЦА

[ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ]

- Из-за моря, моря синего,
Из-за синего моря, из-за черного
Подымался Батый царь, сын Батыевичь,
Со своим сыном с Таракáшком,
⁵ Со любимым зятем со Ёлюшком.
Собрал собака силы трех годов,
Силы трех годов и трех месяцев;
За сыном было силы сорок тысячей,
За зятем было силы сорок тысячей;
¹⁰ Одних было сорок царей-царевичей,
Сорок королей-королевичей.
Подошел собака под стольный Киев-град,
Сопущал собака якори булатные,
Выпуцал шеймы шелковыя,
¹⁵ Выметывал схóденки дубовыя,
Выходил на крут красён бережок,

- Раздернул бел полóтняный шатер,
 Поставил в шатер дубовый стол,
 Писал ярлыки скорописчаты,
 20 Скрычал зычным голосом богатырским,
 Созывал своих мурзов-бурзов татаровей:
 «Кто умеет говорить русским языком,
 человеческим?
 Кто бы съездил ко тому городу ко Киеву,
 Ко ласкову князю ко Владимиру,
 25 Отвез бы ему посольный лист, ярлык
 скорописчатый?»
- Поголовно молчат бурзы-мурзы татаровя.
 Закрычал он во второй накрóн:
 «Ой вы гой еси, мурзы-бурзы татаровя!
 Кто умеет говорить русским языком, человеческим?
 30 Кто бы съездил ко городу ко Киеву,
 Ко ласкову князю ко Владимиру,
 Отвез бы ему посольный лист, ярлык
 скорописчатый?»
- Тут выскочил бурза-мурза татаровичь:
 Стар-горбат, на перед поклап,
 35 Синь кафтан, голубой карман;
 Говорил сам таково слово:
 «Ужь ты гой еси, Батый царь, сын Батыевичь!
 Умею я говорить русским языком, человеческим,
 Отвезу ему посольный лист, ярлык скорописчатый». —
- 40 «Поезжай ты, бурза-мурза татаровичь,
 Поезжай не путем не дорбгою,
 Через леса дремучие,
 Через лузя дыбучие,
 Поезжай ты ко Киеву,
 45 Перескочи через стену городбвую,
 Через ту башню наугбльную,
 Брось своего коня середь двора,
 Не привязана, не приказана,
 Иди во-gridни княженецкия.
- 50 Двери грудью на́ пяту бери.
 Положь ярлык на дубов стол,
 Оборотась, приступи крепко, вон поди,
 Приступи, чтоб спели светлыя оконницы!»
 Видели, как мблодец коня седлал,
 55 Двенадцать подпруг со подпругою натягал,

Не для басоты молодецкия, а для крепости

богатырския:

Никто не видел поездочки богатырския;

Конь горы и доли промежь нѡги брал,

А маленькия речки хвостом устилал.

- 60 Приехал ко городу ко Киеву,
Перескочил через стену городѡвую,
Через те башни наугѡльныя.

.....
Положил ярлык на дѡбов стол,

Оборотясь, приступил толь крепко —

сам вон пошел.

- 65 Тут Владимир стольный киевский
Со своей женой Апраксией
Крычат сильных могучих богатырей:
«Ужь вы гой есте, Добрыня Никитичь и Алеша
Поповичь млад!»

Вы примайте ярлыки, распечатывайте,

- 70 Поскорее того прочитывайте,
Не утайте вы слова ѓдного!»
Говорили Добрыня Никитичь с Алешей Поповичем:
«Ярлык, князь батюшко, не радостный:

Из-за моря, моря синего,

- 75 Из-за синего моря, из-за черного,

.....
Просит Батый у нас трех сильных могучих

богатырей:

Богатыря старого казака Илейку Муромца,

Другого богатыря Добрыню Никитича,

Третьего богатыря Алешу Поповича.

- 80 Похваляется: „Дашь — не дашь, за боѡм возьму,
Сильных богатырей под мечь склоню,
Князя со княгинею в полон возьму,
Божьи церкви на дым спущу,
Чудны иконы поплавь реки,

- 85 Добрых мѡлодцев полоню станицами,
Красных девушек пленницами,
Добрых коней табунами“».

Надевал Владимир платье ценное,

Ценное платье, печальное,

- 90 Походил ко Божьей церкви Богу молитися;
Встрету идет нищяя калика перехожая:

«Ужь ты здравствуй, Владимир стольный
киевский!

Ты зачем надел черное платье печальное?
Что у вас во Киеве учинилося?» —

⁹⁵ «Молчи, нищая калика перехожая,
Нехорошо у нас во Киеве учинилося;
Из-за моря, моря синего,
Из-за синего моря, из-за черного,
.....

Красных девушек поленицами,

¹⁰⁰ Добрых коней табунами». —

«Не зови меня нищей каликой перехожею,
Назови меня старым казаком Ильей Муромцем».

Бил челом Владимир до сырой земли:

«Ужь ты здравствуй, стар казак Илья Муромец!

¹⁰⁵ Постарайся за веру христианскую,

Не для меня, князя Владимира,

Не для ради княгини Апраксии,

Не для церквей и монастырей,

А для бедных вдов и малых детей!»

¹¹⁰ Говорит стар казак Илья Муромец:

«Ужь давно нам от Киева отказано,

Отказано от Киева двенадцать лет». —

«Не для меня ради, князя Владимира,

Не для ради княгини Апраксии,

¹¹⁵ А для бедных вдов и малых детей!»

Проводил Владимир Илейка во гридни

княженецкия,

Посылал его ко царю Батыю, сыну Батыевичу.

Брал Илейко с собою Алешу Поповича и

Добрынюшку,

Брали они много злата-серебра,

¹²⁰ Поезжали ко Батыю с подарками.

Увидали их бурзы-мурзы татаровя,

Говорили сами таковы речи:

«Едет Владимир стольный киевский,

Везет нам Илейку во подарочки!»

¹²⁵ Подъезжает Владимир стольный киевский

Со старым казаком Ильей Муромцем,

Ко Батыю царю сыну Батыевичу.

Подают ему они подарочки,

Сами просят сроку на три года,

- 130 На три года, на три месяца.
Дает Батый сроку только на три дня.
Наливает чару зелена вина,
Не велику чару — в полтора ведра,
Подавал чару князю Владимиру:
- 135 Принимал Владимир чашу в обе-ручь,
Прикушал из чаши с пивной стакан;
Подает чару Илье Муромцу:
Принимает он чару единой рукой,
Выпивает он чару на единой дух;
- 140 Расходилися плечи могучия,
Раскипелось сердце богатырское:
«Ты прощай, Батый царь, Батыевич!»
Отправлялися во путь-дороженьку,
К своему ко граду стольну Киеву.
- 145 Говорил казак Илейко Муромец:
«Запирай, князь, ворота крепко-накрепко,
Засыпай их желтым песком, серым камешком;
Я поеду, добрый молодец, на Почай-реку,
Я поеду созывать сильных богатырей».
- 150 Приезжал он на Почай-реку,
На Почай-реке богатырей не наехал;
Поезжал Илейко на Дунай-реку,
Тут богатыри сидят во белом шатре:
«Поедьте, братцы, отстаивать Киев-град,
- 155 Не для ради князя Владимира,
Не для ради княгини Апраксии,
А для бедных вдов и малых детей!»
Добры молодцы собиралися,
Садилися по своим добрым коням,
- 160 Поезжали братаны за Дунай-реку.
Подъезжают братаны ко Дунай-реке:
Первый скочил племянник Самсон Колыванович —
Скочивши погряз посередь реки;
Расскочился дядюшка Самсона Колывановича —
- 165 Вытянул племянника и с лошадью;
Все богатыри переехали.
Подъезжали ко граду стольну Киеву,
Метали жеребей промежь себя:
Кому из них ехать в руку правую,
- 170 Кому из них ехать в руку левую,
Кого поставить в середку силы, в матицу.

Доставалася Самсону рука правая,
Никите с Алешей рука левая,
Илейке доставалась середка силы, мáтица.

- 175 Бьются-рубятся двенадцать дней,
Не пиваючи, не едаючи,
Добрым коням вдоха не даваючи;
Поехали добры молодцы опочів держать;
Не поехал Илейко опочив держать.
- 180 Прогóворил его добрый конь по-человечьему:
«Ужь ты, стар казак Илья Муромец!
Есть у татар в поле накопаны рвы глубокия,
Понатыканы в них кóпья мурзамецкия, сабли
вострыя:

Из первого подкопа я вылечу,

- 185 Из другого подкопа я выскочу,
А в третьем останемся ты и я!»
Бил Илья коня по крутым ребрам:
«Ах ты, волчья сыть, травяной мешок!
Ты не хочешь служить за веру христианскую!»
- 190 Пала лошадь во третей подкоп,
Остался Илейко во подкопе.
Набежали злыя татаровья,
Оковали Илеюшку железами,
Ручными, ножными и заплочными,
- 195 Проводили ко Батыю Батыевичу.
Говорил ему Батый царь, сын Батыевичь:
«Ужь ты гой еси, стар казак Илья Муромец!
Послужи мне-ка так же, как Владимиру,
Верою неизменною ровно три года!»
- 200 Отвечал стар казак Илья Муромец:
«Нет у меня с собой сабли вострыя,
Нет у меня копья мурзамецкого,
Нет у меня палицы боёвыя:
Послужил бы я по твоей по шее по татарския!»
- 205 Говорил Батый царь, сын Батыевичь:
«Ой вы, слуги мои верныя!
Вы ведите Илейку на широкий луг,
Вы стреляйте его стрелами калеными!»
То Илеюшке не поглянулося,
- 210 Говорил он таково слово:
«Ой ты гой еси, Батый царь, сын Батыевичь!
Ты так казни, как на Руси казнят богатырей:

- У нас выведут на поле на Куликово,
Положат голову на плашку на липову,
215 По плечь отсекут буйну голову;
Не толь старику будет смерть страшна!»
То Батыю слово показалось:
«Выводите его на поле Куликово,
Положите голову на плаху на липову,
220 По плечь срубите буйну голову!»
Возмолился стар казак Илья Муромец
Тому угоднику божьему Николаю:
«Погибаю я за веру христианскую!»
У Илейки силы вдвое прибыло;
225 Рвал он оковы железныя,
Хватал он поганого татарина,
Который покрепче, который на жиле не рвется,
Взял татаринoм помахивать:
В которую сторону махнет — улица.
230 Подбегает к Илеюшке доброй конь,
Садился он на добра коня,
Бил татар чуть не до единого.
Убирался Батый царь с большими убытками,
С малыми прибытками, со страмотою вечною,
235 На мелких судах, на павозках.

№ 20 (3). ИЛЬЯ ПОБЕЖДАЕТ ИЗДОЛИЩА ПОГАНОВОГО И СПАСАЕТ КИЕВ

[ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ]

- Стар казак Илья Муромец,
Ездит Илья по чисту полю,
Он не год ездит, не другой ездит,
Ездит Илейко двенадцать лет:
5 Пался ему встрече Сильный Иванище:
Не на коне ездит Иванище, ходит в пешь.
Остоялся Илья перед Иванищем,
Сам говорит таково слово:
«Путь-дорога, калика перехожая!
10 Куда снялся, сумка перемётная?» —
«Снялся я, калика, из Киева».
Говорил стар казак Илья Муромец:
«По-старому ли в Киеве звон звонят,

- Прсят ли милостыню спасенную?» —
- 15 «Не по-старому в Киеве звон звонят,
Не просят милостыни спасенныя:
Обнасьльничал Идолище поганое,
Сидит у князя в новом тереме,
У княгини держит руки в пазухе».
- 20 Говорит Илья Муромец таково слово:
«Ты отдай мне-ка свое платье цветное,
Ты отдай свою шляпу земли Греческой,
Ты отдай мне-ка свою клюшу яра дерева,
Сам садись на моего коня доброго».
- 25 Скоро пошел Илья в стольный Киев-град,
Шагал ушаги по полуверсты,
Приходил Илья в стольный Киев-град.
Приходил Илья в княжбй терем:
Княженецкия гридни с боку на бок пошатилися,
- 30 Ставинки в окнах помитусились.
Воходит Илья в княжбй терем,
Остоялся за дверми дубовыми,
Просит у князя милостыню спасенную.
Говорит Идолище поганое
- 35 Ласкову князю Владимиру:
«Князь Владимир стольный киевский!
У нас заповедь положена крепкая:
Не просить по Киеву милостыни спасенныя;
А теперь милостыня в терему стоит».
- 40 Говорят Илье придверники:
«У нас Идолище вышины двух сажен,
Ходит Идолище по терему — шагов ни чуть;
А ты идешь, калика перехожая, неизродная,
А по шагам твоим терем ходенём ходит».
- 45 Приходит он в хоромы княженецкия,
Говорит ему Идолище поганое:
«Отколь пришел ты, стар человек?
У нас была кладена заповедь великая:
Не просить милостыни спасенныя». —
- 50 «Я не знал про вашу заповедь великую,
А пришел я со степей Цыцарскихих,
Поклониться пресветлому князю Владимиру».
Говорит Идолище поганое:
«Ты скажи-ко мне, калика перехожая:
- 55 Походил ты веком на святой Русе,

Повидал ты всякого народа православного,
Ты скажи, какой есть у вас Илья Муромец?
Есть мне охота с ним повидаться».

Отвечает Илья Муромец:

60 «На меня гляди: буде хошь узнать Илью
Муромца».

Говорит Идолище поганое:

«Ты скажи, каклика перехожая,
По многу ли Илейка хлеба ест,
По многу ли Илейко к выти пива пьет?»

65 Отвечает Илья Муромец:

«Ест Илейко по калачику,
Пьет Илейко по стаканчику».
Насмеялся над ним Идолище поганое:
«Еще что же он за богатырь такой!

70 Я к выти по три печи хлеба ем,
По сороковке к выти пива пью!»

Говорит стар казак Илья Муромец:

«У моего батюшки было коровище старое,
Не молодо коровище было — ста годов,

75 Вышла та коровица на задворье,
Обожралась коровица дробиною,
Тут оно, коровище, треснуло:
И с тобой то же будет, Идолище поганое!»
Хватал Идолище булатный ножь,

80 Метал он ножом в Илью Муромца;

Снимал Илья шляпу земли Греческой,
Метал ту шляпу в Идолища:
Улетел Идолище сквозь стену во чисто поле.
Походил Илейко во чисто поле,

85 Настигал Иванища Сильного,

Говорил ему таковы слова:
«Есть в тебе, Иванище, силы — два меня,
А нет в тебе смелости — полменя!»

№ 21 (4). [ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ]

Не тычинушка в чистом поле шатается:
Добрый молодец подвигается,
Добрый молодец — Илья Муромец,
Илья Муромец сын Ивановичь;

- ⁵ С пенечка на пенечек он поскакивает,
С холмочка на холмочек он поплясывает.
Навстрету идет дядя Данило сын Игнатъевичь.
Тут братаны повстречались,
Повстречались братаны, поздоровались.
- ¹⁰ Возговорит Илья Муромец:
«Ужь ты здравствуешь, Данило сын Игнатъевичь!
Ты откуль идешь, ты куда пошел?»
Отвечает Данило сын Игнатъевичь:
«Иду я от града Ерусáлима,
- ¹⁵ От царя Константина Боголюбова,
От царицы Елены Александровны».
Возговорит Илья Муромец:
«По-хорошему ли живет Константин
Боголюбовичь?»
- Отвечает Данило Игнатъевичь:
- ²⁰ «Не здорово живет царь Константин
Боголюбовичь:
Не стало в Ерусалиме четья-петья церковного,
Не стало звона колокольного,
Расселилось Одолище поганое,
Поганое Одолище, проклятое.
- ²⁵ В долину Одолище пяти сажень,
Промежду плечми у Одолища коса сажень,
Головица его как пивной котел,
Глаза у него как чаши питейныя,
Носище как палка дровокóльная».
- ³⁰ Возговорит Илья Муромец:
«Ужь ты гой еси, Данило сын Игнатъевичь!
Ты зачем Одолища на бел свет спустил?»
Отвечает Данило сын Игнатъевичь:
«Ужь ты гой еси, Илейко сын Ивановичь!
- ³⁵ Голова моя стала теперь при старости,
Нога за ногу запинается,
Рука за руку заплетается».
Возговорит Илья Муромец:
«Разболокай, Данило, платье каличье,
- ⁴⁰ Скидай с ног лапóточки-обтóпточки,
подавай мне-ка шляпу земле-грецкую,
Земле-грецкую шляпу — сорок пять пудов».
Оболокает Илейко платье каликино,
Обувает лапотки-обтопточки,

- 45 Накладает шляпу земле-грецкую,
Походит Илья во дороженьку:
С горы на гору Илеюшка поскакивает,
С шблома на шблома поплясывает.
Приходит во город в Ерусалим.
- 50 Ко царю к Константину Боголюбому,
К его палатам белокаменным.
Скрычал-сзычал зычным голосом,
Зычным голосом по-каличьему:
«Ужь ты гой еси, царь Константин Боголюбовичь,
- 55 Ужь ты гой еси, царица Елена Александровна!
Подайте милбстыню спасенную,
Ради Христа, царя небесного,
Ради матери божьей Богородицы!»
От того от каличьего голоса
- 60 Небо с землею потрясалися,
Белокаменны палаты пошаталися,
Во палатах столы сколыбалися,
На столах питья-кушанья поплескалися,
За столом князи-ббьяра все припадали,
- 65 Поганое Одолище приужахнулось.
Возговорит Одолище поганое:
«Ужь ты гой еси, царь Константин сын
Боголюбовичь!
- Эки у вас на Руси калики голосастые!
Скрычи-ко калику в нову горницу».
- 70 Отпирал Константин царь окошечко косясчето:
«Ужь ты гой еси, калика перехожая,
Перехожая калика, сумка переметная!
Ты поди-ко ко мне в нову горницу,
Я в те пор подам милбстыню спасенную».
- 75 Походил Илейко на лестницу:
От ходы его лестницы заскрыпели,
По мостам он идет — мосты погнулися.
Заходил он в палату белокаменну,
Он крест кладет по-писаному,
- 80 Поклон ведет по-ученому.
На все четыре стороны покланяется:
«Ужь ты здравствуешь, царь со царицею!
Ужь вы здравствуйте, князи-бояра!»
Он поганому Одолищу челом не бьет,
- 85 Он челом не бьет, не покланяется.

- Это Одолицу за беду пало.
 Возговорит Одолице поганое:
 «Ужь ты здравствуешь, калика перехожая,
 Перехожая калика, сумка переметная!
 90 Какой на Руси есть Илья Муромец,
 Сильный-могучий богатырь?
 Много ли он вытью хлеба съест,
 Много ли он вина духом пьет,
 Высок ли он ростом-возрастом?»
- 95 Отвечает калика перехожая:
 «Знаю Илью я, ровно как себя:
 Вытью хлеба ест он по три прбсвиры,
 Вина духом пьет по одной чарочке,
 Ростом-возрастом он равён со мной».
- 100 Говорит Одолице поганое:
 «Еще чтб же он за богатырь пришел?
 А как я ли, Одолице поганое,
 Вытью хлеба ем по три пуда в выть,
 Вина духом пью по ведру на раз».
- 105 Возговорит калика перехожая:
 «Встарь было у князя у Владимира,
 Было коровище обжористо:
 Не могло коровище наедатися,
 Не могло коровище напиватися;
- 110 Вышло коровище во чисто поле,
 Напало коровище на дробинище,
 Еще тут коровищу разорвало,
 Еще тут коровищу растреснуло,
 Еще тут коровище окопылилось.
- 115 И тебя, поганого, разорвет!»
 Это Одолицу за беду пало,
 За беду пало за великую;
 Говорил Одолице поганое:
 «Кабы был здесь Илья Муромец,
- 120 На долбнь бы посадил да другой прижал,
 Межь долбнями мокрб бы повыжалось».
- Брал Одолице булатный ножь,
 Кинал в калику перехожего.
 Рассержалось у Илейки сердце богатырское,
- 125 Расходилися плечи могучия:
 Захватил он шляпу земле-грецкую,
 Земле-грецкую шляпу — сорок пять пудов,

- Метал шляпой в Одолища поганого,
Попадал ему в буйну голову.
- 130 Полетела глова ровно пугвица,
Вышибала в горнице три паклинка.
Возговорит калика перехожая,
Перехожая калика Илья Муромец:
«Ужь ты царь Константин, сын Боголюбовичь!
- 135 Увози Одолища поганого в чисто поле,
Серым волком на съеденьице,
Черным вóронам на пограянье!»
Возговорит царь Константин сын Боголюбовичь:
«Ужь ты, батюшка Илья Муромец!
- 140 Ты бери казны, сколько надобно!»
Отвечает Илья Муромец:
«Что мне надобно, калике перехожему?
На приходе ты гóстя не учёствовал:
На походе-то гостя не учёствовать!»

№ 22 (5). ИЛЬЯ МУРОМЕЦ — НИКИТА ЗАОЛЕШАНИН

[ССОРА ИЛЬИ МУРОМЦА С КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ]

- Ездит Илья во чистом поле,
Говорит себе таково слово:
«Побывал я, Илья, во всех городах,
Не бывал я давно во Киеве;
- 5 Я пойду в Киев, попроведаю,
Чтó такое деется во Киеве?»
Приходил Илья в стольный Киев-град,
У князя Владимира пир на вéсело,
Похóдит Илейко во княжóй терем,
- 10 Остоялся Илейко у ободверины,
Не опознáл его Владимир стольный киевский:
«Ты откуль родом, откуль племенем,
Как тебя именем величать, отцем чевствовать?»
Отвечает Илья Муромец:
- 15 «Свет Владимир Красное Солнышко!
Я Никита Заолéшанин».
Не садил его Владимир со боярами,
Садил его Владимир с детьми боярскими.
Говорит Илья таково слово:
- 20 «Ужь ты батюшко, Владимир стольный киевский,

- Не по чину место, не по силе честь:
Сам ты, князь, сидишь со воронами,
А меня садишь с воронятами!»
Князю Владимиру за беду пало:
- 25 «Есть у меня, Никита, три богатыря:
Выходите-ко вы, самолучшие,
Возмите Никиту Заолешанина,
Выкиньте вон из гридницы!»
Выходили три богатыря,
- 30 Стали Никитушку попёхивать,
Стали Никитушку поталкивать:
Никита стоит — не шáтнется,
На буйной главе колпак не трáхнется.
«Ежели хошь, кн<язь> Владимир, позабавиться,
- 35 Подавай еще трех богатырей!»
Выходили еще три богатыря,
Стали они Никитушку попёхивать,
Стали они Никитушку поталкивать:
Никита стоит — не шáтнется,
- 40 На буйной главе колпак не трáхнется.
«Ежели хошь, кн<язь> Владимир, потешиться,
Посылай еще трех богатырей!»
Выходили третьи три богатыря:
Ничего не могли упахáть с Никитушкой.
- 45 При том пиру при беседушке,
Тут сидел да посидел Добрынюшка,
Добрынюшка Никитичь млад;
Говорит он князю Владимиру:
«Князь Владимир Красное Солнышко!
- 50 Не умел ты гостя на приеде учёствовать,
На отъезде гостя не учёствуешь;
Не Никитушка пришел Заолешанин,
Пришел стар казак Илья Муромец!»
Говорит Илья таково слово:
- 55 «Князь Владимир стольный киевский!
Тебе охота попотешиться?
Ты теперь на меня гляди:
Глядючи, снимешь охоту тешиться!»
Стал он, Илейко, потешиться —
- 60 Стал он богатырей попиживать,
Сильных-могучих учал попинывать:
Богатыри по гриднице ползают,

- Ни один на ноги не может встать.
Говорит Владимир стольный киевский:
- 65 «Ой ты гой еси, стар казак Илья Муромец!
Вот тебе место подле меня,
Хоть по правую руку аль по левую,
А третьёе тебе место — куда хошь садись!»
Отвечает Илья Муромец:
- 70 «Владимир-князь земли свято-русския!
Правду сказывал Добрынюшка млад:
Не умел ты гостя на приезде учёствовать,
На отъезде гостя не учёствуешь!
Сам ты сидел со воронами,
- 75 А меня садил с воронятами!»

№ 23 (6). [ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОКОЛЬНИК]

- За городом было за Киевом,
Стояли за Киевом по три года,
Ничего в чистом поле не видели;
Третий год на проходе стал,
- 5 Четвертый год ходит по науличью.
На ранней зорюшке, на утренней,
Выходил Илья из бела шатра,
Смотрел по далёчу чисту полю,
Увидел паленицу преудалую:
- 10 Едет молодец на добром коне,
На правом плече везет ясна сокола,
На левом плече везет бела кречета,
У стремени прикована змея Горынская.
Воротился Илья во бел шатер:
- 15 «Кто бы из нас съездил во чисто поле,
Досмотрел паленицу преудалую?
Мы пошлем Алешу Поповича?
Алеша Поповичь гордлив-спесив:
Не умеет с богатырем как съехаться,
- 20 Не умеет богатырю честь отдать.
Мы пошлем тихого Дуная сына Ивановича?
У Дуная повороты были тихия,
Он не за виды положит буйну голову.
Пошлем мы Добрынюшку Никитича:
- 25 Тот знает, как с богатырем съехаться,

- Знает, как богатырю честь отдать».
Походит Добрыня на конюший двор:
Видели молодца, как коня седлал,
А не видели поездки богатырския.
- 30 Заехал он на шбломя высокое,
Смотрел-глядел по далечу чисту полю,
Увидел паленицу удалую:
Ездит молодец по чисту полю,
Тешится утехой дворянскою,
- 35 Мечет острое копые под вышину небесную,
На коне подъезжает и подхватывает,
Легко копыем поворачивает,
Сам копыю приговаривает:
«Коль легко я верчу острым копыем,
- 40 Толь легко буду вертеть Ильей Муромцем!“
Добрыня Никитичь воротился в бел шатер,
Сам ответ держит Илье Муромцу:
«Видел я паленицу преудалую:
Ездит паленица по чисту полю,
- 45 Потешается потехой дворянскою,
Мечет копые под высоту небесную,
На коне подъезжает, сам подхватывает,
Сам копыю наговаривает:
„Коль легко я верчу острым копыем,
- 50 Толь легко буду вертеть Ильей Муромцем!“»
Отвечает Илья Муромец:
«Ой ты гой еси, Алеша Поповичь млад!
Не твоя чаша — не тебе и пить!»
Походил Илья на конюший двор,
- 55 Седлал своего коня доброго,
Тянул двенадцать подпруг шелковых,
Белого шелка шемаханского,
Тринадцатую тянул через хребетную кость:
Не ради красы — ради крепости,
- 60 Чтоб не оставил добрый конь во чистом поле.
Видели старика, как коня седлал,
А не видели поездки богатырския:
Только в чистом поле курева́ стоит.
Заехал он на шбломя высокое,
- 65 Смотрел-глядел по далечу чисту полю,
Увидел паленицу преудалую:
Ездит паленица на добром коне,

- Потешается утехой дворянскою,
Мечет копьё в вышину небесную,
70 Подъезжает на коне и подхватывает.
Сам копьёю наговаривает:
«Коль легко я верчу острым копьём,
Толь легко буду вертеть Ильей Муромцем!»
Отвечает Илья Муромец,
75 Свет атаман сын Ивановичь:
«Ой ты гой еси, паленица преудалая!
Ты зачем рано похваляешься?
Не уловя ты птицы, теребишь ее,
Не сваривши птицы, Богу молишься?»
80 Не две грозны тучушки затúчились,
Не две горы вместе сдвигались:
Два богатыря съезжались во чистом поле.
Ударились первым боём палицами железными —
Тем боём друг друга не ранили,
85 В кольцах палицы поламались.
Кололись они копьями пурманецкими —
В чівьях копьё поламались,
Они тым боём друг друга не ранили.
Хватались они тягами железными,
90 Тянулись через гривы лошадиныя —
Один одного не перетягивает,
Добры кони пали на корачь,
Тем боём друг друга не ранили.
Сходили они со добрых коней,
95 Хватались плотным боём, рукопашкою —
Водились они не мало времени,
Водились добры молодцы полтора года,
По коленям в землю приобмялися.
У Ильи права нога окáтилась,
100 А левая нога подломилася:
Падал Илья на сыру землю,
Паленица садилась на белы груди.
Тут Илейко возмолится:
«Сколько я стоял за веру христианскую,
105 Ещё боле я стоял за церковь божию;
Сколько я стоял за благочестивых вдов,
За тех благочестивых вдов, за безмужних жен —
Благочестивыя жены, вдовы безмужния,
Оне были богомольныя,

- 110 День и ночь оне Богу молятся». —
Не серая утица востопорщится —
Илья на земли поворотится;
Метал Сокольника под вышину небесную,
Выше всякого шарбо́вого дерева,
- 115 Сам вставал да и подхватывал,
Клал паленицу на сыру землю,
Садился к паленице на белы груди,
Учал он паленицу доспрашивать:
«Коего, молодец, города, которой земли,
- 120 Которой Сибирской украины,
Как молодца именём зовут,
Как молодца по отце чёвствуют?»
Отвечает паленица удалая:
«Кабы я сидел у тебя на белых грудях,
- 125 Не спрашивал бы ни имени, ни отчины,
Ни роду бы не спрашивал, ни племени,
Скоро бы спорол груди белыя!»
Вопросил его Илья второй након:
«Коего, молодец, города, которой земли,
- 130 Которой Сибирской украины,
Как молодца именём зовут,
Как молодца по отце чёвствуют?» —
«Кабы я сидел у тебя на белых грудях,
Много бы я с тобой не разговаривал,
- 135 Скоро бы спорол груди белыя!»
Вспросил его Илья третей након:
«Коего, молодец, города, которой земли,
Которой Сибирской украины,
Как молодца именём зовут,
- 140 Как молодца по отце чёвствуют?»
Отвечает паленица преудалая:
«От моря я от Студеного,
От камени я от Латыря,
От той от бабы от Латыгорки,
- 145 Именем зовут меня Сокольник». —
Соходил Илья со белых грудей,
Брал его за руку за правую,
Цаловал во уста во сахарныя:
«Здравствуй, мое чадо милое!»
- 150 За беду пало Сокольнику, за великую.
Он садился на добра коня,

- Поезжал он ко своей матушке:
«Гой ты, матушка Амелфа Тимофеевна!
Ты скажи мне-ка моего батюшку».
- ¹⁵⁵ Отвечала Амелфа Тимофеевна:
«Ужь ты, дитятко мое рождёное!
Когда ты ехал во чисто поле,
Говорила я тебе заповедь великую:
Ты наедешь старого — старому кланяйся,
¹⁶⁰ Младого наедешь — младого спрашивай».
- За беду ему пало, за великую.
Ехал он ко городу ко Киеву,
Метал вострым копьём в бел шатер,
Прилетело копьё Илье во белы груди:
- ¹⁶⁵ У Ильи был оберег полтора пуда,
Полтора пуда был с четвертью;
Прянул Илья из бела шатра,
Хватал Сокольника со добра коня,
Схвативши его он на полы рбзорвал.

№ 24 (7). [БОЙ ДОБРЫНИ С ИЛЬЕЙ МУРОМЦЕМ]

А берет Илья ключики серебряны,
А серебряны ключи, позолочены,
Отпират Илья конюшонки стоялые,
Он выводит коня да неезжалого...

№ 25 (8). ПРО ОЛЕШУ ПОПОВИЦЯ

[КАТЕРИНА И ЧУРИЛА]

- Ешша жил Ермил сударь Васильевиць,
У ево была жона Катерина нонь Микулишна.
А и пойдет Ермил да во Божью церкву.
Как пойдётъ по улици Олешенька Поповиць млад,
⁵ На нёво девки глядат — да в голенишше ссять;
На его бабы гледять — колесом вертятъ;
А есть посмотрят на красу на молодецкую.
Увидела Олешеньку Катерина нынь Микулисьня,
Стукнула Олешиньки во стекольцоту околенику:
- ¹⁰ «Гостите-ко к нам, Олексей сударь,
Моего-то Ермила ево дома нет,

- Ушел Ермила да во Божью церкву.
У миня на столи да самовар кипит,
Во спальни во горницы кроватоцька стоит,
15 Ишша кровать стоит постеля пухова».
Во доме жила на вышке девка Федосья,
А стоит она псалтырь шестинедельная
По тому по Ермилову родителю.
Увидала Олешу Поповиця:
- 20 «Ишша какой это кобель на крыльце бежит?
Ишша какой это кобель во кольцо стуцит?»
Она лестовки кидала под высок порок,
Она пальтишко надёрнула на одно плечё,
Она башмашицко надела на босую ногу,
25 Ишша побежала Федосья да ко Божьей церкви.
Она в церкву скацила — нацял не кладеть,
Большому-то она не кланится,
Ешша миру-народу не устужится:
«Ай где-ка тут Ермил сударь Васильевич?»
- 30 Во своём он дому́ беды не ведаёт.
Как ево в дому жона да не одна живёт,
Сидит у её Олешенька Поповиць сын,
Ишша сведен Олёша во горницу во спальнюю».
Как тут Ермил да он из церкви вон
- 35 Побежал ко своему да ко подворьицу.
Он так шагнул — да на крыльце вскоцил,
Он так шагнул — да на рундук скоцил.
Как во тёмныи да во прихожие
Встрелят его Катенька Микулишьна,
- 40 А боса она, нага, без пояса.
А спроговорит Ермил сударь Васильевич:
«А што это шубоцька Олёшина висит?
А што это шапоцька Олёшина лежит?
Ишше што это тростоцька Олёшина стоит?»
- 45 А была ты, Катенька, цестна́ жона,
А нонь ты б....-б.... последная».
Как зайдет Ермил во горницу во спальнюю:
Сидит на постели Олёша Поповиць сын.
Он и ссек Олеша да буйну голову.

№ 26 (9). КАТЕРИНА МИКУЛИЧНА
(СМЕРТЬ АЛЕШИ ПОПОВИЧА)

[КАТЕРИНА И ЧУРИЛА]

- В вольнем было в Новом-городе,
А и жил да был Ермил сударь Васильевич,
У его была жена Катерина Микулишна.
Как уйдет Ермил да во Божью церькву,
5 А пойдет по улицы Олешинька Попович млад.
На его бабы глядят — дак косяки трешшат;
На его девки глядят — дак кулаки грызут;
А есть посмотрят на Олешу на Поповича:
У Олеша очи, дак буди соколы,
10 У Олеша брови, дак буди соболи,
У Олеша лико, дак буди маков цвет,
На Олеша шубоцька, дак сто рублей,
Иша шляпочка на Олеша вить хороша-дорога,
Иша тросточка у Олеша, дак чистого серебра.
15 А есть посмотрят на повыки богатырския.
Как увидат Олешу Катенька Микулишна,
Состучала Олешу во околени во стекольчаты:
«Гостите-ко к нам, да Оликсей сударь,
Моего-то Ермила да его дома нет,
20 Ушел Ермил да во Божью церькву.
У меня на столи да самовар кипит;
Во теплые во ложни кроватоцька стоит,
Иша кровать стоит периноцька пуховая».
На вышке дома Ермила жила девка
25 Федосья, которая
Стояла псалтырь шостинедельною
По тому по Ермилову по родителю.
Увидала Федосья Олешиньку Поповича:
«Иша какой это кобель на крыльцо бежит?
30 Иша какой это кобель во кольцо стучит?
Да ино к Катеньки в гости Оликсей сударь!»
Она листовку кинала под высок порог,
Иша она шубоцьку накинёт на одно плечо,
Она башмачишка надернет на босу ногу;
35 А прибежала девка да ко Божьей церквы.
Она в церькву-ту скочила — начал не кладет,
Большому-то она не кланеитсе,
Она миру-то народу не устыжаитсе.

- Сговорит как она да таково слово:
- 40 «А и где-ка тут Ермил да Богу молится?
Во своем дому беды не ведает:
У его в дому гостит Олешинька Попович млад,
А сведен Олеша во покои во особые».
- Как тут Ермил да он из церьквы вон,
- 45 Прибежал ко своему да ко подворьциу,
Он шаг шагнул — дак на рундук скочил
Как во темные да во прихожие.
Стречат его Катенька Микулишна,
А боса она, нага да без пояса.
- 50 Спроговорит как Ермил да таково слово:
«Иша што это шубоцька Олешина висит?
Иша што это шляпоцька Олешина лежит?
Иша што это тростоцька Олешина стоит?
А была ты, Катенька, честна жона,
- 55 А ноне ты б...., курва последняя!»
Как пошел Ермил во спальнюю во горницу —
На кровати спит Олешинька Попович свет.
Ему срубил Ермил да буйну голову.

№ 27 (10). ПРО ОЛЕШУ ПОПОВИЦ'А

[КАТЕРИНА И ЧУРИЛА]

- А жыл да был Ермил сударь Васильевиц',
У јево была жона Кат'ен'ка Микулиис'н'а,
А пойд'от Јэрмил да во Божју цэр'икву,
А пойд'от по улицы Ол'ошын'ка По-пови-иц' млад.
- 5 На јево д'эфки гл'эд'ат да кулак'и грызут,
На јего бабы гл'эд'ят да кос'ак'и тр'э-эшат,
А јэс'т' посмотр'ат' на красу на молодец'ку-уіу.
Ув'идала Ол'ошу Кат'эн'ка Микули-ис'н'а,
Постучала Ол'ошу во окол'энк'и ст'экол'ц'э-эты:
- 10 «Гостит'э ко к нам да, Ол'экс'эј су-у-дарь',
Моіэво-то Јэрм'ила јево дома-а н'эт,
А ушол Јэрмил да во Божју цэр'икву,
У мин'а на стол'и да самовар к'ипит,
А во т'оплыј'э во ложынк'и кроваточка стоит,
- 15 И та кроват' стоит п'эр'иночка пухова-а-іа
.....
А стојала псалтыр' шост'и н'эд'эл'ну-у-іу

По тому ли по Јэрм'илову род'ит'э-э-л'у.
Услыхала Ол'ошу По-пов'и-и-ц'а

.....
Он так шагнул — да на рундук ско-о-цил,
Как тут Ерэмил да он из цэрквы вон.

№ 28 (11). [СОРОК КАЛИК]

А и сорок калик да и добрых молодцёв,
А идут же калики по чисту́ полю,
А вострету-та Владимир-кнезь с дружиною:
«А уж вы здравствуйте, дородни добры молодци!
5 А куда жа вы, калики, путь управили?» —
«А уж ты здравствуёшь, Владимир-кнезь
с дружиною!
А идём-та мы ко граду к Ерусáлиму,
Мы к господнёму-та к гробу приложитисе,
Во Ердáни-та реки да искупатисе,
10 А во плакун-та во травы да покаталисе». —
«А вам упрáви Бог дорогу, добры молодци!
Ише спойте мне, калики, Голубиной стих.
Я наслышан ведь о том стихи пречудноём». —
Становилисе калики во единой круг,
15 А клю́ки-посохи потыкали в сыру землю́,
Они на клю́ки-ти повесят свои шляпочки.
Да тут не матушка гроза да разгуляласе,
Ай не сорок-та громóв да приударили —
Ай запели вить калики Голубиной стих.
20 Что от зыку, что от рёву от престрашного,
От того же вить от воплю преужасного
Тёмны лесушки к земли да преклонялисе,
По дорогам пыль до облак подымаласе.
Как Владимир-от от страху приочухался,
25 Говорит же кнезь Владимир таковы слова́:
«Ну, я наслушался стиха-та Голубиново,
Как душа-та с телом не россталасе».
(Погоди. А больше не знаю.)

№ 29 (12). КНЯЗЬ РОМАН И КНЯГИНЯ МАРЬЯ ЮРЬЕВНА

Снарядилсе князь Роман да за синё море,
А за сине море похóдит да битьсе-ра́титьсе,

- А посадил он кнегиной да молоду жену.
А тут восплачитсе кнегина да Марья Юрьевна:
- 5 «А ты не ездико, Роман, да за сине море,
А за сине море широкое раздольице,
Уж и мне-ка ноне мало спалось,
Да мне-ка много да во снах виделось.
А и будто у меня да со правой руки
- 10 А сокатилося кольцо да обручальное».
А не послушалсе Роман да молодой жены,
А он снастит корабли да белопарусны,
А отъезжает кнезь Роман да за сине море,
За сине море, широкое раздольице.
- 15 А тут и год-то пройдет да будто день минет,
А по утру было да все по раннему,
А тут ставает кнегина да Марья Юрьевна,
А ключевой-то водою да умываласе,
А тонким белым полотном да утираласе,
- 20 А ишше кланялась Спасу да Богородице,
А и садилась у окна да у косятого
А глядеть-то она да на сине море,
На сине море, широкое раздольице.
И из-за моря-то, моря да моря синего,
- 25 А из-за синего моря да все широкого,
А выплывали сокола да черны корабли,
А хорошо-то корабли да приукрашены,
А они красным-то золотом изунизаны,
А они чистым серебром да приокваны,
- 30 А они скатным жемчугом да изусажены.
А становились корабли да в тихой гавани,
Они метали якоря да все у города,
А оны флаки подымали да все шелковые,
А мосточки ти мостили да все дубовые,
- 35 А настилали камочки да одинцовые.
А и темá же мосточками дубовыма,
А хрущатыма камками да одинцовыма
А проходил тут Бориско да сын Заморенин,
А он и шел во палаты да во кнегинины,
- 40 А не умеет Бориско да речи русские,
А не толкует кнегиня да речь немецкую,
А говорит же Бориско да переводшиком —
Ише есть у двора да у Романова
Молодой-то Михайло да переводшиком.

- 45 Переводит Бориска да все на русску речь:
«А уж ты здраствуешь, кнегина да Марья Юрьевна,
А с молодым-то Романом да со Васильевичем».
А отвечает кнегина да Марья Юрьевна:
«Уж ты здравствуй-ко, купец да доброй молодец,
- 50 А счесливо бежал да по синю морю?
А у нас князя-то Романа да нету в городе,
А за сине море уехал да он поляковать.
Говорил же Бориско да сын Заморенин:
«Уж ты ой еси, кнегина да Марья Юрьевна,
- 55 А мы пришли из-за моря да из-за синего,
А привезли мы товары да разноличные,
А разноличные товары да все заморские,
А и тонки ти шолки да хрущаты камки,
А и штофы ти у нас да все орленые,
- 60 А и сукна ти у нас да одинцовые,
Дорогие те товары да какі надобно».
А не умеет ведь Бориско да речи русские,
А не толкует кнегина да речь немецкую.
А говорит ведь Бориско он переводшиком.
- 65 А и тут же кнегина да Марья Юрьевна,
А отпирала ларцы да медны кованы,
А она меряла меру да золотой казны,
А серебряной казны да брала без счету.
А тут сплакались слуги да слуги верные:
- 70 «А уж ты, душечка кнегина да Марья Юрьевна,
А не ходи-ко ты, кнегина, да на черной корабль,
А на черной-то корабль да в тихой гавани,
Как товар-от тебе да тут прилюбится,
А и ум-от от тебя да тут отступится».
- 75 А говорит им кнегина да Марья Юрьевна:
«А не ревите-ко вы, слуги да слуги верные,
А мне-ка нечего с Бориском да розговаривать,
А не умеет Бориско да речи русские,
А не толкую я, кнегина, да речь немецкую.
- 80 А я скоро откуплю товар заморские,
А и скоре того кнегина да я домой приду».
А походит кнегина да на черной корабль,
Только взяла с собой Михайла да переводшика.
А и ведет ей Бориско да сын Заморенин,
- 85 А ей по сукнам-то ведет да одинцовым,
А по мосточкам-то ведет да по дубовым,

- А он заводит ей на палубы тесовые,
А он во те ли во каюточки судовые.
А и тут же Бориско да сын Заморенин,
90 А он подносит кнегины да меду пьяного,
А он вторую ту чару да зелена вина.
Тут и ум-от от кнегины да отступайтсе,
А и Заморенин кнегины да прилюбайтсе,
А он не знает Бориско да речи русские,
95 А не толкует кнегина да речь немецкую,
А он целует кнегину да в сахарны уста.
Ай во ту пору было да во то времечко,
А матросы у Бориска да наученые,
Они сымáли мосты да все дубовые,
100 А скатали камочки да одинцовые,
А отворяли они парусы полотнены,
Подымали они якори булатные,
Выходили они да все из гавани,
Ай бежали они да во сине море,
105 А во сине море широкое раздолъице.
А во синем-то мори да во раздолъице
А ише стало корабличек покачивать,
С кормы на нос чермленой да поворачивать.
А и тут-то кнегина да сдивоваласе:
110 «А не бывало на веку да в тихой гавани
Да ише эка та погода да розгуляласе».
Говорит ей Бориско да сын Заморенин:
«А ты не бойсе-ко, кнегина да Марья Юрьевна,
А верно на мори волна да расходилася,
115 Нанесло зводенёк да до тихой гавани».
Ише не знает Бориско да речи русские,
А не толкует кнегина да речь немецкую.
А перепалось у кнегины да ретиво сердце,
А бежит она по лесенки на палубу.
120 У кнегины резвы ножки да подкосилисе:
А и сине-то море да на волнах стоит,
По синю ту морю да тут карапъ бежит,
А тут карапъ-то бежит да как стрела летит,
Как стрела та летит да кверху злетыват.
125 А и тут же кнегина да горько сплакалась:
«А и трои проклят да сын Заморенин,
Я сронила с головы да золотой венец!»
А и день-то пройдет да все другой минёт,

- А и третьи ти сутки да миновалисе,
130 А тут Больша-та земля да показаласе.
Ише стали корабли да в тихой гавани,
А и метали якоря да все у города.
Опускали оны парусы шолковые,
А мостили мосты да все дубовые,
135 Настилали камочки да одинцбвые,
А ише вышиты камочки да в красном золоти,
Прирозубраны камочки да в чистом серебри,
Приусыпаны камочки да в скатном бисери.
А и тут же Бориско да сын Заморенин
140 А и берет он кнегину да за белы руки,
Он за персьни те берет да золоченые,
А и ведет он кнегину да на красно крыльцо,
А во свои ти палаты да белокаменны:
А он поставил Бориско да сын Заморенин,
145 А он поставил дружину вокруг двора
И молодую ту кнегину да караулити.
А у ворот-то поставил да приворотничков,
А во сенях-то поставил да караульщикков
Да молоду ту кнегину да караулити.
150 А и во тех-то во палатах да белокаменных
А розоставили столы да вси дубовые,
А розослали белые браны скатерти,
А наподжили есвица сахарние,
А наносили вина да пива пьяного.
155 А пива пьяного, меду да все стоялого.
Ай говорил как тут Бориско да сын Заморенин:
«А ты послушай-ко, кнегина да Марья Юрьевна,
Да я возьму тебя, кнегина, да за себя замуж». —
«Трои проклят Бориско да сын Заморенин.
160 А я сронила с головы да золотой венец».
А и тут же Бориско да сын Заморенин,
А он позорил кнегину да Марью Юрьевну.
А он дерет со кнегины да платье цветное,
А говорит он кнегины да Марьи Юрьевны:
165 «А ты потешь-ко, кнегина, да добрых молодцов,
А ты спляши нага да по-удалому».
А и тут же кнегина да не ослышалась,
А и сколько кнегина да тут выплясыват,
А она боле слезами да уливается:
170 «А ты прости меня, Спас да многомилостив,

- А я сронила с головы да золотой венец!»
А во дворі-то дружина да упиваласе,
А напивались у ворот да приворотнички,
А и напивались во сенях да караульшички,
175 А приупился Бориско да сын Заморенин,
А ише стали они да опочів держать.
А ише тут-то кнегина да догадаласе:
«Благослови-тко мене Спас да со Пречистою,
А ты выведи меня да на светую Русь!»
- 180 А и бежит нынь кнегина да поскорешеньку,
А поскорешеньку бежит да потихошеньку,
Из полат выбегат да все на улицу.
А ише спят во палатах да трои суточки,
Как со сна-то дружина да прохватилаसे,
185 Прохватилася дружина да перепаласе:
«А у нас где-ка кнегина да Марья Юрьевна?»
Побежала дружина да ко синю морю,
Ко синю морю широкому раздольицу.
Как широко-то море да на волнах стоит,
190 Во синем мори погода да поднималасе,
Говорила дружина да все Борисова:
«Уж мы скажем Борису да все Заморину:
Убежала кнегина да ко синю морю,
Во синем мори кнегина да утопиласе».
- 195 А и бежала кнегина да она три-то дни,
А она три-то ведь дни да она три ночи,
А забежала кнегина да во темны леса,
Во темны ти леса да во дремучие,
А во те ли во болота да во зыбучие.
- 200 Да во лесах-то она три года скиталасе,
Да она горьким-то кореньицем питаласе,
Она долгима-то косами закрываласе.
А тут поваляют снежочки да у чиста поля,
А выбредала кнегина да ко синю морю,
- 205 Ко синю морю да на жолты́ пески,
А и тут-то кнегина да горько сплакалась:
«А уж ты море ли море да море синее,
А ты возьми-ко мое да тело белое,
А упокой ты мою да душу грешную!»
- 210 А и заходила кнегина да в море пó пояс,
А как из-за моря, моря да моря синего,
Из того же ли роздольица широкого

- Ай выбегает суденышко малешенько,
На суденки-то удалый добрый молодец,
215 Ише кнегинин переводшык да свет Михайло,
Ай говорит он кнегины да таковы слова:
«А уж ты гой еси, кнегина да Марья Юрьевна,
А выбредай ко мне, кнегина, да на черно судно,
Я свезу тебя, кнегина, да на светую Русь».
- 220 А тут высказывают кнегина да Марья Юрьевна:
«А уж ты хто таков, удалой доброй молодец?
Не слыхала я этга да речи русские,
А я русские той речи да ровно три года».
Отвечает Михайло да доброй молодец:
- 225 «А уж ты, миленька кнегина да Марья Юрьевна,
Не узнала своего да слуги верного,
Как и есь я Михайло да переводшичек.
А походила ты к Бориску да на черной карапъ,
А ты не знала с имá да розговаривать,
- 230 А ты взяла меня с собой да во помощники».
Тут слезами кнегина да умываласе,
А Михайла-то кнегина да устыжаласе.
Забродила кнегина да в море пó шею:
«Уж ой еси, молодой да доброй молодец,
- 235 А ты брось мне-ка с судна да хоть портенышко,
Я закрою свое да тело нáгое!»
А и тут же Михайло да не ослышалсе,
А скидывает свое да платье верхнее,
А подает он кнегины да Марьи Юрьевны.
- 240 Заходила она да на суденышко,
Ише скоро кнегина да одевайтсе:
«А спасибо тебе да свет Михайлушко,
Надо мной ты, Михайло, да не куражиссе».
Ай побежали они да по синю морю,
- 245 По тому-то широкому раздолъицу.
А тут пришли они с Михайлом да на светую Русь,
На светую Русь да в стольнем городи,
Тут пива ти варят да все вино курят.
А доходила кнегина да Марья Юрьевна
- 250 А до своих-то полат до белокаменных,
А она спрашивать стала да своих верных слуг:
«Нынь пошто вино курят да все пива варят?»
А не признали кнегину да слуги верные:
По-мужски-то кнегина да нынь обряжена.

- 265 А говорят-то кнегины да таковы слова:
«А воротилсе кнезь Роман да из Большой земли,
А он искал своей кнегины да Марьи Юрьевной,
Увезли его кнегину да во Большу землю,
А искал он кнегину да ровно три года,
- 270 А он Большу ту землю да все на дым спустил,
А перебил он и старого и малого,
Да за свою ту желанну да Марью Юрьевну.
А теперь у нас кнезь да пририздумалсе,
А он сосватал за себя да нынь боярску дочь,
275 А о вчерашной день Романушко сосваталсе,
А сегодня у Романа да обрученьице,
А и завтре у Васильевича венчальной день».
Ай говорила тут кнегина да Марья Юрьевна
Своему-то Михайлы да другу верному:
- 280 «А ты бежи-ко, Михайло, да во торговой ряд,
А ты купи-ко, Михайло, да гусли звбнчаты.
А подем мы к Роману да на широкой двор,
А мы скажемся у кнезя да скоморохами».
А и тут же Михайлушко не ослышалсе,
- 285 А походит Михайло да во торговой ряд,
А купил он ей гусли да гусли звончеты.
А пришли ко кнезю да на широкой двор,
Ише в те ли во полаты да белокаменны.
Оны сказалисе у кнезя да скоморохами.
- 290 Запогудывали в гусли да в гусли звончаты.
А и тот же Роман да свет Васильевич
Не узнал своей кнегины да Марьи Юрьевны:
По-мускí то кнегина да все обряжена.
А он дает ей братыню да зелена вина,
- 295 Зелена-то вина да из своих ведь рук.
А выпивала кнегина да за единой дух,
А со правой руки сымала да золото кольцо,
Золотое-то кольцо да обручальное,
Она которым со Романом да обручаласе,
- 300 А положила во братыню да во серебряну,
Воротила Роману Васильевичу.
А и тут же Роман да свет Васильевич,
А он хватат у ей перстень да золото кольцо,
Прижимает кольцо да к ретиву сердцу,
- 305 А обливает слезами да все горючима:
«А уж ты ой есь, молодой да скоморошина,

- Говори-ко мне да правду-истину,
А у мя где-ка кнегина да Марья Юрьевна?
А искал я кнегину да ровно три года,
310 Я Большу ту землю да все на дым спустил,
Перебил я и старого и малого».
А и тут же кнегина да Марья Юрьевна,
Она падат Роману да во резвы ноги,
А умывает слезами да все горячима.
- 315 Зрадовáлся у нас кнезь Роман Васильевич,
А он хватает кнегину да за белы руки,
Прижимает кнегину да к ретиву сердцу,
Он целует кнегину да в сахарны уста,
А он ей садит на место да на кнегинино:
- 320 «А мне не надобна невеста да все обручная,
Да только надобна кнегина да Марья Юрьевна».
Ай того же молодого да он Михайлушка
А поставил себе да в друга милого,
А в друга милого во брата да во названого.
-

Текст № 1.

РГБ, ф. 125, п. 30, л. 4—7 об. (перебел.). Публикация: Кир., IV, с. 1—6.

Записано Александром Харитоновым: до 5 января 1849 г., Архангельский уезд Архангельской губ.

Сюжеты «Исцеление Ильи Муромца» и «Илья Муромец и Соловей разбойник».

Былина печатается по автографу собирателя, сохранившемуся в п. 30 («макет» четвертого выпуска «Песен, собранных П. В. Киреевским»). В рукописи текст записан как проза; на стихи разделен в публикации П. А. Бессонова. В настоящем издании выбирается прозаическая форма текста.

Перед былинным текстом на л. 4 имеется запись А. Харитонova — его обращение к В. И. Далю: «Думаю, что не лишне будет познакомиться вас, милостивейший государь Владимир Иванович, с этою сказкою в том виде, в каком она ходит между крестьянами здешнего Архангельского уезда. А<лексей> Х<аритонов>». На л. 7 об. дано начало былины о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром (см. текст № 5).

К слову «Алатырец» А. Харитонов сделал следующее примечание: «Не испорченное ли Алютор? Впрочем, по созвучию это слово родственно со словом Алатырь (какой-то морской камень, так часто встречающийся в наших досельных повериях). Быть может, что первоначальный смысл слова Алатырец был: приезжий из-за моря, иноверец,

заморщина некрещеная, приезжий с моря-окиана с камня Алатыря, играющего такую важную роль в нашей символике».

В рукописи А. Харитоновы имеют следы редакторской правки П. А. Бессонова: расставлены ударения; вписаны подстрочные примечания, вошедшие в IV выпуск «Песен» П. В. Киреевского; обозначены абзацы. П. А. Бессонов же разбил текст вертикальными чертами на стихи. Фразу «Сидят у околенок малы деточки Соловьиныя» П. А. Бессонов путем введения приема подхвата в своей публикации изменил: «Сидят у околенок малы деточки, Малы деточки Соловьиныя» (ст. 71).

Текст № 2.

РГБ, ф. 125, п. 30, л. 29—31 об. (перебел.). Публикация: Кир., IV, с. 38—46.

Записано Александром Харитоновым: до 5 января 1849 г., Архангельский уезд Архангельской губ.

Сюжет «Илья Муромец и Калин-царь».

Былина печатается по автографу собирателя, сохранившемуся в п.30 («макет» четвертого выпуска «Песен, собранных П. В. Киреевским»). На л. 29 сверху записано окончание сказки на сюжет «Теремок». После заглавия — «Еще подвиг Ильи Муромца» — собирателем дан эпитафия: «Чем больше вариантов, тем лучше (к читателям Отеч. зап.) (От«ечественные» зап«иски». 1847)». Сбоку имеется карандашная помета П. А. Бессонова: «Александр Харитонов, топограф, из Шенкурска». В конце былины на л. 31 об. сохранился фрагмент письма А. Харитонova к В. И. Далю с датой «5 января 1849 г.» и указанием места — «Архангельск».

К отдельным диалектным словам собиратель в скобках писал разъяснения:

- к слову «шеймы» в ст. 14 — «канаты»;
- к слову «након» в ст. 27 — «раз»;
- к слову «лузя» в ст. 43 — «луг»;
- к слову «едного» в ст. 71 — «единого»;
- к слову «поплавь реки» в ст. 84 — «спущу».

Как уже указывалось в исследовательской части нашего издания, после ст. 62, 75, 98 собиратель проставил многоточия, означающие пропуски повторяющихся фрагментов; в «Песнях, собранных П. В. Киреевским» П. А. Бессонов реконструировал опущенные эпизоды по аналогии с предшествующими строками. В нашем издании текст дается по автографу А. Харитонova.

Отмечается в тексте и редакторская правка, направленная на создание путем использования приема подхвата из одной короткой строки двух стихов (см. исследовательскую часть нашего издания). В рукописи А. Харитонova имеются следы и другого рода редакторской правки П. А. Бессонова: обозначены абзацы; вписаны подстрочные примечания, вошедшие в старую серию П. В. Киреевского.

Текст № 3.

РГБ, ф. 125, п. 30, л. 18—20, л. 13 (перебел.). Публикация: Кир., IV, с. 18—21.

Записано Александром Харитоновым: до 5 января 1849 г., Архангельский уезд Архангельской губ.

Сюжет «Илья Муромец и Идолище».

Былина печатается по автографу собирателя, сохранившемуся в п. 30 («макет» четвертого выпуска «Песен, собранных П. В. Киреевским»). На л. 18, где дано начало былины, наверху записан конец неустановленной былины о Добрыне Никитиче. Лист 20 — это копия ст. 73—88 (конец былины), сделанная П. А. Бессоновым. Харитоновский автограф этого фрагмента находится на л. 13. На этом же листе записано начало былины «Илья Муромец и Сокольник» (см. № 6) и потому данный лист переложен в другую часть папки.

К слову «помитусились» в ст. 30 А. Харитонов сделал разъяснение: «покривились».

В рукописи А. Харитонova имеются следы редакторской правки П. А. Бессонова: обозначены абзацы; вписаны примечания, вошедшие в «Песни, собранные П. В. Киреевским»; расставлены знаки препинания.

Текст № 4.

РГБ, ф. 125, п. 24, л. 15 об. и п. 30, л. 21—22 (перебел.). Публикация: Кир., IV, с. 22—38.

Записано Александром Харитоновым: до 5 января 1849 г., Архангельский уезд Архангельской губ.

Сюжет «Илья Муромец и Идолище».

Былина печатается по автографу собирателя, сохранившемуся в п. 30 («макет» четвертого выпуска «Песен, собранных П. В. Киреевским»). На л. 21 начало былины (ст. 1—7) написано сбоку рукой П. А. Бессонова. Автограф А. Харитонova с этими семью стихами находятся на л. 15 об. в п. 24 (то есть в «макете» второго выпуска). На этом же листе написан конец шенкурской былины «Добрыня и Маринка» (см. текст № 4 в разделе «Шенкурско-Важский край»).

К слову «четья» и «петья» в ст. 21 А. Харитонов сделал в скобках разъяснение: «чтение», «пение». К слову «долина» в ст. 25 — «длина».

В старой серии П. В. Киреевского к этому тексту в подстрочнике опубликована былина из рукописи XVII в. «Сказание о семи русских богатырях». Копия этого текста, сделанная рукой П. А. Бессонова, находится в п. 30, л. 23—28.

Текст № 5.

РГБ, ф. 125, п. 30, л. 7 об., 18 об. и л. 32—34 (перебел.). Публикация: Кир., IV, с. 46—49.

Записано Александром Харитоновым: до 5 января 1849 г., Архангельский уезд Архангельской губ.

Сюжет «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром» («Илья Муромец — Никита Заолешанин»). П. А. Бессонов считал, что у данного

текста утрачено начало (см. Кир., IV, с. 46), однако скорее всего, именно так былина звучала в устах сказителя.

Былина печатается по автографу собирателя, сохранившемуся в п. 30 («макет» четвертого выпуска «Песен, собранных П. В. Киреевским»). В старой серии былина печаталась с л. 32—34. Лист 32 — это не автограф собирателя, а копия ст. 1—22, сделанная рукой П. А. Бессонова. Лист 34 (конец былины) — также является копией П. А. Бессонова. Автограф А. Харитоновой с началом этого текста находится на л. 7 об.; конец — на л. 18 об.

В автографе А. Харитоновой первые 6 стихов записаны как проза. П. А. Бессонов в своей копии разбил текст на стихи. В настоящем издании эта конъектура принимается. В исследовательской части нашего издания указывалось, что П. А. Бессонов в отдельных случаях в ст. 11, 13, 20 и 71 путем введения приема подхвата из одной строки делала два стиха.

Редакторская правка П. А. Бессонова сказалась также в разбивке текста на абзацы; он дописал слова, сокращенные А. Харитоновым (в настоящем издании — даются в угловых скобках).

Текст № 6.

РГБ, ф. 125, п. 30, л. 13—17 об. (перебел.). Публикация: Кир., IV, с. 12—18.

Записано Александром Харитоновым: до 5 января 1849 г., Архангельский уезд Архангельской губ.

Сюжет «Илья Муромец и Сокольник».

Былина печатается по автографу собирателя, сохранившемуся в п. 30 («макет» четвертого выпуска «Песен, собранных П. В. Киреевским»). В рукописи собирателя имеются следы редакторской правки П. А. Бессонова: обозначены абзацы; вписаны подстрочные примечания, вошедшие в старую серию П. В. Киреевского.

Текст № 7.

Газ. «Архангельск». 1916. 26 апр., № 91.

Записано Борисом Викторовичем Шергиным: апрель 1916 г., Архангельск — самозапись сказителя.

Сюжет «Бой Добрыни с Ильей Муромцем» (отрывок).

Фрагмент из былины опубликован начинающим писателем Б. В. Шергиным в одном из ранних его очерков (Б. III. Недавнее прошлое: Пафнутий Осипович Анкудинов // Архангельск. 1916. 26 апр., № 91). Старину о бое Ильи Муромца с Добрыней герой очерка поет во время работы (шитье паруса).

Текст № 8.

РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, № 2975, л. 2—3 (полев.).

Записано Борисом Матвеевичем Соколовым: октябрь 1915 г., г. Москва — от архангелогородца Шергина Бориса Викторовича, 19 лет.

Сюжет «Катерина и Чурила».

Былина записана карандашом торопливым почерком. В тексте имеются отдельные исправления и дополнения: зачеркнуты слова и целые строки; вписаны сверху варианты к определенным лексемам; введены варианты стихов в подстрочных примечаниях. Видимо, Б. М. Соколов слушал от Б. В. Шергина былинду два (или более) раза и вносил в первоначальный текст разночтения. Возможно, сам исполнитель, вспоминая давно не петый текст, на ходу поправлял себя. В настоящем издании былина печатается по верхнему (позднему) слою записи. Первоначальные варианты стихов и формул приводятся ниже:

ст. 1: первоначально отчество Ермила звучало как *Ефимович*;

ст. 4: первоначально — «Олешенька Поповиць *сын*»;

ст. 6: первоначально — «на его *жонки* глядеть»;

ст. 7: в первоначальном варианте стиха не было — вписан сверху мелким почерком;

ст. 9: первоначально — «*постуц*яла Олешу».

ст. 10—11: в первоначальном варианте стихов не было — вписаны сверху мелким почерком. Внизу в подстрочных примечаниях дан вариант этого отрывка:

Как самово-то у меня да ево дома нет,
Ешша ушел Ермил во Божью церкву.

ст. 16: первоначально — «девка *стара*»;

ст. 19: первоначально — «Как увидала *Олешеньку* Поповиц»;

ст. 22: в первоначальном варианте стиха не было — вписан сверху мелким почерком;

ст. 32: первоначально — «*Ишша* сидит»;

ст. 48: первоначально — «*Олешенька Попович* на постели сидит».

Текст № 9.

Газ. «Архангельск». 1916. 24 янв., № 19.

Записано Борисом Викторовичем Шергиным: январь 1916 г., Архангельск — самозапись сказителя.

Сюжет «Катерина и Чурила».

Опубликована Б. В. Шергиным за подписью Б. Ш. в его раннем очерке «Былина в Архангельске» (Архангельск. 1916. 17 янв., № 13; 22 янв., № 17; 24 янв., № 19). К слову «шубоцька» в ст. 51 собиратель сделал следующее примечание диалектного характера: «Произносить ч как ц в тексте архангельских старин следует и тогда, когда печатно не соблюдена эта особенность северного говора».

Текст № 10.

РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, № 3344, л. 4—4 об.

Записано на фонограф и расшифровано окружением Бориса Матвеевича и Юрия Матвеевича Соколовых: 1915 г., г. Москва — от архангелогородца Шергина Бориса Викторовича, 19 лет.

Сюжет «Катерина и Чурила».

Былина записана карандашом; подтекстовка под двумя нотными строками. Последние две строчки записаны не внизу под строкой, а наверху над второй строкой.

Текст № 11.

ИРЛИ, ФА, МФ, 1349.02.

Записано К. Н. Великановой: 1969—1970 гг., г. Москва — от архангелогородца Бориса Викторовича Шергина, 73—74 лет.

Сюжет «Сорок калик» (начало).

Текст № 12.

Шергин Б. У Архангельского города, у корабельного пристанища: Сб. старин. М.; Пг., 1924. С. 38—50.

Записано Борисом Викторовичем Шергиным: около 1924 г., Архангельск — самозапись сказителя.

Сюжет «Князь Роман и княгиня Марья Юрьевна».

ВОЛОГОДСКИЙ КРАЙ

№ 30 (1). ИЛЬЯ МУРОМЕЦЬ

[ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА. ИЛЬЯ МУРОМЕЦЬ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК]

Илья Муромець да сын Ивановиць
Сидел то сидел ровно тридцать лет
Он без рук, без ног во большом углу.
У ево отец заводил помоцьку,
⁶ Хотел помбцьку сделать — цишшу цистити.
Ушли народ цишшу цистити,
Приходили к ему два старца старые:
«Поди-ко, брат Илья Муромець,
Неси-ко пивка нам».

— «Рад бы я принести, да у меня ноженьки не ходят». — «Тебе сказано — поди неси!» Потянул Илья ноженьки — потянул, как пошли ево ноженьки, пошел за пивом, принёс чашу пива пьяново. Подносил пивка этим старцам. Наградил ево своей рукой этот старець, перекрестил своей рукой чашу пива пьяново: «Выпей-ко, Илья Муромець, сам». Выпивал эту чашу пива пьяново.¹ «Цюствуешь ли в себе силушку?» — «Цюствую я в себе силушки много. Кабы было кольцо в небе, притянул бы ко сырой земле. А был бы в той земле столб, так повернул бы всю вселенну вкруг».² — «Поди-ко, Илья Муромець, принеси чашу пива пьяново».³ Наградим опять своей рукой!» Велели ему выпити. «Што теперь, — говорят, — Илья Муромець, много ли теперь цюствуешь силушки?» — «Будет мне и этой силушки — цюствую, што поменьше стала».

Сошел он на цишшу себе, там с конца цистят, а он с другого нацял. Реку Днепру завалил, што в другом месте побе-

жала. Увидали, што такое там делается, послали человека проведать. Человек и спрашивает: «Ты кто⁴ такой?» — «А я Илья Муромец». — «Как Илья Муромец? Илья Муромец сидел без рук, без ног — какой ты Илья?» Побежали домой — домой в углу нету Ильи. «Ну, Илья Муромец!» Батка обрадел и принёс бочку сороковку вина. «На-те, братцы, пейте вино! Молите Бога за нево, што взял ожил...»⁵

Ездил Соловья убил, на двенадцати дубах, свистом целовека убивал. Он ехал, а он свиснул, а конь на коленки пал. А он взял натянул свой лук и попал ему в правой глаз, свалился с дуба. Он взял ево в стремяна и посадил и везёт ево. А детки⁶ говорят: «Вон тятенька идёт». А матка и гов<орит>: «Вашево-то тятеньку какой-то плут в стремянах везёт».

Привёз ево в город Киев. Привёз к князю Владимиру. Князь и завёл почестной пир-пированьицо. «Ну-ко, россвишшы-ко, доброй молодець Соловей де разбойник. Только всем свистом не свищы». А он взял и россвистал всем свистом. Много народу привалялосе. А он взял ево,⁷ россердился Илья Муромец, взял за ногу, а на другую наступил, роздёрнул. Решил Соловья разбойника. До тово во Киев проходу не было, бохатыри процишшали дороги — Соловей не пускал.

№ 31 (2). ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

[ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ]

Из-за лесу, лесу было темново,

Из-за темново, дремуцево,

Не туця ли там затуцилась,

Не туман ли затуманивсё,

⁵ Поднимаетцё там злодий Кáлин-цярь на

Киев-град.

За ним было сорок цярей-цяревичей,

Сорок королей-королевицей,

И за каждым цярем-цяревичём,

И за каждым королем-королевицём

¹⁰ Было силы за ними по сорока тысяцей.

За самим злодием Кáлином-цярем

Было силы три тьмы и три тысеци.

Подошли оне под Киев-град

И обстали кругом Киева.

¹⁵ И злодий Кáлин-цярь

- В первой день ходив до вечера,
 Перву ночь до белà светà
 И выкликàв сибє такова целовека,
 Штобы знав говорить по-русски
 20 И товмацить по-татарски.
 И другой день ходив до вечера,
 И другую ночь ходив до белà светà
 И выкликàв таково целовека,
 Штобы знав говорить по-русски
 25 И товмацить по-татарски.
 И третий день ходив до вечера,
 Третью ночь ходив до белà светà
 И выкликàв таково целовека,
 Штобы знав говорить по-русски
 30 И товмацить по-татарски.
 И нашовсè такой целовек,
 Што знает говорить по-русски
 И товмацить по-татарски,
 И он ему наказ наказывал:
 35 «Пойди жо ты во Киев-град,
 Иди прямо ко князю Владимиру
 Во светлую свитлицу,
 И во столовую горницу,
 И где-ка опоцивает князь Владимир,
 40 И не снимай с себя шапки соболиныя,
 И не крести своево бела лица,
 И говори ты с ним таковы слова не с упадкою:
 «Ах ты, князь Владимир!
 Мы к тебе пришли не в гость гостить,
 45 Ты отдай нам Киев-град без бою, без драки
 И без большово кроволития»...

Повисив князь Владимир свою буйну голову ниже могу-
 цих плець. У ево была жона Апра́ксия, у ево она и спраши-
 вала: «Што жо ты, мой возлюбленной муж, повисив свою
 буйну голову ниже своих могущих плець?» — «Да, — гово-
 рит, — жона моя Апра́ксия! Как мне своя голова не повисить:
 просит злодий Кàлин-царь Киев-град отдать без бою, без дра-
 ки, без большово кроволития». Говорила тут ему жона ево
 Апра́ксия: «Есть у нас в глубоком погребу сильной могуцèй
 богатырь Илья Муромець, возьми ты тарелки золоцèныя, на
 эти тарелки насыпли злата и серебра и драгоценново каме-

нья; набери с собой куниц и лисиц и драгоценных соболей, и принеси ты ему покорность и говори таковы слова: „Ты прими от меня, сильной могущей богатырь Илья Муромец, богатой подарок и выйди ты на бел свет из глубоково погребя и постой ты за церкви соборныи, за души младенческия, за веру христианскую!“»

Тут выходил Илья Муромец из глубоково погребя и кричяв он своим богатырским голосом, свистав молодецким псовистом своево доброво коня; и бежит ево доброй конь наступчивой, не потеряв он войлоцька косячатово, не потеряв он сидёлышка черкасково, не потеряв он и копыя довгомерново, не потеряв он и палочки воинския, богатырския...

Садивсе Илья Муромец на своево доброво коня, поезжав во зеленыя луга и где-ка жив там злодий Калин-цярь. Ехавпоехав и сам себе пораздумавсе: «Што жо я поехав на ратьсилу великую, силу непобитую, а не у ково не попросив благословенья?»

В цистом поле живет у ево дядюшка Самсон Колывановиць, приезжает он к этому дядюшке, и дядюшка обрадев своему племяннику и спрашивал ево: «Куда жо ты, мой племянницёк, поехав?» — «Есть, — говорит, — дядюшка, нашов на Киев-град Калин-цярь, за ним сорок цярей-цяревицей, сорок королей-королевицей, за каждым цярем-цяревицём, за каждым королем-королевицём силы по сороку тысяцей, за самим злодием Калином-цярём силы три тьмы и три тысеци, и лажу я постоесть за церкви соборниё, за души младенския и за веру христианскую». Говорит ему тут Самсон Колывановиць: «Ну, племянницёк, ты съизди позавтракай, а меня оставлей пообедать». И дает ему тугой лук и стрелку каленую и говорит наказ наказывает: «Если обовладает тебя сила поганая и возьмут тебя во полон, ты натегивай тугой лук и накладывай стрелу каленую и стреле приговаривай: „Полети жо ты, калена стрела, не пади жо ты не на воду, не на землю, пади ты Самсону Колывановичу на бел шатер полотняной и сшиби маковку золоцёную!“»

Приезжает Илья Муромец во чистое полюшко в силу великую, силу непобитую; куды пройдет — тут улица, куды на добром коне поворотитцё — тут площадь, и видит тут злодий Калин-цярь, што с этим богатырем нечево не поделать. Приказывает (Калин-цярь) своей силе копать перекопи глубокия и ставить копыя вострыя; и вскочив ево доброй конь,

Ильи Муромця, через одну перекопь, исколовсё весь, и взяли тут Илью Муромця во полон...

Натегивал Илья Муромец тўгой лук, накладывал стрелу каленую и стреле приговаривав: «Полети, стрела каленая, не пади ты не на воду, не на землю, а пади моему дядюшке Самсону Колывановичу на бел шатер полотняной и сшиби ты с бела шатра маковку золоцёную»...

И догодавсе тут ево дядюшка Самсон Колывановиць, што племяницёк во полон взят, Илья Муромец. Вот он (Самсон Колыванович) оседлав, обуздав своево доброво коня и поехав в цистое поле ко злодию Кáлину-цярю и стал он поезживать, своево племяничка выруцивать. Куды проидет — улица, куды поворотитсё — площадь; столько стало валитсе нецисти поганыё. Вот он приломав свое копье довгомерное, изломав свою палоцьку воинскую, богатырскую — воевать больше стало нецем; и схвати он тут татарина: «Ах, — говорит, — какое мне попало побоищо,¹ гнетцё — не ломитцё, по суставам не сорветцё». И прибил он тут у злодия Кáлина-цяря всю силу, и злодия Кáлина-цяря взяв в полон, и с живово кожу снели, и выручив своево племяничка Илью Муромця.

№ 32 (3). ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ЦАРЬ КУРКАС

[ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ]

Илья Муромец да сын Ивановиць,

Он поехал в цистó поле

Лесницяти да пальницяти.

Подъезжает Илья Муромец да сын Ивановиць

⁵ Ко сыру́ дубу да дубровому.

На этом на сыром дубе

Сидит предивная птиця,

Предивная птиця чернб́й ворб́н.

Воспрогб́ворит да чернб́й ворб́н:

¹⁰ «Илья Муромец да сын Ивановиць,

На тя беда немалая:

Стоит в поли сила поганая».

Осердився Илья Муромец да сын Ивановиць

Да на церново на ворона.

¹⁵ Натягает калену́ стрелу,

Опускает Илья Муромец в церна ворона:

Росщепал он сырой серой дуб

- На ножовое церевьице;
Церна ворона не могли найти.
- 20 Сел Илья Муромец да сын Ивановичь
Да на добра коня,
Поехал он в цистó поле
Лесницяти да пальницяти.
Воспрогóворил да ворóной конь:
- 25 «На тебя беда немалая:
Стоит в поли сила поганая,
Копают три перéкопи
Да три глубокия, да три широкия,
Ставят копье немецкое,
- 30 Да богатырское да цáря Куркаса».
Осердивсе Илья Муромец да сын Ивановичь
Да на добра коня.
Поехал он в цистó поле
Лесницяти да пальницяти.
- 35 У ево пéрекопъ конь перéскоцив
И другую пéренес,
В третью конь и зáскоцив
И заколовсе тут.
Схватили Илью Муромца сына Ивановичя,
- 40 Налóжили на Илью Муромца
На белыя руцьки трои петельки,
Трои петельки да шелкóвыя,
На резвыя ножки трои зéлезы,
Трои зéлезы немецкия,
- 45 Немецкия да царя Куркаса,
Повели же Илью Муромца да сына Ивановичя
Да ко цáрю Куркасу.
Приводят Илью Муромца сына Ивановичя
Да ко цáрю Куркасу.
- 50 Выходит царь Куркас
На высок балхон.
Воспрогóворит ему царь Куркас:
«Послужи-ко мне, Илья Муромец да сын
Ивановиць,
- Послужи-ко мне верой-правдой,
- 55 Потопи-ко мне, Илья Муромец,
Да бани-пáруши».
Воспрогóворит Илья Муромец да сын Ивановичь:
«Ах, кабы у меня теперь

- Востра сабелька богатырская,
60 Снес бы буйну голову
Да по плечь тебе!»
Взял же Илью Муромца да сына Ивановица
Царь Куркас да на буян-поле,
Закопал ево во сыру землю
65 Да по плечь ево,
Да проколотил ему буйну голову
Да видь до мозгу.
Тряхнулся тут Илья Муромец сын Ивановиць,
Слетели с рук да трои петельки,
70 Трои петельки да шелкóвыя,
Слетели с ног зелезы немецкия,
Немецкия да царя Куркаса.
И бился Илья Муромец да сын Ивановиць,
Бился день до вечера,
75 Добился Илья Муромец
До вострой сабельки богатырския.
И бился Илья Муромец сын Ивановиць,
Бился день до вечера,
Добился Илья Муромец
80 Да до царя Куркаса.
Повел Илья Муромец сын Ивановиць
Царя Куркаса на буян-поле,
Закопал же Илья Муромец
Во сыру землю да по плечь ево,
85 Проколотил ему буйну голову
Да видь до мозгу.
Говорил же он царю Куркасу:
«Будь же ты, царь Куркас,
Серым волкам на съидение,
90 Церным вбронам на пограёньице».

№ 33 (4). ДОБРЫНЯ И СИЛА НЕВЕРНАЯ

[ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ]

- У честной вдовы Нелфы Тимофеевной
Был сын Добрынюшка Никитичь.
Выростал он во двенадцать лет,
Отдала его матушка в грамоты учить:
5 Грамота ему далася.

- Вырос он в пятнадцать лет,
Стал просить у матушки
Прощенья-благословленья
Ехать во чисто поле далече.
- 10 Проговорит ему родна матушка:
«Ай же ты, Добрынюшка Никитичь!
Поезжаешь ты молодешенек,
Умом-разумом глупешенек».
Не послушал Добрынюшка Никитичь
- 15 Своей родимой матушки,
Пошел он в стойлу во конскую,
Взимал он Самолета коня доброго,
Седлал он седельшко черкасское,
Садился он на добра коня,
- 20 Кладывал он стременышки серебрянкия,
Плеточкой шелковой понасвистывал;
Садясь его видели, а едучи не видели.
От того поезду богатырского
Звери по лесу разбежались,
- 25 Птицы по горам разлетались.
Попадала Добрынюшке первая закопань,
Ту закопань перёскочил.
Попадала Добрынюшке другая закопань,
Упал бурушко косматый на колена с ним.
- 30 Говорит же ему Добрынюшка:
«Ай же ты, бурушко косматый!
Чего же ты спотыкаешься?
Аль невзгодушку надо мной начеешься?»
Проговорит ему бурушко косматый:
- 35 «Попадет тебе третия великая закопань;
Тебе этой не перёскочить,
Упадешь с меня в эту закопань,
И обступит тебя сила неверная,
И попадешь в плен нечисты силы».
- 40 Лишь проговорил это косматый конь,
Упал Добрынюшка со добра коня
В эту великую закопань;
Обступила Добрынюшку сила неверная,
Силушка поганая,
- 45 Связали обе ручушки тетивками шелковыми,
Сковали ему ножки резвыя
Тыми кандалами турецкими,

- Тыми ль кандалами в девяносто пуд;
Тут взимали и повели Добрынюшку
- 50 Тридцать три богатыря,
Позади — силы числа-сметы нет;
Повели его издалеча во чисто поле
Ко тому ко кустышку ко ракитову
Отрубить ему буйну голову.
- 55 Проговорит им Добрынюшка Никитин сын:
«Ай же вы, силушка неверная,
Силушка поганая!
Дайте мне маленько поостопаться,
Дайте мне немного поодуматься.
- 60 Есть ли у вас отцы-матери,
Молоды жены, малы детушки?
Есть ли кому по вас плакати?»
Тут пораздернул Добрыня свои белы рученьки —
Сорвались тетивочки шелковыя;
- 65 Пораздвинул ножки резвыя —
Сорвались кандалы тяжелыя,
Кандалам девяносто пуд.
Зачал Добрыня кандалами помахивать:
Куды вернется — туда улица,
- 70 Куды перевернется — переулочек;
Прибил он всю силушку поганую,
Не оставил силушку неверную на семена,
Прибил он всех жидов,
Всех татаровей неверных,
- 75 Пролил крови много неверной.
Нос у него — что палица,
Глаза у него — пивны щаны,
Палица у него в руках в девяносто пуд.

№ 34 (5). МИКИТА РОМАНОВИЦЬ

[ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ]

- Што жил то ли Микита Романовиць
Да у Владимира,
У семи цярей да по семи годов,
У Владимира князя двенадцать лет.
- 5 Не выжил словецюшка гладкова,
Не корки хлеба мягково.

- Приходил то ли к нему благоверной царь
К Микиту Романову большому боярину
(У них тут со татарам война была, вот он тут):
«Послужи-тко, Микита Романовиць,
10 Одолить да силу вражию». —
«Послужил бы я за белово царя,
За кровь крестьянскую».
Татарину эти слова не слюбились,
Поганому не пондравились.
- 15 Побежали тут татаре поганые
На Микиту Романова,
На большово баярина,
Закрицяли, заһикали,
Посвязали Миките Романовичу
- 20 Белы рукò титивкам шелковыми,
Заковали ему ноги в железа немецкие,
Закрыли ёму оци ясные
Камоцькой камцятною.
Повели Микиту Романовиця
- 25 На то поле цистое,
На ту плаху на липовую
Отсекать да буйну голову
По те плечи могуции.
Сговорил тут Микита Романовиць:
- 30 «Создай-ко, Боже Господи,
Буйныф ветров,
Штобы скинуло с моиф ясныф оцей
Комоцьку камцятную,
Поскинуло с моиф ясных <очей>».
- 35 Постряхнул тут Микита Романовиць
Со своиф резвыф ноженек
Железа немецкие,
Посорвал с рук
Тетифки шёлковые.
- 40 Увидел ён тут татарина старово,
Татарина поганова.
Схватил ево за ногу,
И зацял помахивать,
Помахивать да похваливать:
- 45 «Вот так уразина!
Не мнётсы, не трётсы,
Не трётсы, не ломитсы».

- Понёс ён помахивать
На все цётые стороны.
60 Где махнёт — тут улоцька,
Где перемахнёт — переулоцек,
Бил ён тут до единово,
Не оставлял впредки на симена.

**№ 35 (6). ОТЧЕГО БОГАТЫРИ ПЕРЕВЕЛИСЬ НА СВЯТОЙ РУСИ?
БЫЛИНА ПРО ДОБРЫНЮ И ИЛЬЮ МУРОМЦА**

[ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И НАХВАЛЬЩИК]

- Собиралосе на поле Боиканово триста богатырей;
Ене думали думу крепкую,
Крепкую думу заединую:
«Кабы было кольцо кругом всей земли,
5 Кругом всей земли, кругом всей орды,
Мы всю землю святорусскую вниз повернули,
Самого бы царя в полон взяли;
Кабы была на небо лисница,
Мы бы выстали на небо,
10 Всю небесную силу присекли,
Самого бы Христа в полон взяли».
Услышал Христос риць похвальную,
Похвальную, супротивную, —
Спустил с небес поляницу удалую.
15 Прибила поляница всех сильных могучих
богатырей,
Оставила только три русского могучего богатыря:
Первого богатыря Добрынюшку,
Другого Олешеньку,
Третьего Илью Муромца.
20 Они со той со страти, со ужасте
Уезжали на поле Боиканово,
И расставили шатры белополотнянные,
Они спали три дни и три ночи,
Не пиваючи и не едаючи.
25 Добрынюшке в шатерушке не заспалось.
Выходит Добрынюшка на улицу,
Поглянул во все четыре стороны.
Поглянул в подвосточную сторону:
Что не туча идет перед дождичком,

- 30 Не гром загредел перед молоньей, —
Идет удалый добрый молодец,
Под им был конь, как лютой звирь;
Сам на коне сидит, как упал на добре,
Очи его, как у ясного сокола,
- 35 И румянец в лице, как у алого;
У коня из ушей и ноздрей искры сыплются.
И идет он мимо эти белы шатры,
Сам говорит таково слово:
«Есть ли у этих у белых шатров
- 40 Со мной поединщикек и супротивщикек?»
Тут Добрынюшке за преку пришло,
За тую досаду сердечную,
За тую рану кровавую.
Он скоро седлал, уздал своего добра коня,
- 45 Поскорее того на коня скакал,
Настиг его у реки Смородины.
Загаркал-то ён по-звериному,
Засвистал-то ён по-соловьиному.
Под ним конь не шарашитя,
- 50 А сам на коне не оглянетя.
Оглянулся удалый добрый молодец,
Загаркал-то ён по-звериному,
И засвистал-то ён по-соловьиному;
Тут под Добрыней конь на коленка пал.
- 55 Тут Добрыня и поворот держал,
Ко своим ко белым шатрам.
На ту пору выходит Илья Муромец на улицу.
И сам говорит таково слово:
«Далечо ли ты издил, Добрыня, куды путь
держал?» —
- 60 «Уж ты ах же ты, дядюшка Илья Муромец
сын Ивановиць!
Мне ноцесь в шатерушку не заспалось,
Выходил я на улицу, поглянул во все четыре
стороны.
Поглянул в подвостоцную сторону:
И не туча идет перед дождицком,
- 65 Не гром загредел перед молоньей,
И идет удалый добрый молодец.
Под ним был конь, как лютой звирь,
И сам сидит на коне, как упал в добре,

- И очи его, как у ясного сокола,
70 И румянец в лице, как у алого.
У коня из ушей и ноздрей искры сыплются,
Изо рта у него полымя машет.
И идет мимо евтии белы шатры,
И сам говорит таково слово:
75 „Есть ли у этих у белых шатров
Со мной поединщицек и супротивщицек?“
Тут Добрынюшке за преку пришло,
За тую досаду сердечную,
За тую рану кровавую.
80 Я и скоро седлал, уздал коня,
Поскорее того на коня скакал.
И настиг я его у реки у Смородины.
И загаркал-то я по-звериному,
И засвистал-то я по-соловьиному.
85 Под им конь не шарашится,
И сам ён на коне не оглянется.
Оглянулся удалый добрый молодец,
Загаркал-то ён по-звериному,
И засвистал-то ён по-соловьиному,
90 Подо мной конь на коленка пал,
Я на коне цють жив сидел*.
Илью Муромцу тут за преку пришло,
За тую досаду сердечную,
За тую рану кровавую.
95 И скоро седлал, уздал добра коня,
И о двенадцати подпружинках подпруживал,
А тринадцатый клал под широку грудь,
А четвернадцатой клал наф(хв)остницек.
Брал он палицу во сто пудов,
100 Берет он копыцо булатное,
Вострой нож берет с чинжалищем,
И только видели молодца на коне сядючи,
И не видели его поедучи.
Конь озера и реки перескакивал,
105 Темные леса между ног пустил,
И настиг его на поле Боиканове.
И приезжает Илья Муромец ближе того;
И загаркал-то ён по-звериному,
И засвистал-то ён по-соловьиному.
110 Под ним конь не шарашитсье,

- И сам на коне не оглянетъсе.
Оглянулся удалый добрый молодец,
Загаркал-то ён по-звериному,
Под Ильей Муромцем конь на коленка пал.
115 И бьет Илья Муромец своего добра коня
по тучным бедрам:
«Уж ты волчья сыть, травяной мешок!
Видно, чаешь надо мной невзгодушку».
Конь и вскочил и близко подъезжает к богатырю;
И ударил его палицей железною по главе:
120 У его старики-колпаки не стряхнулись,
И желты кудри на главе не сполстились.
И сам говорит таково слово:
«Яже на святой Руси комарики,
Больнё комарики кусаются».
125 И завели ёни биться палицами железными, —
У их палицы приломались;
И завели ёни в копыицы булатнии, —
У их копыя приломались;
И завели ёни биться в рукопашный бой, —
130 И перебил Илью Муромца и наверх его.
Илью Муромцу смерть была написана:
Свернулсе и наверх его.
И выдергивает Илья Муромец нож с чинжалищем,
И сдымает нож выше головы.
135 «Скажись, молодец, не утай меня,
Не утай меня и не съешь себя,
Которой земли и которой орды,
Которого и которой матери?» —
«Уж ты, старая собака вор седатой волк!
140 Кабы был на твоих грудях черных,
Порол бы твои груди черныи,
Ричистый язык брал бы с теменем,
Отсек бы твою буйную голову,
Кабы на тебе сидел — бросал бы о сыру землю,
145 Не мог я от тебя отперитисе,
Отперитисе и отказатися.
Есть я Кузьма Семерцянинов богатырь».
Он и скоро скакал со белых грудей,
И брал его за ручки за белыя,
150 И целовал в уста сахарныя,
И назвал любезным племянником.

- Тут ёне с племянником погостилисе,
Тут ёне и распростилисе;
Один в сторону поехал,
¹⁵⁵ А другой в другую.
Илья Муромец и разоставил шатер белополотнянен,
И зауснул ён богатырским сном.
И разгорелось у племянника сердце богатырское,
Приезжает ён ко белу шатру,
¹⁶⁰ И тюкнул Илью Муромца ножом в груди белыя.
Илью Муромцу смерть была неписана:
На груди у его угодилсе крест.
Он скоро скакал с богатырска сна,
И брал племянника за руцьки за белыя,
¹⁶⁵ И бросал племянника о сырую землю;
Выкопал у племянника глаза и посадил
на добра коня:
«Повози, добра лошадь, куды знаешь его!»

№ 36 (7). [ИЛЬЯ МУРОМЕЦ НА СОКОЛЕ-КОРАБЛЕ]

- По морю, моря по синему,
По синему, по Хвалунскому,
Ходил-гулял Сокол-карабль.
Немного-немало двенатцать лет.
⁵ На якорях Сокол-карабль не стаивал,
Ко крутым берегам не приваливал,
Желтых песков не хватывал.
Хорошо Сокол-карабль изукрашен был:
Нос и корма по-звериному,
¹⁰ А бока звездены по-змеиному.
Да еще было на Соколе на карабле
Еще вместо очей было вставлено
Два камни два яхонта;
Да еще было на Соколе на карабле
¹⁵ Еще вместо бровей было повешено
Два соболя два борзые;
Да еще было на Соколе на карабле
Еще вместо ушей было повешено
Две куницы мамурския.
²⁰ Да еще было на Соколе на карабле
Еще три церкви соборныя;

Да еще было на Соколе на карабле
Еще три монастыря три почестных;
Да еще было на Соколе на карабле
25 Три торговища немецкие;
Да еще было на Соколе на карабле
Еще три кабака государевы;
Да еще было на Соколе на карабле
Трои люди незнамые,
30 Незнамые, незнакомые:
Промежду собою языка не ведали.
Хозяин-от был Иль<я> Муромец,
Иль<я> Муромец, сын Иванов.
Его верный слуга — Добрынюшка,
35 Добрынюшка Никитин сын,
Пятьсот гребцов, удалых молодцов.
Как из далече-далече из чистого поля
Зазрил, засмотрел турецкой пан,
Турецкой пан большой Салтан,
40 Большой Салтан Салтановичь,
Он сам говорит таково слово:
«Ах вы гой еси, ребята добры молотцы,
Добры молотцы, донские казаки!
Что у нас на синем море деется,
45 Что чернеется, что белеется?
Чернеется Сокол-карабль,
Белеются тонки парусы.
Вы бежите-ко, ребята, ко синю морю,
Вы садитесь, робята, во легки струги,
50 Нагребайте поскорее на Сокол-карабль,
Илью Муромца в полон бери,
Добрынюшку под мечь клони!»
Таки слова слышал Илья Муромец,
Таво слово Добрыне выговаривал:
55 «Ты Добрынюшка Никитин сын,
Скоро-борзо походи во Сокол-карабль,
Скоро-борзо выноси мой тугой лук,
Мой тугой лук в двенатцать пуд,
Калену стрелу в косу сажень!»
60 Илья Муромец по караблю похаживает,
Свой тугой лук натягивает,
Калену стрелу накладывает.
Ко стрелочке приговаривает:

- «Полети, моя каленая стрела,
⁶⁵ Выше лесу, выше лесу по поднебесью,
 Не пади, моя каленая стрела,
 Не на воду, не на землю,
 А пади, моя каленая стрела,
 В турецкой град, в зелен сад,
⁷⁰ В зеленой сад, во бел шатер,
 Во бел шатер, за золот стол,
 За золот стол, на ременчат стул,
 Самому Салтану в белу грудь,
 Распори ему турецкую грудь
⁷⁵ Ращиби ему ретиво сердце!»
 Ах тут Салтан спокаелся:
 «Не подай, Боже, водится с Ильей Муромцем,
 Не детям нашим, не внучатам,
 Не внучатам, не правнучатам,
⁸⁰ Не правнучатам, не пращурятам!»

№ 37 (8). МАЛОЕ ВИНОГРАДЬЕ

[ИЛЬЯ МУРОМЕЦ НА СОКОЛЕ-КОРАБЛЕ]

- Уж как пò морю, морю по синему,
 Виноградье красно-зеленое!
 По синему морю по Хвалынскому,
 Виноградье красно-зеленое!
 Тут ходил-гулял Сокòл-корабль,
 Он не много, не мало — двенадцать лет.
⁵ Што на якорях Сокòл-корабль не ста́ивал,
 Ко крутым бережкам не приваливал,
 Желтых песков не хвátывал.
 Как ешшé было на Сòколе на кòрабле
 Ешше вместо-то оцей было вставлено
¹⁰ Што по дòрогому камению по яхонту.
 Как ешшé было у Сòкола у кòрабля
 Ешше вместо-то бровей было повешено
 Што по дòрогому соболу сибирскому.
 Как ешшé было у Сòкола у кòрабля
¹⁵ Ешше вместо-то ресниц было повешено
 По по дòрогой лисицы по муромской.
 Ешше было на Сòколе на кòрабле
 Ешше нос-корыма по-звериному,

- Бока сведены были по-львиному.
- 20 Как ешчѣ было на Сѣколе на корабле
Ешше три было церкви соборные.
Как ешше было на Соколе на корабле
Ешше трѣи были люди незнаемые,
Незнаемые, незнакомые,
- 25 Промежѹ собой язѹками не ведалисе.
Ешше было на Сѣколе на корабле
Хозяин был Илья Муромец,
Во товаришшах Добрынюшка,
Добрынюшка Микитиць млад.
- 30 Побежал Сѣкол-корабль в землю шведскую,
В землю шведскую во турецкую.
Как завидел, слышал турецкой царь,
Турецкой царь, большой султан,
Он и сам говорит таковѣ слово:
- 35 «Ужь вы гой еси, ребяташка турѣяна,
Турѣяна, люди грѣяна,
Ешше што у нас на мори черниетца,
Черниетца, белиетца?
Черниетца Сокѣл-корабль,
- 40 Белиютца тонки парусы!
Уж вы гой еси, ребяташка турѣяна,
Турѣяна, люди грѣяна,
Скѣро-борзо походите во легкѣ стружкѣ,
Розбирайте веселышки яровчаты,
- 45 Наезжайте, нагребайте на Сокѣл-корабль,
Секите, рубите Сокѣл-корабль!»
Как слышал, завидел Илья Муромец,
Илья Муромец сын Ивановичь,
Он и сам говорит таковѣ словѣ:
- 50 «Ужь ты гой еси, Добрынюшка Микитениць,
Скѣро-борзо походи ты во Сокѣл-корабль,
Скѣро-борзо выноси мой тѹгой лук,
Мой тѹгой лук, каленѹ стрелу».
Добрынюшка не ослушался,
- 55 Скѣро-борзо походил во Сѣкол во корабль,
Скѣро-борзо выносил ево тѹгой лук,
Ево тѹгой лук, каленѹ стрелу.
Скѣро-борзо он натягивал свой тѹгой лук,
Накладывал каленѹ стрелу,
- 60 Он сам стреле приговаривал:

- «Ты ляти, моя стрела, высоко-далеко,
 Ты не падай не на воду, не на землю,
 Пади, моя стрела, во турецкой град,
 Во турецкой град, во зéлен сад,
 65 Во зéлен сад, во бел шатер,
 Самому султану в груди белые,
 Распори ему груди белые,
 Расколи ему ретивó сердце!»
 Ешше взвыла да пошла каленá стрела,
 70 Што не падала не на воду, не на землю,
 Ешше падала стрела во турецкой град,
 Во турецкой град, во зéлен сад,
 Во зелен сад, во бел шатер,
 Самому султану в груди белые.
 75 Распорола ему груди белые,
 Расколола ему ретивó сердце.

№ 38 (9). [ИЛЬЯ МУРОМЕЦ НА СОКОЛЕ-КОРАБЛЕ]

- По морю, морю синему,
 По синему по Хвалынскому
 Ходил-гулял Сокол-карабль,
 Не много, не мало — двенадцать лет.
 5 На якорях Сокол-карабль не стаивал,
 Ко крутым берегам не приваливал,
 Желтых песков не хватывал.
 Хорошо Сокол-карабль изукрашен был,
 Нос и корма по-звериному,
 10 А бока звездены по-змеиному,
 Да еще было на Соколе на карабле,
 Еще вместо очей было вставлено
 Два камня, два яхонта;
 Да еще было на Соколе на карабле,
 15 Еще вместо бровей было повешено
 Два соболя, два борзья;
 Да еще было на Соколе на карабле,
 Еще вместо ушей было повешено
 Две куницы мамурския;
 20 Да еще было на Соколе на карабле,
 Еще три церкви соборныя;
 Да еще было на Соколе на карабле,

- Еще три монастыря, три почестных;
Да еще было на Соколе на карабле,
25 Три торговица немецкие;
Да еще было на Соколе на карабле,
Еще три кабака государевы;
Да еще было на Соколе на карабле,
Трои люди незнамые,
30 Не знамые, не знакомые,
Промежду собою языка не ведали.
Хозяин-то был Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванов;
Его верный слуга Добрынюшка,
35 Добрынюшка Никитин сын;
Пять сот гребцов удалых молодцов.
Как из далече, далече, из чистого поля
Зазрил, засмотрел турецкий пан,
Турецкий пан — большой Султан,
40 Большой Султан Султанович.
Он сам говорит таково слово:
«Ах вы гой еси, ребята добры молодцы,
Добры молодцы донские казаки!
Что у нас на синем море деется,
45 Что чернеется, что белеется?
Чернеется Сокол-карабль,
Белеются тонки парусы.
Вы бежите-ко, ребята, ко синю морю,
Вы садитесь, ребята, во легки струги,
50 Нагребайте поскорее на Сокол-карабль,
Илью Муромца в полон бери,
Добрынюшку под мечь клони».
Таки слова слышал Илья Муромец,
Таково слово Добрыне выговаривал:
55 «Ты Добрынюшка Никитин сын,
Скоро-борзо походи в Сокол-карабль,
Скоро-борзо выноси мой тугой лук,
Мой тугой лук в двенадцать пуд,
Калену стрелу в косу сажень».
60 Илья Муромец по караблю похаживает,
Свой тугой лук натягивает,
Калену стрелу накладывает,
Ко стрелочке приговаривает:
«Полети, моя каленая стрела,

- 65 Выше лесу, выше лесу по поднебесью,
Не пади, моя калена стрела,
Не на воду, не на землю,
А пади, моя калена стрела,
В турецкий город в зелен сад,
70 В зеленый сад, во бел шатер,
Во бел шатер за золот стол,
За золот стол на ременчат стул,
Самому Султану в белу грудь,
Распори ему турецку грудь,
75 Ращепи ему ретиво сердце!»
Ах тут Султан спокаялся:
«Не подай, Боже, водиться с Ильей Муромцем,
Не детям нашим, не внучатам,
Не внучатам, не правнучатам,
80 Не правнучатам, не пращурятам».

№ 39 (10). [ИЛЬЯ МУРОМЕЦ НА СОКОЛЕ-КОРАБЛЕ]

- Ах, по морю, морю синему,
Виноградье красно, зелёное!
По синему морю по Хвалынскому
Ходил-гулял Сокол-корабль,
Он немного-немало — двенадцать лет.
5 На якорях Сокол-корабль не стаивал,
Ко крутым бережкам не приваливал,
Жёлтых песков не хватывал.
Хорошо-добре Сокол-корабль украшен бы.
Ещё нос-корма по-львиному,
10 Что бока взведены по-звериному,
Он хобот мечет по-змеиному.
Что ещё было у Сокола-корабля?
Ещё вместо очей было вставлено
Что по дорогому камню по яхонту.
15 Ещё что было у Сокола у корабля?
Ещё вместо ушей было повешено
Что по дорогому бобру по сибирскому.
Ещё что было у Сокола у корабля?
Ещё вместо хвоста было повешено
20 Что по дорогой лисице по бурманской.
Что ещё было на Соколе на корабле?

- Ещё три собора вселенские.
Что ещё было на Соколе на корабле?
Ещё три монастыря, три почётные.
- 25 Что ещё было на Соколе на корабле?
Ещё три кабака государевые.
Что ещё было на Соколе на корабле?
Ещё три торгова, три немецкие.
Что ещё было на Соколе на корабле?
- 30 Ещё трои люди незнаемые —
Промежду собой языка не ведают.
Что было на Соколе на корабле?
Пятьсот гребцов, удалых молодцов.
Что хозяин был Илья Муромец,
- 35 Илья Муромец сын Иванович.
Во товарищах Добрынюшка Никитьев сын.
Что слышал тут, увидел тут
Турецкий царь большой Салтан,
Большой Салтан Салтанович,
- 40 Он говорил таково слово:
«А вы гой еси, ребяташки туречана!
Скоро-борзо вы готовьте легки стружки,
Скоро-борзо вы садитесь во лёгки стружки,
Во легки стружки, за дубовы столы,
- 45 Скоро-борзо погребайте по синю морю,
Скоро-борзо нагребайте на Сокол-корабль,
Скоро-борзо разбивайте вы Сокол-корабль,
Илью Муромца в полон берите,
Добрынюшку под меч кладите».
- 50 Туречане те не ослушались,
Скоро-борзо готовили легки стружки,
Скоро-борзо садились во легки стружки,
Во легки стружки, за дубовы столы,
Скоро-борзо погребали по синю морю.
- 55 Заслышал тут, увидел тут
Илья Муромец сын Иванович,
Он говорил таково слово:
«Ах ты гой еси, Добрынюшка Никитьев сын!
Скоро-борзо походи на Сокол-корабль,
- 60 Скоро-борзо выноси мой тугой лук,
Мой тугой лук, калену стрелу».
Тут Добрынюшка не ослушался,
Скоро-борзо походил на Сокол-корабль,

- Скоро-борзо выносил его тугой лук,
65 Его тугой лук, калену стрелу.
Илья Муромец по кораблику похаживает,
Цветным платком помахивает,
Свой тугой лук натягивает,
Калену стрелу накладывает,
70 Сам стреле наговаривает:
«Полети, моя стрела, по поднебесью,
Ты не падай ни на воду, ни на землю,
Ты пади, моя стрела, во легки стружки,
Во легки стружки, за дубовы столы,
75 Салтанушке да во белы груди,
Расколи у его груди белые,
Раздроби у его ретиво сердце».
Тут стрела не ослушалась,
Полетела стрела по поднебесью,
80 Что не падала ни на воду, ни на землю,
Только пала она во легки стружки,
Во лёгки стружки, за дубовые столы,
Салтану Салтановичу во белы груди,
Расколола у его груди белые,
85 Раздробила у его ретиво сердце.
Тут Салтан спокаялся,
Туречана те испугались.
Они говорили таково слово:
«Что не дай Бог ходить по синю морю,
90 По синю морю да по Хвалынскому;
Что не дай Бог разбивать Сокол-корабль,
Илью Муромца в полон брать,
Добрынюшку под меч ложить».

* * *

- Что затем буди здрав, хозяин во дому,
95 Хозяин во дому со хозяйюшкою,
Со хозяйюшкою, с малыми детушками,
Со всем своим домом благостным сим.

[ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ. ДОБРЫНЯ И ПОЛЕНИЦА-БОГАТЫРША.
ДОБРЫНЯ И НЕУДАВШАЯСЯ ЖЕНИТЬБА АЛЕШИ ПОПОВИЧА]

Был князь Добрыня, малолетен он был. Ему господь дал рождение хорошее. Говорит он своей мамоньке: «Поеду я в чисто полё погулять». Мать ему наказывала: «Не езд, Добрынюшка, за Днепру-реку, на гору Сарайнскую. Там много есть змеёнышов — не пустит тебя змия Горынишшо. Днепрá река свирепая!»

Не поглядел Добрыня Никитич на свою матушку, поехал он на Днепру-реку. Опустил своево доброво коня, сам поплыл за Днепру-реку. Непрá-река свирепая. Пóреплыл за Непру-реку.¹ И задь не успел переплыть Непры-реки — налетела змей Горынишшо о девети хоботоу: «Вот теперь попал, Добрыня Микитевич, съем тебя!» А у Добрыни Микитича ничево не изладилось: ни сабли острой, ни тесака секушшаво. Только одна шляпа у него пуховая. Он взял нагрёб в эту шляпу песку рудожолтово и ударил этой шляпой змею Горынишшо. Заслипил ей все глаза, перебил² ей один хобот и сел на её, а змей проклятая говорит: «Ах, Добрыня Микитович, отпусти миня. Сделаем мы с тобой заповедь великую. Ты не їзди на гору Сарайнскую, не топчи малых змеёнышев, а мне бы не летать на Россию — не трогать крешшоных людей». Он и отпустил её.

Несколько времени прошло — она уташшыла дочь-племянницу³ Початишну, князя киевсково племянку. Заводил князь киевский Владимёр пир почестной: «Кто бы достал ево племянку, дочь Початишну, от змия проклятово?» Он говорит Алёша Поповиць: «Владимир да князь киевской! Достанет ли нет ли один⁴ Добрыня Микитовиць, у него была делана заповедь великая со змием да с Горынишшом». Вот князь киевской стал просить⁵ Добрыню Микитьевича: «Достать мою племянку, дочь Початишну, от змия проклятово».

Отправлялсе Добрыня Микитьевичь до своей полáтушки к своей матушке. Спрашивает ево матушка: «Што же это тебя, Добрыня, чарой обнесли или местом обсадили? Либо хто осмеял?» — «Нет, маменька, всё ницево, только зародить бы тебе миня серым камешком да опустить на синё морё, я лежал бы на дёнышке, никуды бы не спрашивали. Зародить бы сырым дубом. Стоял бы по край Непры-реки — никто бы миня не трогал. А теперь мне не сидится добру молодцу. По-

везти мне двух бохатырей элаких». Она взяла и востряхнула: «Я, — говорит, на ладонь посажу, другой шшóлку — одна грезь будёт. Как Добрыня Микитьевиць возьмёт ли миня замуж? Я, — говорит, — ежжу — себе супротивника выбираю».⁸ — «Возьму тебя замуж, сделаем заповедь, штобы не выхожа за другово, а ему бы не брать другие». Побра́тались с ей — сили и поехали. «Как же ты миня знаешь?» — говорит Добрыня. «А я, — говорит, — бывала в городе во Кыеве, видала тебя молотьця. Я тибя и ишшу», — говорит. Вот оне поехали к своей матушке. Пошли оне ко злачному веньцю. Обрадел князь киевской. Заводили пированьицо — напивалисе больнё пьяно.

Один князь киевской и говорит: «Всё бы хорошо, всё и весело. Нету только тестя — не видаю никогда. Кто бы⁹ к ему дорогу процистил?» Нихто, никакой бохатырь не берётся. «Никому окромя Д<обрыни> М<икитьиця> не процистить дороги», — говорят. Стал просить Д<обрыню> М<икитьевиця>: «Съезди, Добрыня Микитьевиць, процисти дороженьку!»

Сицясь Добрыня Микитьевиць приходит домой, обседлал своего доброво коня. Мать ево увидала: «Куды же ты, Д<обрыня> М<икитьевиць>, сряжаешшы?» — «Во дальнюю я дорбженьку!» — «Ах же, Добр<ыня> М<икитьевиць>! Скоро ли нам тибя дождатися?» Сказала Акулине Савишне: «Сряжается твой муж; беги к ему на белой двор, поцелуй праву ноженьку, простися с ним — уежжает он. И спроси, когда дожидатися нам?»

Побежала она и спрашиваэт: «Што же, Д<обрыня> М<икитьевиць>, куда же ты поежжаэш?» — «В дальнюю я дороженьку. Три года не ждите миня, а через три года поглядывайте. Ешшо три года пройдут. Как пройдут шесть лет — так и ты замуж пойдеш, нецево миня и ждать. Хоть за купча, хоть за барина, хоть за могучаво руськово бохатыря, а за Олёшу Поповича не ходи, за пересмешника».

Он уехал — только видели, как снарядилсе, а не видели, куда укатилсе. Ездил он три года — ницево неизвестно. И другие прошли три года — ницево, никаково извистия нету. А Олёша Поповичь написал письмо ево матушке: «Што нет Добрыни Микитьевиця. Лежит в цистом поле; голова ево разбитая, груди ево ростоптаны. Жолты кудри ево травой проросли». И стал свататся Олёша Поповиць Акулине Савишне. Приходит свататсе князь киевской, Красно Солныш-

ко. Она ему отвеццала: «Я продержала заповедь мужеву, а ешшо продержу шесть лет, а потом и замуж может здумаю».

Мать ево всё тосковала, што нету жива Доб<рыни> Мик<итьевиця>. Шесть лет тосковала. Живо прошли опять те же¹⁰ шесть лет — а всё нету Добрыни Микитьевиця. Приходит князь киевской Владимир свататсье за тово же Алёшу Поповича. Она и согласиласе и пошла за Алёшу Поповича. Стали они пировать да танцевать, свадебку играть.

А Д<обрыня> Мик<итьевиць> спал в цистом поле, в шатре, отдыхал.¹¹ Конь ему и гов<орит>: «Ах, Д<обрыня> Мик<итьевиць>, долго спишь, а дома несчастьё — жона походит зámуж за Олёшу Поповиця». Он сядилса и говорит коню: «Отвези ты миня домой в три минуты». Конь как начал попрыгивать — живо в ихнем поле очутилса.

А мать ево в окошечко поглядывала — горьки слезы рбнила, што и последне красно солнышко укатилосе! Нигде рошица взяласе, как белой заяць побежал, так доброй молодець — ко белому двору подъежжал, не спрашивается ни у дверей притворникоў, ни у ворот приворотникоў, прямо в дом идёт. А слуги прибежали, ево матери сказали, што какой-то невежа приехал, ницево не спрашивается, прямо в дом идёт. Она сичас выходила и говорила: «Што же это ты, добрый молодець, больно громко поступаэш, идёшь, в сиротской дом? Был бы Добр<ыня> Мик<итьевиць>, так не вошел бы ты элак!» — «Што же ты, добра маминька, не признала? Я ведь Добрыня Микитьевиць». Она и говорит: «Нет, как бы Добрыня Никитьевиць — у ево шляпа была пуховая, платьё было цветноё, сапоги были сафьянные, кудри были жолтые». — «Ох, ты, мамонька, я ехал-то всяким местом. У миня платьицо о кусты оборвало, а сапоги о стремена повытерло,¹² а жолты кудри жолтым песком позасили. А у миня было родимое пятёнушко на ноге на правой». Он сицяс сапог здёрнул. «Видно, ты Добрыня Микитьевиць — мой сынок!» — «А где же моя жонушка?» — «Выходит твоя жонка за Олёшу Поповиця. Мне, — гов<орит>, — Олёша Поповиць привозил письмо. Убит, — гов<орит>, — Добрыня Микитьевиць. Я вот тосковала все шесть лет». — «Дай-ко, мамонька, мне саронинько платьё, да и гусёлушка старые мои».

Снарядиўсе на свадебку туды и пошоў. Ево не пускают на белой двор, а он доброй молодець, ково толкнёт, тот и не здохнёт. Все сбежали, слуги сказали князю Владимиру: «Идёт какой-то невежа! Больно хробоско поступаэт». Не спрашива-

эт никово — идёт прямо князю Владимиру на личё:¹³ «Дай мне мистечко!» Он рассердился: «Какое мистечко? Тебе, говорит, место на печьке. Ступай на печьку!» Он скопил на печьку и давай струнки натягивать и наигрывать. Все заслушали — больнё хорошо, занятно. Князь Владимир и гов<орит>: «Слезь-ко, скоморошина! Седь-ко возле миня! А другое место тебе возле Акулины Савишны, а третье — куды хочешь!»

А он слез, сеў. Нигде ему места не полюбилось, а сеў прямо Акулины Савишны. Ему наливают чашу вина зелёново, другую Олёша Поповиць, а третью наливает Окулина Савишна. Он и гов<орит> князю Владимиру: «Позволь мне налить чашу пива пьяново, кому знаю, поднесу». Он наливал. Подносит Акулине Савишне, положиў свой перстень с руки: «Как выпьешь до дна — увидаэш добра; не выпьешь до дна — не видать добра!» Она выпила, поглядела. Перстень ево именной. Она бросилась из-за стола ему на шею. «Добрыня Микитьевиць! Прости миня», — говорит. И Олёша Поповиць говорит: «Прости миня, виноват», — говорит. «А я, — говорит, — за то прошшаю, што берёшь её замуж, а за то не прошшаю, шшо мамке письмо не ражое принёс». Сгрёб, выхватил из-за стола, ударил о каменной поў. Выскочиў Илья Муромец, старой казак. «Не бей ево понапрасну, никто так не жонитсы как Олёша Поповиць!» Добрыня захватил жонку и ушол домой к матке. А те тут и остались.

№ 41 (12). ДОБРЫНЯ

[ДОБРЫНЯ И НЕУДАВШАЯСЯ ЖЕНИТЬБА АЛЕШИ ПОПВИЧА]

Протенулась степь зеленая
Она доўга от Москвы до Питера,
И до Царева села.
Из Царева из села

⁶ Приезжает добрый молодец гулять,
Он названного братенька искать
Илью Муромца.

Выходила родна матушка Варварушка:
«Поежжаешь, добрый молодец, гулять,

¹⁰ На ково ты меня оставляешь?» —
«Я тебя на Бóга, на Бога». —
«На ково да свою молодую жену

- Настасьюшку Микулишну?» —
«Я ее тоже на Бога.
- 15 Ты вдовей, вдовей, да молода жена,
Ровно деветь лет.
Хоть замуж поди,
Хоть за князя, хоть за барина,
Хоть за купчика бохатова.
- 20 Не ходи-ко только за Алешу Поповица:
Он охоць ходить
По цюжим женам похвастывать.
Прошло деветь лет,
На десятой год только выступит —
- 25 Хоть замуж поди».
Прошло девять лет,
На десятой год только выступило,
Сваты да стали свататъсе,
Жонихи да засылатисе,
- 30 Стал сватом ходить Владимир-князь.
Не за князя он, не за барина,
Не за купчика бахатова,
За тово ли за Олешу за Поповица.
Говорила Настасьюшка:
- 35 «Не пойду я за князя, не пойду за барина,
Не за купчика бохатова,
Не пойду за Олешу Поповица».
Возговорил Вл<адимир>-князь:
«Настасьюшка да ты Микулишна,
- 40 Не живи-ка ты да во нашем городе».
Тут дала, дала Настасьюшка
Да свою да праву рученьку
Не своей волей, а неволею.
У Добрынюшки вороной конь расшарашалсе:
- 45 «Што же ты, доброй конь, расшарашавсе?
Мы немного места проездили,
Святоруськие земли приизведали,
Названово братца не нашли
Илью Муромца». —
- 50 «А твоя жена замуж пошла,
Не за князя пошла, не за барина,
Не за купчика бохатова,
А за Олешу за Поповица,
Не своей волей, а неволею».

- 55 Возгбóворил он:
«Ты вези-тко, вези, да вороной конь,
За княжбóвой за стол».
Отвещал-от конь:
«Как-от Бог велит».
- 60 Конь пошел скакать
По целой версте.
А из копыт полетело
По сенной копне.
Приежжаў он на белой, на широкой двор.
- 65 Выходила родна матушка Варварушка:
«Што за люди, што за канабрбóды?
Одно было дитятко, Добрынюшка сын Микитивиць,
Никто бы не смел к моему двору подъехать,
Россмиятисе».
- 70 Он в высок терем ходил,
С родной матушкой поздоровалсе:
«Што же, родна матушка,
Прошло ешшо деветь лет,
На десятой только выступило —
- 75 Ты не ўзнала меня?
А где моя молода жона
Настасья Микулишна?» —
«А твоя жона замўж ушла,
Не за князя, не за барина,
- 80 Не за купчика боһатово,
А за тово ли Олёшу Поповиця
Не своей волей, а неволею». —
«Возьми-ко золоты ключи,
Сходи-ко в кованые ларц'и,
- 85 Принеси-ко мне звонцятý гусли,
Я поеду за княжой стол».
Он поежжал доброй молодец
На белой широкой двор.
У ворот стоят приворотники,
- 90 А у дверей придверницки.
Ево, добра молодця, не пускают,
Он давал золотой казны не считаюц'и,
А рассыпаюц'и.
Он заехал на широкой двор,
- 95 Оставил коня середù двора,
Не велел коня не обрать,

- Не привязывать.
Никому он не заказывал,
Входиў он в высок терём,
100 Господу помолился,
С Владимиром-князем поздоровался.
Возговорил ешшо Владимир-князь:
«Нет тебе, доброй молодець,
В пиру мѣстецька.
105 Одно местó не засежено и не занято —
На печьном столбу,
На рыбьём зубу».
Возгбворил доброй молодець:
«У тебя про меня есь три мистецька:
110 Первое место — супротив тебя,
Другое место — подлѣ тебя,
А третье место — куда сам возьму».
Он сядиўсе на пешной-от столб,
Наливали ему малу чару полторá ведра.
115 Принимавсе он одной правой руц'енькой,
Выпивал ли он на единой дух.
Возговорил он Владмер<у>-князю:
«Прикажи-ко мне разгулятисе!» —
«Ты гуляй, гуляй — я велю».
120 Он по-прежнему стал играть,
По-прежнему выговаривать.
Тут Настасьюшка догадаласе:
«Не хоцю я сидѣть со Олѣшей Поповицем».
Раздвигала столы дубовые,
125 Загибала скатерти берчáтныє:
«Хоцю вон итти».
Олѣше молодцю показалосе
За досаду, за преку́.
Он ударил её по правбѣй шшекѣ,
130 По жемчужной серьгѣ.
У Настасьюшке из глаз слѣзы покатилисє.
Слазевал ли он со печнá столба,
Брал Олѣшу Поповиця за русы кудри:
«Олѣша Поповиць!
135 Не за свой кусоц'ек принимаєшьсе!
Тебе не владать ей.
Я тебя повыздану тебя повыше себя.
Ударю ó пол кирпишной.

Так ма́колье семя розвалишьсе!
140 А ты, Вл<адимир>-князь, — не своднищать,
Сило́м заму́ж не прибывать».
Он взял Настасьюшку за праву руцку
Да и увёз домой.

№ 42 (13). [ДОБРЫНЯ И МАРИНКА]

Жил Микитушка не старился,
При старости помер.
Осталось у Микитушка
Спорожное дитя Добрыня.
5 Ен Добрынюшка матушки спраш<ивал>:
«Отпусти меня, матушка,
Во Новы-города голять!»
Походит Добрыня со двора здолой,
Берет Добрыня калену стрелу,
10 Натегиват Добрыня калену стрелу,
Походит Добрыня соз двора ведь здолой.
Есть в том городе Маринушка,
Прекрасная Маринка безбожница,
Злая еретица халтурная.
15 Круг ея двора стена каменная,
На каменной стене два голубя сидят,
Два сизые сидят, златым крыльем оплетаются,
Захотелося Добрыне два голубя устрелить,
Захотелося Добрыне два сизых устрелить.
20 Права ношка покатилаь,
Лева ручка подражала:
Устрелил Добрыня во Маринино окно,
Устрелил прекрасного Змеевича.
Кинулась Маринушка во косечато окно:
25 «Кто здесь в городе невежа есть: устрелил
мила дружка?»
У Добрыни сердечко неуимчивое;
Походит ко Маринину двору,
Берет за булатную скобу,
Отворет дубовые двери,
30 Садится возле Маринушку.
День с утра сидили не говаривали.
У Добрыни сердечко неуимчивое:

Обуват сапошки зелен сафьян,
Походит Добрыня со двора здолой.
35 Кинулась Марина за Добрынюшкой,
Поколола дровеч мелкошечко,
Затопляла палаты жарчешенько,
Следы збирала, в палату бросала.

№ 43 (14). АЛЕША ПОПОВИЧ

[АЛЕША ПОПОВИЧ И ТУГАРИН]

Алёша Попович был слугою у какого-то богатыря — имя что-то мудрёное. Встретили они Идолишшѐ, который по пуду на раз ел. И пришли они к нему и поклонились. И говорит ему богатырь: «Это што стоит за обжоришшѐ, у нас была корова обжоришша, по многу пила да ела, а потом у ей брюхо лопнуло». А Идолишшу эти слова не пондравилесе. Взял тот булатной нож и пустил в богатыря и Алёша Поповиць на лету подхватывал этот нож, на лету слуга подхватывал, у богатыря и спрашивал: «Што при себе держать али в нево пушшать?»

(А больше што не запомнил. Напев такой же — как на «Потаню»).

№ 44 (15). ДУНАЙ

Во славном-то во городе во Киеве
У славново князя у Владимѐра
Заводилось пированьицѐ почестной пир
На всё полѐници, бохатыри,
5 На многие княззя да на бѐяра,
На сильные, могущие бохатыри.
Ходит он по светлой свѣтлице,
По высокой новой горнице,
Говорит он такие слова:
10 «Котора девица станѐм статна и лицѐм бела,
У ней лицѐ побилые снегу белово,
У ней походь, как павѣная,
Поговороцька лебедѣная,
У ней брови, как у соболя,
15 Да глаза, как у сокола.

- Кто же выберет мне супротивника
Найти невесту такую?»
Убираются бóльшей за среднево,
А средней за мёньшево,
20 А от меньшево ответу нет.
Выходил тут Михалко Афонаскин сын:
«Не секѹ ты выше рук дерева».
Выходит Иванушко Повáлин сын:
«И солнышко Владимир князь молодой,
25 Может ли тебе Дунаюшко Повалин сын
Найти такую невесту?
Он бывал за синѹм морѹм
У грозново у короля Ефаминьского,
У нево есть две дочери:
30 Есть и Вáся королевишна и Опрося
королѣвишна».
- Наливает чашу пива пьяново,
Другую зеленá вина,
Третью мѣда сладково,
Подносит Дунаюшку Повалину сыну.
35 Выпивает винá полпятá ведрá,
Выпивает на единой дух.
Спрашивает: «С кем же пойдешь?» —
«Кто насказал, с тем и пбеду».
Наливает чашу пива пьяново,
40 Другую зеленá вина,
Третью мѣда сладково,
Подносит Иванушку Повáлину сыну,
Выпивает всё на единой дух:
«Солнышко Владимир князь,
45 Налей Дунаюшку ешшо вина».
Наливает чашу зеленá вина,
Другую пива пьяново,
Третью мѣда сладково.
Выпивает на единой дух
50 Всево вина полпятá ведра.
Пошли себе выбирать себе кóней
Не ради басы, а ради бохатырской крепости,
Двенадцать подпруг под брюшину,
Тринадцатую вдоль по брюшине.
65 И сели добры молодцы покатились,
Только видели, как садились,

- А не видели в кою сторону укатилисе.
 У них кони болота перескакивали
 И озёра перелятывали.
- 60 Очутились они за синим морём,
 У грозново короля у Ефаминьсково.
 Привязывали они коней
 К столбу тощёному, к кольцу золочёному,
 Пошел он к королю к самому в комнату,
- 65 Приходит к ему во горницу,
 Кланяется на все четыре стороны,
 Королю в сбину.
 И спрашивает: «В кою сторону, птичка залетна,
 молодец заезжий?» —
- «Я от города Киева, от князя Владимира
 70 Сватовшыком твоей дочери
 Офросьи королевишны».
 Ему эти ричи не полюбилисе:
 «Выскоците, двенадцать боһатырей,
 Возьмите ево за руценьки,
- 75 Выведите на полё Куліково,
 На пла́ху на ліпову».
 У нево очи ясные помутилисе,
 Могучи́ плеча расходилисе.
 Правой рукой развёл —
- 80 Шесть боһатырей убил.
 И левой рукой развёл —
 Шесть боһатырей убил.
 Не спрашивал у дверей притворникоў,
 У ворот приворотникоў.
- 85 Прямо в келью, где она сидела,
 Двери ломал, замки приломал,
 Захватил её в одной тоненькой рубашке —
 без пояса,
 В одних биленьких чулочках — без чéбота.
 Охватил её под пазуху да и унёс.
- 90 Сили на коней да и поехали.
 Ехали дорогой, увидели —
 Ёскопытъ лежит по сенной копнё.
 «На-ко, Ванюша, отвези чарю честно Офросинью,
 А я поеду узнаю, какой боһатырь уехал».
- 95 Выехал на долину —
 Стоит шатёр белополотенной,

Стоит конь да пшону зоблёт.

Он слез с коня и говорит:

«Как мой конь отобьёт,

¹⁰⁰ Так и я боһатыря убью».

Зашол в шатёр и повалился спать.

А тот пораньше разбудилсе,

вышел, а чужой конь пшону зоблёт. А он и говорит: «Какой невежа чужим добром кормит коня?» Взял, пришол и начал будить: «Ставай невежа! Не пора спать, а пора бой цинить!»

Сили на коней и разъехались. Съехались, копыями ударили,

Копья прибили, а сами себя не вре́дили.

Мецеми ударились,

¹⁰⁵ Меци прибили, а сами себя не вредили.

Пошли на рукопашной бой.

Дунаюшко и сшиб под себя боһатыря

И спрашивает ево:

«Скажи, скажи, доброй молодец,

¹¹⁰ Какой земли, какой арды,

Каково отча, матери?» —

Был бы я у тебя на бѣлых грудях,

Распорол бы я бѣлы груди».

А тот опять говорит: «Какой земли, какой орды, каково отча, матери?» А она и говорит: «Помнишь ли, Дунай, помятуешь ли, Дунай?

Когда ты был жеребчик,

¹¹⁵ А я кобылочка,

Жеребчик на кобылочку поскáкивал?»

Взял он её за белы руки,

Поцеловал во уста во сахарные,

Сили на коней да и поехали.

¹²⁰ Приежжают они во Киев-град,

А те сидят за столом да выпивают,

Снаряжаются к венчу да злачёному.

Он и говорит:

«Солнышко, Владимир князь,

¹²⁵ Я тебя проздравляю на меньшбй сестре,

Ты меня проздравляй на большбй сестре».

Они пили тут пировали,

Напивалисе больно пьяны,

И хвастали кто золотой казной,

¹³⁰ А кто молодой женой.

А Дунаюшко сидит — головушку повесил.

- «Што же ты, Дунаюшко,
 Не хвастаэшъ ницем?»
 Сидит — головушку повесил:
- 135 «А я, говорит, ницево не знаю.
 Знаю — стрелил бы я две стрелки,
 Никоторая ни более, ни менее».
 А жена и говорит:
 «Эх, чем ты похвастал!
- 140 Это и я могу сделать».
 У него оци ясные помутилисе,
 Ретиво серьцо возмутилосе,
 Сел на коня и поехал во цисто полё
 Своё сердечко сократити.
- 145 А жона сидела и гов<орит>:
 «Куды иголка, туды и нитоцька».
 И за им поехала.
 У ево тошняе серьцо разгорялосе,
 И могуцѝ плеча расходилисѝ,
- 150 Приехал к ей и рассек буйну голову,
 И распорол белу грудь,
 Досмотрел ретиво серьцо —
 У ей во утробушке два младенча.
 И оттово тошняе серьцо разгорелосѝ,
- 155 Издил, издил — не мог своё серьцо сократить.
 Поставил саблю тупым концом в землю,
 А сам на острой пал.
 И говорит: «Где Васина кроф протекла —
 Будь крутые берега;
- 160 Где Дунаева кроф протекла —
 Тут будь Дунай-река».

№ 45 (16). [СУХМАН И ДАНИЛО ЛОВЧАНИН]

Когда Киевским княжеством владел князь Владимир, он заводил пиры весёлы частенько и бражки пьяныя. Когда в именинный день завел князь Владимир веселый пир, созвал он на веселый пир, на имянинный день князей, бояр и высших генералов. Там были попы да патриархи. На его веселом пиру гости любящие, кто чем, кто чем: кто похващает золотой казной, кто похващает молодой женой, кто там похващает доспехами богатырскими, кто там похващает платьем

цветным своим; тогда Владимир-князь обвел глазами по всему пиру веселому и увидел он позади стола дубового, ества сахарныя и вина заморского, сидит храбрый рыцарь Тюхмень Адехментьевич, позаде стола дубового, повесил голову ниже могучих плеч. Подошел к нему князь Владимир и говорит ему таковы слова: «А что же ты, — говорит, — Тюхмень Адехментьевич, сидишь ты позади стола дубового, повесил буйную голову, на нашем веселом пиру все хвастают, а ты ничем не хвастаешь?» Отвечает Тюхмень Адехментьевич: «Ваше, — говорит, — императорское величество, а чем же мне, — говорит, — похвастати, когда есть у меня золота казна и платье цветное, есть у меня и доспехи богатырские? Этим не могу я похвастаться. А дал бы ты мне свободы на суточки съездить к синему морю на тихия заводи, привезу я тебе на ужин лебедь белую, шестопёрую, не убитую, не кровалую, не подстрелёную». Говорит ему Владимир-князь: «Едь, едь, — говорит, — Тюхменюшко, я дам тебе свободушки хоть на трои суточки».

Утром рано встает Тюхмень Адехментьевич, берет он уздечку тесменную, повода того шелку шемахинского и берет он седелце кабардинское, приходит он на конюшню, накладывает на коня уздечку тесменную, накидывает повода шелку шемахинского, наложил седло кабардинское, а около коня застегнул двенадцать подпруг, не для ради басы, а ради богатырской крепости. Скочил на коня, поехал к морю на тихия заводи. Приезжает к первой морской тихой заводи, осмотрел он глазами богатырскими по всей тихой заводи, не усмотрел он никого: ни гусей, ни лебедей, ни маленьких уток; удивился сам себе. «Ах, — говорит, — здесь нет никого, не усмотрел я никого: ни гусей, ни лебедей, ни маленьких уток».

Поехал Тюхмень Адехментьевич ко второй морской тихой заводи. Не усмотрел никого: ни гусей, ни лебедей, ни маленьких уток. «Вот так так! — говорит сам себе, — и на второй нет никого. Поеду-ко я, говорит, к третьей морской тихой заводи».

И там не усмотрел Тюхмень Адехментьевич ни гусей, ни лебедей, ни маленьких уток. Тут он запечалился. «Ах как так! — говорит сам себе. — С чем я съеду к князю Владимиру? Сказнит он мне, — говорит, — голову. Это не похвальба видно моя молодецкая».

И поехал Тюхмень Адехментьевич, запечалился, повесил свою буйную голову ниже могучих плеч. Подъезжает Тюх-

мень Адехментьевич к Днепрé-реке. Увидал Тюхмень Адехментьевич Днепрú-реку. Она смутилася, с песком смешалася. Тогда спросил Тюхмень Адехментьевич у Днепры-реки: «А что ты, — говорит, — матушка наша, Днепрá-река, почему же ты смутилася, зачем же ты с песком смешалася?» Отвечает Днепрá-река человеческим голосом: «Ах, — говорит, — потому я смутилася, с песком смешалась, под Киевград подступила злая сила великая, татарская, злые татарове хочут Киевград побить-попленить, головней его покатить, князя Владимира с собой увезти. Днем они мостят мосты капиновы, переправиться через Днепрú-реку, а ночью-то я их и повыдергаю. Ну, так я, — говорит, — Тюхмень Адехментьевич, стала из сил выбиваться». Говорил Тюхмень Адехментьевич: «Матушка Днепрá-река, пропусти меня на ту сторону увидеть злых татаровей». Говорила Днепрá-река: «Пропущу, — говорит, — со всем удовольствием».

Тюхмень Адехментьевич подшпорил доброго коня, перепрыгнул через Днепрú-реку, посмотрел на силу татарскую — и сметы нет. «Ах, — говорит, — что я теперь стану делать со злыми татарами, когда я не взял с собой доспехи богатырские!»

Потом скочил Тюхмень Адехментьевич с доброго коня, вырвал дуб со кореньицем, захватил его за вершиночку, потекла водица по кореньице, сразился со злыми татарами. Зачал помахивать: где махнет — улица, гду перемахнет — переулочек, а если вперед ткнет — тут широка улица. Побил, попленил всю силу татарскую. Потом Тюхмень Адехментьевич поворотил доброго коня, поехал на Киевград. И затем спрятались три злые татарины за ракитов куст и пустили в него три стрелы каленые; поворотил Тюхмень Адехментьевич доброго коня и тех убил злых татарин.

Приезжает Тюхмень Адехментьевич в Киевград к князю Владимиру на широкий двор, идет к князю Владимиру в терема златоверхие, является на ту половину, где находился Владимир-князь. Владимир-князь ходит по комнате, желтым кудрям потряхивает, у Тюхменя Адехментьевича спрашивает: «Что ты, — говорит, — Тюхменюшка, привез ли мне на ужин лебедь белую, шестоперую?» Сказал Тюхмень Адехментьевич: «Мне было не до этого, когда подступила под наш Киевград злая сила татарская, потому как хотела наш Киевград побить, попленить, а тебя, князь Владимир, с собой

взять, в полон увезти, а я, — говорит, — побил, попленил всю силу татарскую».

Говорит храбрый рыцарь Мишутушка: «Вот, вот, — говорит, — привез тебе Тюхмень Адехментьевич на ужин лебедь белую, а не привез тебе ни серенькой уточки». На это Владимир-князь разгневался, приказал заключить в погреба глубокия, затворить двери тяжелыя, заключить замками железными, засыпать желтым песком. Говорит ему храбрый рыцарь Добрынюшка: «Ах, — говорит, — Владимир-князь, не доверяешь ты слову нашему, нам, вольным казакам».

Вот посылает Добрынюшку Владимир-князь на побоище татарское. Обседлал доброго коня Добрынюшка и поехал к Днепру-реке. Подъезжает храбрый рыцарь Добрынюшка к Днепру-реке и просил Днепру-реку: «Верно ли там есть татарское побоище?» Отвечала Днепру-река: «Едь, едь, Добрынюшка, узнай там татарское побоище, побиты там все злые татарины».

Перепрыгнул Добрынюшка за Днепру-реку, увидел: все побиты злы татарове, ни одного жива нет. Усмотрел Добрынюшка ту лозеечку,¹ которой побивал Тюхмень Адехментьев силу татарскую. Поизбилась дубиночка на лозиночки и взял Добрынюшка дубинушку с собой, привез князю Владимиру на широкий двор. Заходит Добрынюшка к князю Владимиру в терема златоверхия. Спрашивает князь Владимир: «Правда ли, Добрынюшка, побита сила татарская?» — «Правда, правда, Владимир-князь, все побиты злые татарины».

Посылает Владимир-князь посланников: «Идите, идите, посланники, разрывайте желтые пески, ломайте железные замки, отворяйте двери тяжелые, выпускайте Тюхменя Адехментьевича, буду я его дарить городами с пригородками, селами и с приселками!» Вот посланники не замедлили, в тот же час пошли к погребу глубокому, разрывали желтые пески, сломали железные замки, говорили: «Поскорее иди, Тюхмень Адехментьевич, хочет тебя Владимир-князь дарить городами с пригородками, селами с приселками». В тот же час вышел Тюхмень Адехментьевич, говорил посланникам: «Скажите князю Владимиру, что не видать в глаза меня».

Пошел Тюхмень Адехментьевич в чистое поле далекошенько, стал растыкать раны глубокия, начал вынимать лавровое листьяце и сказал посланникам: «Протечет из меня Тюхман-река кровавая, горе-горькое, смешается кровь со слезами горячими».

Приходят посланники к князю Владимиру, говорят: «Не видать тебе Тюхменя Адехментьевича в глаза его». Зароптали на князя Владимира все храбрые рыцари и вольные казаки: «Разъедемся мы все по своим местам, не будем служить тебе».

Владимир-князь одумался, стал просить храбрых рыцарей и вольных казаков: «Вот что, — говорит, — господа, храбрые рыцари и вольные казаки, у меня вы все пережёнены, а только я один холостой хожу. Ну, так вот что вы, выбирайте же кто вы мне невесту такую же, как и я умом-разумом, чтобы знала она скорописчату грамоту и могла служить, знать обедню воскресенскую и могла бы она на веселом пиру с вами, храбрые рыцари и вольные казаки, могла бы она с вами слово молвити, на веселом пиру вам поклониться, было вам кого назвать матушкой и взвеличать государыней».

Говорит храбрый рыцарь Мишутушка: «Что я, — говорит, — объехал по святой Руси, объехал свету белого, много я видел дочерей, только не мог выбрать по твоему разуму: которая хороши, так умом не хороши, худо оне знают грамоту скорописчату, не знают оне и обедню воскресенскую; которая есть знают грамоту скорописчату, обедню воскресенскую, так сами собой нехороши». Храбрый рыцарь Мишутушка говорил князю Владимиру: «Не нашел я лучше фрелины, Василисы Никуличны: она знает грамоту скорописчату, обедню воскресенскую, понимает она на веселом пиру гостям поклониться, с гостями слово молвити и гостям можно ее назвать государыней».

Потом Владимир-князь поглядел на храброго рыцаря Мишутушку, говорил ему: «Ах, ты, — говорит, — сучий сын, разве возможно отбить от мужа хозяйшку? Закону нет». Мишутушка отошел на другую сторону, говорил князю Владимиру: «Ваше императорское величество, Владимир-князь! Вы не позволяйте мне голову казнить, позволяйте слово молвити. Пускай-ко Василисы законный муж Данило Денисович, пускай-ко он выйдет на луга Леонитовы, пускай-ко он побьет гусей, лебедей и меленьких уток, да пускай-ко он является к колодчику студёному, пускай он побьет зверя лютого со щетинами. Не убить ему зверя лютого со щетинами».

Это слово князю полюбилось. Приказал Владимир-князь писать скорья записи. Посылает князь в Чернигов-град, к Данилу Денисовичу. Посланники не замедлили, в тот же час

поехали в Чернигов-град. Приезжают в Чернигов-град, заезжают без вопросу на широкий двор, идут без доклада в терема златоверхие. Увидала посланников Василиса Никулична, говорила она посланникам: «Как ты смел, — говорит, — без вопросу становиться на широкий двор, ах ты, сучий сын, без доклада идешь в терема златоверхие!» Отвечал ей посланничек: «Я приехал не гость к тебе».

Вынимает посланничек скорописчаты записи, бросает посланничек записи на дубовый стол, на скатерку браную. Села Василиса Никулична за дубовый стол, стала она разбирать скорыя записи, их читала, слезно плакала. Говорила она таковы слова: «Видно, мы князю не надобны».

Надела Василиса Никулична платье черное, села она на доброго коня и поехала в зелёный сад, где гуляет супруг ее Данило Денисович. Говорила она любезному своему Данило Денисовичу: «Едь-ко, едь, — говорит, — домой в терема златоверхие. Видишь ты на мне одежду черную, печальную?» Говорила она Данило Денисовичу таковы слова: «Видно, мы князю Владимиру, так сказать, что не надобны». Говорил ей любезный муж Данило Денисович: «Прелюбезнейшая моя государыня, Василиса Никулична, что ты домой торопишься, при последнем-то времени погуляем мы в зелёном саду и побьем мы на ужин маленьких уток».

И поехали оне из зелёного сада в терема златоверхие. Сажался Данило Денисович за дубовый стол, говорил он Василисе Никуличне: «Подика ты, положи в колчан девяносто стрел». В тот же час пошла Василиса Никулична, положила в колчан полторасто стрел. Приносит колчан Василиса Никулична, подает колчан мужу своему. Посмотрел в колчан Данило Денисович, сосчитал стрелы и говорит жене Василисе Никуличне: «Ах, ты, — говорит, — баба, баба маловерная! Я тебе приказал положить девяносто стрел, ну, а ты зачем же положила полторасто стрел?» Говорила жена ему: «Ах ты, ах ты, любезный мой Данило Денисович! Ведь запасливый бывает лучше богатого: ежели не хватит у вас на побоище, тогда где возьмешь ты их?» Говорил Данило Денисович: «Ладно, ладно, любезная, не мешает мне».

Утром рано Данило Денисович едет он на побоище, на те луга Леонитовы. Потом сразился Данило Денисович с силой великой. Побил, попленил всю силу великую, повалил по всем лугам Леонитовым. Потом Данило Денисович навел на глаза подзорную трубочку, навел на Киев-град, усмотрел Да-

нило Денисович от Киева-града — не два ли дуба шатаются, не два ли слона слоняются от града Киева. Потом слёзно заплакал, поворотил долгомерное копье тупым концём в землю, на вострый конец напал своей грудью белою, распорол он свою грудь белую, зажмурил очи ясныя, побледнело его тело белое.

Пришли к нему из града Киева два храбрыя рыцаря, могучии богатыри. Пришли к Данилу Денисовичу, посмотрели на его, что его жива нет, посмотрели, поплакали, выпускали из очей слёзы горячия, поплакали и домой пошли к князю Владимиру. Говорили они князю Владимиру таковы слова: «Вот, вот, Владимир-князь, оставил вам Данило Денисович долгой век».

Потом Владимир-князь стал сряжаться на брашную в Чернигов-град к Василисе Никуличне. Приезжает в Чернигов-град, Владимир-князь заходит он в терема златоверхие, увидает он Василису Никуличну, берет ее за руки белыя, целует ее в уста сахарныя. Говорила ему Василиса Никулишна: «На что ты, что князь делаешь — целуешь меня бедную в уста во кровавыя?» Говорил Владимир-князь: «Ну-ко ну, — говорит, — оболокай платье цветное, сряжайся на брашную».

Стала Василиса Никулична оболокать платье цветное; оболокала она платье цветное, взяла с собой булатный нож, схоронила она булатный нож в платье цветное, села в карету с князем Владимиром и поехала к граду Киеву и потом, как она сравнилася с Данилом Денисовичем, где Данило Денисович успокоился, и говорила она князю Владимиру таковы слова: «Отпусти меня, — говорит, — Владимир-князь, проститься с милым дружкём, с Данилом Денисовичем». И сказал ей Владимир-князь: «Иди, иди, — говорит, — простись, — говорит».

И послал с ней двух храбрых рыцарей, могучих богатырей. Когда она пришла к мужу своему, к Данилу Денисовичу, поклонилася, слёзно заплакала, отклонилася и говорила она храбрым рыцарям, могучим богатырям: «Вот что вы, — говорит, — други мои, когда вы сойдите к князю Владимиру, скажите вы то ему, чтобы он не дал нам валяться по чистому полю».

Вынимает Василиса Никулична булатный нож, с великого горя, не с терпенья своего сердца, распоролла она свою грудь белую булатным ножом, зажмурила она глаза ясныя, побледнело у нея тело белое. Храбрые рыцари слёзно запла-

кали, поплакали и пошли с вестью к князю Владимиру. Говорили ему таковы слова: «Великий Владимир-князь, оставила тебе Василиса Никулична долгой век». Тут Владимир-князь прослезился слезами горячими: «Ладно, ладно мне говорил старый казак Илья Муромец: истребишь ты ясна собола, не поймать лебедь белую».

Приезжает Владимир-князь в Киев-град, приказал он на лицо к себе Мишутушку, который его смутил, также старого казака Илью Муромца, подарил ему шубу соболиную, а Мишутушку — во смолы котел.

№ 46 (17). МИХАЙЛО ДАНИЛОВИЧ

Во славном было во городе во Киеве,
У славна у князя у Владим<ира>
Заводивсе у нево да почестен пир.
Пир идёт на весело,

⁵ А день ко вечеру.

Не кто в пиру не хвастает.
Немножко поры времечко миновалось,
Небольшой часок при искбдучи,
Все в пиру порасхвастались;

¹⁰ Кто хваснёт золотой казной,
Иной силой богатырскою,
Иной молодой женой.

Немножко поры времечко миновалось,
Небольшой часок на исходучи,

¹⁵ Отворялись двери те вольаяжные,
Идёт младой руськой бохатырь,
Илья Муромец сын Ивановиць,
Несёт он на могучих плечах оружьё.
Кладёт ружьё на дубовой стол —

²⁰ Дубова доска росколосе,
Все вольажное гвозьё приломалосе.
Ричь говорит по-учёному,
Поклон кладёт по-писаному,
На все четыре стороны поклоняетсе,

²⁵ А Владимиру князю ешшо в осбину:
«Уж ты гой еси, Вл<адимир>-князь,
Пьёшь еси спотешаешьсе,
Не знаешь на над собой невзгодушки великие:

- На те ли на поля на Куликовы,
 30 На те ли на горы на Балкановы,
 Наежжала рать-сила великая,
 Приехал кнезь Бахмет и сын Тавлет,
 У них силы по́ сороку тысени,
 Приехал кнежишше Старури́шшо,
 35 У ено ли силы сорок тысечей,
 И у сына у ено силы сорок тысечей.
 И приехали цетыре братца царевича (Збродовичи),
 У их ли силы по сороку тысечей.
 Оне ходят по чисту́ полю хапу́жетсе,
 40 Оне сырое дубьё ли коренья рвут,
 Оне высоко мечут по поднёбесью.
 Говорят да такоё слово:
 «Уж мы Киев-град за шшытом возьмём,
 А Вл<адимира>-князя во полон возьмём».
 45 Владимир-князь испугалсе,
 Во своей полатке похóживал,
 Камчатым рукавцам помахивал:
 «Уж вы гой еси, все кнэзья а и бояра,
 Уж вы все могучи боһатыри,
 50 Уж кто бы ехал
 На те ли поля на Куликовы,
 На те ли на горы на Балкановы?»
 Большой-от хоронитсе за среднево,
 А средний за меньшаво,
 55 А меньший не уміет и ответу дать.
 Из тоёй из скамейки из стекольчатой,
 Ставал ли молодой Михайлушко Данилович:
 «Уж ты гой еси, Влад<имир>-кнезь,
 Я поеду на те ли поля на Куликовы,
 60 На те ли на горы на Баклановы,
 Пересмитить рать-силу великую
 И привезти человека из-под знаменья».
 Влад<имиру>-князю слово прилюбилосе:
 «Уж ты гой еси, добрый молодець,
 65 Не кому тебе ещо на коне сидеть,
 Не кому тебе и оружьём владеть,
 От роду тебе ешшо двенадцать лет!
 Поди выбирай себе на конюшне коня младова,
 А другово коня старово.
 70 Опусту коней на Дунай-реку,

- Как младый-от конь наперёд плывёт,
А старой-от конь позади плывёт.
Так то ли моё дитятко,
Так то моё милоё.
- ⁷⁵ Уж молод ли он да на коне сидеть,
Уж молод ли он оружьём владеть».
Выбирал он себе добра коня,
Он седлал седло неседлано,
Уздал узду неуздану
- ⁸⁰ О двенадцать подпруг,
Тринадцату промеж ноги —
Не ради басы, а ради крепости бохатырские.
Видели, што сажилсе,
А не видели, куда побехал.
- ⁸⁵ Доежжав он до килейки,
Привязав он коня ко столбу тоцёному,
Ко кольцу золочёному.
У килейки он помолитвовал.
А во килейке аминь отдавал.
- ⁹⁰ Потом сидит старой старичок,
Данило Игнатъевиц, ево родный батюшко:
«Благословишь, батюшко, пбеду,
И не блáгословишь — поеду
На те ли поля на Куликовы,
- ⁹⁵ На те ли на горы на Баклановы».
Сказал он: «Бог тебя, дитя, благословит».
Выходили они из килейки,
Конь копытом бьёт о ласець камень,
Розлетевся на все ли на ц'ести на мелкие,
- ¹⁰⁰ Из ноздрей у ево искры сыпятсе,
А из ушей чад столбом идёт.
Прослышал он про ту ли,
Про дальнюю дороженьку,
Про ту ли про службу государеву.
- ¹⁰⁵ Роспрошавсе с родным батюшком
И поехав.
Доежжав ли он на те ли поля на Куликовы,
На те ли горы Баклановы,
Бивсе, дравсе трои сутоц'ки,
- ¹¹⁰ Не пиваюц'и и не едаючи.
Злым татарам возмоливсе:
«Дайте мне небольшой часок здохнуть».

- Спал он три дня и три ночи.
Злы татары догадались,
115 Копали оне подкопы глубокие,
Ставили оне сабли вострые,
Застилали оне сукнами чорными,
Ставал доброй молодець,
И говорила ему прислуга:
120 «Злые те татары догадались,
Копали оне подкопы глубокие,
Застилали сукнами ц'ёрными.
Эти первые подкопы доедеши,
Бей своево коня не жалеюц'и,
125 По крутым ребрам не жалеюц'и,
Тут тебя хосподь пронесёт.
До другие подкопы доедеши,
Бей своево коня не жалеюц'и,
Господь тебя и пронесёт.
130 До третие подкопы доедеши,
Не бей своево коня —
Господь пронесёт».
До первой подкопи доехал,
Бил своево коня не жалеюц'и
135 По крутым ребрам —
Тут ево хосподь пронёс.
До другие подкопи доехал,
Бил своево коня не жалеюци —
Тут хосподь пронес.
140 До третие он подкопи доехал,
Боһатырские руцьки расходилисе,
И боһатырское сердце възъярилося.
Тут у ево конь и скололсе.
И пошел доброй молодець пешеходом.
145 Куда махнёт — улоцька,
Куды перемахнёт — с переулками.
Поймал княжишша Старуришша,
У княжишша у Старуришша
Ноги обломал.
150 Поймал кнезя Бахмета,
У тово глаза выкопал.
Посадил хромово-то на слепово;
Слепой везёт, а хромой дорогу указывает
Ко Владимиру-князю во Киёв-град.

- ¹⁵⁵ А сам приехал ко князю Владимиру,
Владимир-князь ему не поверил,
Што не привёз человека из-под знаменья.
Посадили ево во темницу.
А эти через трое сутки приехали.
- ¹⁶⁰ Он ево выпустил, зговорил:
«Хоть полцарства бери,
А по смерти и всё царско».
Сказал доброй молодець:
«На приезде гостя не употшивал,
¹⁶⁵ А на пбизде не употшивать».

№ 47 (18). ПРОСТОНАРодНАЯ СКАЗКА

[ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ И НОВГОРОДЦЫ]

- Василей-от да Буславъевиць,
И Фома-то быў да Родиовоновиць,
И Омельфа-та да Тимофиёвна;
Родила она да своево цяда,
⁵ Цяда милова Василья Буславьева.
У людей-ту девети годов,
У её мальщик девети недиль,
Зацяў на улоцку похаживать,
И с робятками поигрывать;
- ¹⁰ Ково за руку возмёт,
Руку оторвёт;
Ково за ногу ухватит,
Ногу выдернёт,
Ково за голову сгребёт,
- ¹⁵ Голову отвернет.
Это дело было в Нове-городе,
Мужики-ти все новгородскиё,
Все и старосты новгородскиё
С жалобам пошли
- ²⁰ К ево матушке:
«Гой еси, наша матушка,
Омельфа да Тимофиёвна,
Унимай-ко ты своево цяда,
Цяда милова;
- ²⁵ Он не ладно да дело делаёт,
Не в порядке жо он и шутки шутит;

- Он играў жо бы с бородатыми
И с безбородыми».
- Василью это слово полюбилося,
- 30 Он и стаў на улоцку похаживать,
Он с робятками нацаў поигрывать;
Ково за руку возмёт,
Руку оторвёт;
Ково за ногу возмёт,
- 35 Ногу отвернёт;
Ково за бороду сгребёт,
Бороду выдернёт.
Мужики-ти все новгородскийё,
Все и старосты новгородскийё
- 40 С жалобами пошли
К ево матушке:
«Уж ты гой еси, наша матушка!
Унимай-ко ты своево цяда,
Он не ладно жо дело делаёт,
- 45 Не в порядке и шутки шутит;
Как досюдова было досёлева еще
И жиў-то быў ево батюшко,
Он держаў жо пиво пьяноё,
Он сидеў жо вино зелёноё».
- 50 Василью это слово полюбилося,
Он и выкатиў цаны сороковиниё,
Он и клаў заветы немалыё,
Опустиў цашу сороковиную:
«Ужо хто эту одной рукой
- 55 Цашу выцерпнёт,
На один дух и выпиёт,
Ужо тут жо мой и друг и брат».
Как из улоцки да из Конероцки,
Выходили тут три молоцика;
- 60 Одно рукой цашу церпали,
На один дух и выпивали все.
Говориў жо Василей Буславьевиць
Таковы слова:
«Сойтё, мои дружья-братья,
- 65 Ужо сможётё ли с мой цернельской вяз?»
Как он хватит жо их
Да вязом по боку, —
Тут робятушки и повалилисё.

- Как из улоцки да из Конероцки,
70 Выходило тут сем молоциков;
Оне одной рукой цашу церпали,
На один дух и выпивали все.
Говориў жо Василей Буславьевиць
Таковы слова:
- 75 Стойтё-ко, мои дружья-братья,
Сможётё ли с мой чернельской вяз?»
Как он хватит их
Да вязом по боку, —
Тут стоят робятка не ворохнуца.
- 80 Он и прибраў их трицать молоцёв.
Как у князя было у Кутусова
Собираўся тут пир на веселе;
Зазывает он кнезей, бояр,
Он господ, хресьян
- 85 И купчей, мещан.
Он не позваў жо Василья Буславьёва.
Говориў жо Василей Буславьевиць
Таковы слова своёй матушке:
«Моя матушка, я безо зву пойду».
- 90 Пришёў жо Василей Буславьевиць,
Под окошечком он не стукавши,
Пришеў жо в избу Богу не моливши;
Ужо пир-от идёт да во полупире,
И стол-от идёт во полустоле.
- 95 Ево мистецком не обсадили,
Василья цяроцкой не обносили,
Посадили ево за переднёй стоў.
Все кнезья, бояра порасхвастались;
Кто похвастаёт молодой жёной,
- 100 Иной похвастаёт золотой казной,
Иной похвастаёт конями добрыми,
Иной похвастаёт слугами верными.
«Ужо що жо ты, Василей Буславьевиць,
Ты ницем жо да и не похвастаёшь?
- 105 У тебя ли нето-тка золоты казны?
У тебя ли нето-тка коней добрых?
У тебя ли нето-тка слуг верных?»
Василей сглупа это слово вымолвиў:
«Я похвастаю да на Поцят-реку,
- 110 На Поцят-реку я битца, драгися

- Да с Новым-городом,
Окромѣ старця да Волотоманца».
И пришоў жо да Василей Буславъевиць
К своѣй матушке,
115 Повисиў он свою буйну голову,
Он потупя жо да свои ясны оци.
«Ужо що жо ты, моѣ дитятко,
Припецялиўсѣ?
Тебя местецком-ту да видно обсадили?
120 Либо цяроцкой-ту тебя обносили?» —
«Уж ты гой еси, моя матушка!
Меня местом-ту не обсадили,
И цяроцкой-ту не обносили;
Я похвастаў да на Поцят-реку,
125 На Поцят-реку да битца, дратися
С Новым-городом,
Оприць старця да Волотоманца».
И взяла жо да ево матушка,
Заперла она да в погреба глубокиѣ,
130 За деветь дверей да за золезных,
За деветь замков да за немецких.
Мужики-ти пришли новгородскиѣ,
Да и старосты новгородскиѣ:
«Уж ты гой еси, наша матушка!
135 Ты подай-ко нам да своево цяда,
Цяда милова!» —
«Вы не троньте-ко да моево цяда,
Он сглупа это слово вымоўиў,
Да вы беритѣ-ко золоты казны,
140 Сколько надобно». —
«Не дорога нам твоя золота казна,
Дорога голоўка багатырская».
Как из улоцки да из Конероцки
Выходила тут девка Цернавка,
145 И идѣт она мимо погребов глубоких,
Говорит она таковы слова:
«Ужо що жо, Василей Буславъевиць,
Сидишь дома опочигаешься?
Как твои-то да веть и дружья-братья
150 По колен оне во крове стоят,
Все головушки да испроломаны».
Как он хватит жо да двери о двери, —

- Все он двери тут исприваляў,
Все замоцки да исприломал;
155 Прибежаў он на Поцят-реку,
И забыў он дома свой чернельской вяз.
Тут стояла корета орлёная,
Он и выхватиў жо ось дубовую:
«Ужо стойтё-ко, да мои дружья-братья!
160 Ужо я за вас да пороботаю!»
Как он махнёт — так народу улица,
Хоть размахнёт — так с переуўками.
Мужики-ти да новгородскиё
И пошли оне да по старця Волотоманця;
165 И ведут оне старця Волотоманця,
И несёт старець Волотоманець
На головушке он колокоў соборно-ёт.
Говориў жо старець Волотоманець:
«Ужо што у вас да за багатырэк?
170 Ужо прежде такиих не было
И после ево да не останеца;
Ужо жиў-то быў ево батюшко,
Да и всё мы на ём воду возили,
Воду возили, да как на мерине».
175 Василей удариў жо да старца в голову, —
И покатиўся старець да в Опоцят-реку,
И пришла жо тут ево матушка,
Да ухватила она за резвы ноги:
«Ужо стой-ко, да моё дитятко!
180 Ты остаў людей да хоть на симяна,
Ты на симяна да хоть для разводу». —
«Ужо ладно да ты, моя матушка,
Хоть ты сзади зашла!
Спереди зашла, так в азарях-то бы
185 И тебя убил невзначай».
Он стаў по бережку похаживать,
Он багатырскиё головушки попинывать.
«Не пинай-ко да ты, Василей Буславьевиць,
Будешь этта-ка ты с нам лежать».
190 Он и стаў жо да Василей Буславьевиць
На камешёк да он поскакивать,
Он сзади скочил
Да он и сшиб свою буйну голову.

[ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ И НОВГОРОДЦЫ;
ПОЕЗДКА В ИЕРУСАЛИМ]

- Жил Буславьюшка не старился,
Живучи Буславьюшка представился,
Оставалося у Буславьюшки цядо милое,
Цядо милое рожоное —
- ⁵ Молодой Васильюшка Буслаевиць.
Стал Васенька на улоцьку похаживати,
Нелегкие шутоцьки пошучивати:
Кого за руку возьмет — рука проць,
А кого ударит по горбу — той пойдет,
сам сутулится.
- ¹⁰ Возненавидели бояре новгородские
Молодого Василья Буслаевиця.
И хотят его утопить во Волхве-реке.
Услыхала про это цесная вдова Марфа Тимофеевна,
Что стряслась беда над ее сыном,
- ¹⁵ Над Васильем Буслаевицем.
Приходит она со подарками
Ко боярам новгородские,
Приносит она чашу чиста серебра,
Вторую чашу красна золота,
- ²⁰ Третью чашу циста жемчуга.
А сама приговаривает:
«Оставить ей сына живого Василья Буслаевиця».
Были у Василья у Буслаевиця двое товарищей —
Павлушка Хроменький и Костя Горбатенький.
- ²⁵ Увидали они, как плацет Марфа Тимофеевна,
Берут они по черешневу вязу,
И начали они бояр колотить.
Куда махнут — туда улица,
Куда махнут — туда переулоцек.
- ³⁰ Перебили они бояр ровно половину,
А сами открыли богатый пир.
Виде бояре проказы Василья Буслаевиця,
Пишут грамоту князю Владимиру:
«Ой ты, князь еси, наш батюшко,
- ³⁵ Владимир Красно Солнышко,
Прибил Василей Буслаевиць бояр и боярских детей,

Не оставит Василей на защиту вам».

Осерчал тут Владимир стольнокиевские,
 Присылает он строгий указ:

⁴⁰ «Убить того ли Василья Буслаевича
 со товарищами».

Приступили бояре к Василью Буслаевичю
 силой несметною,
 Нацяли Василий Буслаевичь, Павлушка
 Хроменький и Костя Горбатенький
 Бой вести со боярами,
 Нацяли они пробивать себе путь ко Волхову-реке,

⁴⁵ На Волхове-реке служанка Буслаева полоскала белье,
 Нацяло коромысло у девушки попрыгивать,
 Нацяло коромысло поскакивать,
 Убило оно силы на цело сто,
 Убило оно силы и за другое сто,

⁵⁰ Убило оно силы и за три ста.
 Смотрит Василей Буслаевичь:
 Идет навстречу к нему крестовый батюшка,
 Несет он на голове громадный колокол,
 Держит в руках язык на девяносто пуд.

⁵⁵ Возговорит он Василью Буслаевичю:
 «Эх, молодой ты, Василей Буслаевичь,
 Молодой курень, не поперхивай,
 На своего крестового батюшку не наскакивай».

Возговорит тут Василей Буслаевичь:

⁶⁰ «Когда в бой идешь, разговаривать некогда».

Ударил шоломыгой железною
 Прямо батюшке по колоколу —
 Разлетелся колокол в мелкия черенья;
 Вторично ударил Василей Буслаевичь

⁶⁵ И своего крестового батюшку промеж
 ясные очи —
 И выскоцили глаза, как пивные чаши.
 Сейчас Василей объявляет пир со своими
 товарищами,
 С Костенькой Горбатеньким и Павлушой
 Хроменьким,
 На пиру Василей снова вымолвил:

⁷⁰ «Гой вы еси, мои добрые молодцы,
 Разудалые товаришши,
 Поедем замаливать грехов на Ефрат-реку,

- Ко тому ли ко Спасу Преображению,
 Ко тому ли ко гробу ко господнему.
- ⁷⁵ У гроба господнего помолимся,
 Спасу божьему поклонимся».
- И поехали обратно в путь-дороженьку,
 На дороге увидали большую плиту каменную,
 Нацяли скакать добры молодцы через эту плиту.
- ⁸⁰ Возговорит тут Василей Буслаевич:
 «Добрые молодцы, удалые товарищи,
 Просто перескоцить плита вперед,
 А вот кто из нас перескоцит плиту взапятки?
 Давай-ка я сам попробую».
- ⁸⁵ Захватил Василей Буслаевич
 Каблуками за край плиты,
 Ударился о плиту всем могуцим телом
 И убився.
- Приезжают Васильевы товарищи
- ⁹⁰ Костенька Горбатенька и Павлуша Хроменький
 К цесной вдове к Марфе Тимофеевне,
 Сказали ей вещь печальную,
 Что убился сын на Ефрат-реке,
 Залилась слезами Марфа Тимофеевна,
- ⁹⁵ Роздали они свое серебро по нищей ратии,
 А золото в монастыри снесла,
 А сама записалася в монашенки,
 А на память Василья Буслаевича
 Заказала построить собор
- ¹⁰⁰ В цесьть любимово сына Василья Буслаевича.

№ 49 (20). САДКО БОГАТЫЙ ГОСТЬ

Было дело во славном во городе во Киеве у князя Владимира стольнокиевского; собирались гости богатые ко князю Владимиру со подарками. Приехал ко князю и богатый гость — Садко с подароцьком. Выкатыват он бочки литые. Первую боцьку — циста серебра, втору бочку — красна золота, третью бочку — скатна жемчуга. Возговорит тут Владимир-князь стольнокиевской: «Ну, и богат же ты, дорогой гость Садко Иванович, я спасибую тебе на подароцьки, но богаче тебя наш стольный Киев-град». Повесил голову Садко богатый гось. Возговорит тут Владимир-князь Красно Сол-

нышко: «Не печалуйся, богатый гость, свет Садко Иванович. За твои за подарки за великие, разрешаю тебе торговать безданно, беспошлинно во граде во Киеве, во втором во граде во Новгороде». Возговорит тут Садко Иванович: «Ой, спасибо тебе, князь Красно Солнышко, за твою за милость за великую, что разрешаешь торговать мне беспошлинно».

Разъехались гости из града Киева.

Приезжает домой Садко Ивановичь,

Снаряжает он цервоны корабли,

Отправляется в торговлю за сине море.

⁵ Вдруг погода на море разыгралася,

Корабли Садковы с места не пошли.

Возговорит тут Садко свет Ивановичь

своим товаришам:

«Гой вы еси, мои слуги верные,

Сколько я по морю не ежывал,

¹⁰ А Морскому царю дани не плачивал.

Это царь Морской требует дань».

Скатали они бочку серебра,

А другу бочку красна золота,

Третью бочку скатна жемчуга,

¹⁵ А корабли с места не идут,

Паруса на кораблях, словно тряпки висят.

Возговорит тут Садко Ивановичь:

«Ой вы еси, мои слуги верные,

Наверно, Морской царь просит живой головы.

²⁰ Бросим мы с вами жеребий,

Кому из нас с вами царю в дары.

Вы сделайте жеребья себе вольяжные,

А я себе сделаю на цистом золоте.

Чей жеребей ко дну пойдет,

²⁵ 25 Значит того Морской царь к себе просит».

У товарищей жеребья словно гоглы наверху,

А у Садка словно ключ ко дну.

«Мы сейчас, товарищи, давай испробуем».

Возговорит тут Садко Иванович:

³⁰ «Я сделаю себе вольяжный,

А вы сделайте себе на цистом золоте».

У товарищей жеребья опять наверху,

А у Садка жеребей словно ключ ко дну.

«Значит требует Морской царь моей головы,

³⁵ Опустите меня в сине море».

- Опустили его на широкой доске,
Дали ему гусли-самогуды,
Остался Садко в синем море,
А корабли поплыли словно лебеди.
- 40 Заснул тут Садко на своей доске,
А проснулся Садко у Морского царя во дворце,
Сидит Морской царь как сенная копна,
А горят у него два глаза зеленые, как яхонты,
Возговорит тут Морской царь:
- 45 «Долго ты, Садко, по морю езживал,
А мне, царю, дани не плачивал,
А сейчас пришел сам в подарочки».
Заиграл тут Садко в свои гусли тренчатые,
Заплясал тут Морской царь,
- 50 Пляшет он день, а Садко играет,
Пляшет Морской царь и второй день.
Море от пляски Морского царя разыгралосе,
Сильно-больно разбушевалосе,
Стало морем корабли топить,
- 55 Стало морем города топить,
Народ тут Богу возмолилися,
Тому ли Николе Можайскому,
А Садко все играет.
Играл Садко Ивановиць
- 60 Ровно целых три дня,
Наконец устал Морской царь.
Заснул тут Садко Ивановиць.
Видит он: сидит на крутом берегу на Волхов-реке,
Смотрит: к нему корабли плывут.
- 65 Он поспел домой раньше кораблей,
Снял его Никола Можайские.
Тут велел Садко Ивановиць
Поставить собор ко тому ли святому угоднику
Николе Можайскому,

А своих наградил, своих слуг верных богатыми подарками,
заказал пир на весь Новгород.

Текст № 1.

РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, № 2949, л. 55—59 об. (полевая запись).
Публикация: Соколовы, № 5.

Записано Б. М. и Ю. М. Соколовыми: 27 июня 1909 г., д. Кутилова Пунемской волости Кирилловского уезда Новгородской губ., Ганин Андрей Михайлович, 64 лет.

Прозаический контаминированный пересказ сюжетов «Исцеление Ильи Муромца» и «Илья Муромец и Соловей разбойник».

Перед текстом дан комментарий сказителя: «Дядя пел голосом». Текстологические примечания по стихотворной части былины: ст. 2: в рукописи вставлено сверху после первого слова «сидел» частица «ли»; ст. 4: в рукописи слово «помощьку» зачеркнуто, сверху написано «пирушецьку»; ст. 7: в публикации братьев Соколовых «Приходят к ему два старца старые»; ст. 9: в публикации Соколовых «Неси-ко нам пивка!»

Текстологические примечания по прозаической части былины: ¹В этом месте сверху вписано «и стало у ево силушки очень много». Скорее всего это дополнение сказителя по ходу рассказа. Фраза дана в публикации братьев Соколовых. ²В этом месте сверху вписано «Видят, што больно много силы». Фраза дана в публикации братьев Соколовых. ³В публикации братьев Соколовых «принеси-ко чашу...». ⁴В публикации Соколовых «што». ⁵Здесь в рукописи дана ремарка сказителя «Боле не знаю — забыл», но как отмечают в своей публикации братья Соколовы, исполнитель потом припомнил в общих чертах продолжение былины. ⁶В публикации Соколовых пропущено начальное слово «А». ⁷Фраза «А он взял его» в рукописи зачеркнута, а в публикации Соколовых пропущена.

Текст № 2.

Шустиков А. А. Сказания и сказки // Живая старина. 1895. Вып. 3—4. С. 426—427.

Записано Андреем Алексеевичем Шустиковым: 1894 г., с. Ширыханово Тавреньгской волости Вельского уезда Вологодской губ., Астафий Матушкин.

Сюжет «Илья Муромец и Калин-царь».

В «Живой старине» весь текст дан в прозаическом виде. В нашей публикации начало былины разбито на стихи; выделены также дополнительные абзацы в прозаическом фрагменте.

¹В публикации А. А. Шустикова к слову «побоицо» сделано следующее пояснение: «орудие, в данном случае человек служил орудием Самсону Колывановичу». Собиратель также следующим образом охарактеризовал говор данной местности: «Желая быть точным, мы удерживаем буквально местный выговор, по которому мужчины в Ширыханове придерживаются более или менее вологодского говора, а женщины — олонецкого, с преобладающим звуком «ц», например слово „что“ мужчины всегда выразят „што“, а женщины „цто“. Но и у мужчин больше слышится „ц“, нежели „ч“, и кроме того вместо твердого знака часто употребляется „ь“, вместо „а“ — „я“».

Текст № 3.

Песни русского народа: Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году / Записали: слова — Ф. М. Истомина; напевы — С. М. Ляпунов. СПб., 1899. С. 39—41.

Записано Федором Михайловичем Истоминным и Сергеем Михайловичем Ляпуновым: 1893 г., слобода Раменская Бережнослободской волости Тотемского уезда Вологодской губ., Безвытный Александр Иванович, 67 лет.

Былина на сюжет «Илья Муромец и Калин-царь».

В ст. 56 нами введена конъектура: вместо «баня-паружа» — «баня-паруша», то есть «парушка» (от «пар»), традиционный образ свадебных причитаний. «Баня-паружа» — явная ошибка слуха собирателей.

Текст № 4.

Рыбников. 1-е изд. Ч. 2. С. 33—36. № 8. Републикации: 2-е изд. Т. 2. № 211; 3-е изд. Т. 2. № 210.

Записано неизвестным собирателем: до 1862 г., Саминский приход Вытегорского уезда Олонецкой губ. Передано Н. В. Обручевым П. Н. Рыбникову.

Былина-новообразование. Мотивы, традиционно разрабатываемые в сюжете «Илья Муромец и Калин-царь» (предупреждение героя коном о трех вражеских подкопах, пленение богатыря татарами, освобождение его от оков, побивание врага), здесь присоединены к имени Добрыни Никитича.

К слову «закопань» в ст. 26 П. Н. Рыбников сделал примечание — «застава»; П. А. Бессонов дал более точное толкование — «ров, которым перекопана дорога». К ст. 44 П. А. Бессонов сделал следующее примечание: «Читай: Неверная силушка, поганая», то есть ввел прием подхвата предыдущей строки. К ст. 58 дано его же примечание: «Поутвердиться, поупереться (на стопу)».

Текст № 5.

РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, № 2949, л. 7—9 (полевая запись). Публикация: Соколовы, № 11.

Записано Б. М. и Ю. М. Соколовыми: лето 1908 г., д. Терехова-Малахова Белозерского уезда Новгородской губ., Шарашов Василий Степанович, 58 лет.

Былина «Микита Романовиць» может быть квалифицирована как текст-новообразование, основанный на мотивах былины «Илья Муромец и Калин-царь», где персонаж исторических песен XVI в. Никита Романович заменил собой Илью Муромца.

Сказитель, по-видимому, текст былины знал не твердо. Отдельные стихи он исправлял по ходу сюжета. В связи с этим в рукописи многие слова и строки зачеркнуты, вставлены сверху и снизу. Текст публикуется по нижнему (первоначальному) слою записи.

Ст. 1: после слов «то ли» сверху вставлено «был»; ст. 2: в рукописи зачеркнут; ст. 5: в начале стиха сверху вписано «што»; ст. 9: после

слова «послужи-тко» сверху вписано «се мене»; после ст. 10 вписан сверху «Дали бы мне саблю вострую», этот стих дан в публикации братьев Соколовых; ст. 12: в начале стиха сверху вписано «за веру цярей»; ст. 14: в начале стиха сверху вписано «што»; ст. 32: первоначально записано «штобы скинуло у меня с моиф ясныф одей»; ст. 38: после слова «посорвал» вписано «ён» и после предлога «с» — «белыф»; после ст. 39 стоит знак «vvv», отсылающий к концу листа, где записано «Понёс Микита Романовиць полгядывать на все цётые стороны»; ст. 42: после слова «схватил» сверху вписано «ён»; ст. 46—47: в рукописи записаны «Не мнётсы (зачеркнуто и исправлено на «гнётсы»), не трётсы (зачеркнуто и исправлено на другие также исправленные варианты: «гнетсы», «мнётсы», «ломитсы») / Не трётсы (зачеркнуто и исправлено на «мнётсы»), не ломитсы (зачеркнуто и исправлено на «тратитсы»)»; после ст. 47 стоит знак «vvvv», отсылающий к концу листа, где записано «Ён собака жиловат, говорит, не совётсы».

Текст № 6.

Майков Л. Н. Еще былины и песни из Заонежья // Русский филологический вестник. 1885. № 1. С. 51—55.

Записано Константином Маклюиновым: 1870-е гг., д.Сойда Вытегорского уезда Олонецкой губ., Дементий Тимофеев.

Былина на сюжет «Илья Муромец и нахвальщик» с контаминацией мотива «Отчего богатыри перевелись на Руси?».

В публикации Л. Н. Майкова две части былины даны как отдельные тексты; в нашем издании, следуя сказительской воле, былина представлена в одном тексте. К ст. 139—144 сделано примечание: «Эти шесть стихов певец пропел трижды».

Текст № 7.

РНБ, О.ХIV, № 17, л. 2 об.—7 об. Публикация: *Майков Л. Н.* Три былины из старинного рукописного сборника // Живая старина. 1890. Вып. 1, Отд. 2. С. 2.

Запись в рукописной тетради песен, поступившей в Петербургскую Публичную библиотеку из Вологодской губернии и помеченной 1803 г.

Былинный сюжет «Илья Муромец на Соколе-корабле», по-видимому, в функции святочно-рождественской коляды.

После каждого стиха стоят буквы «В:Г:К:З», которые мы расшифровываем как припев «Винограде, красно-зелено!»

Текст № 8.

Песни русского народа: Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году / Записали: слова — Ф. М. Истомина; напевы — С. М. Ляпунов. СПб., 1899. С. 47—49.

Записано Федором Михайловичем Истоминим и Сергеем Михайловичем Ляпуновым: 1893 г., слобода Дымково близ Великого Устюга Вологодской губ., И. Ф. Говоров.

Былинный сюжет «Илья Муромец на Соколе-корабле» в функции святочно-рождественской коляды.

Припев повторяется после каждого стиха.

Текст № 9.

РГО, ф. 7, оп. 1, № 46, л. 1—3.

Списано Н.Ординым со старинной тетрадки: Вологодская губ. Былинный сюжет «Илья Муромец на Соколе-корабле», вероятно, в функции святочно-рождественской коляды.

Былина записана четким почерком, чернилами. В текст нами введены следующие конъектуры: ст. 10 «Абика звездены по-змеиному» исправлен на «А бока...»; в ст. 57 и далее слово «луг» исправлено на «лук».

Текст № 10.

РО ИРЛИ, р. V, к. 202, п. 1, № 3 (машинопись).

Записано В. И. Пономаревым: 1957 г., г. Лальск бывшей Вологодской губернии, самозапись сказителя.

Былинный сюжет «Илья Муромец на Соколе-корабле» в функции святочно-рождественской коляды.

Припев повторяется после каждого стиха.

Текст № 11.

РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, № 2949, л. 61—78 (полевая запись). Публикация: Соколовы, № 3.

Записано Б. М. и Ю. М. Соколовыми: 27 июня 1909 г., д. Кутилова Пунемской волости Кирилловского уезда Новгородской губ., Ганин Андрей Михайлович, 64 лет.

Прозаический пересказ былинных сюжетов «Добрыня и Змей», «Добрыня и поленица-богатырша» и «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича». Былина восходит к книжному источнику, о чем см. в главе «Вологодская былинная традиция».

Примечания: ¹Предложения «Непрà-река свирепая. Пèреплыл за Непрú-реку» в публикации братьев Соколовых пропущены. ²В публикации Соколовых «перебил он ей один хобот». ³В публикации Соколовых «племянницу» пропущено. ⁴В публикации Соколовых «один» пропущено. ⁵В публикации Соколовых «вот стал князь киевской просить». ⁶В публикации Соколовых «опять» пропущено. ⁷Предложение «Конь и говорит» в рукописи вписано сверху. ⁸В публикации Соколовых «я, говорит, ежду супротивника себе выбираю». ⁹В публикации Соколовых частица «бы» пропущена. ¹⁰Слова «опять те же» в рукописи вписаны сверху. ¹¹В публикации Соколовых «отдыхал» пропущено. ¹²В рукописи сначала написано «приизорвало», затем исправлено на «повытерло». ¹³В публикации Соколовых вместо «на личё» опубликовано «на мечё (?)» — собиратели явно не смогли правильно расшифровать свою полевую запись.

В нашей публикации слова, сокращенные в рукописи, даются в угловых скобках.

Текст № 12.

РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, № 2949, л. 28—35 (полевая запись). Публикация: Соколовы, № 2.

Записано Б. М. и Ю. М. Соколовыми: лето 1909 г., д. Большое Заречье Кирилловского уезда Новгородской губ., Карпов Степан Васильевич, 60 лет.

Былина на сюжет «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича».

В сборнике Б. М. и Ю. М. Соколовых пропущен ст. 45 «Што же ты, доброй конь, рашшарашивсе?» В связи с этим ст. 45—54 в их публикации оформлены как монолог коня; в нашем издании прямая речь представлена как диалог Добрыни и коня. В своей публикации Соколовы поменяли местами также стихи в фрагменте ст. 122—126.

В нашей публикации слова, сокращенные в рукописи, даются в угловых скобках.

Текст № 13.

РНБ, О. XIV, № 17, л. 31 об. — 32. Публикация: *Майков Л. Н.* Три былины из старинного рукописного сборника // Живая старина. 1890. Вып. 1, Отд. 2. С. 2—3.

Запись в рукописной тетради песен, поступившей в Петербургскую Публичную библиотеку из Вологодской губернии и помеченной 1803 г.

Былина на сюжет «Добрыня и Маринка». Записана без разбивки на стихи. Со слов «дровеч мелкошечко» (ст. 36) и далее запись сделана другим почерком по сравнению с основным текстом. В ст. 21 вместо «ручка» описка: «чучка». Текст старины в несколько измененном и более кратком виде записан также небрежным почерком на л. 38: «Как Микитушка не старился, при старости помер. У Микитушки спорожное дитя Добрыня сын. Добрынюшка матушка спраш<ивал>: отпусти меня, матушка, во Новы-города голять. Походит Добрыня со двора сдолой, берет Добрыня калену стрелу, натегивает Добрыня калену стрелу, походит Добрыня со двора веть здолой. Есть в том городе Маринушка, прекрасная Маринка безбожница злая еретица». Этот текст можно, по-видимому, рассматривать как черновой набросок к основному тексту.

Текст № 14.

Соколовы, № 1.

Записано Б. М. и Ю. М. Соколовыми: лето 1908 г., д. Терехова-Малахова Белозерского уезда Новгородской губ., Шарашов Василий Степанович, 58 лет.

Прозаический пересказ сюжета «Алеша Попович и Тугарин».

Текст № 15.

РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, № 2949, л. 40—54 (полевая запись). Публикация: Соколовы, № 4.

Записано Б. М. и Ю. М. Соколовыми: 27 июня 1909 г., д. Кутилова Пунемской волости Кирилловского уезда Новгородской губ., Ганин Андрей Михайлович, 64 лет.

Былина «Дунай-сват», разворачивающая полную версию сюжета: сватовство Дуная, встреча его с поленицей-богатыршей, хвастовство в стрельбе и гибель героев.

Ст. 10: в публикации братьев Соколовых данная строка путем введения приема подхвата превращена в два стиха «Котора девица станом статна, Станом статна и лицём бела»; ст. 12: в нашей публикации введена конъектура: вместо «похоть» дано «походь», то есть походка; ст. 26: в публикации Соколовых пропущен; ст. 28: в публикации Соколовых добавлен третий повторяющийся предлог «у» перед словом «Ефаминьского»; ст. 40—41: в рукописи первоначально обозначены прочерком, затем восстановлены — по аналогии со ст. 32—33; ст. 51: в публикации Соколовых опущено второе слово «себе»; ст. 65: в публикации Соколовых «Приходил ему во горницу»; прозаический фрагмент после ст. 102 в публикации Соколовых дан в стихотворном виде; ст. 103: в публикации Соколовых пропущен союз «а»; ст. 107: в публикации Соколовых вместо предлога «под» дан предлог «с»; прозаический фрагмент после ст. 113 дан в стихотворном виде с некоторыми изменениями; ст. 134: в публикации Соколовых пропущен; ст. 161: в публикации Соколовых «Там будь Дунай-река».

Текст № 16.

Шереметев П. С. Зимняя поездка в Белозерский край. М., 1902. С. 71—79.

Записано Павлом Сергеевичем Шереметевым: 31 декабря 1900 г., с. Петропавловское Белозерского уезда Новгородской губ., Арапов Александр Иванович, 70 лет.

Прозаический пересказ контаминированных сюжетов «Сухман» и «Данило Ловчанин».

П. С. Шереметев сделал к тексту следующее примечание, в котором дается диалектологическая характеристика говора исполнителя: «К сожалению, записывать все произносившееся с соблюдением всех оттенков местного говора не было возможности. Приведу только некоторые особенности: *короводы, рыцыль, слободушка, скочил, Кеев, хочют, кореньичем, водича, конеч, улича, Муромча, личо, жамками, листьиче, кровалая, воскресеньскую, звеличать, послальники, сучей сын, пре, сошшитал, востри, зашмурил, к ему, што, у нее, опусти, с везью, Микулишна, о св. Русе*» (с. 168).

¹В текст былины нами введена конъектура: в публикации Шереметева дано «лазеечку»; на самом деле надо «лозеечку» — от слова «лоза». Ср. далее: «лозиночка».

Текст № 17.

РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, № 2949, л. 17—27 (полевая запись). Публикация: Соколовы, № 6.

Записано Б. М. и Ю. М. Соколовыми: июнь 1909 г., д. Никольская (Большое Заречье) Пунемской волости Кирилловского уезда Новгородской губ., Карпов Степан Васильевич, 60 лет.

Былина на сюжет «Михайло Данилович».

В полевой рукописи собирателей имеются следующие особенности. Имя «Владимир» во многих стихах дано в сокращении (в нашем издании сокращения раскрыты в угловых скобках). В ст. 65 «Не кому тебе еще на коне сидеть» первоначально написано и зачеркнуто «во седле сидеть»; ст. 80—81 вписаны сверху мелким почерком (по-видимому, они были первоначально пропущены певцом); в ст. 101 «А из ушей чад столбом идёт» первоначально написано и зачеркнуто «из очей»; в ст. 119 «И говорила ему прислуга» первоначально написано «супруга» (явная описка собирателя).

Из заметных текстологических разноречий с публикацией в сборнике Б. М. и Ю. М. Соколовых укажем на следующие. Стих 37 у Соколовых дан как «И приехали цетыре братци Збродóвичи»; ст. 47 и 147 — пропущены; ст. 48 — вместо частицы «а» дана частица «да»; ст. 91 — «ево родимой батюшко» (вместо «родной»). Фрикативное «г», обозначенное в издании Соколовых греческой гаммой, в нашем издании передается латинской буквой «h»; «г» фрикативное звучит также в слове «Господь» в ст. 129 и 132.

Текст № 18.

РНБ, Q.XVII, № 230, л. 20—22 об. (беловая запись чернилами). Публикация: *Домановский Л. В.* Вологодский вариант былины о Василии Буслаеве (неопубликованная запись П. И. Савваитова) // *Русский фольклор*. М.; Л., 1957. Т. 2. С. 282—285. Важнейшие републикации: *Новгородские былины* / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1978. № 12.

Записано Савваитовым Павлом Ивановичем: 30 сентября 1841 г., Кадниковский уезд Вологодской губ. В рукописи текст озаглавлен «Простонародная сказка».

Сюжет «Василий Буслаев и новгородцы» с краткой реминисценцией сюжета «Поездка в Иерусалим».

Собирателем сделаны следующие примечания: «Эта сказка нарарепев поется и написана так, как поют». В рукописи звук «ё» передается как «jo» (в нашем издании — «ё»); звуки «л», близкий к «в» — как «ou» (в нашем издании — «ў»); звук «й» как «j» (в нашем издании «й»). К слову «хватит» в ст. 66 дано разъяснение — «ударит»; к слову «семъ» в ст. 70 — «седмъ».

Можно предположить, что запись былины сделана действительно буквально и собиратель не прибегал к таким приемам, как лакуны в повторяющихся местах. Типическое место «столкновение Василия Буслаева с ребятами на улице и жалобы родителей матери героя» в

ст. 8—26 и в ст. 30—45 значительно варьируются. Ср. также ст. 109—112 и ст. 124—127 — типическое место «хвастовство Василия Буслаева о драке с новгородцами».

Текст № 19.

ГЛМ, ФА, инв. 240, п. 31, л. 100—104 (маш.).

Записано Бородиной Э. Г.: 25 июля 1937 г., д. Вельцы Коношевского р-на Вологодской обл., Семенов Иван Павлович, 38 лет.

Былина на сюжеты «Василий Буслаев и новгородцы» и «Поездка в Иерусалим».

Под заглавием дана помета собирателя «из книг». К ст. 57 к слову «курень» сделано примечание: «значит добрый молодец». Очевидно, что это ошибочное толкование. Правильно: «петух» (в значении — «заносчивый человек»).

Текст № 20.

ГЛМ, ФА, инв. 240, п. 31, л. 97—100 (маш.).

Записано Бородиной Э. Г.: 25 июля 1937 г., д. Вельцы Коношевского р-на Вологодской обл., Семенов Иван Павлович, 38 лет.

Былина на сюжет «Садко».

Под заглавием дана помета собирателя «из книг». К ст. 26 к слову «гоглы» сделано примечание: «утки».

ПЕРМСКО-ВЯТСКИЙ КРАЙ

№ 50 (1). [ИЛЬЯ МУРОМЕЦ НА СОКОЛЕ-КОРАБЛЕ]

Прикажите, сударь хозяин,
Прикажите, господин,
Винограды спеть,
Коляду сказать.

- ⁵ Еще по морю, морю, по Хвалынскому,
Тут ходил, тут гулял Сокол-корабль.
Он не много, не мало — двенадцать лет,
Ко крутым берегам не приваливал,
Он желтых песочков не хватывал,
¹⁰ На булатном на якоре не стаивал.
Как еще были на Соколе-корабле:
Еще нос да корма по-звериному,
А бока-то взведены по-левиному.
Как еще было на Соколе на корабле:
¹⁵ Еще вместо очей-то были вставлены
Два-то камешка, два яхонта самоцветные;
Еще вместо бровей-то было навешено
Два соболя, два черные;
Еще вместо ушей было вставлено
²⁰ Два-то бобрика, два заморские;
Еще вместо усов было навешено
Две лисицы, две чернобурыя.
Как еще было на Соколе на корабле:
Еще вместо зубов было врезано
²⁵ Два ножика, два булатные, два укладные.
Как еще было на Соколе на корабле:
Были три монастыря, три пречестные.
Что первой-от монастырь был Ивановской,
Что второй-от монастырь Николаевской,
³⁰ Что третьей-от монастырь Михайловской.

- Монастырь от монастыря не видно стоят;
 Колоколенного гласу не слышно бывает.
 Как еще было на Соколе на корабле:
 Были три богатыря, три незнамые,
 35 Промежду собой языку не ведывали.
 Что первой-от богатырь Ефим Торопьевич,
 Что второй-от богатырь Добрыня Никитьевич,
 Что третьей-от богатырь Илья Муромец, сын
 Иванович.
- 40 Вострб́ говорит, как в трубу трубит,
 Илья Муромец, сын Иванович:
 «Натяни-ка ты, Добрыня Никитич, тугой лук,
 Ты накладывай калену стрелу,
 Еще сам ко стреле приговаривай:
 Полети моя стрела, высокím-высокó,
 далеkím-далекó,
- 45 По поднебесью — белой лебедью,
 А чтó по низу — ясным соколом;
 Ты не падай ни на воду, ни на землю,
 Упади, моя стрела, вó турецкий град,
 На Салтанской дом,
- 60 Прошиби ты у него стену каменную,
 Расколи ты у него золóт стол,
 Распори ты у собаки белу грудь,
 Призакрой ты у него очи ясныя, ноздри красныя».
-
- 55 Мы ходили, мы гуляли по Кремлю-городу,
 И искали мы хозяина с хозяйошкой.
 У хозяина дом на семи верстах,
 На семидесяти столбах.
 Вкруг этого дома железный тын:
- 60 Что на каждой тычинке по маковке,
 Что на каждой на маковке по крестику,
 Что на каждом на крестике по свече горит.
 Что хозяин в дому — как светел месяц;
 Малы детоньки — ясны звездочки.
- 65 Как хозяин к нам идет — он три рубля несет,
 Как хозяйка-то идет — полтора рубля несет,
 Малы деточки идут — по полтинничку дарят.
 Прикажи, сударь хозяин,
 Прикажи, господин,
- 70 Винограды спеть, коляду сказать.

Что и наша коляда не велика, не мала,
Полезай-ка, молодлица,
На полицу по пирог,
Еще в печь по кашку,
75 В подполье по пивцо,
Да в кабак по винцо.
Нашему хозяину многия лета!

№ 51 (2). БУЯН-БОГАТЫРЬ

[ССОРА ИЛЫИ МУРОМЦА С КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ]

Што ето за молодець, што ето за удалець?
Буян-богатырь свет Буяновиць.
Он во горничю идет, на плечах шубу несет,
Пбы вслед волокёт,
5 А и полы-те, полы узорцяты,
Соболями оне оторбцёны;
А и шапка у Буянушки до вплоть потолка,
Сапожки у Буянушки сафьянцяты,
Тонкопятцяты —
10 Фсе поскрипывают, фсе поплясывают.
Он во горничю фходил — не здоровалса,
Он и красному углу не кланелса,
Он и добрым-те хозяевам не куцился,
Гостей под бока толкал, робят под столы пинал;
15 За стол Буян садился не молюцись,
А и брал он цяру зёлена вина,
Выпивал иё до самова до дна,
Налевал он во другбреть-жды,
Выпивал не понатужившись;
20 Выпив цяру, он в котомку иё клал,
И вобрат пошел из горничи,
Не простифшись, не помблюцись.
Уш он хлопнул дверями — скобонька долой,
Уш он топнул ногой — лесенки долой,
25 Тоцёные перила распалися,
В окончях стекблки повыбилися.
Уш одва-одва хозяева опомнилися,
Гостям оне словецюшком отмолвился:
«Не шумите вы, не буяньте вы:
30 Буянушко услышит — воротитчя,
Перебьет нас фсех, пережмет нас фсех!»

№ 52 (3). [ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ
И НЕУДАВШАЯСЯ ЖЕНИТЬБА АЛЕШИ ПОПОВИЧА]

- Не сырой дуб трекольчетой шатаетца,
Не белая береза к земле клонитца,
Сын перед матерью кланеетца,
Просит благословленьица великова
5 И коня сивова и синегривова
Ехать в чистое поле — широко роздолье.
Наказывал муж жене:
«Взамуж не ходи за Олешу Поповича,
А иди за батыря богатова».
- 10 Три года проходят — ево дома нет;
Через шесть годов он домой пришел.
Да вышла стритить ево мамонька,
Слезно сплала да говорила своему сынку:
«Што ушла жена твоя во замуж законная,
15 За которова ты не велел во замуж ходить,
За Олешу за Поповича». —
«Возьму я палицу буевую
И розобью тиху-смирную биседушку».
Но мать его уговаривала и говорила:
20 «Што ты возьми звончетые гусли
И звесели у их тиху-смирную биседушку».
Он пришел тут на тиху биседушку,
Тут ему поддернули раскрашонной стул.
Он стал играть на гуселечках выговаривать:
25 «До тово доселе муж жене наказывал:
Не велел ей во замуж итти,
Она ево не послушала — во замуж ушла».

№ 53 (4). [ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ
И НЕУДАВШАЯСЯ ЖЕНИТЬБА АЛЕШИ ПОПОВИЧА]

- Невдале-то было не во далече
Во чистом-то поле во роздольице,
Там не белая березонька шатаетца,
Не сырой дуб к земле клонитца,
5 Кланеетца сын да перед матерью,
Он просит у матушки благословленьицо,
Благословленьицо да великое:

«Благослови-ко, родима матушка Олена
Тимофеевна,

- Своим великим благословлением,
10 Мне доброва коня не иманова,
Не ежженова, не узданова,
Не седланова сивова жеребца.
Благослови-ко, родима матушка,
Во чисто поле ехати во роздолыцо,
15 Со друзьями, со товаришшами повидатися,
Со могучими богатырями побарахтатися».

№ 54 (5). ЧУРИЛО ПЕЛЁНКОВИЧ

- Не во стольном ли городе Киеве,
Не на том ли пиру да на княжецком,
Там не красная девичя красовалася,
Там не белая лебёдушка миловалася:
5 Сидел-то сидел там удалой молодець.
Цюрило свет сын Пелёнковиць.
Он не с кем-то удал не задираетчя,
Он не цем-то умён не похваляетчя.
А и гости-то сидять — фсе на Цюрилу глядят;
10 Князь-то со кнегиней не налюбуютчя:
«А уш што и за хорош парёнъ,
А уш што и за пригош парёнъ!
Не шумливой он, как вёшная вода,
Не крикливой он, как воронушка,
15 Не спесиф он, как попофской сын».
Тут кнегиня молодая розгорелася;
Пушше фсех на молотча загледелася;
И за ето на её мамынька зъелася,
Брызнули слезоньки из глас,
20 Выпала вилоцькя из рук,
На шолкбвую скатёроцькю.
И увидел князь победушку,
И сказал он тут Цюрилушке:
«Был ты у меня спальником,
25 А тепериче станёш клишником:
А ставать тибе ранёхонько,
Умыватися билёхонько,
Коня ворондѡв седлатъ.

По фсем уличям, проулоцькям гонять,
30 Милых гостей зазывать:
Мужьев-то со жонами,
Князьев-то со княгинями,
Бояр со боярынями».
И ставал тут Цюрилушка ранешенько,
35 Умывался водицей билешенько,
Платом рыло утирал,
Гребнем кудерчи цесал,
Коня вороньва седлал
И по уличям гонял, по заулоцькям.

№ 55 (6). ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Из-за тех-ту ли гор высокиих,
Што из тех-ту ли темных лесов,
Не ясной тут сокбличек выпорхивал,
Не молодинькой кречет вылетывал:
5 Выходил, выезжал тут добрый мблodeц,
Свет Дюк-от да сын Степанович
На своем на коне да на сивыем.
А и конь под ним што лютой зверь,
Седло под ним — чисто золото,
10 Кафтан на нем ала бархата,
А и шапочка с призументами;
И сидит он млад, как есен сокол;
Ево лук, колчан за спиной висит,
Булатной меч с бедра бьет.
15 А всево у мблodeца полтораоста стрел —
Все точеные, золоченые;
Только три стрелы деревянные,
По краям пером торочены;
А и тем стрелам цены нету —
20 Уш шибко оне ему дброгои.
Стрельнет он стрелой — свича затеплитца,
А свича не простая — воску ярова;
А перья на стрелах-то заморские:
Не здешних орлов, ясных сбколов,
25 А тех, што в окиян-море летают,
Которые в окиян-море перышки кидают,
А забирают эти перья корабельшики...

[ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ И НОВГОРОДЦЫ;
ПОЕЗДКА В ИЕРУСАЛИМ]

Жил-был Буслав девяносто годов, живучи Буслав переставился.

Остается его любима молода жена Ван(м)ильфа Тимофеевна, остается у нее млад сын Василий Буславич. И стал этот сын Василий Буславич с малыми ребятками поигрывать: у кого руку оторвет, у кого голову рѣсколет. Отдала Ван(м)ильфа Тимофеевна своего сына любимого старику (старишшу) Угру(ю)мищу учить — во листы писать; а выучился Василий Буславич не во листы писать, а выучился соколом летать.

Вот однажды у старика (старишши) Угру(ю)мища сделались пир и беседа; он не позвал на него своего любимца Василья Буславича. Пришел сам Василий Буславич на пир на беседу, из переднего угла гостей повыхватал, со скамеечки повыдергал, проводил на новы сени черным вязом.

Старшя Угру(ю)мища осерчал на него, на своего любимца, и сказал ему: «Ты не секчи, молодой сектун! Тебе не выпить из Оби воды, не выбить из граду(а) людей; выпьешь из Оби воду, выбьешь из граду(а) людей — вот тебе пятьсот рублей».

Пришел наш Василий Буславич домой к своей матери и говорит: «Ах, матушка родимая, я в молодых летах расхвастался, с старшом Угру(ю)мищей рассорился». Мать взяла его — пьяного напоила и в темную темницу заложила.

Вот народ собрался с ним воевать, а он в темнице спит да спит, ничего не знат. Женщина по воду ходила и ему в окошко закричала: «Что, — говорит, — Василий Буславич! Спишь — ничего не знашь; я, — говорит, — по воду ходила, сколько людей коромыслом прибила». Василий Буславич, услышав эти (таки) слова, вышиб каменную стену у темницы и пошел народ-силу бить. Старшя Угру(ю)мища и возмѣлил-ся ему: «Гой ли (еси) ты, Василий Буславич! Уходи, — говорит, — свое сердце ретивѣе, утоли плечя богатырския: я тебе пятьсот сулил, а теперь отдам всю тысячу!»

Вот Василий Буславич смиловался и пошел к своей матери: «Ах, — говорит, — матушка родимая! Я сегодня много крови пролил, много народу побил!» Вот мать на него осерчала, сделала ему корабь (корабль), набрала людей и отправила по морю; сказала ему, чтоб ехал он, куда(ы) хочет, и рукой вслед (ему) махнула.

Василий Буславич приплыл на зеленые луга. Тут лежит Морская Пучина — вокругом глаза. Он вокург нее похаживает, сапожком её попинывает, а она ему и говорит: «Василий Буславич! Не пинай меня, и сам тут будешь».

Вот после этого рабочие его распутились меж собой и стали (давай) скакать через Морскую Пучину. Все перескочили, а он скокнул напоследе и задел её (за неё) только пальцем правой ноги, да тут и помер.

№ 57 (8). АКСЁНКО

Не похотел Аксёнок отца-мать поить-кормить; пошел Аксёнок тёмным лесом, сырым бором, нашол он в темном лесу, во сыром бору на татей воров-разбойников. Делят оне золоту казну несчетную на двенадцать жеребьев. «Вам Божья помочь, татьи вы разбойники, дилить вам золота казна несчетна на двенадцать жеребьев! Дилите вы золоту казну на двенадцать жеребьев, а кладите мне, Аксёнку, и на тринадцатой!» Воспроговорил большой атаман: «Ох ты, детина за-сельщина, деревеньщина! Не пособлял ты нам наживать золоту казну несчётную — теперь стал паю прошать, ко казне приступать! Ох вы, тати, — гооврит, — разбойники! Берите-ко вы бердыши широкие, секите Аксёнку буйну голову со могучих плеч!»

Аксёнок-то не ослышился и скоро скакал на резвы ношки, вырвал сырой дуб из корню из-за одного удару — большова замаху, и бил он татей разбойников до единова. Воспроговорил большой, старой атаман: «Оставь ты, малютонька, хоть единова на симяна!» Убил Аксёнок с первова да и до последнёва и склал он золоту казну в лёжки сумочки да в перемётные, и пошел Аксёнок во славной Румянцов монастырь.

Не заходил Аксёнок в соборну церкву Микольскую и не прикладывал он к ей золотой казны, золотой казны не счетныя; и заходил Аксёнок в бок да в сторону, да на царев кабак и брал Аксёнок чару зелена вина да в полтора ведра — выпивал Аксёнок на единой дух; выходил Аксёнок на красно крыльцо да на перильчато и закрычал Аксёнок шибким голосом: «Доброты царски, голи кабатски! идите пить вина на мою золоту казну, золоту казну несчётную: я буду деньги заносить».

Монастырцы были догадливы, догадалися да к Аксёнку-то и стали привязываться: «Где он взял золоту казну? Гораз-

до (верно) он нашу церкву ограбил, церкву Микольскую». И сковали у Аксёнка ношки резвые, и связали белы ручки во чумбуры во шолковые, повели Аксёнка казнить и висить.

Доходил Аксёнку до виселицы, говорил Аксёнку шибким голосом: «Ой вы, монастырцы мужички догадливые, дайте вы мне при последнем времячке выпить зелена вина, зелена вина да полтора ведра!» Дали выпить Аксёнку; выпил Аксёнку да и воспроговорил после чары зелена вина таково слово: «У ково жо есь отец-мать — не ходил бы тот смотреть смерти Аксёнковой!» Тут у малюточки сердце възъярилося, могучия плечи расходилися; тут малютонька трехнулся, ворохнулся, порвал он железа немецкия и чомбуры шолковыя, да взял мужика за ноги, да ну-ко он им на оберучь¹ косить да бить.

Ушол Аксёнку, стал отца и мать поить и кормить.

№ 58 (9). [КНЯЗЬ РОМАН И МАРЬЯ ЮРЬЕВНА]

Как во славном было городе во греческом,
Туто жил и был да царь Борис Михайлович,
А у него была царица Марья Юрьевна,
У них не было ни сына и ни дочери,

⁵ Не того же чадородья было царского.

Как возгóворит да царь Борис Михайлович:

«Уж ты вой еси, царица Марья Юрьевна!

Я пойду же на вышку на высокую,

Вострублю в трубу да по-латынскому,

¹⁰ Взыграю я во турий рог по-ратному,

Я сберу же де да силы много-множество,

Много-множество да силы сорок тысячей».

Как возгóворит царица Марья Юрьевна:

«Уж ты вой еси, да царь Борис Михайлович!

¹⁵ Не ходи-ко ты на вышку на высокую,

Не труби в трубы да по-латынскому,

Не играй во турий рог по-ратному,

Не сбирай да силы много-множество,

Много-множество да силы сорок тысячей!

²⁰ Уж ты вой еси, да царь Борис Михайлович!

Отпусти меня царицу Марью Юрьевну

На Дунай-реку да покупатися,

В зеленых лугах разгулятися,

А со пеньками меня, со маньками,

- 25 А со царскими меня со девками».
И пошла же де царица Марья Юрьевна
На Дунай-реку да покупатися,
А в зеленых лугах разгулятися.
Не откуль взялись да злы татарева,
- 30 Злы татарева, литва поганая;
Они взяли же царицу Марью Юрьевну.
Как возгворит царица Марья Юрьевна:
«Уж вы вой еси, да злы татарева,
Злы татарева, литва поганая!
- 35 Не берите вы меня да за белы руки,
А за белы руки да за златы перстни,
А вы за тот перстень да обручательный,
Которым перстнем я обручалася,
Под златым венцом да повенчалася».
- 40 Уж и взяли же царицу злы татарева,
Злы татарева, литва поганая,
Увезли ее да в свою сторону,
В свою сторону, в землю нерусскую.
Много времичка да миновалося,
- 45 Как возгворит царица Марья Юрьевна:
«Уж вы вой еси, да злы татарева,
Злы татарева, литва поганая!
Отпустите вы меня царицу Марью Юрьевну,
На Дунай-реку да покупатися,
- 50 А в зеленых лугах да разгулятися,
А со пеньками меня, со маньками,
А со девками да со татарскими».
И пошла же де царица Марья Юрьевна
На Дунай-реку да покупатися,
- 55 В зеленых лугах да разгулятися.
А плывет же де колода кипаристова,
Она колодушке да возмолилася:
«Уж ты вой еси, колода кипаристова!
Унеси меня, колода, в свою сторону,
- 60 В свою сторону да в землю русскую.
Тебя встретят же, колода, попы-дьяконы,
Со крестом же тебя да со иконами,
А расколют же колодушку тонешенько,
И изрубят же колодушку мелькошенько;
- 65 Твои шшепочки сожгут да вместо ладону».

Текст № 1.

М. С. Коляда в Песковском заводе // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1895 год. Вятка, 1894. С. 218—219. — Авт.: М. К. Селивановский.

Записано Михаилом Константиновичем Селивановским: 1888 г., Песковский завод Глазовского уезда Вятской губ., мальчик-славельщик.

Былина «Илья Муромец на Соколе-корабле» в функции рождественской колядки и в контаминации с текстом обрядовой колядной песни. Примечание собирателя к ст. 25: «Укладные — стальные».

Собиратель сообщал следующее: «В Песковском заводе Глазовского уезда заводские мальчики на Рождестве ходят с „колядою“. Каким образом они славят „коляду“ — я не знаю, вернее, знал по рассказам, но забыл». В публикации М. К. Селивановского былина дана в виде прозаического текста; разбивка на стихи сделана нами.

Текст № 2.

Марков А. В. Былины, записанные в Пермской губернии // Этнографическое обозрение. 1899. № 4. С. 90—91.

Записано Евлампием Николаевичем Косвинцевым: лето 1897 г., д. Косвинцева Асовской волости Кунгурского уезда Пермской губ., Никита Косвинцев, 64 лет, крестьянин.

Былина-новообразование с нетрадиционным образом Буяна-богатыря. Сюжет восходит к былине «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром».

Е. Н. Косвинцев сделал следующие примечания диалектного характера: к слову «Буян» в ст. 2 — «Произносят еще „Боян“»; к ст. 13 — «куд(ч)итця — обращаться с просьбой».

Текст № 3.

Серебренников В. Н. Из Оханского фольклора // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1924. Вып. 1. С. 62—63. Републикация: Меткое слово. Песни. Сказки. Дореволюционный фольклор Прикамья / Собрал В. Н. Серебренников. Пермь, 1964. С. 145.

Записано Валентином Николаевичем Серебренниковым: 1920-е гг. (?), с. Ножовка Оханского уезда Пермской губ.

Былина на сюжет «Добрыня Никитич и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича».

Текст, записанный В. Н. Серебренниковым, изобилует прозаизмами, что затрудняет правильное его разделение на стихи. В настоящем издании по сравнению с публикацией В. Н. Серебренникова сделаны некоторые изменения в разбивке текста на стихи (см. ст. 8, 19).

Текст № 4.

Серебренников В. Н. Из Оханского фольклора // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1924. Вып. 1. С. 63. Републикация: Мет-

кое слово. Песни. Сказки. Дореволюционный фольклор Прикамья / Собрал В. Н. Серебренников. Пермь, 1964. С. 146.

Записано Валентином Николаевичем Серебренниковым: 1920-е гг. (?), д. Желнят Бердышевской волости Оханского уезда Пермской губ., Настасья Евсеевна Лошкарева, 45 лет, неграмотная.

Начало былины на сюжет или «Добрыня Никитич и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича», или «Добрыня и Змей».

Текст № 5.

Марков А. В. Былины, записанные в Пермской губернии // Этнографическое обозрение. 1899. № 4. С. 92—93.

Записано учителем М. П. Розановым: около 1897 г., д. Беркутова Филипповской волости Кунгурского уезда Пермской губ., Иван Шубин, 45 лет, крестьянин.

Начало былины о Чуриле Пленковиче.

Текст доставлен для публикации в «Этнографическом обозрении» Е. Н. Косвинцевым. Е. Н. Косвинцев к ст. 25 сделал следующее примечание диалектного характера: «от слова „кликать“».

Текст № 6.

Марков А. В. Былины, записанные в Пермской губернии // Этнографическое обозрение. 1899. № 4. С. 93—94.

Записано Евлампием Николаевичем Косвинцевым: лето 1897 г., г. Кунгур Кунгурского уезда Пермской губ., Анна Андреевна Баранова. Исполнительница указала, что выучила былину от некой старухи, когда жила в детстве в с.Кудымкор Соликамского уезда.

Начало былины о Дюке Степановиче.

Текст № 7.

Народные русские сказки / Издал А. Н. Афанасьев. М., 1855. Вып. 1. С. 51—53. Републикации: Песни, собранные П. В. Киреевским. Изданы Обществом любителей российской словесности. М., 1863. Вып. 5, Приложение. С. I—II; Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3-х т. / Изд. подгот. Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков. М., 1985. Т. 3. № 311.

Записано Тихановым, передано в Русское географическое общество Пермским губернатором И. И. Огаревым: до 1852 г. (?), г. Ирбит Пермской губ. (?).

Прозаический пересказ с рудиментами стихотворного начала былины на сюжеты «Василий Буслаев и новгородцы» и «Поездка Василия Буслаева в Иерусалим».

В первой публикации текст на абзацы не разделен; выделение абзацев сделано нами.

Текст № 8.

Сказки и притчи, записанные в Шадринском уезде / Сообщил А. Н. Зырянов // Пермский сборник. М., 1860. Кн. 2. С. 166—167.

Записано Александром Никифоровичем Зыряновым: до 1860 г., Шадринский уезд Пермской губ.

Прозаический пересказ с рудиментами стихотворного начала поздней традиционной былины на сюжет «Аксёнок и казна монастырская».

¹К слову «оберучь» собиратель сделал следующее примечание диалектного характера: «На обе стороны».

Текст № 9.

Две старинные песни, записанные со слов 60-летней крестьянки Полевского завода Афанасии Ушаковой в 1871 году / Сообщил П. М. Вологодский // Записки Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1874. Т. 1, вып. 2. С. 126—128.

Записано Павлом Михайловичем Вологодским: 1871 г., Полевский завод Пермской губ., Афанасия Ушакова, 60 лет. Исполнительница указала, что слышала былинку в «молодости своей от одной крестьянки, 80-летней старушки, уроженки Полднего села, находящегося в 18 верстах от Полевского завода».

В одном из следующих томов «Записок Уральского общества любителей естествознания» (Екатеринбург, 1876. Т. 3, вып. 2. — Вклейка после оглавления) опубликованы ноты первого стиха былины.

Былина-баллада на сюжет «Князь Роман и Марья Юрьевна».

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЧЕРТЫ СТИЛЯ ЭПИЧЕСКИХ НАПЕВОВ РУССКОГО СЕВЕРА

(образцы северодвинских, вологодских и приуральского напевов
и комментарии к ним)

СЕВЕРНАЯ ДВИНА

В данном разделе будут рассмотрены два различных напева в записи от Бориса Викторовича Шергина. Один из них представляет собой выполненную неизвестным лицом расшифровку старины «Катерина и Чурила» (в рукописи старина озаглавлена: «Про Олешу Поповиц'а»). Предположительно, нотация осуществлялась по фонографической записи, датированной 1915 г.¹ Второй напев расшифрован автором этих строк по магнитофонной записи 1969—1970 гг. — это отрывок из былины «Сорок калик».² С данным напевом исполнялась также старина «Князь Роман и княгиня Марья Юрьевна».

Напев старины «Про Олешу Поповиц'а» требует реконструкции, поскольку рукописная расшифровка имеет условный и черновой характер, выполнена карандашом, с исправлениями. В верхней части листа первоначально произведена нотация первых двух стиховых строк былины, вторая строка не подтекстована. Возможно, что после того, как автору стала ясна одностиховая структура напева, он решил не расшифровывать полностью всю фонограмму, а поступить проще. Ниже он выписал одну строку напева, соответствующую былинному стиху, и под ней разместил 9 строк поэтического текста, разбивая слова на слоги. На обороте листа также имеется одна нотная строка, к которой дано продолжение текста. Расшифровщику было важно показать, каким образом расппеваются ненормативные в слогочислительном отношении строки, поэтому последовательная подтекстовка на 15 строке заканчивается, и далее он приводит лишь выборочные

¹ Запись на фонограф была осуществлена в 1915 г. (местонахождение валиков неизвестно). Рукопись расшифровки хранится в РГАЛИ (ф. 483, оп. 1, № 3344, л. 4—4 об.); по определению сотрудников архива, автором нотации является Б. М. Соколов (об этом подробнее см. с. 82—83 настоящего издания).

² ФА ИРЛИ, 1349, 1350.

строки из последующих разделов текста, причем две поэтические строки помещены автором над нотоносцем (см. транскрипцию рукописи).

Транскрипция рукописи
(расшифровка напева и текста старины «Про Олёшу Поповиц'а»)

1—2 нотные строки (лист 4, верхняя часть) —
первый вариант нотации:

А жил да был Ер мил су - дарь Ва - си-лье-виць'

[Так]

3 нотная строка (лист 4, нижняя часть) — условная
нотация напева с подтекстовкой с 1 по 9 строку:

<1.>	А	жыл	да	был	Ер	мил	су	дарь'	Ва	[си	лие	виць']
<2.>	У	је	во	бы	ла	жо						
					на	Ка	г'снь'	ка	Ми	ку	лии	с'н'а
<3.>	А	по	ід'от	Јэр		мил	да	во	Бо	жју	цэр'і	кву
<4.>	А	по	ід'от	по	у	л'и						
				цы	О	л'о	шын'	ка	По	по	в'ици'	млад
<5.>	На	јэ	во	д'эф	к'и	гл'э	д'аг	да	ку	ла	к'и	[гры зут]
<6.>	На	јэ	го	ба	бы	гл'э	д'аг	да	ко	с'а	к'и	тр'ээ
<7.>	А		јэс'г'	по	смо	тр'аг						
					на	кра	су	на	мо	ло	дец'	ку у
<8.>	У	в'и	да	ла	О	л'о						іу
					шу	Ка	г'эн'	ка	Ми	ку	лии	с'н'а
<9.>	По	сту	ча	ла	О	л'о						
			шу	во	о		ко	л'эн'	к'и	ст'э	кол'	ц'ээ
												ты

4 нотная строка (лист 4, оборот) — условная нотация
напева с подтекстовкой с 10 по 15 строку;
далее приводится текст из последующих разделов:³

<10.>	Го	сти	т'э	ко	к		нам	да	О	л'эк	с'эј	су	у	дарь'
<11.>	Мо	із	во	то	Јэр		м'и	ла	јэ	во	до	ма	а	н'эт
<12.>	А	у	шол	Јэр			мил	да	во	Бо	жју	цэ	р'і	кву
<13.>	У	ми	н'а	на	сто		л'и	да	са	мо	вар	к'и		пит
<14.>	А	во	т'оп	лы	јэ	во	ло	жын	к'и	кро	ваточ	ка	сто	ит И
<15.>	та	кро	ват'	сто	ит	п'э	р'и	ноч	ка	пу	хо	ва	а	іа
<а>	А	сто	ја	ла	псал		тыр'	шо	ст'и	н'э	д'эл'	ну	у	іу
<б>	По	то	му	по	Јэр		м'и	ло	ву	ро	д'и	т'э	э	л'у
<в>	У	слы	ха	ла	О		л'о		шу	По	по	в'и	и	ц'а
<г>	Он		так		шаг		нул	да	на	рун	дук	ско	о	цил
<д>	Как		тут		Ерэ		мил	да	он	из	цэр	квы		вон

Для облегчения восприятия в приведенной транскрипции сняты отдельные авторские пометы, имеющиеся в рукописи, а также внесены некоторые исправления:⁴

1) под скрипичным ключом первой нотной строки в рукописи указано: «как будто легк<ий> форшлаг в первой строке», — но не раскрыто, к какой именно ноте этот мелизм относится;

2) в рукописи содержится несколько авторских помет, касающихся нетемперированного характера звучания: в первой строке — «немного ниже си бемоль», «немного ниже соль»; в конце второй строки написано неразборчиво — «ля ниже тепер. полутон меньше или на разм. <..?>»; все эти пометы в транскрипции заменены обращенной вниз стрелкой, расположенной перед соответствующей нотой. К подобным знакам, на наш взгляд, относится и бекар с двумя точками у ноты «си бемоль» в четвертой строке, который, возможно, указывает на промежуточное положение звука — между «си» и «си бемоль»⁵ (заменено стрелкой, обращенной вверх);

³ Стиховые строки «г» и «д» были помещены в рукописи над нотоносцем.

⁴ Исправления, вносимые в рукопись, взяты в угловые скобки.

⁵ В данном случае автор расшифровки мог опираться на систему обозначений А. Л. Маслова, известную по публикациям напевов былии. Так, А. Л. Маслов дает следующее примечание к нотациям: «Две звездочки перед нотой обо-

3) в третьей и четвертой нотных строках ключевой знак «ми бемоль» взят в скобки; под скрипичным ключом в третьей строке дано указание: «начиная с ми», тем самым подчеркивается подвижная позиция шестой ступени звукоряда, отмеченная автором ранее (см. первую нотную строку);

4) в третьей нотной строке рукописи были допущены ошибки: поставлен басовый ключ, при этом ключевые знаки расположены так же, как при скрипичном ключе; размер выставлен перед ключевыми знаками; все эти детали в транскрипции исправлены, однако, тот факт, что расшифровщик выписал басовый ключ, подтверждает предположение о том, что напев звучал на октаву ниже;

5) под скрипичным ключом четвертой нотной строки выписан штрих: «стаккато»;

6) автором расшифровки в квадратные скобки взяты окончания строк текста, которые были плохо различимы на фонограмме; у пятой поэтической строки справа на полях дано примечание — «не слышно»;⁶

7) в конце 14 стиховой строки указано — «без паузы».

При реконструкции напева старины возможны разночтения, поскольку на нотном стане над основной строкой напева автор расшифровки поместил более мелкие ноты с обращенными вверх штилями, таким образом, на наш взгляд, фиксируя варианты мелодического развития напева. В связи с обобщенной формой нотации, трудно определить, какой именно стиховой строке соответствует тот или иной вариант распева. Кроме того, в подтекстовке обнаруживается, что слоговой состав строки поэтического текста колеблется от 10 до 15 слогов, при этом автор расшифровки пытается сохранить принцип соответствия слогов нотам и записывает текст «лесенкой» (см. строки 2, 4, 7—9), что также вызывает ряд вопросов при реконструкции.

В качестве основы автор нотации выбрал наиболее простой мелодический вариант развития напева (именно этот вариант выписан крупными нотами):

значают маленькое понижение звука (около 1\4 тона) сравнительно со звуком, выражаемым этой нотой в общепринятой системе». См.: Труды музыкально-этнографической комиссии, состоящей при этнографическом отделении Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1906. Т. 1. С. 146.

⁶ Именно эта авторская помета — «не слышно» — позволяет утверждать, что нотация производилась с фонограммы.

У е - во бы - ла же - на Ка - тень - ка Ми - ку - лис - ня

На этом основании, а также с учетом характера подтекстовки можно сделать вывод о принципиальной подвижности музыкально-временных показателей данного одностихового напева и проводить реконструкцию интонационно-ритмического контура строк с сокращенным или расширенным слоговым составом не за счет дробления или стяжения музыкально-ритмических единиц (долей), а за счет дополнения или сокращения их количества. Вместе с тем, необходимо учитывать то соответствие нот слогам, которое выдержано в рукописи. Иногда обозначенный выше принцип не соблюдается (см.: 1, 7 строки — стяжение в зачинах; 14 строка — дробление в кадансе; строки «г», «д» — стяжение в зачинах и в середине строки).

Затруднение возникает при реконструкции первой строки. С учетом имеющихся в рукописи нотаций (см. нотные строки 1 и 3 транскрипции), возможны два варианта распева первой строки:

а)

А жил да был Ер - мил су - дарь Ва - си - лие - виць

б)

А жил да был Ер - мил су - дарь Ва - си - ли - е - виць

В силу того, что именно второй вариант распева оказывается более характерным для дальнейшего повествования, он избирается в качестве основного.

Таким образом, представляемый ниже напев старины «Катерина и Чурила» является одним из ряда возможных примеров реконструкции, так как производится не столько строго логический, сколько творческий отбор вариантов мелодического развития для той или иной стиховой строки.

цью тактовой черты (два основных акцента выделены сплошной тактовой чертой, дополнительный срединный акцент — пунктирной тактовой чертой);

б) когда размеры тактов не играют структурообразующей роли в напевах и оказываются принципиально подвижными, что обусловлено нестабильностью слогового состава стиховой строки, а также естественно возникающими межсловными цезурами, указание размера снимается.

Образец напева № 1 (к тексту № 27 «Катерина и Чурила»)

1. А жил да был Ер - мил су - дарь Ва - си - ли - е - виць,

2. У е - во бы - ла жо - на Ка - тень - ка Ми - ку - ли - сня.

3. А пой - дёт Ер - мил да во Бо - жью цэ р(и) кву,

4. А пойдёт по у - ли - цы О - лё - шинь - ка По - по - виць млад.

5. На е - во дев - ки гле - дят да ку - ла - ки [гры - зут],

6. На е - го ба - бы гле - дят да ко - ся - ки тре - шат,

7. А есть по - смотрят на кра - су на мо - ло - дець - ку - ю.

8. У - ви - да - ла О - лё - шу Ка - тень - ка Ми - ку - лис - ня,

9. По-сту-ча-ла О-лё-шу во о-ко-лен-ки сте-коль-це-ты:

10. "Го-сти-те-ко к нам да, О-лек-сей су-даль,

11. Мо-е-во-то Ер-ми-ла е-во до-ма нет,

12. А у-шёл Ер-мил да во Бо-жьо цэ-р(и)-кву.

13. У ми-ня на сто-ли да са-мо-вар ки-пит,

14. А во тёп-лы-е во ло-жын-ки кро-ва-точ-ка сто-ит,

15. И та кро-вать сто-ит, пе-ри-ноч-ка пу-хо-ва-я".

г) Он так шаг-нул да на рун-дук ско-цил...

д) Как тут Е-р(э)-мил да он из цэр-квы вон! -

По своим характеристикам данный напев относится к образцам «скорого» интонирования былинного текста. Несмотря на то, что в расшифровке не указан темп, косвенным свидетельством активного ускоренного произнесения является замечание автора расшифровки, что напев исполняется «стакато», то есть отрывисто, отчетливо и резко звучит каждый слог, при этом мелодическая линия содержит минимальное количество слогораспевов. Отмеченный автором расшифровки характер звучания полностью соответствует тому образу «весёлой» старины о «Катерине Микулишне», который возникает в приведенном ранее высказывании П. О. Анкудинова: нужно петь «с подбором, с прихватом».⁸ Общие характеристики напева подтверждают предположение о том, что Б. В. Шергин воспринял эту старину от П. О. Анкудинова. Вместе с тем, сходные замечания по поводу исполнения веселых старин «небылей» (петь с «подерьгой», с «подбором», «борзясь») Б. В. Шергин в своем письме к Ю. М. Соколову вкладывает в уста Н. П. Бугаевой (крестьянки из д. Заостровье).⁹

Одним из ведущих признаков «скорох» напевов является ритмика, основанная на равномерном слогопроизнесении и относительно устойчивом чётном музыкальном метре. В представленном образце большинство строк поэтического текста опирается на трехакцентный тонический стих. При том, что количество слогов в строках различно, а музыкально-временные показатели напева подвижны, на самом обобщенном уровне можно отметить, что в основе музыкально-поэтической формы лежит тринадцатисложник со следующей слогоритмической конфигурацией:

Напевы былин с подобной слогоритмической организацией и стабильным четырехдольным размером имеют широкое распространение и, возможно, связаны с определенным кругом былинных сюжетов.¹⁰ Сопоставим напев Б. В. Шергина с

⁸ См.: гл. «Северодвинская былинная традиция» с. 93 наст. изд.

⁹ См. с. 85 наст. изд.

¹⁰ Так, например, Т. С. Шенталинская определяет этот тип ритмики как «акцентный восьмидольник» и указывает на доминирующий характер этой ритмической структуры в сборнике Кирши Данилова и в анадырских записях эпо-

образцами, зафиксированными на близлежащих к Архангельску территориях:¹¹

Напев А. М. Крюковой
(с. Нижняя Золотица, Зимний Берег Белого моря):¹²

$\text{♩} = 86$

1. Ай бы - ло во го - ро - де во Ки - е - ве

2. Ай у лас - ко - ва кня - зя у Вла - ди - ми - ра

3. Мо - ло - дой бо - я - рин Дюк Сте - па - но - виць

4. А и час - то по - се - шал, про - ез - жал же к е - му.

варианты:

а) [30. Шчо во том у мяво слав - ном го - ро - ди во Ки - е - ви]

б) [6. Жил на дво - ри рав - но пол - го - да]

са. Одним из широко распространенных сюжетов, устойчиво связанных с подобным типом напева, по мнению Т. С. Шенталинской, является «Добрыня и Маринка» (*Шенталинская Т. С. Не прошло и ста лет... // Живая старина. М., 1999. № 2. С. 34*).

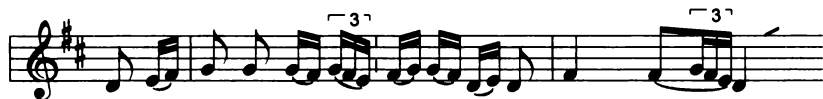
¹¹ Для удобства сравнения напевы приведены к одному звуковысотному уровню, в напеве Ф. Т. Пономарева длительности сокращены вдвое.

¹² Труды музыкально-этнографической комиссии... М., 1906. Т. 1. С. 149. № 7: «Женитьба Дюка Степановича» (в слуховой записи А. Л. Маслова). Реконструкция напева приведена в сб.: *Былины: Русский музыкальный эпос / Сост. Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов. М., 1981. С. 189. № 32*. В настоящей публикации несколько уточнена тактировка напева и дополнительно реконструированы варианты строк «а» (соотносятся с максимальными по про-

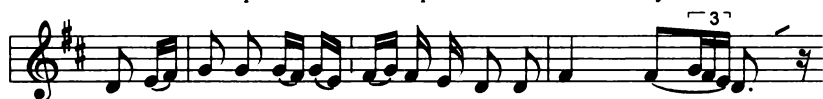
Напев Ф. Т. Пономарева
(с. Верхняя Золотица, Зимний Берег Белого моря):¹³

1. А как хва-лит-це Сот-ко, да по-хва-ля-ит-це Сот-ко

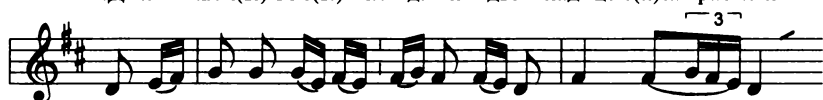
2. Во и - ни гра-ди то - ва-ры все по - вы - ку - пить

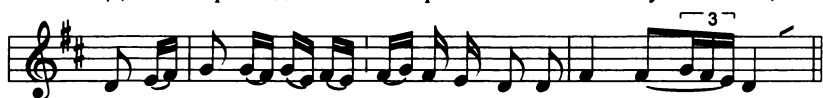
3. Да на чер-ля-ны на ка-раб(и)-ли по-вы - ста - вить.

4. Да по - шёл(ы) Со-т(ы) - ко да на две - над-це-т(и)ка-раб-лей.

5. Да по перьвойдень то - ва-ры все по - вы - ку - пил,

6. Да на чер-ля-ны на ка-раб(и)-ли по-вы - ста - вил.

По сравнению с приведенными беломорскими примерами, напев Б. В. Шергина отличается упрощенностью мелодического контура, сведенного к одному элементарному интонационно-ритмическому зерну — попевке. В то же время, этот напев развивается в широком диапазоне (квинтовая основа

тяженности строками поэтического текста — см., например, 30, 100 и др. строки) и «б» (соотносится с кратчайшими строками).

¹³Труды музыкально-этнографической комиссии... М., 1906. Т. 1. С. 156. № 40: «Садко» (нотация выполнена А. Л. Масловым по фонографической записи). Реконструкция напева приведена в сб.: Былины: Русский музыкальный эпос... С. 187. № 31. Составители антологии установили, что напев принадлежит Ф. Т. Пономареву (см. с. 538, коммент. к № 31). В настоящей публикации несколько уточнена тактировка напева и сокращены длительности вдвое — так же, как это было выполнено в последнем издании. Напев транспонирован на 0,5 тона вверх.

лада при более развернутом общем амбитусе напева, достигающем септимы) и имеет нетемперированный строй. Все перечисленные особенности определяют своеобразие данного напева и позволяют рассматривать его в качестве самостоятельного варианта, возможно, представляющего именно архангелогородскую традицию.

Вместе с тем, напев Б. В. Шергина обладает рядом общих черт с приведенными образцами. Так, например, внешне значительно более сложный, с обилием слогораспевов напев Ф. Т. Пономарева, по словам самого сказителя, является «весёлым», «удалым», напоминает плясовой напев «Ах вы, сени!».¹⁴ Действительно, если проанализировать ритм слогпроизнесения в 1 и 4 музыкально-поэтических строках, то можно обнаружить характерное изменение в кадансовом разделе — возникает дробление длительностей, и в целом напев приближается по своей слогоритмической структуре к плясовому восьмидольнику, основанному на сочленении четырех равных метроритмических звеньев (при этом интонационный контур напева не изменяется):

Такие свойства «скорого» напева былины в исполнении Ф. Т. Пономарева согласуются с особенностями звучания напева Б. В. Шергина и с цитированными замечаниями П. О. Анкудинова и Н. П. Бугаевой о специфических приемах исполнения «весёлой» старины.

В примечаниях к напеву А. М. Крюковой содержится комментарий, что напев исполняемой ею былины является терским (т. е. она его запомнила в девичестве, когда жила в родной деревне Чаваньге на Терском Берегу Белого моря). Однако, напев А. М. Крюковой не является типичным для традиции Терского Берега в целом. Анализ образцов, зафиксированных на этой территории, позволяет сделать вывод о преобладании в терской традиции иных принципов композиционно-ритмической организации музыкально-поэтической

¹⁴ Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901. С. 491, сноска.

формы: большинство эпических напевов основано на сложном нерегулярно пульсирующем ритме слогапроизнесения, сочетающем парные и троичные метро-ритмические группы. Напев духовного стиха из с. Кузомень в исполнении О. С. Вопящиной — один из немногих, который может быть сопоставлен с напевами Б. В. Шергина и А. М. Крюковой.

*Напев О. С. Вопящиной
(с. Кузомень, Терский Берег Белого моря):¹⁵*

$\text{♩} = 63$

1. Ког-да ту-ры да о - ле-ни по го - рам по - шли,

2. Ког-да бе - лы за - юш - ки по за - се - кам,

3. Ког-да ры-ба то сту - пи - ла во морь-ску глу - би - ну,

4. Ког-да на не-бе взо - шёл да млад све - тёл ме - сець.

В терском напеве О. С. Вопящиной и в образце, записанном от А. М. Крюковой, обнаруживаются те же композиционно-ритмические закономерности, что и в напеве Б. В. Шергина: мобильность слогочислительного показателя приводит к сокращению или расширению музыкально-временных параметров напева. Необходимо отметить, что такой же подвижностью временной протяженности музыкальных фраз обладают, например, напевы Заонежья, среди которых встречаются образцы, близкие в композиционно-ритмическом отношении напевам А. М. Крюковой и Б. В. Шергина:

¹⁵ Труды музыкально-этнографической комиссии... М., 1911. Т. 2. С. 117. № 6: «Егорий Храбрый» (в слуховой записи А. Л. Маслова). Напев транспонирован на 0,5 тона вниз, тактировка уточнена.

♩ = 208

1. <Что не> вет-ры то по по-лю раз-ве - ва - ли - ся,

2. Что не мел-ки - е пес - ки да рас-сы - па - ли - ся,

3. Что не об-ла-ки по не-бу да раз-бе - га - ли - ся,

4. То ез-дил О - лё-шень-ка По - по - вич сын,

5. Он 'скал се - бе по - е - дин - щи - ка,

6. С кем бы си-лой бо-га - тырско-ю по - ме - рить - ся.

7. Долго, дол-го ли ез-дил, нам не ве - до - мо.

8. Ну у - ви - дел О - лё-ша По - по - вич сын,

¹⁶ Былины: Русский музыкальный эпос... С. 45. № 1: «Алёша Попович и Тугарин (Сокольник)» (нотация Б. М. Добровольского по фонографической записи). Тактировка несколько уточнена.

9. У - ви - дал ша - тёр он бе - лы - и,

10. А и бел ша - тёр се - ре - ди по - ля,

11. По-д(ы) - ли шат-ра ло-ша-д(и) бо-га - тыр - ску - ю.

Таким образом, выявленные общие композиционно-ритмические закономерности, показательные для напева Б. В. Шергина и проявляющиеся в других образцах, относятся одновременно и к диалектным (Заонежье, Белое море), и к жанрово-стилевым признакам традиции эпического сказительства.

Напев старины «Про Олешу Поповиц'а» по отношению к исполненному Б. В. Шергиным через много лет напеву «Сорок калик» образует оппозицию: «скорый» напев «весёлой» былины контрастен «протяжному» напеву старины, обладающей иным, углублённо философским поэтическим содержанием. По характеру звучания старина «Сорок калик» в исполнении Б. В. Шергина скорее приближается к звуковому образу, присущему духовным стихам: по наблюдениям Н. П. Бугаевой, стихи поют непременно в «ростягу», «вытягивают», «водят голосом».¹⁷ Благодаря имеющейся фонограмме, мы можем услышать густой низкий голос Б. В. Шергина, который в старине «Сорок калик» звучит насыщенно и протяжно. Каждое слово он произносит весомо, полностью погружаясь в звуковой мир эпического повествования.

Образец напева № 2 (к тексту № 28 «Сорок калик»)

 $\text{♩} = \text{♩}$ (постепенно ускоряет)

1. А и со - рок ка - лик да и дѣб - рых мѡ - лод - цѣв,

¹⁷ См. с. 85 наст. изд.

2. А и - дут же ка - лі́ - ки по цис - ту́ по - лю

3. А во - сре́-ту-та Вла-ді́ - мер кнезь с дру - жи - но - ю:

4. «А уж вы здра́стуй-те, до - ро́ - дни - и до́б - ры мо́ - лод - ци,

5. А ку - да жа вы, ка - лі́ - ки путь у - пра́ - ви - ли?»

6. «Ауж ты здра́-сту-ѣшь, Вла-ді́ - ме - р(ы) кне-з(и), с дру-жи-но - ю,

7. А и - дѣм-та мы ко гра́ - ду к Е - ру - са́ - ли - му,

8. Мы к Гос - под - нѣ-му-та к гро - бу при - ло-жі - ти - се,

9. Во Ер - да́ - ни - та ре - кі да ис - ку - па́ - ти - се,

10. А во пла-кун-та во тра-вы да по - ка - та́ - ти - се».

11. «А вам у - пра́-ви Бог до-ро́ - гу, до́б - ры мо́ - лод - ци.

12. И - шé спóй-те мне, ка - лі - ки, го - лу-бін-ной стих,

13. Я на - слы́-шан ведь о том сти - хи пре-чуд - но - ём».

14. Ста-но - ві-ли-се ка - лі - ки во е-ді-но-й(и) круг,

15. А клю́-ки, по́-со-хи по - ты́ - ка-ли в_сы-ру зем - лю́.

16. О - ни на клю́-ки-ти по - ве́ - сят сво - й шля́-поч - ки.

17. Да тут не ма́ - туш-ка гро - за́ да роз - гу - ля - ла - се,

18. Ай, не со́-рок - та гро - мов да при - у - да - ри - ли,

19. Ай, за - пе́-ли вить ка - лі - ки го - лу-бін-но-й(и)стих.

20. Што от зы́ - ку, што от рё - ву, о-т(ы) пре-стра́ш-но - го,

21. От то - го́ же вить от во́п - лю пре - у - жа́с - но - го

22. Тём-ны лё - суш-ки к зем-ли́ да пре-кло-ня-ли - се.

23. По до-ро́-гам пыль до́б - лак по-ды-ма́-ла - се.

24. Как Вла-ди́-мер - от от стра - ху при - о - чу́-ха-л(ы)-ся.

25. Го-во - рит же князь Вла-ди́ - мер та - ко-вы́ сло - ва́:

26. «Ну, я на-слу́-шал-ся сти-ха́ - та го-лу-бин-но-во,

27. Как ду - ша́ - та с те - лом не рос - ста́ - ла - се!»

В исполнении Б. В. Шергина нет ни одного внешнего, рассчитанного на слушателя сугубо артистического эффекта. Вместе с тем, обращают на себя внимание некоторые исполнительские приемы, на наш взгляд, воспринятые Б. В. Шергиным от своих учителей — народных сказителей. Во-первых, он начинает старину чрезвычайно размеренно, в замедленном темпе, как бы «издалека»; постепенно ритм слогопроизнесения ускоряется, и слово «оживает», наполняется силой; к 4-й строке темп достигает уровня, естественного для распевного повествования, и далее стабилизируется. Второй, более существенный момент связан с характером произнесения 17—23 строк поэтического текста, в которых описывается могучее, обладающее нечеловеческой силой звучание голубинного стиха. Не изменяя общего темпа, Б. В. Шергин подчеркнуто активно произносит каждый слог, кроме того в начале отдельных стиховых строк преакцентные и акцентный слоги

утяжелены за счет двукратного и четырехкратного увеличения длительностей (см. 17, 20, 22 строки). В зоне акцента появляется слогораспев, имеющий характер разворачивающейся интонационной «пружины» — активный, основанный на синкопе, восходящий ход к квартовой вершине напева, за которым следует сброс к основному тону. Все перечисленные привнесения преобразуют напев, придают ему грозный характер, но несколько не искажают его основы. В этом проявляется исполнительское мастерство Б. В. Шергина. В завершении былины сказитель вводит декламацию, подражая голосу персонажа (фраза князя Владимира, пораженного пением калик), тем самым общее впечатление от описанной в старине сцены значительно усиливается.

Отметим, что в других эпических напевах, содержащихся на магнитофонной пленке, Б. В. Шергин ни разу более не использовал перечисленных исполнительских средств (замедленный зачин, увеличение или уменьшение отдельных длительностей, вставка слогораспева). Лишь один прием — введение декламации — будет встречаться в других старинах, но не в виде единичной реплики, а в качестве общего принципа. Так, например, при исполнении «Кострюка» и «Авдотьи-Рязаночки» возникает органичное сочетание прозаического пересказа, декламации и пения. Встречаются другие интересные приемы: ускорение и замедление общего темпа повествования («Авдотья-Рязаночка», «Василий и Снафида»); смена напева на контрастный, с последующим возвращением к основному («Авдотья-Рязаночка»); видоизменение напева в двух строках, где появляются молитвенные обращения «Рабы, хвалите Господа», «Аллилуйа» — подражание церковному распеву («Василий и Снафида»). Очевидно, что при выборе исполнительских средств Б. В. Шергин ориентировался на определенную сказительскую традицию или на конкретного мастера-исполнителя, от которого он перенимал напев.

Встает вопрос — для какой именно сказительской традиции и насколько эти исполнительские приемы типичны? Приходится с сожалением констатировать, что музыкальная фольклористика сегодня располагает лишь единичными звукозаписями былин, пропетых от начала до конца, которые могли бы послужить материалом для исследования этой проблемы. Большинство фонографических записей фрагментарны, основная часть публикаций ограничивается несколькими начальными строками былины. Только в последнее время

эта проблема осознана в полной мере, хотя уже во второй половине XIX в. первые собиратели эпоса обращали внимание на специфические особенности исполнения былин.

Так, П. Н. Рыбников оставил несколько точных и глубоких замечаний о звучании олонецких старин: «Напевы былин довольно однообразны: напр<имер>, у Рябинина их, собственно, два; но перехваты и колена голоса дают каждой былине особый характер. Один и тот же быстрый голос очень весел в „Ставре“, в „Потыке“ как-то заунывнее, а в „Вольге и Микулушке“ выходит торжественным. Протяжный напев звучит мужественно в „Двух королевичах из Крякова“ и „Илье Муромце“ и делается грозным в „Илье и паленице“». ¹⁸ Важно то, что П. Н. Рыбников подчеркивает особое значение индивидуального исполнительского мастерства сказителя: «...напев для былин почти один и тот же в настоящее время; чем искуснее певец, тем больше умеет он его разнообразить; усвоить же голос какой-нибудь старины со всеми оттенками очень трудно, потому что пение ее составляет постоянную *импровизацию* на один лад». ¹⁹ В ряду конкретных приемов, позволяющих разнообразить напевы былин, П. Н. Рыбниковым, к примеру, отмечены: ²⁰

- изменение темпа повествования («живой, причудливый и веселый, порой он [напев] становился быстрее, порой обрывался»; «ни с того ни с сего старик вдруг ускорит пение и точно расколется»);
- замедленный зачин и последующая резкая смена характера звучания («начало заводится протяжно <...>. Еще чувствуешь, бывало, в ухе отголосок последнего длинного „о“, как Романов перехватит напев и как-то жалобно-скоро станет петь с дрожащими переливами») ²¹;
- обрывы и вставки реплик от первого лица («пел свою песню, прерывая ее иногда усмешкою»); ²²

¹⁸ Рыбников П. Н. Заметка собирателя // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Петрозаводск, 1989. Т. 1. С. 71.

¹⁹ Там же. С. 71—72.

²⁰ Там же. С. 53, 71.

²¹ Замедленное воспроизведение первых строк с последующим постепенным ускорением характерны для исполнения былин М. С. Крюковой, о чем свидетельствуют звукозаписи 1937—1938 гг. (Былины М. С. Крюковой. М., 1939. Т. 1. С. 725, 727 — см. изменение темпа в каждой строке).

²² Включение реплик в процесс исполнения былины было отмечено также В. Харузиной при описании пения Никифора Прохорова: «Иногда он прерывал самого себя, вставляя от себя замечания». См.: Харузина В. На Севере: (Путевые воспоминания). М., 1980.

— «вибрации голоса».

Таким образом, замедление Б. В. Шергиным темпа при исполнении старины «Сорок калик» и соответствующая перемена характера напева со спокойного, сосредоточенного на грозно-могущественный входит в ряд типичных для сказывания былин выразительных средств, отмеченных П. Н. Рыбниковым.

Что касается вставки реплики князя Владимира в окончании старины «Сорок калик», то подобные выразительные приемы также встречаются у других сказителей. Так, например, пинежские сказительницы Е. Т. Олькина и М. Д. Кривополенова могли изменять тембр голоса и темп, воспроизводя речь того или иного персонажа;²³ пудожский сказитель Ф. А. Конашков, по описанию А. М. Астаховой, при исполнении былины «Илья Муромец и князь Владимир» воспроизводил сожаления князя Владимира буквально «навзрыд», используя при этом тончайшие оттенки своего низкого голоса.²⁴ Наиболее близок исполнительскому приему Б. В. Шергина оказался способ завершения былины лешуконским сказителем М. Г. Антоновым: «Последние слова Ильи Муромца и следующий за ними финал («присказка» — по определению сказителя) были произнесены без пения, простой речью, что подчеркивает особую завершенность всей композиции».²⁵

Такой прием, как сочетание пения с декламацией или прозой, используемый Б. В. Шергиным, многие исследователи рассматривают как негативное явление: «Бывало, что северные сказители могли сбиваться с пения на рассказ, либо нередко вовсе отказывались от пения, превращая былину в бывальщину, но все эти случаи можно рассматривать как проявления отступления от классической манеры и даже разрушения вековой эпической традиции».²⁶ Однако в культурах других народов считаются нормативными разнообразными смешанные формы эпического сказительства, сочетающие прозу, декламацию и пение, и это заставляет задуматься, не является ли ошибочным представление об обязательном пропевании всего текста, не связан ли этот принцип с задачей,

²³ Кривополенова М. Д. Былины, скоморошины, сказки. [Архангельск], 1950. С. 112.

²⁴ Сказитель Ф. А. Конашков. Петрозаводск, 1948.

²⁵ Былины: Русский музыкальный эпос... С. 540. Коммент. к № 36.

²⁶ Путилов В. Н. Эпическое сказительство. М., 1997. С. 95.

которую ставили перед сказителем собиратели (показательное и «полноценное» исполнение для звукозаписи). Как воспроизводились весьма протяженные тексты былин в естественных условиях? Известно, например, что для Марфы Крюковой именно смешанная форма произнесения эпических текстов была основной: «Во время исполнения она часто переходит с пения на декламацию и обратно; между прочим, эту ее манеру — переход с пения „на разговор“ — односельчане считают признаком особой виртуозности».²⁷ При этом сказительница не ограничивается воспроизведением текста: «Нередко она дает пояснения к различным событиям былины, или свою оценку их, — то в самом тексте, то в виде многочисленных реплик, которыми она прерывает исполнение былины, то в прозаических преданиях и комментариях, которыми она, как атмосферой, окружает былину».²⁸ Остается предположить, что оба способа (полное пропевание и смешанная форма воспроизведения текста) существовали параллельно, в равной мере способствовали сохранению и развитию традиции эпического сказительства и использовались певцом в зависимости от ситуации и обстоятельств исполнения.

Неразрешенным остается вопрос о возможности изменения напева во время исполнения былины или о вставке другого контрастного напева. Нам удалось обнаружить только три свидетельства, которые можно поставить рядом с исполнительским приемом Б. В. Шергина. Это, во-первых, приведенная ранее в ряду высказываний П. Н. Рыбникова характеристика особенностей исполнения К. И. Романовым эпического напева (протяжный зачин сопоставляется со скорым жалобным продолжением). Второй пример — слуховая запись напева былины «Добрыня и Маринка» от И. А. Лапшина (г. Москва, 1893 г.): «Первая часть поется протяжно, а начиная со стиха 16-го напев изменяется и темп учащается».²⁹ Наконец, судя по примечаниям А. Л. Маслова, во время исполнения былин Аграфена Матвеевна и Марфа Семеновна Крюковы свободно могли переходить с «терского» или «мезенского» напевов на «золотицкий», более распетый с замедленным слогопроизнесением.³⁰ На основании приведенных свидетельств, можно

²⁷ Липец Р. Введение // Былины М. С. Крюковой. М., 1939. Т. 1. С. 36.

²⁸ Там же. С. 25.

²⁹ См.: Былины: Русский музыкальный эпос... С. 354. № 74. С. 555. Комментар. к № 74.

³⁰ Труды музыкально-этнографической комиссии... М., 1906. Т. 1. С. 44 (примеч. к тексту № 7); с. 149 (примеч. к напеву № 7); с. 56 (примеч. к тексту № 9).

предположить, что данный прием был известен в различных традициях, но использовался сказителями редко. Также в качестве гипотезы выскажем мнение о том, что, как правило, такое изменение напева обусловлено содержанием поэтического текста — именно этот принцип наблюдается у К. И. Романова, И. А. Лапшина и Б. В. Шергина.

Зафиксированные на магнитофонной ленте различные эпические произведения в исполнении Б. В. Шергина относятся не только к архангелогородской, но и к пинежской фольклорным традициям. В двух случаях на ту или иную принадлежность исполняемых им образцов указывает сам Б. В. Шергин. Перед исполнением баллады «Василий и Снафида» он делает объявление: «Архангельская старинка-баллада» (напомним, что в письме к Ю. М. Соколову содержится свидетельство, что «старины вроде „Снафиды“» пела Н. П. Бугаева, когда «тоснуло на сердце»³¹). Второе замечание Б. В. Шергин делает непосредственно во время исполнения старины о Кострюке: «Эта сюжет-та на Пинеге сохранился». Действительно, напев оказывается идентичным тому варианту, который был записан от Марии Дмитриевны Кривополеновой в 1901 г. А. Д. Григорьевым,³² но текст значительно отличается от текста Шергина. Это свидетельствует о том, что пинежские тексты Б. В. Шергин перенимал не только от знаменитой сказительницы, с которой неоднократно встречался. Вместе с тем, еще несколько напевов, содержащихся на фонограмме, оказались сходными с напевами М. Д. Кривополеновой. В связи с этим к пинежской традиции могут быть отнесены исполняемые Б. В. Шергиным эпический стих с историческим сюжетом «Авдотья-Рязаночка»³³ и сказка с пе-

³¹ См. наст. изд., с. 85.

³² Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. М., 1904. Т. 1. С. 682. № 48.

³³ Б. В. Шергин запомнил и в деталях воспроизвел один из сложных строгических напевов, с которым М. Д. Кривополенова исполняла былины и другие эпические произведения: «Илья Муромец и Чудище», «Молодость Добрыни и бой его с Ильей Муромцем», «Иван Грозный и его сын» (Там же. С. 679—681. № 44, 45, 47). Как отмечают составители антологии музыкального эпоса, «выразительная вопросо-ответная конструкция этого напева уникальна на Пинеге» (Былины: Русский музыкальный эпос... С. 535. Комментарий к № 25). Начальный фрагмент текста «Авдотья Рязаночка» Б. В. Шергин процитировал в очерке, посвященном М. Д. Кривополеновой (См.: Шергин Б. В. Марья Дмитриевна Кривополенова // Б. Шергин. Избранное. М., 1977. С. 65).

сенными вставками «Романушко» (в ней воспроизводится напев скоморошины «Вавило и скоморохи»³⁴).

Принадлежность старины «Сорок калик» архангелогородской традиции стала абсолютно очевидной, когда обнаружилось, что идентичный напев был опубликован Б. В. Шергиным в 1924 г. в его первом сборнике «У Архангельского города, у корабельного пристанища».³⁵ Как отмечено в предисловии, «старины настоящего сборника восприняты автором с детства от старших поколений в живой непосредственности настроений».³⁶ Открывается сборник написанной белым стихом поэмой, в которой Б. В. Шергин воспекает архангелогородских певцов и сказителей: Пафнутья Осиповича Анкудинова, Наталью Петровну Бугаеву, а также мать (Анну Ивановну в девичестве Старовскую, уроженку Соломбалы — пригорода Архангельска), отца (Виктора Васильевича Шергина, родом из с. Серегово Яренского уезда Вологодской губ.). На этом основании можно сделать заключение, что в сборник вошли эпические произведения, которые Б. В. Шергин слышал от своих родителей и земляков-сказителей. Среди них — 5 баллад и былина «Князь Роман и княгиня Марья Юрьевна», которой и предпослан напев, полностью совпадающий с напевом старины «Сорок калик».

Образец напева № 3

(к тексту № 29 «Князь Роман и княгиня Марья Юрьевна»)

♩ = 60

Сна-ря-жал-ся князьРо-ман да за си - не мо-ре.

Detailed description: This block contains the original musical notation for the melody. It is written on a single staff in G minor (one flat) and 4/4 time. The tempo is marked as ♩ = 60. The melody begins with a quarter rest, followed by a quarter note G4, a quarter note A4, a quarter note B4, a quarter note C5, a quarter note B4, a quarter note A4, a quarter note G4, a quarter note F4, a quarter note E4, a quarter note D4, a quarter note C4, a quarter note B3, a quarter note A3, a quarter note G3, and ends with a quarter note F3. There are several slurs over the notes.

♩ = 60 (в отредактированном виде)

Сна - ря - жал - ся князьРо - ман да за си - не мо - ре.

Detailed description: This block contains the edited version of the musical notation. It is written on a single staff in G minor (one flat) and 4/4 time. The tempo is marked as ♩ = 60 (в отредактированном виде). The melody begins with a quarter note G4, a quarter note A4, a quarter note B4, a quarter note C5, a quarter note B4, a quarter note A4, a quarter note G4, a quarter note F4, a quarter note E4, a quarter note D4, a quarter note C4, a quarter note B3, a quarter note A3, a quarter note G3, and ends with a quarter note F3. There are several slurs over the notes.

³⁴ Архангельские былины... М., 1904. Т. 1. С. 686. № 53.

³⁵ [Шергин Б. В.]. У Архангельского города, у корабельного пристанища: Сборник старин / Текст и рисунки Б. Шергина. Предисловие А. Покровской. Музыкальные записи С. В. Протопопова. [М., 1924].

³⁶ Там же. С. 6.

Наконец, в дневнике писателя содержится свидетельство того, что этот напев и текст были восприняты Б. В. Шергиным именно от матери: «Годов сорок пять назад точно так же жались мы, и я и две сестренки, к матери:

— Матушка, запой про кнегиню Юрьевну.

Тоненьким голоском мать поет старину:

Сине море на волнах стоит,
По седой волне корабль бежит —
Юрий-князь в Орду плывет,
Давь-калым кораблем везет...»³⁷

При сопоставлении напевов в исполнении Б. В. Шергина в 1969—1970 гг. с нотациями, выполненными за 70 лет до этого момента (от М. Д. Кривополеновой) и за 45 лет (от матери) обнаруживается не только потрясающая музыкальная память, но и то бережное отношение к подлинным эпическим образцам, которое сохранял Б. В. Шергин на протяжении всей своей жизни. В напевы не внесено ни одного лишнего звука. Особенно поражает точное совпадение темпов при воспроизведении напевов Б. В. Шергиным с теми, которые были обозначены в ранних публикациях.³⁸ Мастерство Б. В. Шергина-сказителя позволяет утвердительно ответить на вопрос, поставленный в предисловии к сборнику: «Если смолкают колыбельные песни, старухи позабыли сказки, а старики — старины, не можем ли мы перенять их исчезающее уменьье?».

Для определения значения в архангелогородской традиции данного напева (с которым исполняются старины «Сорок калик» и «Князь Роман и княгиня Марья Юрьевна») важным является его родство с представленными в публикации 1906 г. напевами из с. Зимней Золотицы (Зимний Берег Белого моря). Так, Аграфена Крюкова исполняла на напев, сходный в мелодическом отношении с напевом Б. В. Шергина, несколько поэтических текстов, в том числе и текст «Сорок калик».

³⁷ Шергин Б. В. Из дневников // Шергин Б. В. Повести и рассказы. Л., 1984. С. 441—442.

³⁸ Например, установившийся с 5-й строки основной темп в старине «Сорок калик» составляет 120 ударов в минуту (хронос протос — восьмая), тот же темп обозначен в публикации напева баллады «Князь Роман и княгиня Марья Юрьевна» (60 ударов в минуту, при том что за единицу пульсации принята четверть). Точно совпадает темп напева «Авдотья-Рязаночки» в исполнении Б. В. Шергина с темпами, указанными И. С. Тезавровским к напевам М. Д. Кривополеновой.

♩ = 84

№ 21. "Сорок калик"

1. Бы-ло со - ро-к(ы) ка - лик бы-ло со ка - ли - ко - ю.

2. Со-би - ра-ли-се ка - ли - ки да во е - ди - ной круг.

3. Во е - ди-ной круг ка - ли - ки да на зе - лё - ной луг.

♩ = 84

№ 27. "Смерть царицы"

1. При-у - тих-ло, при - у - ны-ло то мо - рё си - нё - ё,

2. При-у - тих-ли, при - у - ны-ли ре - ки бы - с(ы)-тры - я.

Кроме мелодического сходства, напевы Б. В. Шергина и А. М. Крюковой обладают общими структурно-типологическими характеристиками. Оба напева имеют одностиховую композицию, стабильные музыкально-временные параметры и опираются на тринадцатисложный слогоритмический период. Однако конфигурации слогоритмического периода различаются (напев А. М. Крюковой характеризуется большей протяженностью в музыкально-временном отношении; различаются срединный и кадансовый ритмические обороты).

³⁹ Труды музыкально-этнографической комиссии... М., 1906. Т. 1. С. 151. № 21: «Сорок калик со каликою». С. 152. № 27: «Смерть царицы». Оба напева нотированы А. Л. Масловым по фонографической записи. См. также напев № 316: «Шведская война», с. 153.

а) слогоритмическая модель напева Б. В. Шергина:

Ста- но- ви- ли- се ка- ли- ки во е- ди- ной круг

б) слогоритмическая модель напева А. М. Крюковой:

Со- би- ра- ли- се ка- ли- ки во е- ди- ной круг

Вариант напева Марфы Крюковой в слуховой нотации А. Л. Маслова 1906 г. почти полностью совпадает с напевом Б. В. Шергина и имеет ту же слогоритмическую основу (см. нотные строки 2—4). Однако, судя по нотации А. Л. Маслова, можно сделать вывод, что напев М. С. Крюковой имеет подвижную структуру (его протяженность увеличивается или сокращается в соответствии с количеством слогов в стихе — см. нотные строки 1, 5, 6). В примечании указано, что «певица пела старину на мезенский голос», а последние строки «сказительница, уставши петь, запела на обычный золотницкий напев».⁴⁰ В 1937 г. Марфа Крюкова уже исполняла напев иначе (композиция напева приобрела устойчивую форму, изменилась слогоритмическая основа). Собиратели указывают на то, что в 1937 г. это был один из трех основных напевов, на которые сказительница распевала более 60 эпических текстов, в том числе и былинку с сюжетом «Сорок калик».

Напев М. С. Крюковой (в записи 1901 г.):⁴¹

$\text{♩} = 120$

1. Во слав - ном во го - ро - де во Ев - ро - пий - ском

⁴⁰ Труды музыкально-этнографической комиссии... М., 1906. Т. 1. С. 56, 149 (примеч. к тексту и напеву № 9).

⁴¹ Труды музыкально-этнографической комиссии... М., 1906. Т. 1. С. 149. № 9: «Рында».

2. Жил то князь тог - да А - руб о - чень бо - га - ты - е.

варианты (приведены А. Л. Масловым дополнительно):

[4. При - еж - жа - ли о - то - всюлькне - му бо - ха - ты - ри]

[5. У не - во же дочь бы - ла мла - да кне - жев - на та]

[56. По - ут - ру же мы сто - бой по - во - ю - им - ся]

[25. Воз - лю - бил же князь, по - ста - вил на - до вси - ма то стар - шим то]

Напев М. С. Крюковой (в записи 1937—1938 гг.):⁴²

1. У то - го ливсё у морюшка у си - нё - го,

2. Вот у си - не - го у морюшка у че - р(ы)на - го,

3. У то - го ливсё у камешка у Ла - ты - ря,

⁴² Былины М. С. Крюковой. М., 1939. Т. 1. С. 725. «Микула и Илья» (расшифровка А. Гуменника и В. Кривоносова по магнитофонной звукозаписи). Тактировка отредактирована, напев транспонирован на 0,5 тона вверх.

$\text{♩} = 80$

4. У то - го ли у ерь - ба у бо - га - ты - р(и)ско - го,

5. Не два яс-ныхто со - ко - ловда тут сле - та - ло - се.

Последний вариант напева также имеет стабильную одностиховую композицию с опорой на тринадцатисложный слогоритмический период, который в данном случае приобретает своеобразный вид:

У то - го ли всё у мо - рюш - ка у си - нё - го

Необходимо отметить, что общность структуры слогоритмического периода в представленных различных конфигурациях оказывается одним из ведущих типологических признаков, позволяющих обнаружить родство архангельской и беломорских старин с напевами Кулоя, Мезени и Печоры. Связывает эти напевы и единство ладоинтонационных характеристик (квинтовая ладовая основа, сходный мелодический контур напева). Приведем наиболее близкие образцы.

*Напев А. В. Макуриной
(д. Дорогая Гора Мезенского у.
Архангельской губ. — Нижняя Мезень):⁴³*

$\text{♩} = 90$

1. Що востольнём бы-ло го - ро - ди во Ки - е - ви

⁴³ Былины: Русский музыкальный эпос... С. 242. № 46: «Данило Ловчанин и князь Владимир» (звукозапись А. Д. Григорьева, 1901 г., нотировано И. С. Тезавровским).

2. Да у лас-ко-ва кня-зя у Вла - ди - мё - ра

3. За-во - ди-лось пи-ро - вань-и - цё по - цесь - ё-н(ы)стол

4. Да про тех же бо - га - ты-рей мо - гу - ци-я.

Напев Е. Д. Садкова

(д. Немнюга, Средний Кулой):⁴⁴

$\text{♩} = 96$

1. Да на я-рость О - лё - шеньку По - по - ви - ча,

2. На у - хват-ку Доб - ры - нюш-ку да Ме - ки - ти-ча,

3. Да на си-лубы Сам-со - нада Ко - лы - ба - но-ва,

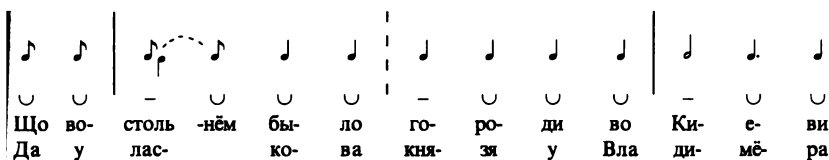
4. Да на сця-сьё ста - ро - го да Иль - и Му - ром-ца,

5. На каз - ну ту бы Сад-ко куп-ця да бо - га - то-го...

В основе приведенных напевов лежат изоморфные друг другу слогоритмические периоды (состоящие из 13 и 12 слогонов), общую модель которых можно представить следующим образом:

⁴⁴ Былины: Русский музыкальный эпос... С. 250. № 48: «Дюк Степанович и Чурила» (звукозапись А. Д. Григорьева, 1901 г., нотировано И. С. Тезавровским). Напев приводится не полностью.

Следует отметить, что особый вид слогоритмического периода и характерное мелодическое наполнение позволяют рассматривать архангельский напев в исполнении Б. В. Шергина в качестве самостоятельного варианта, представительного именно для территории устья Северной Двины.

ВОЛОГОДСКИЕ ЗЕМЛИ

При большом многообразии былинных текстов, собранных на протяжении двух веков в Вологодском крае, известны только две записи эпических напевов, с которыми исполнялись былины. Причем лишь один из них в полной мере можно считать вологодским — это напев в слуховой записи композитора С. М. Ляпунова, выполненной в 1893 г. от крестьянина Александра Ивановича Безвытного (67 лет) в слободе Раменской Бережно-Слободской волости Тотемского уезда⁴⁵ во время экспедиции, организованной Песенной комиссией Русского географического общества. Второй напев был записан неизвестным собирателем в 1903 г. в д. Серегово Яренского у. Вологодской области на р. Вымь (притоке р. Вычегды) — в крайней северо-восточной части бывшей Вологодской губ., которая располагается гораздо ближе к Сыктывкару, чем к Вологде, и ныне относится к территории Архангельской области.

Третий напев, который будет представлен в данном издании, не является по своей природе эпическим, относится к календарно-обрядовому фольклору — это напев «Виноградье, красно-зеленое», с которым исполнялся текст былины «Илья Муромец на Соколе корабле» (запись Ф. М. Истомина, С. М. Ляпунова, 1903 г., г. Великий Устюг — слобода Дымково).

Как сообщает Ф. М. Истомин, на всей обследованной экспедицией РГО в 1893 г. территории, охватывающей Вологодский, Тотемский, Сольвычегодский, Великоустюгский,

⁴⁵ На современной административной карте эта слобода, возможно, соответствует с. Раменье, расположенному в юго-восточной оконечности Тарногского района.

Никольский уезды Вологодской губернии и прилегающие уезды Вятской и Костромской губерний, проводился опрос о бытовании былин, но «при всей тщательности розысков», удалось сделать только одну запись. Оценка былины авторами записи оказывается неоднозначной. Во введении к сборнику Ф. М. Истомина отмечает: «Весьма интересная по новизне своего содержания, былина эта, повествующая о борьбе Ильи Муромца с царем Куркасом, к сожалению, не представляет, по мнению С. М. Ляпунова, большого интереса в музыкальном отношении».⁴⁶ Искушенный в области профессионального музыкального искусства композитор не смог в полной мере оценить достоинств архаичного эпического напева.

Образец напева № 1
(к тексту № 32 «Илья Муромец и царь Куркас»)⁴⁷

$\text{♩} = 144$

1. Иль - я Му - ро - мец да сын И - ва - но - виць

2. Он по - е - хал в цис - то по - ле

3. Лес - ни - ця - ти да паль - ни - ця - ти.

4. Подь - ез - жа - ет Иль - я Му - ро - мец да сын И - ва - но - виць

5. Ко сы - ру ду - бу да дуб - ров - но - му.

⁴⁶ Песни русского народа: Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году / Записали: слова — Ф. М. Истомин, напевы — С. М. Ляпунов. СПб., 1899. С. XII.

⁴⁷ Там же. С. 39—41. № 1. Напев разбит нами на строки, в соответствии с его структурой.

Напев из слободы Раменской обладает очень своеобразной, если не сказать уникальной формой. Это своеобразие связано с раскрепощенностью процесса повествования, не скованного какой-либо заданной структурой стиха или напева. Неустойчивая композиция стиха обусловлена постоянной изменчивостью слогочислительного показателя, который колеблется в широких пределах — от 6 до 17 слогов в строке. Столь же подвижный «мозаичный» напев складывается из кратких интонационно-ритмических ячеек (мотивов-попевок, соответствующих слову или парному словосочетанию — от 3-х до 6-ти слогов). При этом музыкальная интонация является буквальным «слепок» интонации речевой (полуговор-полупение). Вместе с тем, краткие интонационные зерна обладают относительной устойчивостью, что способствует конструктивной целостности напева и узнаваемости «музыкального облика» былины. В качестве формульных интонационно-ритмических единиц выступает пяти-сложник, опирающийся на стабильную метро-ритмическую основу и воплощающий обобщенную интонацию повествовательной речи (типичная интонационная волна):

Напев старины в целом имеет сложную многомерную строфическую композицию — это специфическая форма, так называемой, смысловой строфы или строфы-тирады, окончание которой выделено благодаря особой протяженности заключительного звука. Аналогичные способы организации эпических напевов встречаются и в других традициях. Рядом с напевом А. И. Безвытнава можно поставить следующие образцы:

Напев П. И. Рябинина-Андреева
(д. Гарницы Заонежского района — Сенная Губа).⁴⁸

$\text{♩} = 184$

1. Из то - го из го - рода из Кря - ко - ва

2. Из то - го ль се - ла да из Бе - рё - зо - ва,

3. Да из той из у - ли - цы Ро - га - ти - цы,

4. Из то - го ль по - дворь - я кня - же - нец - ко - го

5. Вы - ез - жал ду - род - ний доб - рый мо - ло - дец,

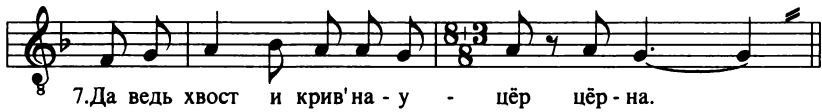
6. Мо - ло - дой Пе - тры й Пет - ро - вич ко - ро - лев - ский сын,

7. Вы - ез - жал в раз - доль - и - цо й чис - то по - лё...

⁴⁸ Былины: Русский музыкальный эпос... С. 85. № 11: «Королевичи из Крякова». Напев транспонирован на 0,5 тона вверх, тактировка отредактирована. Приводится фрагмент расшифровки.

Напев М. Г. Антонова (д. Усть-Низема
Лешуконского района — Средняя Мезень).⁴⁹

♩ = 112

⁴⁹ Там же. С. 208. № 36: «Три поездки Ильи Муромца». Тактировка изменена. Приводится фрагмент расшифровки.

Возможно, что такая разновидность каданса обусловлена общими свойствами приведенных напевов: развернутостью и нестабильностью композиции строфы, состоящей из 2-х или 3-х (иногда и более) стихов, а также общим характером произнесения текста в форме напевной декламации (полупение-полуговор).

Кроме сходства на уровне организации строфы, напев М. Г. Антонова обнаруживает общность с вологодским напевом в связи с особой ролью пятисложного слогоритмического звена. Возникают аналогичные в слогоритмическом отношении музыкально-поэтические строки, образованные по принципу сочленения двух пятисложных сегментов:

Напев М. Г. Антонова (строка 3):

Напев А. И. Безвытного (строка 5):

Однако вологодский напев оказывается более свободным и подвижным по своей структуре, нежели приведенные заонежский и мезенский образцы.

Возникает ключевой вопрос — насколько такой тип композиции характерен для местных певческих традиций Тарногского и соседних районов Вологодской области? Решение этого вопроса усложняется тем, что большинство известных по публикациям напевов духовных стихов (в том числе и образцы, записанные в слободе Раменской Тотемского уезда), а также напевы причитаний, зафиксированные на данной территории, обладают стабильной мелодико-ритмической структурой и имеют мало общего с былинным напевом А. И. Безвытного.⁵⁰

⁵⁰ См. напевы духовных стихов в сб.: *Песни русского народа...* С. 3—7, 26—28 (№ 1, 2, 6). Напевы причитаний из Тарногского и Тотемского районов опубликованы в сб.: 1) *Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И.* Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге

Привлечение архивных экспедиционных материалов Санкт-Петербургской консерватории и Вологодского педагогического университета позволяет по-новому осветить данную проблему. Необходимо отметить, что звукозаписи духовных стихов на территории Средней Сухоны очень немногочисленны и большинство из них выполнено именно в Тарногском районе: это духовные стихи «Вознесение Христово», «Страшный суд (грешные души)», «Как душа с телом расставалась», «Алексей, Божий человек», «Лазарь». Сопоставление различных напевов позволяет утверждать, что в данной традиции преобладает сказительская манера исполнения духовных стихов, при этом используются как стабильные в композиционном отношении, нередко мелодизированные типовые напевы, так и «мозаичные» напевы, имеющие форму строфы-тирады. Приведем примеры, которые обнаруживают общность с напевом былины «Илья Муромец и царь Куркас».

Одним из убедительных доказательств того, что строфа тирадного типа бытовала на Средней Сухоне, явилась запись духовного стиха «Алексей, человек Божий», осуществленная в д. Черняково Маркушевского с\с Тарногского района в 1975 г.⁵¹ Спустя 11 лет запись от той же исполнительницы (Вячеславовой Натальи Арсентьевны, 1911 г. рожд., из д. Милогорской) была осуществлена повторно экспедицией Вологодского педагогического университета. При сравнении этих двух записей обнаруживается, что, несмотря на кажущуюся неустойчивость и импровизационность исполнения, напев духовного стиха обладает рядом закономерностей, которые способствуют его сохранности (также, как и в напеве А. И. Безвытного, в качестве стабильных элементов выступают краткие интонационно-ритмические образования — попевки).

(Тарногский район Вологодской области) / Ред.-сост. музыкальной части А. М. Мехнецов. М., 1985; 2) Народные песни Вологодской области (по материалам студенческих фольклорных экспедиций): Песни средней Сухоны / Сост. А. Мехнецов. Л., 1981.

⁵¹ Коллекции экспедиционных материалов Ленинградской консерватории: ФЭЦ 529—08. Запись выполнена Ю. И. Марченко, 20.06.75. По словам исполнительницы, она запомнила напев духовного стиха от старушки Афанасьи, которая умерла около 50 лет назад.

Напев духовного стиха «Алексей, человек Божий»
(д. Черняково Тарногского района) в записи 1975 г.:

♩ = 108

Ты дай мне-ка, Гос - по-ди, сы-на, не то доч - ку,

При ста́ - рос-ти то лет на по - те - ше́ - ньё.

Е-му дал то ве-т(и) Гос - по-ди сы-на О-лек-си - я,

Он две-на́[д] - цеть ту го - ди-ков у - чй - в(ы)-се.

Мне ка на́ - да сы - на по - жё - ни - ти

на кня - зя - нй - де на Ка - те - ри - не.

О - лек - сий, ты це - ло-ви - цей Бо - жей,

по - це - му́ невос - ку - ша́ - ёшь,

Ку - ро - нось - ка - я це - ре-в(ы)на дане по мь-с(и)-лям,

да не по сэ - р(и)-цю.

Фрагмент записи 1986 г.⁵²

...Ку - ро - нось - ка - я ця - ре́в - на да не по мыс - лям,

да не по сэ - р(и) - цю.

У-ш(и)тык(ы) - ня - зя да Е - фимь - я - зя.

што у - шёл жё О - лек - сий - от

су мо - ря в ма - нас-тырь,

Го́с - по - ду Бо - гу мо - лить - це.

Кроме сходства общих принципов формообразования, отметим также общность интонационного строя напевов духовного стиха «Алексей, человек Божий» и былины «Илья Муромец и Царь Куркас» — в обоих случаях преобладающее значение имеет интонационная волна, обращенная от верхнего (квартового) к нижнему основному опорному тону.

⁵² Нумерация по аудио- и видеозаписи Лаборатории народного музыкального творчества Вологодского государственного педагогического университета: ЗАФ 283—10. Запись выполнена 21 сентября 1986 г. Авторы записи: Полуцистова О. А., Белова О. Ф.

Наибольшее родство с былинным напевом из слободы Раменской обнаруживает эпический напев из Бабушкинского района, с которым исполняются тексты небылицы («Что во городе-то было во Саратове выезжал пахать да сын на матери») и двух баллад («Вдова и девять сынов», «Жена мужа зарезала»). Этот напев записан в 1970 г. в ходе фольклорной экспедиции Санкт-Петербургской (Ленинградской) консерватории д. Шилово Кулибаровского с/с от Аксентьевой Таисии Максимовны.⁵³ В первую очередь, сходство с напевом былины проявляется в связи с особой ролью пятисложного интонационно-ритмического оборота, который лежит в основе напева из Бабушкинского района. Представляется весьма показательным тот факт, что, обладая устойчивыми типологическими свойствами, данный напев, вместе с тем, способен видоизменяться. С текстом небылицы он звучит более протяженно (удлиняется последний слог в пятисложном сегменте) и имеет стабильную композицию (двустиховая музыкально-поэтическая строфа). Когда же Т. М. Аксентьева исполняет текст баллады, в большей мере раскрывается сказительская основа напева — подвижными оказываются и интонационно-ритмический строй и композиция строфы, которая сближается с тирадной структурой (см. сокращенные строфы — 7, 9, 13).

*Напев небылицы «Что во городе-то было во Саратове»
(д. Шилово Бабушкинского р-на).⁵⁴*

$\text{♩} = 204$

Да вы-ез - жал па-хать да сын на ма - те - ре,

А род-ну ма - мень-ку да во ко - рень за-п-ряг.

⁵³ Запись осуществлена 4 июля 1970 г. в ходе фольклорной экспедиции Санкт-Петербургской (Ленинградской) консерватории. Авторы записи: Нетребко О., Фролов С., Наймарк. На момент записи Т. М. Аксентьевой было 74 года.

⁵⁴ ФЭЦ 292—23.

А род-ну ма - мень-ку да во ко - рень за-пруг,

А мо-ло - ду же-ну да во при - стя-жень-ки.

А мо - ло - ду же - ну да во при - стя-жень-ки,

Он род-ну ма - мень-ку, даконвит - нём хлес-нул.

Дақ род-ну ма - меньку, дақ он вит - нём хлес-нул,

А мо-ло - ду же-ну, дақ он свист - ком свио-нул.

А род-на ма - мень-ка да спо-тык- ну - ла - сё,

Да мо-ло - да же-на да рос-смех - ну - ла - сё.

Напев баллады «Что во городе было да в Киеве, а тут жила, была молода вдова» (д. Шилово Бабушкинского р-на).⁵⁵

$\text{♩} = 240$

1.[Што у го - ро-ди бы - ло да в Ки - е - ве]

...А тут жи - ла - бы - ла мо - ло - да вдо-ва.

2.У е - ё бы - ло де - вётъ сы-нов,

Да шо де - ся - та - я до - чи ми - ла-я.

3.Бы - ли три сы - на во ца - ре - ви - че,

Бы - ли три сы - на вко - ро - ле - ви-че.

4.Да бы - ли три сы - на вко - ро - ле - ви - че,

Да бы - ли три сы - на во роз - бой-нич - ках.

5.А шо од - на до - чи ми - ла - я,

Да о - на вы - да - на за мо - ря - ни-на.

6.Да о - на год жи - вёт, о - на два жи - вёт,

О - на на трётъ - ёй - от год со - скуш-ни-лась.

7. О - на на трётъ - ёй - от год со - скуш - ни-лась,

О - на по - шла вгос - ти к ма - те-ре.

8. Да о - на день и - дёт, о - на два и - дёт,

О - на на трётъ - ёй - от о - ста - но - ви - ла - сё.

9. О - на на трётъ - ёй - от о - ста - но - ви - ла - сё,

Да ка - шу ва - ри - ла.

10. А тут не - где взе - ли - сё три роз - бой - ни-чка,

О - не мо - ря - ни - на - то за - ре - за - ли.

11. О - не мо - ря - ни - на - то за - ре - за - ли,

Мо - ре - нё - но - чка в во - ду бро - си - ли.

12. Да мо - ре - нё - но - чка в во - ду бро - си - ли,

О - не мо - ря - ни - ху во по - лон взе - ли.

13. О - не мо - ря - ни - ху во по - лон взе - ли,

Да спать ло - жи - ли - сё.

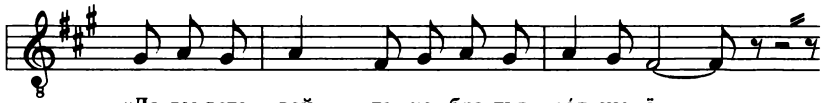
14. А дво - ё спать лег - ли, да трёт - ьей спра - ши - вал:

«Ты ку - да и - дешь, про - би - ра - ешь сё?»

15. «А я от - толь и - ду в гос - ти ма - те - ре».

«Да вы вста - вай - те - ко, бра - тья рód - ны - ё.

16. А вы вста - вай - те - ко, бра - тья рód - ны - ё,

Да шо не - лад - но с вам ведь на - де - ла-ли.

17. А мы не - лад - но с вам ведь на - де - ла - ли,

Да зя - тя род - но - ва мы за - ре - за - ли.

18. Да зя - тя род - но - ва мы за - ре - за - ли,

Да мо - ре - нё - но - чка в во - ду бро - си-ли».

Таким образом, эпические напевы, зафиксированные фольклорными экспедициями 1970—80-х гг. на территории Средней Сухоны, свидетельствуют о сохранности в местных традициях сказительского стиля музыкального повествования, закономерности которого были запечатлены около 100 лет назад в напеве былины «Илья Муромец и царь Куркас».

Напев былины «Идолище поганое» из д. Серегово Яренского уезда Вологодской губернии, в отличие от напева из слободы Раменской, имеет строгую и лаконичную одностиховую композицию:

Образец напева № 2⁵⁶

1. Скри - чал И - до - лиш-шо по - га - но - ё.

⁵⁶ Былины: Русский музыкальный эпос... С. 538. Напев приводится нами с незначительной корректурой тактировки.

2. Мать сы - ра зем - ля да ско - лы - ну - ла - ся,

3. Си - нё мо - реч - ке да ско - лы - ба - ло - ся,

4. Сы - ры ду - биш - ша да рос - ша - та - ли - ся.

При том, что внешне напев А. И. Безвытного и напев из д. Серегово не имеют сходства, наблюдается их внутреннее родство в связи с членением последнего напева на два сегмента, в основе которых также лежит пятисложник. Но при этом в образце из д. Серегово две краткие интонационно-ритмические ячейки оказываются согласованными в единой логике развития напева по принципу вопроса-ответной системы. Напев обладает относительно устойчивыми слогоритмическими показателями (с опорой на десяти- или одиннадцатисложный двухакцентный тонический стих), при этом слогоритмическая модель напева может быть представлена в следующем виде (для окончательных выводов недостаточно приведенных четырех строк напева):

При первой публикации этого напева авторы антологии «Былины: Русский музыкальный эпос» обращают внимание на свойственное ему специфическое мелодическое решение (сброс в первой попевке и обращенная вверх кадансовая интонация). В антологии приводится сопоставительная таблица, куда включено несколько эпических напевов со сходным музыкальным наполнением. Дополним этот обзор еще несколькими образцами:

Напев Ф. А. Конашкова
(д. Семеново Пудожского района):⁵⁷

1. На шос - той да не - де - ле, во чет - ве - рик,

2. Под-ни - мал - се И - сус да на не - бе - са...

Напев А. Стахеевой
(Каргопольский уезд Олонецкой губернии):⁵⁸

1. Как хо - дил, гу - ля-л(ы) До-бры-нюш-ка по го - ро - ду,

2. Как хо - дил, гу - ля-л(ы) Ни - ки - тич по Ки - е - ву,

3. Как До - бры-нюш-ки то ма - туш - ка на - ка - зы-ва-ла...

Наибольшим сходством с былинной из д. Серегово в мелодическом отношении обладает напев, записанный на Средней Печоре:

⁵⁷ Эпические баллады и духовные стихи Обонежья в записях 1926—1934 годов / Публ. А. Ю. Кастрова // Из истории русской фольклористики. СПб., 1998. С. 429. № 11: «Вознесенье». Приводится фрагмент напева.

⁵⁸ Былины: Русский музыкальный эпос... С. 66. № 5: «Добрыня и Маринка». Село не указано. Приводится фрагмент напева. Напев транспонирован на 0,5 тона вверх.

$\text{♩} = 132$

1. [Рос] - ска - за-ти товам да про ма - ло-го,
2. Как про ма - ло-го да всё(й) у да - ло-го,
3. Доб - ра мо - лод-ца да Ва - си - л(и) - ё-ви-ча.
4. Час - то хо-дит Бутман да во ца - рё-в(ы) ка-бак,
5. Он по - мно - гупьёт да зе - ле - на ви - на.

При сопоставлении различных образцов становится очевидным, что мелодическое развитие напева по принципу «опрокинутой волны» обладает своими преимуществами: композиционная логика заключается в том, что обращенный вверх каданс звучит неустойчиво, возникает инерция дальнейшего движения вперед, стираются грани между стиховыми строками, что способствует текучести, непрерывности процесса повествования.

Что же касается композиционно-ритмических характеристик напева, то они указывают на родство не только с печорской, но и с мезенской традициями:

⁵⁹ Вильчук А. А., Власов А. Н., Захаров А. Н., Мехреньгина З. К. Памятники русского песенного эпоса в фольклорном архиве Сыктывкарского государственного университета // Русский фольклор: Эпические традиции. Материалы и исследования. СПб., 1995. Вып. 28. С. 281. № 1: «Бутман и Белый царь». Приводится фрагмент напева.

$\text{♩} = 66$

1. По - ды - ма - лось чу - ди - шё не ма - ло - ё,
2. Да как(ы)не ма - ло - ё да не ве - ли - ко - ё,
3. Да го - ло - ва у не-го да как пив - ной ко-тёл...

Таким образом, можно предположить, что на р. Вычегде в Яренском уезде некогда существовала былинная традиция, родственная в музыкально-стилевом отношении традициям Мезени и Печоры.

Великоустюжский напев «Винограды, красно-зеленое» в сборнике Ф. М. Истомина и С. М. Ляпунова «Песни русского народа...» приводится дважды с очень незначительными изменениями: первый раз с обычным колядным текстом, второй — с текстом былины «Илья Муромец на Соколе корабле». Озаглавлен напев — «Малое винограды».

Образец напева № 3 (к тексту № 37 «Сокол-корабль»)⁶¹

$\text{♩} = 88$

Уж как по мо-рю, мо - рю, по си - не - му,
Ви - но - гра - ды кра-сно-зе-ле - но - е!

⁶⁰ Былины: Русский музыкальный эпос... С. 224. № 40: «Татарское нашествие». Приводится фрагмент напева.

⁶¹ Песни русского народа... С. 47. № 3. Тактировка изменена.

Напев и оба текста были записаны от кровельщика И. Ф. Говорова, проживающего в пригородной слободе Дымково (под Великим Устюгом).

Представляется весьма показательным для истории местных культурных традиций опубликованный в том же сборнике вариант напева, записанный в д. Бобровское Великоустюжского уезда (ныне — Нюксенский район). Очень важным является тот факт, что запись выполнена от мужского ансамбля: поют крестьяне Ксеннофонтий Васильевич Перевалов, 44 лет, Афанасий Васильевич Перевалов, 53 лет, «с 14 товарищами».⁶² По сравнению с образцом из слободы Дымково, этот напев более развит в ладовом и мелодическом отношении, имеет усложненную многоголосную фактуру, поется в медленном темпе (отсюда заголовок — «Великое виноградь»). Исполняется «Великое виноградь» с текстом исторической песни о выкупе патриарха Филарета из плена.

*Напев «Великого виноградь»
(д. Бобровское):*

Се - ре - ди силь - на цяр - ства Рос - сей - ско - во,
Ви - но - гра - дье кра - сно зе - ле - но - е!

Интересно, что по сложности многоголосной ткани этот вариант превосходит даже сибирские версии «Виноградий», при том, что сибирский певческий стиль славится насыщенностью, сочностью фактуры.

⁶² См.: Песни русского народа... С. 269.

Напев «Виноградья»
(г. Енисейск):⁶³

$\text{♩} = 112$

1. Как по мо-рю, мо-рю, мо-рю, мо-рю си-не-му.
Ви-но-гра-дье кра-сно зе-ле-но-е.

2. Хо-дил, гу-лял Со-кол ко-рабль.
Ви-но-гра-дье кра-сно зе-ле-но-е.

Возможно, что широкий диапазон напева (в вологодском варианте - секста, в енисейском - децима), развитый характер многоголосия, как и сам факт исполнения текста былины или исторической песни на календарно-обрядовый напев, обусловлены принадлежностью этих форм к мужской певческой традиции.

Как показывают экспедиционные исследования последних лет, традиция обхода дворов с рождественской звездой и пением «Виноградья» была распространена еще недавно во многих деревнях, расположенных от устья реки вверх по Сухоне (в том числе и в Великоустюгском, и в Нюксенском районе).⁶⁴ В Тарногском районе исполнение «Виноградий» с тек-

⁶³ Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока /Сост. Ю. И. Смирнов. Новосибирск, 1991. С. 119. № 42а: «Илья Муромец на Соколе-корабле» (магнитофонная запись и расшифровка А. М. Мехнецова, 1977 г.). Тактировка изменена.

⁶⁴ Об этом свидетельствуют материалы экспедиций Санкт-Петербургской консерватории и Вологодского педагогического университета.

стами величания включено в свадебный обряд.⁶⁵ В исполнении «Виноградий», по комментариям жителей деревень, в последние годы принимали участие только женщины или дети. При этом былинный сюжет «Илья Муромец на Соколе корабле», так же как и сюжет исторической песни (о выкупе патриарха Филарета) не были зафиксированы.

В ходе совместной экспедиции Фольклорно-этнографического центра (Санкт-Петербург) и Вологодского педагогического университета в 1989 г. была осуществлена запись «Виноградья», связанного с рождественским обходом дворов, непосредственно в д. Бобровское Нюксенского района от женского ансамбля. По сравнению с записью Ф. М. Истомина и С. М. Ляпунова, в современном варианте исполнения воспроизводится упрощенный скорый вид напева «Виноградья», который в большей степени оказывается сходен с образцом из слободы Дымково (особенно интересно, что эти два напева опираются на единую модель ладового развития — см. припевный раздел):

*Напев «Виноградья»
(д. Бобровское, запись 1989 г.):⁶⁶*

♩ = 132

Ви - но - градь - ё крас - но-зе - лё - но - ё.

Уж мы хó-дим-те, ре - бя-та, по крем - лё-вым го-ро-дам, да

⁶⁵ См.: *Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И.* Русская свадьба... С. 285—287 (публикация напева и текстов).

⁶⁶ ФЭЦ 2928—21. Исполнители: Короткая Анна Григорьевна, 1902 г.р., Коптяева Анна Константиновна, 1904 г. р., Куваева Любовь Николаевна, 1910 г. р., Коншина Анна Матвеевна, 1907 г. р., Короткая Любовь Ефимовна, 1917 г. р. Авторы записи: Мехнецов А. М., Лобкова Г. В., Получистова О. А., 19 сентября 1989 г.

Приведем также наиболее близкий в географическом отношении к напеву из слободы Дымково вариант современной экспедиционной записи «Виноградъ» из Великоустюгского района:

Напев «Виноградъ»

(д. Королёво Красавинской с\а, запись 1999 г.):⁶⁷

⁶⁷ Нумерация по аудио- и видеозаписи Лаборатории народного музыкально-го творчества Вологодского государственного педагогического университета: ЗАФ 1669—15. Запись выполнена 10 июля 1999 г. Исполняет: Плотникова

Ви - но - градь - ё крас - но-зе-лё - но - ё.

Да - ле - ко в сто-ро-не, вы-со - ко на го-ре,

Ви - но - градь - ё крас - но-зе-лё - но - ё.

Круг э - то-ва дво - ра тра - ва - му-ра-ва,

Ви - но - градь - ё крас - но-зе-лё - но - ё.

В рамках данного издания мы опускаем подробный анализ напевов «Виноградий», поскольку они не имеют прямого отношения к традиции эпического повествования.⁶⁸

Вместе с тем, отметим, что естественность и простота формы, возникшей в результате слияния текста былины «Илья Муромец на Соколе корабле» и календарно-обрядового напева, возможно, обусловлена общностью принципов организации музыкально-поэтических строк, проявляющейся на уровне слогоритмических периодов, которые оказываются изоморфными:

Лидия Ильинична, 1910 г. р. (родом из д. Скорняково). Авторы записи: Комягина О. Н., Лухнева Н. Ю., Смирнова Э. В.

⁶⁸ Многостороннему исследованию «Виноградий» посвящена специальная статья, см.: Бернштам Т. А., Лапин В. А. Виноградье — песня и обряд // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. С. 3—109.

а) *распев былинной строки:*

1. Уж как по мо-рю, мо-рю по си-не-му...
 3. Тут хо-дил гу-лял Со-кол ко-рабль...
 5. Што на я-ко-рях Со-кол ко-рабль не ста-и-вал...

б) *распев колядной строки:*

1. Уж мы хо-дим мы хо-дим по Крем-лю го-ро-ду...
 3. Гос-по-ди-нов двор на се-ми вер-стах...
 12. Се-ре-ди то-во дво-ра да тут три те-ре-ма сто-ят...

Обнаруживается сходство слогоритмической модели былины «Илья Муромец на Соколе корабле», исполняемой на напев «Виноградья», с анализируемыми в предыдущем разделе образцами «скорого» распева эпических текстов (старины «Про Алешу Поповича», «Садко»). Слогоритмический период, соответствующий распеву колядного текста на напев «Виноградия», в то же время, совпадает с моделью плясового восьмидольника, основанной на сочленении четырех равных метроритмических звеньев. Возникает вопрос — насколько закономерной является такая изоморфность структуры музыкально-поэтического стиха «скорой» былины, с одной стороны, и колядного и плясового напевов, с другой? На наш взгляд, это сходство не связано с изначальной общностью напевов, а является результатом самостоятельного развития традиции «скорого» пропевания былинных текстов, основанной на формах декламации-скандирования, т. е. использующей ту же систему музыкально-стилевых средств, на которую опираются и обрядово-заклинательные, и плясовые песни.

ПЕРМСКИЙ И ВЯТСКИЙ КРАЙ

Образец напева № 1

(к тексту № 58 «Былина-баллада о Марье Юрьевне»)

Как во слав-ном бы - ло го - ро - де во гре - че - ском.

Единственный напев, который представляет обширную территорию Пермской и Вятской земель был записан в 50 км южнее от Екатеринбурга в п. Полевском в 1871 г. Это слуховая запись П. М. Вологодского от 60-летней крестьянки Афанасьи Ушаковой, которая в молодости переняла его от 80-летней старушки из с. Полднеевое (около 18 км от Полевского). Таким образом, «обозримая» история существования напева восходит к началу XIX века.

Напев А. Ушаковой может выступать в качестве обобщенного символа русского напевного сказительского стиля. В нем запечатлены основные свойства — типологические признаки напевов, распространенных на всем Русском Севере и Северо-Востоке: начиная с Обонежья и заканчивая сибирскими регионами. В ряду таких характеристик: трехакцентный тринадцатисложный тонический стих; свойственный сказительскому стилю особый характер метро-ритмики с опорой на троичные ритмические группы (произнесение «на растяг»); квинтовая ладовая основа; мелодический рисунок, основанный на плавном, слегка «покачивающемся» движении от вершины к основному тону.

Основной вопрос, который возникает при анализе данного напева — насколько стабильной является его композиция в тех случаях, когда количество слогов в строке сокращается до 10—11 (см., например, строки 22—30)? Возможны принципиально разные решения данной проблемы: за счет стяжения мелких длительностей в крупные или за счет сокращения общей продолжительности напева.

а)

б)

Если остановиться на последнем варианте, который действительно кажется более предпочтительным, то обнаружится, что по своим композиционно-ритмическим характеристикам напев из-под Екатеринбурга оказывается родственным

обонежским и пудожским напевам с подвижной временной протяженностью музыкальной строки.

Напев А. Ушаковой(реконструкция):

20."Ужты вой е - си, да царь Бо - рис Ми - хай - ло - вич!

21.От-пус- ти ме - ня, ца - ри - цу Марь - ю Юрь - ев - ну,

22.На Ду - най ре - ку да по - ку - па - ти - ся

23.В зе - ле - ных лу - гах раз - гу - ля - ти - ся

24.А со нень - ка - ми ме - ня, со мань - ка - ми,

25.А со цар - ски - ми ме - ня со дев - ка - ми"

26.И по - шла же де ца - ри - ца Марь - я Юрь - ев - на...

Напев Ф. А. Конашкова
(с. Семеново Пудожского района).⁶⁹

$\text{♩} = 184$

1. Акак во столь-нѣ-ѣм во го-ро-де во Ки-е-ве

2. Да у кня-зя то да у Вла-ди-ме-ра

3. А вел-ся про-дол-жал-ся то да кня-же-нец-кий пер

4. А_с силь-ны-ма мо-гу-чи-ма бо-га-тырь-ма.

5. А как Иль-ю-шень-ки на пер то да не поз-ва-ли,

6. Да от-кры-вал Иль-ю-шень-ка да свой по-чест-ной пер.

В то же время напев А. Ушаковой имеет много общего с одним из формульных напевов из сборника Кирши Данилова.

Напев Кирши Данилова (реконструкция).⁷⁰

1. Как из слав-но-ва го-рода из Ки-е-ва

⁶⁹ Былины: Русский музыкальный эпос.... С. 59. № 3: «Илья Муромец и князь Владимир». Приводится фрагмент напева. Тактировка изменена.

⁷⁰ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977. С. 333: «Илья ездил с Добрынею» (см. тот же напев — с.330).

2. По - ез - жа - ли два мо - гу - чи - е бо - га - ты - ри:

3. По - ез - жал Иль - я Му - ро - мец

4. Со сво - им бра - том на - зва - ны - ем,

5. С мо - ло - дым Добры - не - ю Ни - ки - ти - чем.

При том, что на территориях, расположенных южнее по реке Урал преобладают песенные формы эпоса (так называемые «былинные песни»), характерные для традиции уральского казачества,⁷¹ напев А. Ушаковой, имеющий сказительскую основу, является бесценным свидетельством глубоких исторических корней местных культурных традиций.

⁷¹ Песенные формы уральских былин представлены в публикациях: 1) Былины: Русский музыкальный эпос... С. 413—417; 2) *Коротин Е. И., Щуров В. М.* Не один казак гулял: Фольклорный ансамбль уральских казаков. Уральск, 1991. С. 15; 3) Песни уральских казаков / Запись, нотирование, сост., вступ. ст. и коммент. Т. И. Калужниковой. Екатеринбург: Сфера, 1998. С. 115—122; 4) *Коротин Е. И., Коротин О. Е.* Устное поэтическое творчество уральских (яицких) казаков (Антология). Самара; Уральск, 1999. Ч. 1. Песенное творчество. С. 339—341.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Аф. 1-е изд. — Народные русские сказки / Издал А. Н. Афанасьев. М., 1855—1863. Вып. 1—8.
- Аф. — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева / Изд. подгот. Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков. М., 1984—1985. Т. 1—3.
- БНИНЗ — Былины новой и недавней записи из разных местностей России / Под ред. В. Ф. Миллера, при ближайшем участии Е. Н. Елеонской и А. В. Маркова. М., 1908.
- БПиЗБ — Былины Печоры и Зимнего берега (новые записи) / Изд. подгот. А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов. М.; Л., 1961.
- Гильф. — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. 4-е изд. / Подгот. текста и коммент. А. И. Никифорова и Г. С. Виноградова. М.; Л., 1949—1951. Т. 1—3.
- ГЛМ, ФА — Государственный литературный музей, Фольклорный архив (Москва).
- инв. — инвентарный номер.
- ИРЛИ, ФА — Институт русской литературы (Пушкинский Дом), фонограммархив (Петербург).
- Ист.-Ляп. — Песни русского народа: Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году / Записали: слова — Ф. М. Истомина, напевы — С. М. Ляпунов. СПб., 1899.
- к. — коллекция, коробка.
- КД — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Подгот. А. П. Евгеньева, Б. Н. Путилов. М., 1911.
- Кир. — Песни, собранные П. В. Киреевским. 2-е изд. / Изданы Обществом любителей российской словесности. М., 1868—1874. Т. 1—10.
- Косвинцев — *Марков А. В.* Былины, записанные в Пермской губернии // Этнографическое обозрение. 1899. Кн. 43, № 4. С. 90—94. — Записи Е. Н. Косвинцева.
- Крюк. — Былины М. С. Крюковой / Записали и комментировали Э. Бородина и Э. Липец. М., 1939—1941. Т. 1—2.
- л. — лист.
- Марк. — Беломорские былины, записанные А. В. Марковым. М., 1901.

маш.	— машинопись.
МГУ	— Московский государственный университет, архив кафедры фольклора.
оп.	— опись.
п.	— папка.
РГАЛИ	— Российский государственный архив литературы и искусства. (Москва)
РГБ	— Российская государственная библиотека (Москва).
РГО	— Русское географическое общество (Петербург).
РНБ	— Российская национальная библиотека (Петербург).
РО ИРЛИ	— Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) (Петербург).
Рыбников. 1-е изд.	— Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1861. Ч. 1; М., 1862. Ч. 2; Петрозаводск, 1864. Ч. 3; СПб., 1867. Ч. 4.
Рыбников. 2-е изд.	— Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1909—1910. Т. 1—3.
Рыбников. 3-е изд.	— Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / Изд. подгот. А. П. Разумова, И. А. Разумова, Т. С. Курец; Под ред. Б. Н. Путилова. Петрозаводск, 1989—1991. Т. 1—3.
Серебренников	— <i>Серебренников В. Н.</i> Из Оханского фольклора // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1924. Вып. 1. С. 62—63.
Сок.	— Сказки и песни Белозерского края / Записали Б. М. и Ю. М. Соколовы. СПб., 1915.
СУС	— Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.
тетр.	— тетрадь.
ф.	— фонд.
ФЭЦ	— Фольклорно-этнографический центр (Петербург).

Татьяна Григорьевна Иванова
«МАЛЫЕ» ОЧАГИ СЕВЕРНОРУССКОЙ
БЫЛИННОЙ ТРАДИЦИИ
исследование и тексты

Технический редактор Н. Ф. Соколова
Художник Ю. П. Амбросов

Издательство «Дмитрий Буланин»

ЛР № 061824 от 11.03.98

Подписано к печати 15.10.01
Формат 60×90 ¹/₁₆ Бумага офсетная
Печать офсетная. Гарнитура Школьная
Печ. л. 28.5. Уч.-изд. л. 29
Тираж 500. Заказ № 4381

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, С.-Петербург, 9 линия, 12

Заказы присылать по адресу
«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
199034, С.-Петербург,
наб. Макарова, 4
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон: (812) 235-15-86
Телефакс: (812) 346-16-33
E-mail: bulanina@nevsky.net